

ISSN 2311-2174

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

EDUCATION MANAGEMENT REVIEW

2025

№ 7-2

Главный редактор журнала

Анисимов Петр Федорович – доктор экономических наук, профессор, государственный советник РФ 1 класса, советник ректората, руководитель дирекции по управлению и развитию кампуса, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия.

Заместитель главного редактора

Забайкин Юрий Васильевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры автоматизации технологических процессов Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия.

Ответственный редактор

Треулова Елена Сергеевна – International Advisory Committee, Tallinn, Estonia, EU.

Редакционная коллегия

Хлебосолова Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры экологии и природопользования, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Шаронин Юрий Викторович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры профессионального образования, Центр развития профессионального образования, Академия социального управления, Мытищи, Россия.

Неустроев Сергей Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, советник ректората, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

Болотов Виктор Александрович – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, научный руководитель института образования, НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Бондырева Светлана Константиновна – доктор педагогических наук, профессор, почетный президент, профессор кафедры психологии и педагогики образования, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия.

Собкин Владимир Самуилович – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры психологии личности, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Федорчук Юлия Михайловна – доктор экономических наук, профессор, Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия.

Красавина Екатерина Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Заернюк Виктор Макарович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики минерально-сырьевого комплекса (МСК), Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Силаков Алексей Викторович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры коммерции и сервиса, проректор по науке, РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия.

Силакова Вера Владимировна – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия.

Зинченко Людмила Анатольевна – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ИУ4 «Конструирование и технология производства электронной аппаратуры», Московский государственный технический университет им. Баумана, Москва, Россия.

Калинин Александр Ростиславович – доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры оценочной деятельности, университет «Синергия», Москва, Россия.

Гаджимирзоев Гаджимирзе Иразиевич – старший преподаватель кафедры экономики и финансов, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Битус Евгений Иванович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной механики и инжиниринга технических систем, Российский биотехнологический университет, Москва, Россия.

Шайлиева Марина Магомедовна – кандидат технических наук, доцент, директор института экономики, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Каурова Ольга Валерьевна – доктор экономических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе, Российский университет кооперации, Москва, Россия.

Владимирова Ирина Геннадьевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Колобкова Анастасия Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Российский университет кооперации, Мытищи, Россия.

Аубакирова Рахила Жуматаевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Торайгыров Университет, Павлодар, Республика Казахстан.

Алгожаева Нурсулу Сеиткеримовна – доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент кафедры педагогики и образовательного менеджмента факультета философии и политологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Астана, Республика Казахстан.

Майгельдиева Шарбан Мусабековна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Кызылординский университет им. Коркыт ата, Кызылорда, Республика Казахстан.

Длимбетова Гайни Карекеевна – доктор педагогических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Абенова Саулет Уразбековна – PhD, старший преподаватель, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Курманбаев Рахат Хамитович - кандидат биологических наук, ассоциированный профессор, кафедра «Биология, география и химия», Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Республика Казахстан.

Исакулова Нилуфар Жаникуловна – доктор педагогических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан.

Рахмонов Азизхон Боситхонович – доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан.

Бобков Александр Николаевич - доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия.

Василькова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Волков Валерий Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела развития образования комитета по образованию, Правительство Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.

Диденко Валерий Дмитриевич - доктор философских наук, профессор кафедры философии, Государственный университет управления, Москва, Россия.

Зевелева Елена Александровна – кандидат исторических наук, профессор, член Союза писателей России, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Кушель Евгений Семенович - кандидат философских наук, доктор экономических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Лапин Дмитрий Геннадиевич – кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела управления образовательными проектами, Газпром корпоративный институт, Москва, Россия.

Лютягин Дмитрий Владимирович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры производственного и финансового менеджмента, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Машкин Дмитрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент, руководитель направления, акционерное общество «Русатом Энерго Интернешнл» (АО «РЭИН»), Москва, Россия.

Молчанов Сергей Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, директор филиала в г. Санкт-Петербурге, Институт управления образованием Российской академии образования, Санкт-Петербург, Россия.

Попов Борис Николаевич - доктор философских наук, профессор кафедры СГН2 (социология и культурология), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия.

Соболевская Татьяна Григорьевна – аудитор, член института профессиональных бухгалтеров России, аудитор стартапов и бизнес-сообществ, Москва, Россия.

Чернякин Владимир Геннадиевич - кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Всероссийский государственный университет юстиции, Москва, Россия.

Чечель Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Чистякова Наталья Александровна – эксперт-лингвист, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия.

Вань Цзы – доктор наук клинической медицины, Университет Чжуншань имени Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай.

Ли Бинь – доктор менеджмента, Университетский институт Лиссабона, Лиссабон, Португальская Республика.

Цзян Куньчэн – доктор делового администрирования, Университет информационных технологий и менеджмента, Жешув, Польша.

Чунг Ка Юэ – доктор делового администрирования, Школа бизнеса имени Уильяма Эдвардса Деминга, Университет Уильяма Говарда Тафта, Колорадо, Денвер, США.

Ван Шицзе – доктор делового администрирования, Университет лазурного берега, Ницца, Франция.

Лу Янь – Доктор финансов, Институт Нилла, Новая Иберия, Луизиана, США.

Цяо Цзюань – Доктор юридических наук, Сычуаньский университет, Сычуань, Китай.

Лян Хай - доктор технических наук, Университет Чхонджу, Чхонджу, Южная Корея.

Сюй На - доктор психологии, институт Нилла (Новая Иберия), Лафайетт, США.

Син Яньхуа - Доктор педагогических наук в области управления образованием, Университет Хосе Ризаля, Мандалуйонг, Метро Манила, Филиппины.

Цуй Яньюань - доктор экономики, институт Нилла (Новая Иберия), Лафайетт, США.

Лян Хуаньчжэнь - Доктор педагогических наук в области управления образованием, Университет Хосе Ризаля, Мандалуйонг, Метро Манила, Филиппины.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Егор Григорьевич Анашкин Проектирование процесса обучения будущих режиссеров кино и телевидения на основе нарративного подхода	11
Зинаида Михайловна Чернова, Марина Вячеславовна Петрушова, Людмила Петровна Лунева Формирование языковой личности студента в современном образовательном пространстве: теоретические основания и практические решения	20
Ивонна Александровна Дежур Психолого-педагогические аспекты адаптации молодого учителя к профессиональной деятельности в условиях современной школы	31
Мария Прокопьевна Сидорова Профессионально-ориентированные стратегии обучения студентов-билингвов работе с поликодовыми текстами в педагогических колледжах	41
Разамбек Русланович Пихаев, Далгат Муратович Гаджиев, Эмир Русланович Цицкиев, Аслан Адланович Бетмирзаев Влияние физической активности на когнитивные функции организма	51
Диана Дмитриевна Лоншакова, Амина Амангельдыевна Сарсикеева, Анна Евгеньевна Чернова Когнитивно-дискурсивный подход к преподаванию синтаксиса русского языка: нейролингвистические основы и педагогические практики	61
Елена Владимировна Филиппова Реализация культурно-деятельностного подхода в процессе формирования ценностно-смысловых ориентиров обучающихся вуза на занятиях по основам православной культуры	74

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Татьяна Евгеньевна Могилевская, Дмитрий Ринатович Гареев, Байрамгельды Муджевурович Сапаров, Ислам Мамед Оглы Джолиев, Александр Анатольевич Карапузиков Стратегия планирования учебно-тренировочного процесса в образовательных организациях высшего образования	84
Инна Алексеевна Андреева, Ольга Николаевна Егорова Сравнительный анализ эффективности использования геймификации и искусственного интеллекта в развитии критического мышления будущих учителей английского языка в условиях цифровизации образования	96

DATA SCIENCE В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

- Илья Вадимович Самарин, Роман Леонардович Барашкин,
Владимир Ефимович Попадько, Дмитрий Юрьевич Штригель,
Данил Александрович Садчиков
Конкурентно-ориентированные образовательные технологии в подготовке
специалистов топливно-энергетического комплекса: опыт всероссийской
олимпиады по автоматизации и информатизации 106
- Илья Артемович Жигульский
Правовые и этические аспекты обеспечения безопасности персональных
данных учащихся при повсеместном переходе образовательных учреждений
на электронные сервисы 118
- Виктор Петрович Часовских, Урмат Тологонович Аттокуров,
Елена Викторовна Кох
Искусственный интеллект в разработке 3D-навигации и систем онлайн-
передачи информации сайта университета 130
- Мария Прокопьевна Сидорова
Интеграция мультимедийных технологий в процесс обучения текстам новой
природы в педагогическом колледже 140
- Анастасия Константиновна Перельман
Инструменты и подходы к построению вовлекающей образовательной среды в
онлайн-обучении 150

НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИКЕ

- Сергей Николаевич Кипреев, Мария Николаевна Гирник,
Светлана Иосифовна Соболевская, Денис Олегович Рябыкин
Воспитательный потенциал современной живописи для духовно-нравственного
развития курсантов образовательных организаций МВД России 159

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБРАЗОВАНИЯ

- Цзюань Ван, Сыци Чжоу
Сравнительный анализ обращений в китайском и русском языках 170
- Цзюнь У
Тенденции развития школьного иноязычного образования в контексте
международных образовательных стратегий Китая и России 178
- Лили Чэнь, Сюэ Дун, Хуэйцзюань Се
Уверенность в культуре как основа инновационной практики идеологического и
политического образования в колледжах и университетах Китая 186

Яньдзинь Ду Формирование системы музыкального образования в Китае во второй половине XX – начале XXI века	195
Юетун Лу Исследование модели воспитания патриотизма в начальных и средних школах с точки зрения международного сравнительного анализа	203
Юйсюань Цзинь Интеграция элементов китайской традиционной музыки в современную систему музыкального образования	211
Хаи Чен Специфика интерпретации фортепианных сонат Йозефа Гайдна в контексте современной педагогики	218
Юетун Лу Роль школы в патриотическом воспитании школьников России и Китая	227
Вэнвэн Чэнь Особенности обучения игре на гучжэне в Китае	235
Ли Динхуань Исследование влияния сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии на обучение китайскому языку в регионе Центральной Азии	243
Линь Юй Роль консультантов колледжа в воспитании сознательности китайского национального сообщества и изучении пути выполнения своих обязанностей	253

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей Андреевич Дмитриев, Светлана Станиславовна Бетанова, Светлана Алексеевна Дмитриева К вопросу о психолого-педагогической характеристике личности и поведения типичного школьного буллера	262
Галина Анатольевна Кувшинова Варианты преобразования системы дизайн-образования в условиях реформирования высшего образования	273
Мария Прокопьевна Сидорова Особенности методики преподавания текстов новой природы в системе среднего профессионального педагогического образования	283
Наурбек Магомеднабиевич Нуцалов, Магомед Шахбанович Магомедов, Кемран Арсенович Салаватов, Эмир Русланович Цицкиев Влияние ментальных стратегий на спортивную результативность и управление стрессом у спортсменов	292

CONTENTS

PROFESSIONALIZATION OF MANAGEMENT EDUCATION

Egor G. Anashkin Designing the learning process for future film and television directors based on a narrative approach	11
Zinaida M. Chernova, Marina V. Petrushova, Lyudmila P. Luneva Formation of a student's linguistic personality in the modern educational space: theoretical foundations and practical solutions	20
Yvonne A. Dezhur Psychological and pedagogical aspects of the adaptation of a young teacher to professional activity in a modern school	31
Maria P. Sidorova Professionally-oriented strategies for teaching bilingual students how to work with polycode texts in teacher training colleges	41
Razambek R. Pihaev, Dalgat M. Gadzhiyev, Emir R. Tsitskiev, Aslan A. Betmirzaev The effect of physical activity on the cognitive functions of the body	51
Diana D. Longshakova, Amina A. Sarsikeeva, Anna E. Chernova A cognitive-discursive approach to teaching Russian syntax: neuro-linguistic foundations and pedagogical practices	61
Elena V. Filippova The implementation of a cultural-activity approach in the process of forming the value-semantic orientations of university students in classes on the basics of Orthodox culture	74

TECHNOLOGIZATION OF THE PEDAGOGICAL PROCESS

Tatiana E. Mogilevskaya, Dmitry R. Gareev, Bayramgeldy M. Saparov, Islam M. Oglu Joliev, Alexander A. Karapuzikov The strategy of planning the educational and training process in educational institutions of higher education	84
Inna A. Andreeva, Olga N. Egorova Comparative analysis of the effectiveness of using gamification and artificial intelligence in the development of critical thinking of future English teachers in the context of digitalization of education	96

DATA SCIENCE IN THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL SPACE

- Ilya V. Samarin, Roman L. Barashkin, Vladimir E. Popadko, Dmitry Yu. Strigel,
Danil A. Sadchikov
Competitively oriented educational technologies in the training of specialists in the
fuel and energy complex: the experience of the All-Russian Olympiad on automation
and Informatization 106
- Ilya A. Zhigulsky
Legal and ethical aspects of ensuring the security of students' personal data in the
widespread transition of educational institutions to electronic services 118
- Victor P. Chasovskikh, Urmat T. Attokurov, Elena V. Koh
Artificial intelligence in the development of 3D navigation and online information
transmission systems on the university's website 130
- Maria P. Sidorova
Integration of multimedia technologies into the process of teaching texts of a new
nature in a pedagogical college 140
- Anastasia K. Perelman
Tools and approaches to building an engaging educational environment in online
learning 150

NEW MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN PEDAGOGY

- Sergey N. Kipreev, Maria Nikolaevna Girnik, Denis O. Ryabykin
The educational potential of modern painting for the spiritual and moral development
of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 159

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

- Juan Wang, Siqi Zhou
Comparative analysis of appeals in Chinese and Russian 170
- Jun Wu
Trends in the development of foreign language school education in the context of
international educational strategies of China and Russia 178
- Lily Chen, Xue Dong, Huijuan Xie
Confidence in culture as the basis for the innovative practice of ideological and
political education in colleges and universities in China 186
- Yangjin Du
The formation of the music education system in China in the second half of the 20th
– early 21st century 195

Yuetong Lu A study on the patriotic education model in primary and secondary schools from an international comparative perspective	203
Yuxuan Jin Integration of elements of Chinese traditional music into the modern system of music education	211
Xi Chen The specifics of interpreting Joseph Haydn's piano sonatas in the context of modern pedagogy	218
Yuetong Lu The role of schools in children's patriotic education in Russia and China	227
Wenwen Chen Features of teaching to play the guzhen in China	235
Li Jinghuan The study of the impact of the China – Central Asia community of shared future on Chinese language learning in the Central Asian region	243
Lin Yu The role of college counselors in fostering awareness of the Chinese national community and learning how to fulfill their responsibilities	253

APPLIED RESEARCH

Alexey A. Dmitriev, Svetlana S. Betanova, Svetlana A. Dmitrieva On the issue of the psychological and pedagogical characteristics of the personality and behavior of a typical school buller	262
Galina A. Kuvshinova Options for the transformation of the design education system in the context of higher education reform	273
Maria P. Sidorova Features of the methodology of teaching texts of a new nature in the system of secondary professional pedagogical education	283
Naurbek M. Nutsalov, Magomed Sh. Magomedov, Kemran A. Salavatov, Emir R. Tsitskiev The influence of mental strategies on athletic performance and stress management in athletes	292

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проектирование процесса обучения будущих режиссеров кино и телевидения на основе нарративного подхода

Егор Григорьевич Анашкин

Аспирант

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

eganash@yandex.ru

ORCID 0009-0007-9866-7776

Поступила в редакцию 05.06.2025

Принята 15.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 37.032.3

DOI 10.25726/j6968-9004-2851-p

EDN BXAAVN

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье обосновывается актуальность применения нарративного подхода в профессиональной подготовке будущих режиссеров кино и телевидения. Рассматривается его сущность как педагогической технологии, основанной на интеграции анализа повествовательных структур и практико-ориентированного обучения. Представлена модель образовательного процесса, включающая изучение теории сторителлинга, разработку сценариев, проектную работу над короткометражными фильмами, а также использование современных цифровых технологий (VR, искусственный интеллект, интерактивные симуляции). Подчеркивается, что нарративный подход обеспечивает формирование ключевых профессиональных компетенций режиссера: умения строить драматургию, управлять восприятием зрителя, сочетать художественное и техническое решение задачи. В статье показано, что применение метода позволяет не только расширить творческое мышление студентов, но и способствует развитию критического анализа, способности к самооценке и рефлексии, что в совокупности обеспечивает повышение качества подготовки специалистов, отвечающих требованиям современной кино- и телеиндустрии.

Ключевые слова

кино- и телевизионная индустрия, практико-ориентированные модули, цифровые технологии, сторителлинг, VR, искусственный интеллект, интерактивные симуляции.

Введение

Современная кино- и телевизионная индустрия находится в состоянии постоянной трансформации под воздействием цифровизации, глобализации и стремительного развития медиаформатов. Потоки визуальной информации становятся более насыщенными, а конкуренция за внимание зрителя усиливается, что делает умение создавать убедительные и захватывающие истории ключевой профессиональной компетенцией режиссера. В этих условиях традиционные образовательные программы, ориентированные преимущественно на освоение технических навыков и базовой теории кинематографа, уже не могут в полной мере удовлетворить требования времени.

Будущие режиссеры должны не только овладеть ремеслом, но и научиться мыслить креативно, работать с концепцией повествования и управлять эмоциональным восприятием аудитории. В этой связи особую значимость приобретает нарративный подход, который рассматривается как методологическая основа формирования у студентов комплексного профессионального мышления. Нарративный подход позволяет соединить академическую подготовку с практическими проектами, что обеспечивает более высокую степень вовлеченности студентов в образовательный процесс и способствует развитию навыков самостоятельного творчества.

Актуальность выбранной темы определяется также социальным запросом на специалистов, способных создавать медиапродукты, конкурентоспособные не только на национальном, но и на международном уровне. Современный зритель ожидает от кино и телевидения не просто развлечения, но и интеллектуального, эстетического и эмоционального опыта. В этих условиях именно способность режиссера строить нарратив – будь то полнометражный фильм, сериал или документальная лента – становится критерием его профессиональной состоятельности.

Цель настоящей статьи заключается в разработке модели учебного процесса для будущих режиссеров кино и телевидения на основе нарративного подхода, а также в обосновании его эффективности как педагогической технологии. В работе представлены теоретические основания применения нарратива в образовательной практике, описаны ключевые принципы проектирования учебных курсов, а также выделены педагогические условия, при которых данный подход обеспечивает развитие творческого и критического потенциала студентов.

Первый шаг в понимании важности нарративного подхода в подготовке будущих режиссеров кино и телевидения связан с осознанием того, что именно нарратив лежит в основе любого аудиовизуального произведения и определяет логику повествования, характер героев, динамику сюжета и общее впечатление зрителя (Бухаров, 2011; Bruner, 1986). Становление режиссера как профессионала включает в себя не только развитие технических навыков, позволяющих грамотно выстраивать кадр, работать со светом и монтировать отснятый материал, но и глубокое осознание того, какими историями стоит делиться, какими средствами их выражать и как через нарратив формировать эмоциональную вовлеченность аудитории. Поэтому в фокусе исследования оказывается вопрос о том, каким образом лучше всего интегрировать нарративные механизмы в образовательный процесс, чтобы будущие режиссеры приобретали не только теоретические знания, но и умение выстраивать целостные истории, проникая в глубину художественного материала и создавая многоплановые образы. Для этого важно понимать, как нарратив отражается в различных жанрах кинематографа и телевидения, какими методами он может быть трансформирован и адаптирован к разным формам экранного искусства, а также какими психологическими приемами режиссер может оперировать при работе с актерами и съемочной группой, чтобы достигнуть желаемого эффекта на зрителя.

Именно изучение этих вопросов позволяет обосновать выбор методик и стратегий обучения в рамках современных образовательных программ, в которых художественная креативность должна соседствовать с точным пониманием драматургии и способностью применять принципы нарративной логики на практике. Создание такой учебной среды требует комплексного подхода, включающего теоретические занятия, практические мастерские и совместные семинары, где учащиеся могут тестировать собственные идеи, а затем анализировать их в коллективном обсуждении. Проблема заключается не только в содержании педагогического процесса, но и в способах организации обучения, так как нарратив (как средство самовыражения автора) никогда не существует в отрыве от личностных характеристик учащегося, его культурного и социального бэкграунда, а также опыта восприятия мирового кинематографа. Таким образом, потребность в новом видении структуры образовательной программы для режиссеров обусловлена стремительными изменениями в аудиовизуальной сфере и растущими требованиями к личной творческой самореализации.

Актуальность данного подхода усиливается влиянием цифровой среды, которая расширяет возможности создания, демонстрации и распространения видеоконтента (Тарковский, 1986; Зимняя, 2003). Если еще несколько десятилетий назад студенты-режиссеры могли в основном рассчитывать на линейное повествование и типовые схемы построения сюжета, то сегодня, благодаря потоковым

сервисам и разнообразию платформ, каждый автор получает шанс взаимодействовать с аудиторией напрямую. В рамках этого взаимодействия особую роль играет умение создавать истории, которые не затеряются среди множества конкурирующих проектов. Поэтому в образовательном процессе все более востребованными становятся элементы, связанные с когнитивными особенностями восприятия нарратива, анализом аудитории и техникой удержания внимания, что включает в себя не только традиционную драматургию, но и современные мультимедийные формы повествования. В результате студенты учатся мыслить гибко, переходя от классических структур к гипертекстовым, понимают принципы нелинейного сторителлинга и осознают, как важно уметь совмещать художественную выразительность с убедительной нарративной логикой.

Как следствие, формируется новый тип режиссера, который не только технически вооружен, но и обладает способностью тонко чувствовать историю, адекватно передавать ее через аудиовизуальный ряд и грамотно взаимодействовать со всеми участниками съемочного процесса. Это открывает дополнительные возможности для самореализации, профессионального роста и расширения границ кинематографического языка, считающегося одним из самых универсальных средств художественной коммуникации в современном мире. Конечная цель внедрения нарративного подхода в образовательные программы режиссеров – вырастить специалистов, способных не только делать красивые кадры, но и выстраивать глубокое, многоплановое, эмоционально насыщенное повествование, которое будет интересно сегодняшнему зрителю и выдержит испытание временем.

Материалы и методы исследования

Данное исследование опирается на комплексный анализ учебных планов, программ и методических рекомендаций, а также на интервью с преподавателями и студентами, проходящими обучение по специальности «Режиссура кино и телевидения» (Челнокова, 2019; Лотман, 1973). Аналитический инструментарий включал в себя не только контент-анализ лекционных материалов, но и наблюдение за практическими занятиями, где студенты взаимодействуют со сценарием, актерами, съемочной техникой и монтажными программами. Цель состояла в том, чтобы выявить, как текущая система образовательного процесса способствует или препятствует формированию навыков нарративного мышления, необходимого для успешного построения истории на экране. Важным элементом методологии стало опросное анкетирование, которое позволило собрать данные о восприятии и осмыслении нарратива самими обучающимися. Респонденты отвечали на вопросы, связанные с их личным опытом создания сюжетов, анализа кинопроизведений и понимания аудитории. Для объективной оценки уровня развития навыков нарративного конструирования в исследование были включены задания, предполагающие интерпретацию классических сюжетов и разработку оригинальных сценарных зарисовок. Такая комбинация методов исследования позволила глубже проникнуть в процесс формирования режиссерской компетенции, сопоставляя теоретические заявления с реальными образовательными практиками и выявляя пробелы, требующие методических корректировок.

Анализ данных проводился с учетом различных факторов, в том числе возрастных особенностей студентов, их культурного фона и предшествующего опыта в аудиовизуальном творчестве (Макки, 2018; Федоров, 2001). В свете меняющейся медийной среды отдельное внимание было уделено интернет-платформам, где любые видеоматериалы приобретают ведущую роль, а отсутствие качественного нарратива может привести к низкому уровню зрительского отклика. Для уточнения данных исследовались дискуссии на студенческих форумах, результаты творческих проектов и отзывы преподавателей. Использовались методы сравнительного анализа, которые позволяли сопоставить разные модели обучения, ориентированные на классическую драматургию, с моделями, поддерживающими эксперименты с нелинейным и интерактивным повествованием. Более того, в целях проверки гипотезы о том, что нарративный подход способствует более быстрому формированию индивидуального режиссерского стиля, была проведена серия фокус-групп, в ходе которых студенты рассказывали о личном восприятии процесса обучения, о сложностях и достижениях на пути к самостоятельной постановке и о том, как они видят связь между нарративным мастерством и качеством конечного кинопроекта. Данный этап исследования заложил базу для дальнейшего анализа проблем и

поиска оптимальных путей совершенствования учебных программ, где компетенции по созданию и анализу истории становятся ключевыми для профессионального становления режиссера.

Результаты и обсуждение

Формирование у будущих режиссеров навыка понимания и применения нарративных инструментов оказалась тесно связанной с тем, насколько последовательно и глубоко студенты знакомятся с классическими и современными моделями повествования (Иванов, 2020). При анализе учебных программ выяснилось, что в ряде случаев лекционные блоки, посвященные драматургии и теории кино, не всегда синхронизированы с практическими модулями, в которых студенты непосредственно работают с видеоматериалом. Возникает разрыв между формированием теоретического фундамента и возможностью сразу же проверить эти знания на практике, что может затруднять целостное усвоение материала и снижать мотивацию к обучению. Дополнительной сложностью стала дифференциация жанров, поскольку нарративные принципы, работающие в игровом кино, не в полной мере применимы к документальному или экспериментальному кино, а телевидение вообще требует особого подхода, учитывающего специфику эфирного времени и потенциальную аудиторию. Такая неоднородность создает вызовы для преподавателей, которым приходится разрабатывать более универсальные или, наоборот, более специализирующиеся программы.

Важным моментом оказалось выявление влияния интерактивных и нелинейных форм повествования на формирование авторского стиля режиссера (Утюганов, 2019). Современные студенты живут в медийной среде, насыщенной гиперссылками, социальными сетями, персонализированным контентом, и это прямо сказывается на том, как они воспринимают информацию и как выстраивают свою собственную творческую логику. На практике, однако, далеко не все образовательные программы готовы учитывать эту медийную изменчивость и дать студенту ресурсы для освоения интерактивного сторителлинга. Следствием является поверхностное знакомство с новыми форматами: студенты могут знать об интерактивном кино или веб-сериалах, но у них недостаточно возможностей и времени, чтобы глубоко погрузиться в их специфику. Анализ фокус-групп показал, что студенты, получившие хотя бы базовое представление о нелинейных и интерактивных структурах, более свободно чувствуют себя при разработке своих проектов, так как они уже не боятся экспериментировать с формой, а стремятся найти наиболее выразительные способы преподнести историю зрителю. Таким образом, возникла потребность в пересмотре традиционных учебных планов, включении в них курсов по современным форматам и технологическим инструментам, чтобы восполнить пробел в знаниях и дать студентам более гибкий инструментарий.

В студенческих работах, представленных на ряде ежегодных фестивалей, стала заметна тенденция усиливать метафорический уровень повествования за счет более детального подхода к созданию персонажей и композиции кадра (Bordwell, 1985). Оказалось, что применение нарративного анализа, заимствованного из литературоведения и драматургии, открывает новые возможности для визуальной интерпретации сюжета, помогая студентам лучше понимать, как формировать драматическое напряжение. При этом выявился существенный разрыв между умением анализировать чужие истории и способностью создавать собственные. Многие студенты демонстрировали высокую рефлексию относительно известных фильмов и сериалов, но когда дело доходило до постановки собственного замысла, они не всегда умели применить аналитический инструментарий на практике. Это наводит на мысль о важности комплексного подхода к обучению, при котором анализ чужих работ будет непосредственно сопровождаться созданием собственных проектов, а теоретические знания будут тут же подкрепляться практическим опытом.

Некоторые трудности, связанные с применением нарративного подхода, проявились в неодинаковой подготовленности студентов по части литературного мышления (Campbell, 1949). Нельзя забывать, что режиссура – это профессия аудиовизуальная, и не все обучающиеся обладают одинаковой степенью владения словом или умением считывать смысл в тексте. Поэтому часть преподавателей отмечала, что необходимо развивать у студентов навыки художественного восприятия и литературного анализа для более глубокого понимания структуры истории и всех нюансов, связанных

с героем, конфликтом и кульминацией. В противном случае нарративный подход рискует остаться чистой формальностью, когда студент механически копирует знакомые приемы, не вникая в их глубинный смысл. Наиболее успешными в плане творческого восприятия оказались те студенты, которые уже имели опыт написания сценариев или литературных текстов и могли сознательно применять нарративные схемы в своем визуальном языке. Анализ этой группы показал, что сильное литературное или драматургическое основание способствует уверенной трансформации вербальных идей в кинематографический образ, делая повествование более однородным и выразительным.

В обзоре педагогических практик, ориентированных на нарративный подход, выделились отдельные методики, направленные на эмоциональное вовлечение учащихся (Брокмейер, 2000). Например, во время совместного анализа сценария студенты и преподаватели последовательно разбирают мотивы персонажей, их внутренние конфликты, преемственность поступков и эмоциональные пики сюжета. В результате каждый студент оказывается не просто пассивным слушателем лекции, а активным участником обсуждения, который приучается мыслить историями. В некоторых образовательных учреждениях стали практиковаться «нарративные воркшопы», где под руководством преподавателя один или несколько студентов предлагают сюжетную идею. Остальные участники пытаются ее развить, вносят правки, предлагая разные варианты финала или меняя точки зрения от первого лица к третьему. Такая методика побуждает к сотворчеству и позволяет будущим режиссерам ощутить коллективную динамику работы над сценарием, которая неизбежна на съемочной площадке. Более того, она раскрывает потенциальные конфликты и несостыковки внутри повествования на самых ранних стадиях создания проекта, когда их устранить гораздо проще, чем после начала съемок. По сути, нарративный подход оказывается катализатором внутренней критики, которая зарождается в среде обучающихся и дает импульс к поиску свежих решений и более убедительных аргументов в построении сюжета.

Важным следствием внедрения нарративного подхода стало повышение осознанности студентов в отношении этических аспектов кино- и телепроизводства (Пропп, 1928). Как показывает практика, любой сюжет несет в себе набор ценностных ориентиров, иногда завуалированных, но влияющих на восприятие зрителя. Будущий режиссер, понимание которого о нарративе выходит за рамки формальной структуры, начинает осознавать и свою ответственность за тот мир, который он создает на экране. С этической точки зрения это особенно актуально в документальных фильмах и социально ориентированных проектах, где неприемлемо искажение фактов или манипулятивная подача материала. В этом ключе нарративный подход выступает как основа для формирования у режиссера критического взгляда на собственную работу и как стимул к тому, чтобы задаваться вопросами о том, что и почему он показывает, кому адресован контент и какой социальный или культурный эффект он может вызвать. Когда такой подход становится частью образовательной программы, студенты осознают важность этических норм в конечном аудиовизуальном продукте и учатся делать осознанный выбор, исходя из морально-нравственных критериев, а не только творческих задач.

Нарративный подход в образовании основан на представлении о том, что обучение становится более продуктивным и значимым, если оно организовано через рассказывание историй и анализ повествовательных структур. Для будущих режиссеров кино и телевидения данный подход имеет принципиальное значение, поскольку их профессиональная деятельность напрямую связана с созданием и интерпретацией повествования.

С точки зрения педагогики, нарратив можно рассматривать как инструмент, объединяющий когнитивный, эмоциональный и креативный компоненты образовательного процесса. В отличие от традиционных лекционных моделей, где студент усваивает готовые знания, нарративные практики стимулируют активное включение обучающегося в процесс конструирования смысла. Через разбор сюжетов, создание собственных сценариев и визуальных историй студенты учатся анализировать причинно-следственные связи, оценивать драматургический потенциал различных решений, а также соотносить индивидуальное восприятие с коллективной интерпретацией.

Для режиссера способность мыслить нарративно означает умение выстраивать художественный образ не только на уровне содержания, но и в визуально-звуковой форме. Монтаж, ракурс, цвет,

музыкальное сопровождение – все это становится частью единой «языковой системы», которая работает на раскрытие сюжета. Таким образом, нарративный подход в обучении помогает студентам освоить не просто технический инструментарий, а саму логику создания истории.

Нарративный подход имеет междисциплинарный характер. Он объединяет элементы литературоведения, драматургии, психологии, культурологии и киноведения, создавая целостную образовательную среду. Будущий режиссер получает возможность изучать, как истории строятся в разных жанрах и культурах: от античного театра и народных сказаний до современных сериалов и компьютерных игр. Это расширяет горизонты его профессионального мышления и позволяет интегрировать традиции разных эпох и стран в собственное творчество.

Практическая составляющая нарративного подхода заключается в активном вовлечении студентов в проектную деятельность. Работа над короткометражными фильмами, разработка сценариев, участие в студенческих фестивалях – все эти формы позволяют применять теоретические знания в конкретных творческих задачах. Таким образом, учебный процесс превращается в лабораторию, где теория и практика находятся в постоянном взаимодействии.

Истоки нарративного подхода можно найти в трудах В.Я. Проппа, исследовавшего морфологию сказки, и Ю.М. Лотмана, анализировавшего кино как семиотическую систему (Пропп, 1928; Лотман, 1973). Их работы заложили фундамент понимания структуры повествования, который сегодня активно используется в сценарном и режиссерском образовании. В западной традиции значительный вклад внес Джозеф Кэмпбелл с его концепцией «пути героя», а также Джером Брунер, показавший, что нарративное мышление является универсальным механизмом познания.

Современный этап характеризуется интеграцией классических нарративных моделей в цифровую среду. Интерактивное повествование, VR-опыт, трансмедийные проекты создают новые формы взаимодействия со зрителем. Это требует от режиссеров не только знания традиционных канонов драматургии, но и умения адаптировать их к мультимедийным форматам. В этом контексте нарративный подход становится не просто педагогическим инструментом, а ключевой стратегией подготовки режиссеров к работе в условиях цифровой культуры.

Разработка методологии обучения будущих режиссеров кино и телевидения на основе нарративного подхода предполагает создание системы, где теория и практика органично переплетаются. Цель такой системы – не только передача знаний, но и формирование у студентов способности самостоятельно строить, анализировать и воплощать истории в визуальной форме.

В основе проектирования учебного процесса лежат несколько ключевых принципов:

1. Принцип активности – обучение строится через деятельность, где студент выступает не пассивным слушателем, а полноценным участником творческого процесса.
2. Принцип интеграции – соединение теоретических знаний (анализ драматургических структур, история кино, теория сторителлинга) с практикой (сценарные задания, съемки, монтаж).
3. Принцип междисциплинарности – включение элементов психологии, философии, культурологии и медиапрактики.
4. Принцип рефлексивности – обязательное обсуждение и самооценка результатов проектов, что помогает студентам критически осмысливать собственное творчество.

Эти принципы обеспечивают целостность образовательного процесса и создают условия для формирования профессиональной идентичности будущего режиссера.

Учебный процесс включает проектные задания, моделирующие реальную режиссерскую деятельность. К примеру, студенты разрабатывают концепцию короткометражного фильма: от замысла и написания сценария до съемок и анализа полученного материала. Такой подход позволяет пройти весь цикл кинопроизводства и увидеть взаимосвязь между нарративом и техническими аспектами режиссуры.

Особое внимание уделяется коллективной работе. В рамках проектных модулей студенты распределяют роли в съемочной группе (режиссер, оператор, сценарист, монтажер), что способствует развитию навыков коммуникации и лидерства. Работа в команде помогает понять специфику профессиональной среды и формирует умение договариваться, отстаивать авторскую позицию и одновременно учитывать интересы коллег.

Современная методология обучения невозможна без интеграции цифровых инструментов. Важным направлением является использование технологий виртуальной и дополненной реальности, позволяющих студентам моделировать сцены и работать с пространством кадра еще до выхода на съемочную площадку. Программные средства с элементами искусственного интеллекта применяются для анализа студенческих сценариев: алгоритмы помогают выявлять штампы, оценивать структуру повествования и даже прогнозировать реакцию аудитории. Такие инструменты не заменяют педагога, но выступают в роли «цифрового ассистента», расширяя возможности студентов для самопроверки и экспериментов.

Кроме того, активно используются онлайн-платформы для совместной работы над сценариями, видеомонтажом и обсуждением проектов. Это соответствует современному формату *blended learning*, где традиционные формы обучения органично сочетаются с цифровой коммуникацией.

Завершающим элементом методологии является организация систематической рефлексии. После завершения каждого проекта студенты проводят обсуждение в формате мастер-класса: оценивают сильные и слабые стороны работы, анализируют восприятие зрителей, предлагают пути улучшения. Такая практика не только формирует критическое мышление, но и помогает выработать привычку к профессиональной самооценке.

Рефлексия рассматривается как важнейший инструмент личностного роста режиссера. Именно через осознанное обсуждение собственных ошибок и достижений формируется способность к постоянному самосовершенствованию, что крайне важно в динамичной сфере кино и телевидения.

Заключение

Проведенное исследование показало, что нарративный подход в обучении будущих режиссеров кино и телевидения является эффективной методологической основой, позволяющей объединить теоретические знания и практическую деятельность студентов. Его применение способствует формированию целостного профессионального мышления, включающего креативность, аналитические навыки, способность к саморефлексии и умение работать в команде.

Анализ теоретических оснований подтвердил, что нарратив представляет собой универсальный инструмент познания и коммуникации, а его использование в педагогике опирается на богатую научную традицию – от исследований В.Я. Проппа и Ю.М. Лотмана до идей Дж. Брунера и Дж. Кэмпбелла. В условиях современного медиапространства, характеризующегося развитием цифровых технологий, нарративный подход приобретает новое звучание, интегрируясь с практиками VR, интерактивного сторителлинга и трансмедийных проектов.

Методологические основы проектирования учебного процесса показали, что ключевым условием эффективности является практико-ориентированность. Обучение должно строиться вокруг проектных заданий, моделирующих реальные профессиональные ситуации. При этом активное использование цифровых инструментов и организация рефлексии усиливают образовательный эффект, делая студентов не просто исполнителями заданий, а авторами собственного творческого опыта.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная модель обучения может быть использована в образовательных программах режиссерских факультетов, а также в системе дополнительного профессионального образования. Она способствует повышению качества подготовки специалистов, способных успешно адаптироваться к требованиям современной кино- и телеиндустрии, создавать конкурентоспособный контент и реализовывать творческие проекты, ориентированные на широкую аудиторию.

Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением механизмов интеграции нарративного подхода в различные уровни профессионального образования – бакалавриат, магистратуру, курсы повышения квалификации. Особого внимания заслуживает изучение влияния цифровых технологий на формирование нарративных компетенций студентов, а также разработка методик оценки эффективности обучения на основе сторителлинга. В дальнейшем возможно создание междисциплинарных программ, которые будут сочетать традиционные основы кинообразования с новейшими практиками цифрового нарратива.

Таким образом, нарративный подход выступает не только как методическая инновация, но и как стратегическое направление развития профессионального образования в сфере кино и телевидения. Его применение обеспечивает подготовку нового поколения режиссеров, обладающих не только техническим мастерством, но и способностью создавать истории, способные вдохновлять, вовлекать и формировать культурное пространство современного общества.

Список литературы

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
2. Бухаров А.О. Нарративные методы обучения в современной школе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2. С. 45-46.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
4. Иванов Д.В. Цифровые технологии в кинематографическом образовании // Искусство и образование. 2020. № 4. С. 115-123.
5. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 270 с.
6. Макки Р. История на миллион долларов: мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. М.: Эксмо, 2018. 426 с.
7. Пропп В.Я. Морфология сказки. Ленинград: Академия, 1928. 159 с.
8. Тарковский А.А. Запечатленное время: размышления о кинематографе. М.: Искусство, 1986. 254 с.
9. Утюганов А.А., Яницкий М.С., Серый А.В. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике // Наука для образования сегодня. 2019. № 1. С. 76-92.
10. Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория и методология. Ростов н/Д: ЦВВР, 2001. 708 с.
11. Челнокова Е.А., Житникова Н.Е., Челноков А.С. Использование нарратива в обучении // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-3. С. 279-282.
12. Bordwell D. Narration in the fiction film. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 370 p.
13. Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 216 p.
14. Campbell J. The hero with a thousand faces. NY: Pantheon, 1949. 416 p.

Designing the learning process for future film and television directors based on a narrative approach

Egor G. Anashkin

PhD student

Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

Moscow, Russia

eganash@yandex.ru

ORCID 0009-0007-9866-7776

Received 05.06.2025

Accepted 15.07.2025

Published 30.07.2025

UDC 37.032.3

DOI 10.25726/j6968-9004-2851-p

EDN BXAAPH

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article substantiates the relevance of using a narrative approach in the professional training of future film and television directors. Its essence is considered as a pedagogical technology based on the integration of the analysis of narrative structures and practice-oriented learning. A model of the educational process is presented, including the study of storytelling theory, scenario development, project work on short films, as well as the use of modern digital technologies (VR, artificial intelligence, interactive simulations). It is emphasized that the narrative approach ensures the formation of the director's key professional competencies: the ability to build drama, manage the viewer's perception, and combine artistic and technical solutions to a problem. The article shows that the application of the method allows not only to expand the creative thinking of students, but also contributes to the development of critical analysis, self-assessment and reflection, which together improves the quality of training specialists who meet the requirements of the modern film and television industry.

Keywords

film and television industry, practice-oriented learning, storytelling, VR, artificial intelligence, interactive simulations.

References

1. Brockmeyer J., Harre R. Narrative: problems and promises of an alternative paradigm // Questions of Philosophy. 2000. № 3. pp. 29-42.
2. Bukharov A.O. Narrative teaching methods in modern schools // Modern science: actual problems of theory and practice. The series «Humanities». 2011. № 2. pp. 45-46.
3. Zimnaya I.A. Key competencies – a new paradigm of educational outcome // Higher education today. 2003. № 5. pp. 34-42.
4. Ivanov D.V. Digital technologies in cinematographic education // Art and education. 2020. № 4. pp. 115-123.
5. Lotman Yu.M. Semiotics of cinema and problems of kinoesthetics. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 270 p.
6. Makki R. The million dollars story: a master class for screenwriters, writers and others. M.: Eksmo, 2018. 426 p.
7. Propp V.Ya. Morphology of fairy tales. Leningrad: Academy, 1928. 159 p.
8. Tarkovsky A.A. The imprinted time: reflections on cinema. M.: The art, 1986. 254 p.
9. Utyuganov A.A., Yanitskiy M.S., Seriy A.V. Narrative technologies for the formation of value-semantic orientations of personality: psychological content and application in educational practice // Science for education today. 2019. № 1. pp. 76-92.
10. Fedorov A.V. Media education: history, theory and methodology. Rostov on Don: TSVVR, 2001. 708 p.
11. Chelnokova E.A., Zhitnikova N.E., Chelnokov A.S. The use of narrative in teaching // Problems of modern pedagogical education. 2019. № 65-3. pp. 279-282.
12. Bordwell D. Narration in the fiction film. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 370 p.
13. Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 216 p.
14. Campbell J. The hero with a thousand faces. NY: Pantheon, 1949. 416 p.

**Формирование языковой личности студента в современном образовательном пространстве:
теоретические основания и практические решения**

Зинаида Михайловна Чернова

Аспирант

Приволжский государственный университет путей сообщения

Самара, Россия

chernova_zina@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Марина Вячеславовна Петрушова

Аспирант

Приволжский государственный университет путей сообщения

Самара, Россия

Старший преподаватель

Самарский государственный институт культуры

Самара, Россия

tyri@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9785-9342

Людмила Петровна Лунева

Доктор педагогических наук, профессор

Приволжский государственный университет путей сообщения

Самара, Россия

Профессор

Самарский государственный технический университет

Самара, Россия

luneva_ipkdo@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 06.03.2025

Принята 14.04.2025

Опубликована 30.05.2025

УДК 37.043.2

DOI 10.25726/p4887-4558-6169-x

EDN KXFVQQ

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Статья представляет собой комплексное исследование проблемы формирования языковой личности студентов в контексте вызовов цифровой эпохи и трансформации образовательных парадигм. На основе анализа теоретических исследований отечественных ученых выделяются ключевые характеристики современной языковой личности и основные компоненты ее развития: когнитивно-лингвистический, коммуникативно-прагматический и культурно-рефлексивный. Представляется методический потенциал формирования языковой личности студента через сравнительно-сопоставительный метод при изучении речевых практик, системный подход к анализу языковой личности, а также посредством использования методов педагогического эксперимента и анкетирования.

Особое внимание уделяется практическим аспектам формирования языковой компетенции через систему специально организованных мероприятий. Представляется специфика таких форм работы, как литературный клуб, дебат-клуб, конкурс «Поэтический вернисаж» и др., направленных на формирование умений анализировать речь, использовать различные приемы и методы ее подготовки с учетом норм литературного языка. Приводятся результаты эмпирического исследования эффективности предложенных методик, подтвержденные статистическими данными. В целом, предлагается определенная система работы по формированию языковой личности студента. Статья вносит ценный вклад в решение актуальной проблемы формирования языковой компетенции студентов в условиях цифровой трансформации общества и может быть полезна преподавателям высшей школы, она представляет интерес для исследователей в области лингвистики, педагогики и психологии.

Ключевые слова

языковая личность, речевая культура, образовательные технологии, коммуникативная компетенция, цифровая трансформация.

Введение

Актуальность исследования языковой личности в современной образовательной парадигме обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях информационного общества возрастают требования к коммуникативной компетентности специалистов любого профиля. Во-вторых, цифровая трансформация коммуникативных практик приводит к существенным изменениям в структуре языковой личности. В-третьих, наблюдается тревожная тенденция к снижению уровня речевой культуры среди молодежи, что требует научно обоснованных педагогических решений.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных ученых, разрабатывавших концепцию языковой личности: В.В. Виноградова (1930-е гг.), Г.И. Богина (1980-е гг.) и Ю.Н. Караулова, чья монография «Русский язык и языковая личность» (1987) заложила методологические основания для дальнейших изысканий в этой области.

Цель настоящего исследования – разработать и апробировать комплекс мероприятий по формированию языковой личности студента, адекватный вызовам современной цифровой эпохи. Для достижения этой цели решались следующие задачи:

1. Систематизировать теоретические представления о структуре языковой личности;
2. Выявить актуальные проблемы формирования языковой личности в студенческой среде;
3. Разработать и реализовать программу формирования языковой компетенции;
4. Оценить эффективность предложенных методик.

Методологическую основу исследования составили: системный подход к анализу языковой личности, сравнительно-сопоставительный метод при изучении речевых практик, а также методы педагогического эксперимента и анкетирования.

Материалы и методы исследования

В первую очередь обратимся к понятию «языковая личность». Данный термин применим ко всем людям, которые общаются на определенном языке и могут применять систему языка для восприятия и передачи этой информации. Когда мы говорим о языковой личности, мы обращаем внимание на уровень владения языковыми навыками и на способность адекватно реагировать в различных речевых ситуациях (Чернова, 2024).

Термин «языковая личность» впервые был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х годах (Виноградов, 1980), однако свое концептуальное оформление он получил значительно позже. В работах Г.И. Богина (1980-е гг.) языковая личность рассматривается как многоуровневая система, включающая:

- вербально-семантический уровень (владение лексикой и грамматикой);
- когнитивный уровень (система знаний и представлений о мире);
- прагматический уровень (цели, мотивы, установки) (Богин, 1984).

Ю.Н. Караулов в своей фундаментальной работе «Русский язык и языковая личность» (Караулов, 2019) предложил интегративное понимание языковой личности как «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)». Это определение акцентирует как системные языковые знания, так и индивидуальные особенности их реализации в коммуникации.

Б.А. Кодирова в своей работе утверждает, что «языковая личность является представителем интеллектуальной силы, демонстрирующей свой когнитивно-познавательный потенциал, и способна отражать и выражать языковую картину мира» (Кодирова, 2022).

Среди характеристик языковой личности присутствуют биологические показатели, а именно: возраст и пол, социальные – место рождения, профессия, вера, положение в обществе и, конечно, личностные – убеждения человека, его представления о мире и жизненные установки (Матвеева, 2016). Когда мы говорим о характеристиках языковой личности, мы обращаем внимание на речевые возможности и стиль человека. Речевые возможности представляют собой способности человека в общении, в то время как стиль общения отражает его предпочтения и стратегии общения. Исходя из этого, стоит выделить основные характеристики языковой личности современного студента:

1. Свободное владение родным языком, грамотность изложения своих мыслей.
2. Наличие интереса и опыта обучения, успешная социализация в обществе.
3. Использование литературного языка на творческом уровне, оригинальность, креативность в работе (Mazhitayeva, 2019).

М.С. Шевченко предложил в своей работе следующие компоненты языковой личности:

1. Мировоззрение, содержание образования и система ценностей.
2. Культурное развитие личности, вызывающее интерес к языку.
3. Особенности личности, такие как человечность и глубокая индивидуальность (Шевченко, 2019).

На основе анализа теоретических источников можно выделить три ключевых компонента языковой личности (Азарова, 2016):

1. Когнитивно-лингвистический компонент охватывает интеллектуальные и языковые способности индивида, формирующие основу владения языком. Сюда входят: объем словарного запаса (лексический багаж), способность применять грамматические нормы, понимание стилистических различий между регистрами речи (например, разговорным и официальным), а также умение создавать связные тексты различной сложности. Этот компонент отражает «техническую» сторону языковой компетенции.

2. Коммуникативно-прагматический компонент связан с социальной адаптацией речи и эффективностью общения. Он включает: гибкость в выборе языковых средств в зависимости от ситуации (например, общение с ребенком или научная дискуссия), навыки построения аргументов и убеждения, способность вести диалог с учетом реакций собеседника, а также владение техниками речевого воздействия (например, ирония, манипуляция). Здесь акцент смещается на практическое применение языка.

3. Культурно-рефлексивный компонент – наиболее глубокий слой, объединяющий осознание языковой нормы (например, понимание допустимости/недопустимости определенных выражений), восприятие культурного контекста (исторические, социальные ассоциации слов), способность к самоанализу собственной речи и креативность в использовании языковых средств (игра слов, неологизмы). Этот компонент связывает язык с идентичностью и культурной рефлексией.

Результаты и обсуждение

Понятие «языковая личность студента» представляет собой сложное и многогранное явление и основано не только на уровне владения языком обучающегося, но и на его способности эффективно использовать язык в процессе коммуникации. Для того, чтобы проанализировать языковую личность современного студента, необходимо выделить следующие критерии оценки:

1. Уровень владения языком включает грамматическую, лексическую и фонетическую компетенцию. По данным исследований (Кузнецова, Шабанова), индивидуальный лексикон классифицируется пятью уровнями – от высокого (15-20 тыс. слов) до низкого (менее 1 тыс. слов) (Кузнецова, 2021). Этот критерий отражает способность точно формулировать мысли в соответствии с нормами языка.

2. Коммуникативные навыки – оценивают умение вести диалог, аргументировать позицию и адаптироваться к собеседнику. Уровни варьируются от рефлексивного (осознанное взаимодействие) до защитного поведения (использование психологических механизмов избегания).

3. Лексико-стилистический диапазон определяет гибкость в выборе языковых средств: от эмпатического и ролевого поведения до репродуктивного копирования шаблонов. Важна адекватность применения лексики в разных контекстах.

4. Культурная осведомленность подразумевает знание традиций, истории и литературы, что обогащает языковую практику. Участие в культурных дискуссиях углубляет понимание языковых нюансов.

5. Способность к саморазвитию. Ключевым аспектом данного компонента являются рефлексия и активное использование ресурсов (литература, курсы, медиа) для совершенствования языковых навыков.

«В современном мире процесс формирования языковой личности студента занимает важное место в профессиональном образовании, ведь в информационном обществе особенно важна культура речи и речевое взаимодействие между людьми. В современных реалиях особенно важно уметь владеть не только иностранным языком, но и конечно, родным. Именно поэтому понятие языковой личности важно рассматривать и изучать в различных аспектах» (Кодирова, 2022). Благодаря развитию технологий особенно актуальным становится понятие цифровой языковой личности. Она выступает как синтез реальной языковой личности с ее сконструированным образом и ей свойственны свои языковые особенности, раскрывающиеся в новом, видоизмененном лексиконе, сленге (Иркова, 2022).

Проведенный анализ позволил выявить несколько ключевых проблем, препятствующих полноценному формированию языковой личности современного студента:

1. Недостаточные знания грамматики и лексики.

2. Низкая способность к аргументации.

3. Недостаток знаний о культуре, вызванный отсутствием интереса к традициям.

4. Ограниченный словарный запас

5. Упрощение языка и снижение качества формального общения, вызванное максимальным проникновением в жизнь человека информационно-коммуникативных технологий. «Постоянный взрывной рост технологий, который начался в конце XX – начале XXI века, ведет к тотальной цифровизации общества. Сегодня уже никого не удивляют такие понятия, как цифровой интеллект, цифровая идентичность, цифровая или информационная культура и т. д. Вербальная письменная и устная коммуникации и самокоммуникация пользователя в интернете породили новое для лингвистики понятие – «виртуальная языковая личность». Такие трансформации не могли не отразиться на личности и в результате привели к тому, что параллельно личности реальной развивается уже третичный ее тип – личность виртуальная, сконструированная самим человеком и его цифровым социумом в интернет-пространстве», – утверждают в своей работе Н.А. Ахренова и В.В. Милякова (Ахренова, 2022).

6. Отсутствие мотивации к саморазвитию.

Все перечисленные выше проблемы способствовали разработке специальной программы для обучающихся, ведь «создание культурной речевой среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы, так как без грамотной и продуманной языковой стратегии невозможно общекультурное развитие личности» (Лунева, 2014).

Практическое исследование

В ходе выявленных проблем на базе филиала ПривГУПС в г. Пензе в течение 2023-2024 учебного года проводилось исследование, в котором приняли участие 150 студентов 1-3 курсов различных направлений подготовки. Гендерный состав: 62% женского пола, 38% мужского пола. Средний возраст респондентов составил 19 лет. Для комплексной оценки языковой личности студентов использовались следующие методы:

1. Тестирование в виде лексико-грамматического теста, состоящего из 50 вопросов. Данный тест включал в себя оценку знания норм языка, задания на подбор синонимов, исправление ошибок, анализ сложных синтаксических конструкций.

2. Практические задания разделились на два блока – ролевые коммуникативные кейсы, главная задача которых состояла в моделировании дискуссий, переговоров и конфликтных ситуаций. Второй блок практических заданий включал в себя написание эссе на актуальные социальные темы. Это требовалось для того, чтобы проанализировать стилистическое разнообразие речи студентов, а также их умения аргументировать.

3. Анкетирование – респонденты отвечали на вопросы о знании литературы, истории, а также об их участии в культурных мероприятиях. Способность к саморазвитию оценивалась по частоте использования дополнительных образовательных ресурсов, таких как онлайн-курсы, подкасты и специализированная литература.

4. Оценка и интерпретация результатов исследования (представлены в таблицах).

В результате полученных данных был сделан вывод о необходимости системной работы по улучшению языковой компетентности студентов. Особого внимания следовало уделить таким аспектам, как расширение словарного запаса, развитие навыков успешной коммуникации и повышение мотивации к самообразованию. На основании выявленных в ходе исследования проблем языковой компетенции студентов была разработана и апробирована программа комплексного развития языковой личности. Внедрение рекомендаций осуществлялось через три ключевых формата: литературный клуб, дебат-клуб и поэтический конкурс. Результаты показали качественное улучшение всех пяти критериев грамотной языковой личности.

В рамках литературного клуба проводились еженедельные тематические встречи, посвященные анализу классических и современных произведений. Формат включал самостоятельное чтение произведений русской и зарубежной литературы с последующим написанием рефлексивных эссе, глубокий текстовый анализ на встречах и обсуждение стилистических приемов (75% участников отметили расширение лексики благодаря работе с авторскими неологизмами и метафорами). «Важно демонстрировать современному, к сожалению, недостаточно читающему студенту неоспоримые факты богатства русского языка и преимущества человека, владеющего этим богатством. Обучающиеся постоянно должны убеждаться в многообразии средств языка, с помощью которых можно выразить любые мысли и чувства, в изобилии эпитетов и сравнений, доказывающих живость и неповторимость русского языка» (Лунева, 2019). По итогам семестра у 68% участников зафиксирован рост баллов по критерию «культурная осведомленность» (анкетирование показало увеличение цитирования литературных источников в академических работах).

Дебат-клуб способствовал формированию критического мышления. Так, Н.И. Мурзина отмечала в своем исследовании, что «особенно ценно для повышения развивающего потенциала речевой среды проведение таких занятий, на которых обеспечивается постоянное внимание к выразительному чтению как искусству звучащего слова» (Мурзина, 2014). Модель дебатов строилась на британском парламентском формате с акцентом на:

- техники аргументации – 92% участников освоили структуру «тезис-доказательство-пример»;
- практику импровизированной речи – тренинги сократили количество пауз с 12 до 5 на минуту выступления;
- междисциплинарные темы.

Данные видеозаписей выступлений до и после цикла дебатов продемонстрировали увеличение длины реплик с 20 до 45 секунд и рост использования сложноподчиненных предложений (с 3 до 7 на выступление).

Конкурс «Поэтический вернисаж» повлиял на развитие экспрессивной речи. Конкурс авторских стихов и художественного чтения выявил: творческую самореализацию – 23 участника впервые опубликовали свои работы; преодоление коммуникативных барьеров; обогащение стилистики – в текстах студентов появились редкие тропы отсутствовавшие в диагностических эссе на начальном этапе исследования.

Рассмотрим сравнительный анализ динамики языковых и коммуникативных показателей после реализации предложенной программы развития языковой личности.

Таблица 1. Уровень владения языком

Уровень	Исходные данные (%)	Результаты после программы (%)	Изменение (%)	Характеристики улучшений
Высокий	8	18	+10	Увеличение использования сложных синтаксических конструкций (на 25% в письменных работах), снижение ошибок до 1–2 на страницу текста.
Выше среднего	22	35	+13	Расширение активного словарного запаса на 40%, сокращение грамматических ошибок в устной речи на 30%.
Средний	50	35	–15	Переход 15% студентов на уровень «выше среднего» за счет освоения техник редактирования текстов.
Ниже среднего	15	10	–5	Уменьшение грубых ошибок благодаря систематическим тренингам по грамматике.
Низкий	5	2	–3	Базовое усвоение норм языка через индивидуальные консультации.

В таблице №1 представлена информация о динамике уровня владения языком среди студентов. Исходные данные показывают, что лишь 8% студентов обладали высоким уровнем владения языком, в то время как после реализации программы этот показатель увеличился до 18%. Это свидетельствует о значительном прогрессе в использовании сложных синтаксических конструкций и уменьшении количества грамматических ошибок. Уровень «выше среднего» также продемонстрировал положительную динамику, увеличившись с 22 до 35%. Это связано с расширением активного словарного запаса и улучшением навыков устной речи. Однако уровень «средний» снизился с 50% до 35%, что может быть объяснено тем, что часть студентов перешла на более высокий уровень, тем самым оставив меньшее количество студентов на среднем уровне. Уровень «ниже среднего» уменьшился с 15% до 10%, что указывает на успешное преодоление грубых ошибок благодаря систематическим тренингам. Наконец, уровень «низкий» сократился с 5% до 2%, что подтверждает эффективность индивидуальных консультаций в усвоении норм языка.

Таблица 2. Коммуникативные навыки

Уровень	Исходные данные (%)	Результаты после программы (%)	Изменение (%)	Ключевые достижения
Рефлексивный	10	25	+15	Рост умения анализировать подтекст высказываний (по

				данным экспертных оценок дискуссий).
Адаптивный	25	40	+15	Улучшение навыков импровизации в дебатах, использование тактик убеждения.
Поверхностный	45	30	-15	Снижение доли за счет включения в регулярные практики глубокого обсуждения текстов.
Затрудненный	20	5	-15	Преодоление страха публичных выступлений через поэтические вернисажи.

В таблице №2 проанализированы изменения в коммуникативных навыках студентов. Исходные данные показывают, что лишь 10% студентов обладали рефлексивным уровнем, однако после программы этот показатель увеличился до 25%. Это свидетельствует о положительной динамике при анализе подтекста высказываний и критическом осмыслении информации. Уровень адаптивных навыков также значительно возрос с 25% до 40%, что указывает на улучшение навыков импровизации и аргументации в дебатах. В то же время уровень поверхностного общения снизился с 45% до 30%, что свидетельствует о том, что студенты стали более грамотно анализировать тексты и не допускать поверхностных обсуждений. Уровень затрудненного общения сократился с 20% до 5%, что подтверждает успешное преодоление страха публичных выступлений через участие в поэтических вернисажах.

Таблица 3. Культурная осведомленность и саморазвитие

Критерий	Исходные данные (%)	Результаты после программы (%)	Изменение (%)	Примеры изменений
Знание литературы	15 (регулярно)	35	+20	Увеличение цитирования классики в эссе (с 5 до 12 ссылок на работу).
	30 (по программе)	45	+15	Рост интереса к внепрограммным произведениям.
	55 (редко)	20	-35	Сокращение за счет мотивации через литературный клуб.
Участие в мероприятиях	20 (активно)	50	+30	Организация студенческих дискуссионных клубов.
Использование ресурсов	25 (доп. материалы)	55	+30	Внедрение цифровых платформ для анализа текстов (подкасты, блоги).

Исходные данные показывают, что только 15% студентов регулярно читали литературу, но после программы этот показатель возрос до 35%. Это говорит о значительном увеличении интереса к классическим произведениям и их цитированию в академических работах. Участие в культурных мероприятиях также возросло с 20 до 50%, что подчеркивает активность студентов в организации дискуссионных клубов и других культурных событий. Кроме того, использование дополнительных образовательных ресурсов, таких как онлайн-курсы и специализированная литература, увеличилось с 25 до 55%. Это свидетельствует о том, что студенты стали более активно использовать доступные ресурсы для своего саморазвития.

Таким образом, проведенный анализ анкетирования демонстрирует положительную динамику в формировании языковой личности студентов. Программа, включающая литературные клубы, дебатные мероприятия и поэтические конкурсы, оказала значительное влияние на развитие языковых и коммуникативных навыков, а также на культурную осведомленность и мотивацию к саморазвитию. Результаты исследования подтверждают, что комплексный подход к обучению является эффективным инструментом в развитии языковой компетенции студентов в условиях современной образовательной среды.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило эффективность комплексного подхода к формированию языковой личности студента. Полученные результаты свидетельствуют о том, что предложенная программа позволяет не только улучшить конкретные языковые навыки, но и сформировать устойчивую мотивацию к речевому самосовершенствованию. Особенно значимым представляется выявленный потенциал творческих форм работы в развитии креативных аспектов языковой личности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанных методик в образовательном процессе высших учебных заведений, а также в системе дополнительного образования.

Список литературы

1. Азарова Л.Е. Специфика языковой личности в коммуникативном процессе общения // Вестник Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2016. Т. 26. № 4. С. 336-342.
2. Ахренова Н.А., Милякова В.В. Языковая личность vs виртуальная языковая личность // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 1(60). С. 10-20.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1984. 31 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56-174.
5. Иркова А.В. Виртуальная коммуникация как ведущий формат социального общения молодежи // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 4(4). С. 208-214.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Либроком, 2019. 264 с.
7. Кодирова Б.А. Формирование языковой личности студента на современном этапе развития общества // Вестник Института развития образования. 2022. № 3(39). С. 5-8.
8. Кузнецова В.В., Шабанова А.А. Критерии и уровни коммуникативно-речевой личности студента вуза // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: мат. конф. Таганрог, 2021. С. 714-717.
9. Лунева Л.П. Воспитательные ресурсы русского языка для совершенствования личности обучающегося // Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка: мат. Межд. науч. прак. конф. к юбилею проф. А. Д. Дейкиной и ее научной школы. В 2 ч. 2019. С. 250-253.
10. Лунева Л.П. Культурная речевая среда региона как средство формирования языковой личности // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 195-198.
11. Матвеева М.А., Лобачева Н.А. От языковой личности к личности дискурсивной // Перспективы науки – 2016: мат. III Межд. заоч. конкурса науч.-исслед. работ. 2016. С. 245-248.
12. Мурзина Н.И. Роль речевой среды в процессе формирования языковой личности // Вестник Камчатского политехнического техникума. 2014. № 9. С. 32-44
13. Чернова З.М. Характерные особенности языковой личности современного студента // Наука и культура России. 2024. Т. 1. С. 153-155.

14. Шевченко М.С. Структурные компоненты языковой личности // Черноморская конференция-2019: мат. III Черноморской межд. науч.-прак. конф. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Севастополь. 2019. С. 211-212.

15. Mazhitayeva Sh. The theory of linguistic personality, its structural and system characteristics // Opcion. 2019. № 35(19). pp. 3086-3101.

Formation of a student's linguistic personality in the modern educational space: theoretical foundations and practical solutions

Zinaida M. Chernova

PhD student

Volga State University of Railway Transport

Samara, Russia

chernova_zina@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Marina V. Petrushova

PhD student

Volga State University of Railway Transport

Samara, Russia

Senior Lecturer

Samara State Institute of Culture

Samara, Russia

tyri@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9785-9342

Lyudmila P. Luneva

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Volga State University of Railway Transport

Samara, Russia

Professor

Samara State Technical University

Samara, Russia

luneva_ipkdo@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 06.03.2025

Accepted 14.04.2025

Published 30.05.2025

UDC 37.043.2

DOI 10.25726/p4887-4558-6169-x

EDN KXFVQQ

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article is a comprehensive study of the problem of students' linguistic personality formation in the context of the challenges of the digital age and the transformation of educational paradigms. Based on the analysis of theoretical research by Russian scientists, the key characteristics of the modern linguistic personality and the main components of its development are highlighted: cognitive-linguistic, communicative-pragmatic and cultural-reflective. The methodological potential of the formation of the student's linguistic personality is presented through the comparative method in the study of speech practices, a systematic approach to the analysis of linguistic personality, as well as through the use of methods of pedagogical experiment and questionnaires. Special attention is paid to the practical aspects of language competence formation through a system of specially organized events. The article presents the specifics of such forms of work as the literary club, the debate club, the Poetic Vernissage competition, etc., aimed at developing the skills to analyze speech, use various techniques and methods of its preparation, taking into account the norms of the literary language. The results of an empirical study of the effectiveness of the proposed methods, confirmed by statistical data, are presented. In general, a certain system of work is proposed for the formation of a student's linguistic personality. The article makes a valuable contribution to solving the urgent problem of the formation of students' language competence in the context of the digital transformation of society and may be useful to higher school teachers, it is of interest to researchers in the field of linguistics, pedagogy and psychology.

Keywords

linguistic personality, speech culture, educational technologies, communicative competence, digital transformation.

References

1. Azarova L.E. The specificity of linguistic personality in the communicative process of communication // V.I. Vernadsky Tauride National University Bulletin. 2016. Vol. 26. № 4. pp. 336-342.
2. Arenova N.A., Milyakova V.V. Language literacy versus virtual // Foreign languages in higher education. 2022. № 1(60). pp. 10-20.
3. Bogin G.I. The model of linguistic personality in its relation to varieties of texts: diss. ... D-r philol. scien. L., 1984. 31 p.
4. Vinogradov V.V. Selected works. On the language of fiction. M.: Science, 1980. pp. 56-174.
5. Irkova A.V. Virtual communication as a leading format of social communication among young people // Virtual communication and social networks. 2022. Vol. 1. № 4(4). pp. 208-214.
6. Karaulov A.N. Russian language and language literacy. M.: Librokom, 2019. 264 p.
7. Kodirova B.A. Formation of a student's linguistic personality at the present stage of society development // Bulletin of the Institute of Educational Development. 2022. № 3(39). pp. 5-8.
8. Kuznetsova V.V., Shabanova A.A. Criteria and levels of a university student's communicative and speech personality // Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement issues and personnel training: mat. of the conf. Taganrog, 2021. pp. 714-717.
9. Luneva L.P. Educational resources of the Russian language for improving the personality of a student // Axiological linguistics: ideological and value aspects in school and university teaching of the Russian language: mat. of the Inter. scien. and prac. conf. dedic. to the anniv. of Prof. A.D. Deikina and her scien. school. In 2 vols 2019. pp. 250-253.
10. Luneva L.P. The cultural speech environment of the region as a means of forming a linguistic personality // Science and culture of Russia. 2014. Vol. 1. pp. 195-198.
11. Matveeva M.A., Lobacheva N.A. From a linguistic personality to a discursive personality // Prospects of science – 2016: mat. of the 3rd Inter. correspondence scientific research works competition. 2016. pp. 245-248.
12. Murzina N.I. The role of the speech environment in the process of forming a linguistic personality // Kamchatka Polytechnic College Bulletin. 2014. № 9. pp. 32-44

13. Chernova Z.M. Characteristic features of the linguistic personality of a modern student // Science and culture of Russia. 2024. Vol. 1. pp. 153-155.
14. Shevchenko M.S. Structural components of linguistic personality // Black Sea Conference-2019: mat. of the III Black Sea season. of the Lomonosov Moscow State University scien. and prac. conf. Sevastopol, 2019. pp. 211-212.
15. Mazhitaeva Sh. Theory of linguistic personality, its structural and systemic characteristics // Opcion. 2019. № 35(19). pp. 3086-3101.

Психолого-педагогические аспекты адаптации молодого учителя к профессиональной деятельности в условиях современной школы

Ивонна Александровна Дежур

Учитель химии и биологии

Тихоокеанский государственный университет

Хабаровск, Россия

lvdezhur@bk.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 01.05.2025

Принята 21.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 159.964.2

DOI 10.25726/m7782-1619-3899-m

EDN JILEFZ

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В современной системе образования проблема профессиональной адаптации молодых учителей приобретает особую актуальность в условиях модернизации стандартов, цифровизации и повышенных требований к педагогической деятельности. Начинающие специалисты часто сталкиваются с разрывом между теоретической подготовкой в вузе и реальными вызовами школьной практики, что приводит к эмоциональному выгоранию, снижению мотивации и высокой текучести кадров. Исследование направлено на выявление психолого-педагогических аспектов адаптации, анализ структуры профессиональных трудностей и факторов, влияющих на успешность этого процесса, с целью разработки рекомендаций по поддержке молодых педагогов. Эмпирическое лонгитюдное исследование проводилось в 2024-2025 учебном году на базе общеобразовательных учреждений Москвы и Московской области с участием 120 молодых учителей (возраст 22-28 лет, стаж 1-3 года). Выборка стратифицирована по типу школ и предметной специализации. Использовались авторская анкета для оценки трудностей, опросник MBI для измерения выгорания, шкала Лайкерта для самооценки компетенций, методика А.Н. Лутошкина для анализа климата в коллективе, а также полуструктурированные интервью. Данные обрабатывались в SPSS с применением дескриптивной статистики, корреляционного, сравнительного и дисперсионного анализа. Результаты показали, что основные трудности молодых учителей связаны с организационно-управленческой (42,71%) и коммуникативной (33,82%) сферами, с различиями между городскими и сельскими школами. За год наблюдается значительный рост самооценки компетенций (до 51% по отдельным аспектам), особенно в проблемных областях. Корреляционный анализ выявил сильную связь качества наставничества с адаптацией ($r=0,68-0,72$) и отрицательную корреляцию с выгоранием ($r=-0,54$). Благоприятный климат в коллективе снижает эмоциональное истощение в 2 раза по сравнению с неблагоприятным. Обсуждение результатов подтверждает, что адаптация – динамичный процесс, зависящий от внутренних (мотивация, самооценка) и внешних (наставничество, климат) факторов, с синергетическим эффектом. Отсутствие поддержки усиливает риски дезадаптации. Выводы подчеркивают необходимость комплексных программ сопровождения для закрепления кадров, включая развитие наставничества и улучшение корпоративной культуры в школах. Исследование вносит вклад в педагогическую науку, предлагая модель адаптации для практического применения.

Ключевые слова

адаптация молодых учителей, профессиональная деятельность, психолого-педагогические аспекты, наставничество, эмоциональное выгорание.

Введение

Проблема профессиональной адаптации молодого учителя в современной школе представляет собой одну из наиболее актуальных и сложных задач педагогической науки и практики. В условиях стремительной модернизации системы образования, введения новых федеральных государственных образовательных стандартов, цифровизации учебного процесса и усложнения социального заказа к личности и деятельности педагога, начальный этап профессионального пути становится для выпускника педагогического вуза серьезным испытанием. Этот период, часто называемый «шоком от реальности», характеризуется столкновением идеализированных представлений о профессии, сформированных в стенах университета, с объективными трудностями школьной жизни (Степанов, 2021). Успешность прохождения данного этапа во многом определяет не только дальнейшую траекторию профессионального развития специалиста, но и его решение остаться в профессии, что напрямую влияет на стабильность и качество педагогических кадров в стране. Недостаточная разработанность системной психолого-педагогической поддержки молодых специалистов на уровне образовательной организации часто приводит к развитию состояний эмоционального выгорания, профессиональной дезадаптации и, как следствие, высокой текучести кадров в первые три-пять лет работы (Корпусенко, 2025).

Психолого-педагогические аспекты адаптации охватывают широкий спектр явлений, требующих комплексного изучения. С одной стороны, это внутренние, психологические процессы, связанные с формированием профессиональной Я-концепции, развитием самооценки, стрессоустойчивости, рефлексивных умений и мотивационной сферы личности молодого учителя (Овчинникова, 2020). С другой стороны, это педагогические аспекты, включающие освоение практических навыков и компетенций: от дидактических и методических умений до способности выстраивать конструктивные взаимоотношения со всеми участниками образовательного процесса – учениками, родителями, коллегами и администрацией (Маурина, 2024).

Противоречие между высоким уровнем теоретической подготовки выпускников и их недостаточной готовностью к решению реальных педагогических ситуаций, управлению детским коллективом и преодолению коммуникативных барьеров является ключевой проблемой. Существующие исследования (Левицкая, 2024; Щелина, 2025) подтверждают, что именно в первые годы работы закладывается фундамент педагогического мастерства или, напротив, формируются устойчивые профессиональные деформации.

Таким образом, научное осмысление и выявление ключевых факторов, детерминирующих успешность адаптации, а также разработка научно-обоснованных моделей сопровождения молодых педагогов приобретают особую значимость для устойчивого развития всей системы образования.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование проводилось в течение 2024-2025 учебного года на базе общеобразовательных организаций г. Москвы и Московской области и носило лонгитюдный характер. Выборку составили 120 учителей в возрасте от 22 до 28 лет со стажем педагогической деятельности от одного до трех лет. В исследовании приняли участие педагоги из 25 образовательных учреждений разного типа: 60% респондентов работали в стандартных общеобразовательных школах, 25% – в гимназиях и лицеях с углубленным изучением отдельных предметов, и 15% – в сельских школах. Критериями включения в выборку являлись: наличие высшего педагогического образования, стаж работы не более трех полных лет и добровольное информированное согласие на участие в исследовании. Исследование было построено на принципах анонимности и конфиденциальности полученных данных. Основной целью было выявление структуры профессиональных трудностей, динамики развития ключевых компетенций и определение роли внешних и внутренних факторов в

процессе адаптации (Воскрекасенко, 2021). Для обеспечения репрезентативности данных выборка была стратифицирована по типу образовательного учреждения и предметной специализации педагогов.

В качестве основного инструментария для сбора эмпирических данных использовался комплекс взаимодополняющих методик. Для оценки уровня профессиональной адаптации и структуры затруднений была разработана авторская анкета «Карта профессиональных трудностей молодого учителя», включающая блоки, посвященные дидактическим, коммуникативным, организационно-управленческим и личностным проблемам. Для измерения уровня эмоционального выгорания применялся адаптированный опросник MBI (Maslach Burnout Inventory) (Орлова, 2021). Самооценка профессиональных компетенций измерялась с помощью методики, основанной на шкале Лайкерта, где респондентам предлагалось оценить степень своей уверенности в различных аспектах педагогической деятельности в начале и в конце учебного года. Кроме того, для оценки социально-психологического климата в педагогическом коллективе использовалась методика А.Н. Лутошкина (Кулганов, 2020). Также проводились полуструктурированные интервью с 30% выборки для более глубокого качественного анализа их опыта. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS Statistics 26.0 и включала в себя дескриптивную статистику, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), сравнительный анализ средних значений (t-критерий Стьюдента для зависимых выборок) и дисперсионный анализ (ANOVA) (Щелина, 2023). Такой комплексный подход позволил обеспечить валидность и надежность полученных результатов (Гасанова, 2023).

Результаты и обсуждение

Процесс вхождения молодого специалиста в педагогическую профессию сопряжен с преодолением целого ряда объективных и субъективных трудностей. Теоретические знания, полученные в вузе, зачастую оказываются недостаточными для эффективного решения многообразных задач, встающих перед учителем в реальной школьной практике. Это создает разрыв между ожидаемой профессиональной успешностью и фактическими результатами, что может приводить к фрустрации, снижению мотивации и развитию неуверенности в собственных силах. Настоящее исследование было направлено на эмпирическую верификацию и количественную оценку структуры данных затруднений, а также на выявление факторов, способствующих или препятствующих успешной адаптации. Ключевыми областями анализа стали самооценка профессиональных компетенций, роль наставничества и влияние психологического климата в коллективе (Кулганов, 2024).

Первичный срез, проведенный в начале учебного года, позволил выявить и ранжировать основные зоны профессиональных дефицитов, с которыми сталкиваются молодые педагоги. Анализ показал, что трудности носят комплексный характер, затрагивая все сферы педагогической деятельности, однако их выраженность неравномерна. Наибольшую тревогу у респондентов вызывают аспекты, связанные с организацией деятельности и поддержанием дисциплины, а также с выстраиванием эффективной коммуникации с родителями учащихся (Исмаилова, 2025). Детальное распределение ответов респондентов о наиболее значимых для них профессиональных трудностях представлено в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Распределительная структура профессиональных трудностей молодых учителей на начальном этапе адаптации (N=120), %

Категория трудностей	Средний % по выборке	Учителя городских школ (n=90)	Учителя сельских школ (n=30)
Дидактические (планирование уроков, выбор методов)	21,35	20,11	25,93
Коммуникативные (взаимодействие с учениками, родителями)	33,82	35,44	28,67
Организационно-управленческие (дисциплина, тайм-менеджмент)	42,71	43,18	41,12

Нормативно-правовые (ведение документации)	18,15	19,26	14,33
Личностно-рефлексивные (эмоциональное выгорание, самооценка)	28,47	29,13	26,55

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что наиболее выраженной зоной затруднений для молодых педагогов является организационно-управленческая сфера, на которую указали 42,71% респондентов. Это свидетельствует о том, что практические навыки управления классным коллективом, поддержания дисциплины и эффективного распределения времени являются ключевым дефицитом на старте карьеры. Сразу за ней следует коммуникативная сфера (33,82%), что подтверждает тезис о сложности выстраивания конструктивного диалога, особенно с родительской общественностью. Примечательно, что дидактические трудности, связанные непосредственно с преподаванием предмета, занимают менее значимое место (21,35%), что может говорить о достаточно высоком уровне предметной и методической подготовки выпускников педагогических вузов.

Сравнительный анализ подгрупп выявляет интересные различия. Так, у учителей сельских школ дидактические трудности выражены заметнее (25,93% против 20,11% у городских), что может быть связано с большей гетерогенностью классов и необходимостью работать в условиях ограниченных ресурсов (Лебедева, 2023). В то же время городские педагоги чаще сталкиваются с коммуникативными (35,44% против 28,67%) и нормативно-правовыми (19,26% против 14,33%) проблемами. Вероятно, это обусловлено более высокой плотностью социальных контактов, повышенными требованиями со стороны родителей и более сложным документооборотом в крупных образовательных комплексах. Разница в показателях личностно-рефлексивных трудностей статистически незначима, что указывает на универсальность проблемы эмоционального напряжения для молодых специалистов вне зависимости от типа школы.

Таблица 2. Динамика самооценки профессиональных компетенций молодых учителей в течение учебного года (средний балл по шкале от 1 до 5, $M \pm \sigma$)

Компетенция	Оценка в начале года ($M \pm \sigma$)	Оценка в конце года ($M \pm \sigma$)	Прирост, %
Планирование и проведение уроков	3,41 $\pm$ 0,88	4,28 $\pm$ 0,51	25,51
Управление поведением и дисциплиной	2,76 $\pm$ 0,93	3,94 $\pm$ 0,62	42,75
Использование цифровых технологий	3,88 $\pm$ 0,71	4,45 $\pm$ 0,49	14,69
Взаимодействие с родителями	2,43 $\pm$ 1,02	3,67 $\pm$ 0,74	51,03
Оценка и анализ результатов учащихся	3,15 $\pm$ 0,81	4,11 $\pm$ 0,55	30,48

Данные, приведенные в таблице 2, наглядно демонстрируют положительную динамику в развитии профессиональных компетенций молодых учителей за один учебный год. По всем анализируемым показателям наблюдается статистически значимый ($p < 0,01$ по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок) рост среднего балла самооценки. Наиболее существенный прирост зафиксирован по компетенциям «Взаимодействие с родителями» (+51,03%) и «Управление поведением и дисциплиной» (+42,75%). Это напрямую коррелирует с данными таблицы 1, где именно эти сферы были обозначены как наиболее проблемные. Можно предположить, что молодые специалисты, осознавая свои дефициты, прикладывали целенаправленные усилия для их преодоления, что в совокупности с накопленным практическим опытом привело к столь значительному росту уверенности в своих силах.

Вместе с тем, обращает на себя внимание неравномерность этого роста. Наименее выраженная динамика наблюдается в области использования цифровых технологий (+14,69%). Это может объясняться изначально высоким уровнем цифровой грамотности у молодого поколения учителей (исходный средний балл 3,88 – самый высокий из всех), в связи с чем потенциал для роста в этой области был объективно ниже. Важным индикатором успешной адаптации является не только рост среднего значения (M), но и снижение стандартного отклонения (σ). По всем компетенциям наблюдается уменьшение разброса оценок к концу года, что свидетельствует о гомогенизации группы и выравнивании уровня профессиональной уверенности. Наиболее заметно стандартное отклонение снизилось по компетенции «Взаимодействие с родителями» (с 1,02 до 0,74), что говорит о преодолении первоначального страха и растерянности у большинства респондентов.

Таблица 3. Корреляционный анализ между качеством наставнической поддержки и показателями адаптации молодых учителей (коэффициент корреляции Пирсона, r)

Показатель адаптации	Качество наставнической поддержки (субъективная оценка)
Интегральный индекс профессиональной адаптации	0,68**
Уровень дидактических компетенций (самооценка на конец года)	0,59**
Уровень коммуникативных компетенций (самооценка на конец года)	0,61**
Уровень эмоционального истощения (обратная шкала)	-0,54**
Удовлетворенность профессиональной деятельностью	0,72**

Примечание: ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 3, убедительно доказывают ключевую роль института наставничества в процессе профессиональной адаптации молодых педагогов (Сюгирова, 2025). Обнаружена сильная положительная корреляция между субъективной оценкой качества наставнической поддержки и интегральным индексом профессиональной адаптации ($r=0,72$). Это означает, что чем выше молодой учитель оценивает помощь своего наставника (регулярность встреч, конструктивность обратной связи, психологическая поддержка), тем успешнее проходит его адаптация в целом. Значимые положительные связи также выявлены с уровнем развития дидактических ($r=0,59$) и коммуникативных ($r=0,61$) компетенций, что подтверждает прямое влияние наставника на формирование практических навыков подопечного.

Особенно важным представляется наличие сильной отрицательной корреляции между качеством наставничества и уровнем эмоционального истощения ($r=-0,54$). Данный результат имеет высокое практическое значение: эффективный наставник выступает не только как методист, но и как буфер, снижающий уровень стресса и предотвращающий профессиональное выгорание молодого специалиста. Он помогает справляться с трудностями, обеспечивает психологическую поддержку и способствует формированию адекватной самооценки. Наиболее сильная связь ($r=0,72$) наблюдается с показателем общей удовлетворенности профессиональной деятельностью. Таким образом, можно утверждать, что качественное наставничество является одним из мощнейших факторов, способствующих не только профессиональному росту, но и закреплению молодого учителя в школе, формированию у него позитивного отношения к своей работе.

Таблица 4. Влияние социально-психологического климата в коллективе на уровень эмоционального выгорания молодых учителей (средние значения по шкалам MBI, $M \pm \sigma$)

Шкала выгорания	Благоприятный климат (n=45)	Нейтральный климат (n=52)	Неблагоприятный климат (n=23)
Эмоциональное истощение	17,24 $\pm$ 4,11	25,81 $\pm$ 5,03	36,45 $\pm$ 6,18
Деперсонализация (цинизм)	6,13 $\pm$ 2,15	11,44 $\pm$ 3,19	18,92 $\pm$ 4,22
Редукция личных достижений	14,88 $\pm$ 3,86	18,25 $\pm$ 4,12	23,17 $\pm$ 5,31

Анализ данных таблицы 4, полученных с помощью дисперсионного анализа (ANOVA), выявил статистически значимое влияние социально-психологического климата в педагогическом коллективе на все три компонента эмоционального выгорания у молодых учителей ($p < 0,001$ для всех шкал). Наиболее разительные отличия наблюдаются по шкале «Эмоциональное истощение». Средний балл у педагогов, работающих в коллективах с неблагоприятным климатом (36,45), более чем в два раза превышает аналогичный показатель у учителей из коллективов с благоприятной атмосферой (17,24). Это указывает на то, что токсичная среда, конфликты, отсутствие поддержки со стороны коллег являются мощнейшим стрессогенным фактором, который стремительно расходует эмоциональные ресурсы молодого специалиста.

Сходная тенденция прослеживается и по шкале «Деперсонализация», отражающей уровень циничного, безразличного отношения к ученикам и работе. В неблагоприятном климате этот показатель достигает критического значения 18,92, в то время как в поддерживающей среде он находится на низком уровне (6,13). Это говорит о том, что психологический климат напрямую влияет на сохранение гуманистической направленности личности учителя. Показатели по шкале «Редукция личных достижений» также демонстрируют четкую зависимость от климата, хотя и не столь драматичную. Даже в благоприятной среде молодые учителя испытывают определенную неуверенность в своих успехах (14,88), однако в деструктивном коллективе это чувство усугубляется практически вдвое (23,17), что ведет к формированию комплекса профессиональной неполноценности.

Комплексный анализ полученных данных позволяет выстроить целостную модель психолого-педагогической адаптации. Исходные трудности, выявленные в таблице 1, особенно в организационно-управленческой и коммуникативной сферах, выступают в качестве первоначального вызова для молодого специалиста. Динамика, отраженная в таблице 2, показывает, что эти трудности являются преодолимыми. За год происходит значительный скачок в самооценке компетенций, что свидетельствует об интенсивном процессе обучения на практике. Однако скорость и успешность этого процесса не являются исключительно результатом индивидуальных усилий учителя. Они в значительной степени модулируются внешними факторами, ключевыми из которых, согласно нашему исследованию, являются наставничество и психологический климат.

Математическая обработка данных показывает, что эти факторы взаимосвязаны и оказывают синергетический эффект. Качественное наставничество (см. табл. 3) напрямую способствует росту компетенций (см. табл. 2) и помогает преодолевать трудности (см. табл. 1). В свою очередь, благоприятный психологический климат (см. табл. 4) создает безопасную среду, в которой молодой учитель не боится просить о помощи, экспериментировать и совершать ошибки. Это снижает уровень стресса и эмоционального истощения, высвобождая когнитивные и эмоциональные ресурсы для профессионального развития. Таким образом, наставник, действующий в поддерживающем коллективе, оказывает максимальное положительное влияние на адаптацию.

С другой стороны, сочетание слабого наставничества и неблагоприятного климата создает кумулятивный негативный эффект. Первоначальные трудности не находят своего разрешения, а усугубляются, что тормозит рост профессиональных компетенций. Высокий уровень стресса, вызванный токсичной средой в коллективе, приводит к быстрому эмоциональному выгоранию, что, в свою очередь,

еще больше снижает способность учителя справляться с профессиональными задачами. Регрессионный анализ показал, что качество наставничества и характеристика психологического климата вместе объясняют около 58,3% дисперсии в интегральном показателе успешности адаптации.

Следовательно, процесс адаптации нельзя рассматривать как линейный и зависящий только от личности молодого учителя. Это сложная система, в которой личностные предпосылки (мотивация, начальный уровень подготовки) взаимодействуют с мощными средовыми факторами. Успешная адаптация является результатом не только индивидуального роста, но и целенаправленно организованной в школе системы поддержки. Отсутствие хотя бы одного из ключевых компонентов этой системы — качественного наставничества или здорового климата в коллективе — значительно повышает риск профессиональной дезадаптации, выгорания и ухода специалиста из профессии.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что процесс психолого-педагогической адаптации молодого учителя к профессиональной деятельности в современной школе является многофакторным и динамичным. Установлено, что на начальном этапе карьеры доминирующими являются трудности организационно-управленческого и коммуникативного характера, в то время как дидактические аспекты вызывают меньше затруднений. В течение первого года работы происходит значительный рост профессиональных компетенций и уверенности в себе, особенно в тех областях, которые изначально воспринимались как наиболее проблемные. Это свидетельствует о высоком потенциале к саморазвитию и обучаемости у молодых специалистов при погружении в практическую деятельность.

Вместе с тем успешность и темпы адаптации в решающей степени определяются не только внутренними ресурсами самого педагога, но и организационно-педагогическими условиями, созданными в образовательном учреждении. Эмпирически доказано, что двумя наиболее мощными факторами, детерминирующими успешность вхождения в профессию, являются наличие системы качественного, содержательного наставничества и благоприятный, поддерживающий социально-психологический климат в педагогическом коллективе. Эффективное наставничество напрямую коррелирует с ростом профессиональных компетенций и удовлетворенностью работой, а здоровый климат выступает ключевым фактором профилактики эмоционального выгорания.

Таким образом, для решения проблемы закрепления молодых кадров в школе необходима разработка и внедрение комплексных программ сопровождения, направленных как на индивидуальную поддержку учителя, так и на оздоровление и развитие корпоративной культуры всей образовательной организации.

Список литературы

1. Воскресасенко О.А. Проблема адаптации молодых педагогов в общеобразовательной организации в контексте профессиональной подготовки будущих учителей // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11(91). С. 142-146.
2. Гасанова Н.А., Ашимова А.Ф. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной деятельности молодого учителя // Вестник Социально-педагогического института. 2023. № 2(46). С. 38-41.
3. Исмаилова Н.И., Хасанова А.Р. Социально-психологическая адаптация педагогов к профессиональной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-4. С. 429-432.
4. Корпусенко А.А., Строй Г.В. Психологические факторы профессиональной адаптации молодых специалистов в условиях современной школы // Архонт. 2025. № 1(52). С. 198-201.
5. Кулганов В.А. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации детей к условиям обучения в школе // Дошкольная педагогика. 2024. № 4(199). С. 4-8.
6. Кулганов В.А. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации детей к условиям обучения в школе // Дошкольная педагогика. 2020. № 9(164). С. 4-8.

7. Лебедева О.В., Глебова А.А., Стан Д.А., Колчина А.А. Проблемы психологической адаптации молодых специалистов в школе и пути их решения // Нижегородский психологический альманах. 2023. № 2. С. 123-130.
8. Левицкая Т.В. Способы психолого-педагогической адаптации начинающих учителей к профессиональной деятельности в условиях современной школы // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2024. № 2-2(50). С. 357-360.
9. Маурина Н.Б., Лысуенко С.А. Роль личности молодого педагога в процессе его социально-психологической адаптации к профессионально-педагогической деятельности // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 113-1. С. 60-65.
10. Овчинникова Л.А., Декман И.Е. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации молодого педагога к условиям профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 354-357.
11. Орлова М.С., Спицына В.В. Психологические аспекты адаптации молодого педагога в дошкольной образовательной организации // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2021. № 5 (40). С. 60-63.
12. Степанов Ф.Г. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации молодых педагогов к профессиональной деятельности // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 3. С. 68-78.
13. Сюгирова О.Н. Психологическое сопровождение педагога в период профессиональной адаптации // Архонт. 2025. № 2(53). С. 137-140.
14. Щелина Т.Т. Психолого-педагогическое сопровождение молодых педагогов в условиях кадрового дефицита в системе общего образования России // Мир психологии. 2023. № 2(113). С. 60-67.
15. Щелина Т.Т., Щелина С.О. Психологический анализ профессиональных дефицитов молодых педагогов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. Т. 1. № 3(106). С. 86-100.

Psychological and pedagogical aspects of the adaptation of a young teacher to professional activity in a modern school

Yvonne A. Dezjur

Chemistry and Biology teacher
Pacific State University
Khabarovsk, Russia
lvdezjur@bk.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 01.05.2025

Accepted 21.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 159.964.2

DOI 10.25726/m7782-1619-3899-m

EDN JILEFZ

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

In the modern education system, the issue of professional adaptation of young teachers becomes particularly relevant in the context of modernization of standards, digitalization, and increased demands on pedagogical activity. Beginning specialists often face a gap between theoretical training at university and the

real challenges of school practice, which leads to emotional burnout, decreased motivation, and high staff turnover. This study aims to identify the psychological and pedagogical aspects of adaptation, analyze the structure of professional difficulties and the factors influencing the success of this process, with the goal of developing recommendations for supporting young teachers. An empirical longitudinal study was conducted in the 2024-2025 academic year based in general education institutions in Moscow and the Moscow region with the participation of 120 young teachers (aged 22-28, with 1-3 years of experience). The sample was stratified by school type and subject specialization. The methods used included an original questionnaire for assessing difficulties, the MBI questionnaire for measuring burnout, a Likert scale for self-assessment of competencies, A.N. Lutoshkin's methodology for analyzing team climate, as well as semi-structured interviews. Data were processed in SPSS using descriptive statistics, correlation, comparative, and variance analysis. The results showed that the main difficulties of young teachers are related to organizational-management (42,71%) and communicative (33,82%) areas, with differences between urban and rural schools. Over the course of a year, there was a significant increase in self-assessment of competencies (up to 51% in certain aspects), especially in problem areas. Correlation analysis revealed a strong link between the quality of mentoring and adaptation ($r=0.68-0.72$) and a negative correlation with burnout ($r=-0.54$). A favorable team climate halves emotional exhaustion compared to an unfavorable one. Discussion of the results confirms that adaptation is a dynamic process influenced by internal (motivation, self-esteem) and external (mentoring, climate) factors with a synergistic effect. The absence of support increases the risk of maladaptation. The conclusions emphasize the need for comprehensive support programs to retain staff, including the development of mentoring and improvement of corporate culture in schools. The study contributes to pedagogical science by proposing an adaptation model for practical application.

Keywords

adaptation of young teachers, professional activity, psychological and pedagogical aspects, mentoring, emotional burnout.

References

1. Voskrekasenko O.A. The problem of adaptation of young teachers in a general education organization in the context of professional training of future teachers // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. № 11(91). pp. 142-146.
2. Gasanova N.A., Ashimova A.F. Psychological and pedagogical support of the professional activity of a young teacher // Socio-Pedagogical Institute bulletin. 2023. № 2(46). pp. 38-41.
3. Ismailova N.I., Khasanova A.R. Socio-psychological adaptation of teachers to professional activity // Problems of modern pedagogical education. 2025. № 87-4. pp. 429-432.
4. Korpuseenko A.A., Stroy G.V. Psychological factors of professional adaptation of young specialists in modern schools // Archont. 2025. № 1(52). pp. 198-201.
5. Kulganov V.A. Psychological and pedagogical support of children's adaptation to school conditions // Preschool pedagogy. 2024. № 4(199). pp. 4-8.
6. Kulganov V.A. Psychological and pedagogical support of children's adaptation to school conditions // Preschool pedagogy. 2020. № 9(164). pp. 4-8.
7. Lebedeva O.V., Glebova A.A., Stan D.A., Kolchina A.A. Problems of psychological adaptation of young professionals in school and ways to solve them // Nizhny Novgorod Psychological Almanac. 2023. № 2. pp. 123-130.
8. Levitskaya T.V. Methods of psychological and pedagogical adaptation of novice teachers to professional activity in modern schools // Naberezhnye Chelny State Pedagogical University bulletin. 2024. № 2-2(50). pp. 357-360.
9. Maurina N.B., Lysuenko S.A. The role of the personality of a young teacher in the process of his socio-psychological adaptation to professional pedagogical activity // Trends in the development of science and education. 2024. № 113-1. pp. 60-65.

10. Ovchinnikova L.A., Dekman I.E. Psychological and pedagogical support of the process of adaptation of a young teacher to the conditions of professional activity // *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2020. Vol. 9. № 2(31). pp. 354-357.
11. Orlova M.S., Spitsyna V.V. Psychological aspects of adaptation of a young teacher in a preschool educational organization // *Student electronic journal STRIZH*. 2021. № 5(40). pp. 60-63.
12. Stepanov F.G. Psychological and pedagogical support of adaptation of young teachers to professional activity // *State University of Humanities and Technology bulletin*. 2021. № 3. pp. 68-78.
13. Sugirova O.N. Psychological support of a teacher during professional adaptation // *Archon*. 2025. № 2(53). pp. 137-140.
14. Shchelina T.T. Psychological and pedagogical support of young teachers in conditions of personnel shortage in the Russian general education system // *The world of psychology*. 2023. № 2(113). pp. 60-67.
15. Shchelina T.T., Shchelina S.O. Psychological analysis of professional deficits of young teachers // *Domestic and foreign pedagogy*. 2025. Vol. 1. № 3(106). pp. 86-100.

Профессионально-ориентированные стратегии обучения студентов-билингвов работе с поликодовыми текстами в педагогических колледжах

Мария Прокопьевна Сидорова

Аспирант

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Якутск, Россия

sidorova_mp@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 20.05.2025

Принята 13.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 634.65

DOI 10.25726/g7119-2696-2861-g

EDN CRPTHT

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Настоящее исследование посвящено разработке и оценке эффективности профессионально-ориентированных стратегий обучения студентов-билингвов педагогических колледжей работе с поликодовыми текстами. Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки будущих педагогов к эффективной работе с мультимодальными информационными ресурсами, сочетающими вербальные, графические, аудиовизуальные и иные компоненты. Студенты-билингвы сталкиваются со специфическими трудностями при обработке таких текстов, связанными с когнитивной нагрузкой при одновременной активации двух языков и переключении между семиотическими системами. Исследование проводилось на базе педагогических колледжей Республики Саха (Якутия). Использовался смешанный методологический подход, сочетающий количественные (статистический анализ успеваемости, динамики навыков, результатов тестирования) и качественные методики (наблюдение, глубинное интервью, экспертная оценка проектов). Участникам эксперимента предлагались задания на основе деятельностного подхода: анализ учебных и научно-популярных поликодовых текстов, решение кейсов, разработка и защита собственных мультимодальных проектов в групповом формате. Результаты продемонстрировали статистически значимый рост успешности восприятия и анализа поликодовых материалов у студентов экспериментальных групп по сравнению с контрольными. Так, средний балл успешности у экспериментальных групп первого курса вырос с 2,69 до 3,34 ($p < 0.01$), второго курса – с 3,12 до 3,58 ($p < 0.01$). Наиболее выраженный прогресс (с 49,7% до 66,2%) наблюдался при решении смешанных задач, требующих одновременной обработки нескольких кодов. Анализ также выявил сокращение времени решения задач (до 34,27 сек. у 2 курса) и усиление корреляции между скоростью и успешностью ($r=0.69$). Качественные данные подтвердили повышение уверенности студентов, развитие метаязыковых способностей и умения применять стратегии в смоделированных педагогических ситуациях. Групповая работа показала синергетический эффект, улучшая интерпретацию материалов. Полученные данные свидетельствуют об эффективности профессионально-ориентированных стратегий, интегрирующих языковую подготовку, анализ мультимодальных структур и будущую педагогическую практику. Исследование подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования методик с акцентом на индивидуализацию обучения и развитие навыков быстрого переключения между языковыми кодами и семиотическими системами для успешной профессиональной деятельности будущих педагогов-билингвов.

Ключевые слова

студенты-билингвы, поликодовые тексты, педагогические колледжи, профессионально-ориентированные стратегии, формирование компетенций.

Введение

Современная система подготовки будущих учителей в педагогических колледжах предполагает не только освоение базовых предметных компетенций, но и формирование умения эффективно работать с различными типами текстовой информации, что особенно актуально при взаимодействии с мультимодальными или поликодовыми ресурсами. Студенты-билингвы, которые в равной мере владеют двумя языками, испытывают специфические трудности при обработке текстов, включающих в себя вербальные, графические, аудиовизуальные и прочие компоненты, поскольку каждый из языков активируется в зависимости от преобладающего кода текста и контекста учебной деятельности (Бакловская, 2020; Калинина, 2017). Проблема заключается в том, чтобы обеспечить такие условия, при которых билингвальные студенты смогут целостно воспринимать и интерпретировать разнокодовую информацию, систематизируя ее для дальнейшего профессионального применения в педагогической практике. Это накладывает особые требования на формы, методы и стратегии обучения, нуждающиеся в постоянном совершенствовании и в ориентации не только на языковую подготовку, но и на специализированные средства обработки сложных текстовых единиц.

В рамках данной парадигмы особое внимание уделяется тому, как эффективно сочетать разные подходы к обучению: традиционный анализ текстовой информации и интерактивные методы, основанные на проектной деятельности, ролевых играх или формате проблемных ситуаций, в которых билингвальные студенты получают возможность интегрировать языковые навыки с профессиональными компетенциями (Кучиева, 2004). При этом важен учет культурно-специфического аспекта: поликодовый текст несет не только информацию, но и элементы национального менталитета, социального опыта и традиций, что оказывает влияние на процесс восприятия и понимания. Учет таких особенностей необходим для формирования у будущих педагогов способности дифференцированно использовать два языка, анализировать структуру и смысл разнородных сообщений, а также адекватно применять полученные знания для разработки собственных учебных материалов или проведения уроков с мультимедийными компонентами. Сложность ситуации возрастает при необходимости быстрого переключения между кодами, которое требует хорошо развитых метаязыковых способностей и умения своевременно адаптировать профессиональные знания под специфику поликодовых ресурсов, формируя академическую мобильность и методическую гибкость.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе педагогических колледжей Республики Саха (Якутия), где доля билингвального населения достаточно высока, что позволило охватить студентов, владеющих как русским, так и вторым языком (например, региональным или иностранным) (Жумашева, 2013). Материалы включали в себя учебные и научно-популярные поликодовые тексты, объединяющие текстовые фрагменты с таблицами, схемами, фильмами, а также интерактивными элементами, предназначенными для иллюстрации различных педагогических ситуаций. Студентам предлагалось выполнить серию заданий, в ходе которых оценивались их умения вычленять ключевую информацию, систематизировать ее в соответствии с профессиональной направленностью и использовать перекодирование двуязычных компонентов для более глубокого анализа содержания. Применявшиеся задания базировались на принципах деятельностного подхода и предполагали активную работу в учебных группах. Испытуемые обсуждали материалы, решали кейсовые задачи, составляли собственные мультимодальные проекты и защищали их перед аудиторией, что позволило получить данные о качестве сформированности соответствующих навыков (Бакловская, 2018).

Выбор методов исследования основывался на сочетании количественных и качественных методик, что дало возможность более полно отразить процесс формирования билингвальной компетентности в работе с поликодовыми текстами (Ипатова, 2016). Количественные результаты

включали статистический анализ успеваемости, динамику изменения навыков систематизации материалов у испытуемых, а также процент правильных ответов в тестовых заданиях на понимание основной идеи разных типов текстов. Качественный анализ проводился на основе наблюдений, глубинных интервью и экспертной оценки проектов, представленных студентами. Особое внимание уделялось языковым стратегиям, которые участники исследования использовали при переработке мультимодальной информации, а также тому, насколько успешно студенты-билингвы могут применять полученные в ходе эксперимента умения в реальной педагогической практике.

Результаты и обсуждение

Изучение профессионально-ориентированных стратегий студентов-билингвов в анализе поликодовых текстов потребовало предварительного выявления барьеров в понимании и систематизации информации (Соколова, 2007). Большинство таких барьеров связано с одновременной обработкой разных семиотических систем, что порождает повышенную когнитивную нагрузку и требует умений переключаться между двумя языками. При этом определяющим фактором является контекст, в котором происходит восприятие текста, – учебная или практическая ситуация (Овчинникова, 2014). Для детального исследования был проведен психолого-педагогический эксперимент, результаты которого систематизированы в табличной форме. Анализ позволил выделить основные тенденции в формировании билингвальных стратегий, а также определить возможные пути совершенствования методик подготовки будущих педагогов. Более полные результаты обсуждаются в данном разделе (табл. 1).

Таблица 1. Изменение показателей успешности восприятия поликодовых текстов студентами-билингвами до и после внедрения профессионально-ориентированных стратегий

Группа студентов	Средний балл до эксперимента	Средний балл после эксперимента	t-критерий (значимость)
1-й курс (контрольная)	2,71	2,92	1.98 ($p < 0.05$)
1-й курс (экспериментальная)	2,69	3,34	3.21 ($p < 0.01$)
2-й курс (контрольная)	3,01	3,22	2.12 ($p < 0.05$)
2-й курс (экспериментальная)	3,12	3,58	2.98 ($p < 0.01$)

Приведенные данные демонстрируют значимый рост показателей успешности восприятия поликодовых материалов студентами, принимавшими участие в экспериментальных стратегиях, в сравнении с контрольными группами (Тиранова, 2005). Студенты, которые в ходе специальных занятий осваивали комплексные профессионально-ориентированные методы, продемонстрировали не только возросший балл тестовых показателей, но и увеличение своей активности в обсуждении мультимодальных материалов. Рост значений t-критерия с уровнем значимости $p < 0.01$ свидетельствует о высокой достоверности результатов, указывая на эффективность включения билингвов в целенаправленную работу с поликодовыми текстами (Сафонова, 2024).

Дополнительно стоит отметить, что прирост средних баллов был неравномерным в разных группах, что объясняется неодинаковым уровнем владения двумя языками и различиями в мотивации к анализу сложных текстовых структур. Контрольные группы увеличили средний балл, по всей видимости, вследствие общей систематизации знаний, тогда как экспериментальные группы получили более серьезный толчок к развитию языковой и аналитической компетентности. Подобная динамика указывает на необходимость дальнейшей индивидуализации подхода к обучению, учитывая начальный уровень билингвальной переработки информации у каждого студента. Существенным фактором оказалась и организация совместной работы, когда в рамках обсуждения мультимодальных данных формировалась коллективная стратегия интерпретации поликодовых элементов.

Важным этапом исследования стала оценка того, как именно билингвальные студенты применяют полученные умения на практике при анализе графических и текстовых структур. Для демонстрации данной динамики был выполнен статистический учет числа успешно решенных задач разного типа и анализ распределения ошибок (рис. 1).

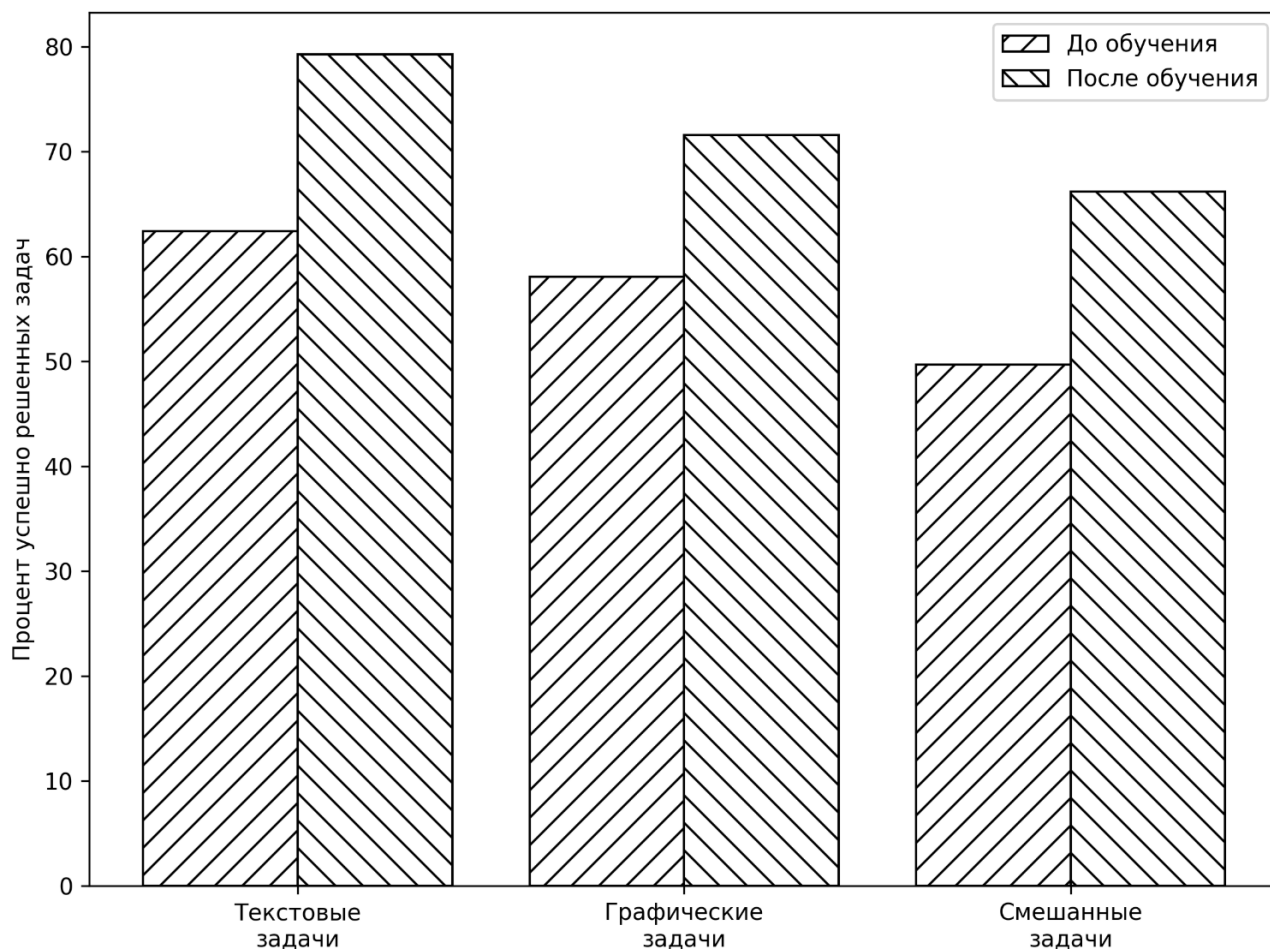

Рисунок 1. Сравнительный анализ решения различных типов задач студентами-билингвами до и после внедрения профессионально-ориентированных стратегий

Анализ представленных значений показывает явное улучшение результатов в каждой категории заданий (Парамонова, 2018). Наиболее выраженный рост наблюдается при решении смешанных задач, где студенты столкнулись с наибольшим количеством одновременно действующих семиотических кодов. Процент успешно решенных заданий возрос с 49,7% до 66,2%, что указывает на важную роль интеграции языковой и контекстуальной информации в ходе обучения и закрепления полученных навыков.

Дополнительное наблюдение состоит в том, что прирост в графических задачах несколько меньше, чем в текстовых, что может объясняться исходным уровнем подготовки студентов-билингвов и их привычкой ориентироваться прежде всего на вербальные сигналы. Однако даже при такой разнице ясно, что комплексные профессионально-ориентированные стратегии способствуют системному увеличению показателей результативности. Суммарная динамика говорит о том, что ключевым фактором при работе с поликодовыми текстами оказывается способность быстро оценивать сочетание визуальной и текстовой информации и перекодировать ее в удобную форму для последующего использования.

Для получения дополнительных сведений о роли интерактивного подхода был проведен повторный сбор статистики, в котором учитывалась не только успешность выполнения заданий, но и скорость их решения. Итоговые данные представлены во второй итоговой таблице (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение успешности и скорости решения поликодовых задач студентами-билингвами

Группа	Успешность (%)	Скорость (сек. на задачу)	Коэф. корреляции (r)
Экспериментальная 1-й курс	72,45	38,92	0.62
Экспериментальная 2-й курс	78,13	34,27	0.69
Контрольная 1-й курс	63,08	42,11	0.41
Контрольная 2-й курс	65,90	40,88	0.44

При рассмотрении полученных данных видно, что в экспериментальных группах не только растут показатели успешности, но и сокращается время, затрачиваемое на решение заданий (Шаталова, 2023). Повышение коэффициента корреляции между этими параметрами свидетельствует о развитии более эффективных стратегий. Студенты, прошедшие курс обучения с упором на мультимодальную деятельность, смогли быстрее определять релевантные фрагменты текста и корректнее применять их в процессе аргументации.

Участники исследования отмечали также увеличение уверенности при анализе разрозненных информационных элементов, включая таблицы, диаграммы и иллюстрации. Это указывает на постепенное повышенное умение ориентироваться в значительном количестве внешних кодов, переводить их на тот языковой уровень, который проще для дальнейшей трактовки. Следовательно, наблюдаемый рост в экспериментальных группах не является случайным и имеет прямое отношение к внедряемым методическим решениям.

Влияние групповой формы работы и коммуникативных интервенций также изучалось с помощью графического сопоставления. Результаты этого анализа представляют интерес с точки зрения понимания роли общения на втором языке в ходе разборов поликодовых текстов, что может повысить как языковую гибкость, так и мотивацию студентов (рис. 2).

В ходе анализа выявлено, что в экспериментальных группах наблюдается более существенная позитивная динамика при переходе от индивидуальной к групповой работе (Веретенникова, 2014). Если в начале эксперимента студенты-билингвы предпочитали единолично разбирать текст, так как им требовалось больше времени на переводы и внутреннее согласование, то со временем они стали эффективнее взаимодействовать друг с другом. Результаты показывают, что мотивация и взаимная поддержка дают синергетический эффект, повышающий общий уровень понимания.

При работе в паре студенты могли обсудить и сопоставить свои стратегии анализа, поправляя друг друга в случаях неправильного выбора языкового кода и оптимизируя общий процесс. При этом групповой формат позволил более глубоко углубиться в детали сложных мультимодальных заданий, распределяя когнитивную нагрузку на нескольких человек. Это существенно повысило оперативность работы и дало возможность проверить корректность принятых решений при перекодировании информации в новую форму.

Важным компонентом исследования стала проверка эффективности созданных учебных кейсов, которые нацелены на развитие гибкости билингвального мышления и адаптации к комбинированию разных знаковых систем. На следующем графике сопоставляются показатели вовлеченности студентов и качество выполненных ими заданий (рис. 3).

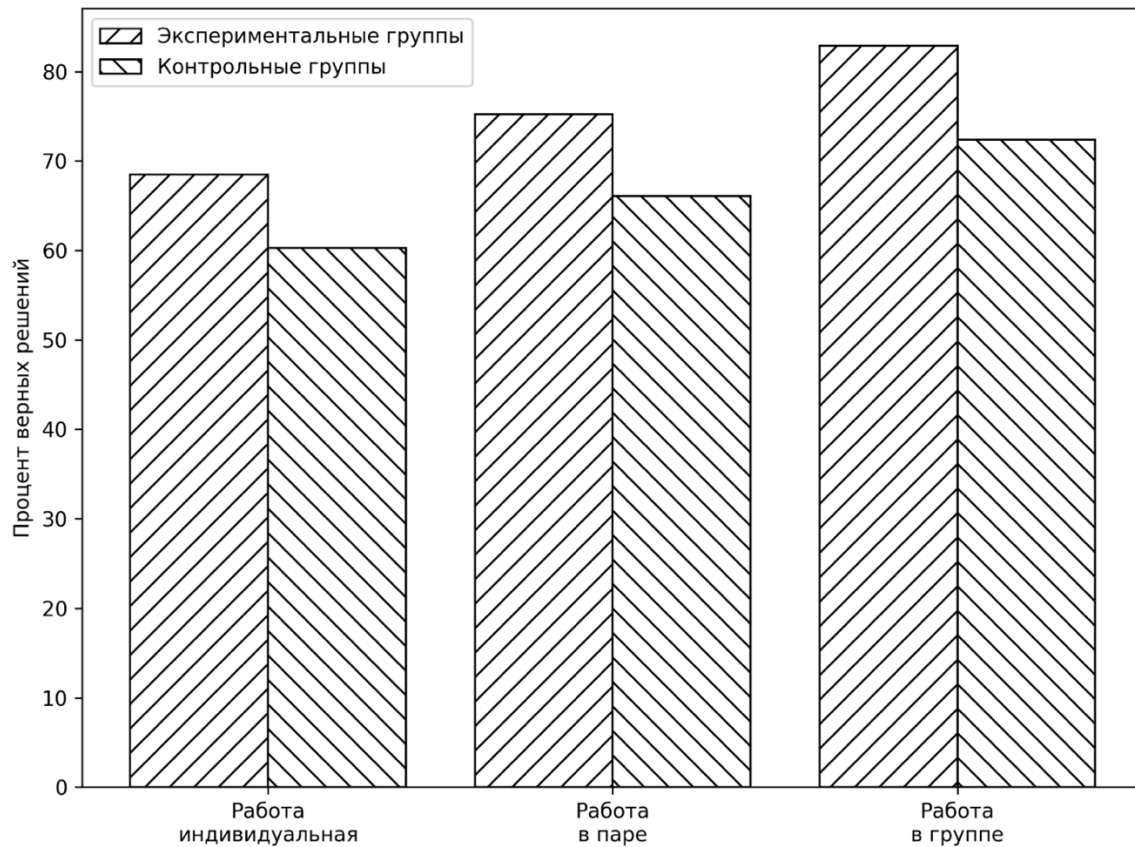

Рисунок 2. Сопоставление успешности решения поликодовых задач при разных формах организации труда

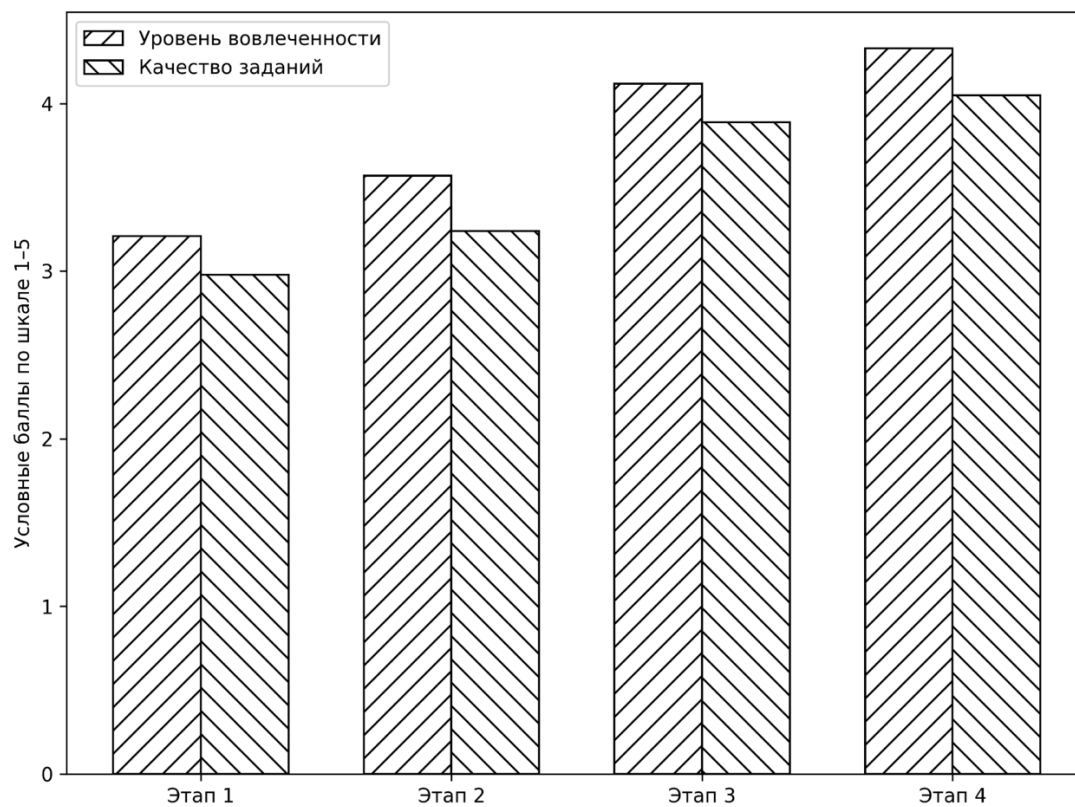

Рисунок 3. Динамика изменения уровня вовлеченности студентов и качества выполненных заданий на разных этапах эксперимента

Как видно из графика, рост показателей вовлеченности и качества выполненных заданий идет параллельно, что подчеркивает важность мотивирующих факторов и ориентированности на реальную педагогическую практику (Веретенникова, 2014). При переходе от этапа 1 к этапу 4 уровень вовлеченности возрастает с 3,21 до 4,33 баллов, в то время как качество выполнения постепенно приближается к верхней границе шкалы, достигая 4,05 баллов, что отражает интегрированное формирование языковых, методических и исследовательских компетенций.

Представленные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода при обучении студентов-билингвов работе с поликодовыми текстами. Фактор готовности к взаимодействию на втором языке усиливает учебный эффект. Параллельно формируется умение критически оценивать полученную информацию, соотносить ее с профессиональными задачами и корректировать стратегию разбора мультимодального материала. В итоге повышается и уровень знаний, и способность использовать их в различных педагогических сценариях.

Заключение

В ходе проведенного исследования было показано, что успех обучения студентов-билингвов работе с поликодовыми текстами во многом определяется их способностью эффективно переключаться между языковыми кодами и использовать на практике мультимодальные стратегии восприятия и анализа информации. Достигнутое повышение интегральных показателей и существенная статистическая значимость позволяют говорить о продуктивности профессионально-ориентированных методов, когда учебные задания и кейсы разрабатываются с учетом двуязычной специфики и тесно связаны с будущей педагогической деятельностью.

Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего совершенствования методик. Уже на ранних этапах обучения в педагогическом колледже следует уделять внимание не только автоматизации языковых навыков, но и целенаправленному развитию умения анализировать и структурировать материалы, опираясь сразу на несколько кодов и культуру каждого из используемых языков. Это создает основу для более глубокой подготовки будущих педагогов, способных критически осмысливать информацию, адаптировать ее под индивидуальные образовательные потребности и выступать в роли носителей передовых практик работы с поликодовыми ресурсами.

Список литературы

1. Бакловская О.К., Милютинская Н.Ю., Брим Н.Е. Дидактический потенциал полилингвальных текстов в профессиональной подготовке бакалавров филологии // *European social science journal*. 2018. № 12-1. С. 197-208.
2. Бакловская О.К., Милютинская Н.Ю., Брим Н.Е. Дидактический потенциал полилингвальных текстов в профессиональной подготовке бакалавров филологии // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 4(147). С. 68-75.
3. Веретенникова Л.К. Дифференцированный подход в профессионально-педагогическом образовании студентов-билингвов в условиях реформы // *Преподаватель XXI век*. 2014. № 1-1. С. 70-74.
4. Жумашева А.Ш. Подготовка педагогических кадров в условиях полиязычного образования // *Education Quality Assurance*. 2013. № 1. С. 23-30.
5. Ипатова Г.Н., Серова Л.К. Лингвокультурологический подход к созданию учебных пособий для студентов-билингвов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2016. № 1. С. 14-20.
6. Калинина М.С., Терехова С.А. Актуализация текстуально-организационных стратегий в процессе обучения студентов-лингвистов полилогическому общению (на материале французского языка) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. № 10(123). С. 4-8.
7. Кучиева Л.А. Профессиональный аспект обучения связному тексту студентов педагогических специальностей // *Диалог*. 2004. № 2. С. 12-13.

8. Овчинникова Т.Е. Прагматингвистические стратегии профессионалов в аспекте изучения английского языка студентами университета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7(168). С. 178-184.
9. Парамонова М. И. Жанровая достаточность при отборе текстового материала для иноязычной подготовки студентов-регионоведов: политическое интервью // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. 2018. № 10. С. 228-233.
10. Санникова И.Р. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку студентов педагогического колледжа // Среднее профессиональное образование. 2006. № 8. С. 33-36.
11. Сафонова В.В., Шустрова Е.В. Проблемные задания для работы с поликодовым текстом при реализации программ иноязычного профессионального образования // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 78-93.
12. Соколова Т.А. Роль стратегической компетенции в процессе читательской деятельности студентов неязыкового вуза // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1-2(29). С. 184-186.
13. Тиранова Н.Л. Использование знаково-контекстного обучения в педагогическом колледже // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 4(45). С. 74-78.
14. Трубачева М.А. О психическом развитии детей-билингвов в поликультурном образовательном пространстве школы // Вопросы гуманитарных наук. 2008. № 2(35). С. 271-277.
15. Шаталова Н.С., Рякина О.Р., Шаталова Л.С. Профессиональный поликодовый текст в практике преподавания русского языка как иностранного: модель, параметры, контент обучения // Русский язык за рубежом. 2023. № 3(298). С. 30-35.

Professionally-oriented strategies for teaching bilingual students how to work with polycode texts in teacher training colleges

Maria P. Sidorova

PhD student

Ammosov Northeastern Federal University

Yakutsk, Russia

sidorova_mp@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 20.05.2025

Accepted 13.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 634.65

DOI 10.25726/g7119-2696-2861-g

EDN CRPHTT

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

This study is devoted to the development and evaluation of the effectiveness of professionally oriented strategies for teaching bilingual students at teacher training colleges how to work with polycode texts. The relevance of the research is determined by the need to prepare future teachers for effective work with multimodal information resources combining verbal, graphic, audiovisual and other components. Bilingual students face specific difficulties in processing such texts related to the cognitive load of simultaneously activating two

languages and switching between semiotic systems. The study was conducted on the basis of pedagogical colleges of the Republic of Sakha (Yakutia). A mixed methodological approach was used, combining quantitative (statistical analysis of academic performance, skill dynamics, and test results) and qualitative methods (observation, in-depth interviews, and peer review of projects). The participants of the experiment were offered tasks based on an activity-based approach: analysis of educational and popular science polycode texts, case solving, development and protection of their own multimodal projects in a group format. The results demonstrated a statistically significant increase in the success of perception and analysis of polycode materials among students in the experimental groups compared with the control groups. Thus, the average success score of the experimental groups of the first year increased from 2.69 to 3.34 ($p < 0.01$), the second year – from 3.12 to 3.58 ($p < 0.01$). The most pronounced progress (from 49,7% to 66,2%) was observed when solving mixed tasks requiring simultaneous processing of several codes. The analysis also revealed a reduction in task-solving time (up to 34.27 seconds). in 2nd year students) and an increased correlation between speed and success ($r=0.69$). Qualitative data confirmed an increase in students' confidence, the development of metalanguage abilities and the ability to apply strategies in simulated pedagogical situations. Group work has shown a synergistic effect, improving the interpretation of materials. The data obtained indicate the effectiveness of professionally oriented strategies that integrate language training, analysis of multimodal structures and future pedagogical practice. The study confirms the need for further improvement of methods with an emphasis on individualizing learning and developing skills to quickly switch between language codes and semiotic systems for the successful professional activities of future bilingual teachers.

Keywords

bilingual students, polycode texts, teacher training colleges, professionally oriented strategies, competence building.

References

1. Baklovskaya O.K., Milyutinskaya N.Yu., Brim N.E. The didactic potential of multilingual texts in the professional training of bachelors of philology // *European social science journal*. 2018. № 12-1. pp. 197-208.
2. Baklovskaya O.K., Milyutinskaya N.Y., Brim N.E. The didactic potential multilingual texts in the professional training of bachelors of Philology // *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020. № 4(147). pp. 68-75.
3. Veretennikova L.K. Differentiated approach in professional and pedagogical education of bilingual students in the context of reform // *Teacher of the XXI century*. 2014. № 1-1. pp. 70-74.
4. Zhumasheva A.Sh. Training of teaching staff in multilingual education // *Education quality assurance*. 2013. № 1. pp. 23-30.
5. Ipatova G.N., Serova L.K. Linguistic and cultural approach to the creation of textbooks for bilingual students // *Peoples' Friendship University of Russia bulletin. The series Russian and foreign languages and methods of their teaching*. 2016. № 1. pp. 14-20.
6. Kalinina M.S., Terekhova S.A. Actualization of textual and organizational strategies in the process of teaching linguistic students to polylogical communication (based on the French language) // *Volgograd State Pedagogical University bulletin*. 2017. № 10(123). pp. 4-8.
7. Kuchieva L.A. The professional aspect of teaching coherent text to students of pedagogical specialties // *Dialog*. 2004. № 2. pp. 12-13.
8. Ovchinnikova T.E. Pragmalinguistic strategies of professionals in the aspect of learning English by university students // *Orenburg State University bulletin*. 2014. № 7(168). pp. 178-184.
9. Paramonova M. I. Genre sufficiency in the selection of text material for foreign language training of regional studies students: a political interview // *Professor M.A. Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications bulletin of the faculty of humanities*. 2018. № 10. pp. 228-233.
10. Sannikova I.R. Professionally oriented teaching of a foreign language to students of a pedagogical college // *Secondary vocational education*. 2006. № 8. pp. 33-36.

11. Safonova V.V., Shustrova E.V. Problematic tasks for working with polycode text in the implementation of foreign language vocational education programs // Moscow University Bulletin. Episode 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2024. № 2. pp. 78-93.
12. Sokolova T.A. The role of strategic competence in the process of reading activity of students of a non-linguistic university // Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2007. № 1-2(29). pp. 184-186.
13. Tiranova N.L. The use of sign-contextual teaching in a pedagogical college // Yaroslavl Pedagogical bulletin. 2005. № 4(45). pp. 74-78.
14. Trubacheva M.A. On the mental development of bilingual children in the multicultural educational space of the school // Questions of the humanities. 2008. № 2(35). pp. 271-277.
15. Shatalova N.S., Ryakina O.R., Shatalova L.S. Professional polycode text in the practice of teaching Russian as a foreign language: model, parameters, and content of teaching // Russian language abroad. 2023. № 3(298). pp. 30-35.

Влияние физической активности на когнитивные функции организма

Разамбек Русланович Пихаев

Старший преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа
Москва, Россия
Razambek@gmail.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Далгат Муратович Гаджиев

Старший преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа
Москва, Россия
Gadzhiev.dm@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Эмир Русланович Цицкиев

Преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа
Москва, Россия
Emir.tsitskiev@bk.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Аслан Адланович Бетмирзаев

Преподаватель
кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа
Москва, Россия
Betmirzaev.AA@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 05.05.2025

Принята 01.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 159.91

DOI 10.25726/o2735-9353-4677-m

EDN TTYVFK

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Целью исследования было оценить влияние регулярной физической активности на когнитивные функции студентов, учитывая роль аэробных и силовых тренировок в улучшении памяти, внимания и обучаемости. Актуальность обусловлена ростом умственной нагрузки и потребностью в доступных немедикаментозных средствах поддержания интеллектуальной работоспособности. Теоретическая база включает представления о нейропластичности, церебральной перфузии и нейроэндокринной регуляции, согласно которым умеренные нагрузки стимулируют нейрогенез, повышают уровень BDNF и оптимизируют стресс-реакции, что способствует устойчивости к умственным нагрузкам и повышению продуктивности. В исследовании приняли участие 60 студентов 18–23 лет, разделённых на две группы:

А — занимающиеся физической активностью не реже трёх раз в неделю, и В — без регулярных занятий. Применялись анкетирование уровня активности и самооценки памяти, тест внимания по таблицам Шульте и тест кратковременной памяти с запоминанием и воспроизведением слов. Оценка различий между группами проводилась с использованием стандартных критериев значимости для поведенческих данных, порог $p < 0,05$. Результаты показали статистически значимые преимущества у активной группы по всем показателям. Среднее время прохождения таблиц Шульте оказалось ниже у группы А (38,2 с) по сравнению с группой В (52,7 с), а количество правильно воспроизведённых слов выше (12,4 против 9,1). Самооценка концентрации внимания была выше у активных участников (8,3 балла против 6,2), при одновременном снижении субъективной усталости после умственной нагрузки. Совокупно активная группа продемонстрировала около 30% лучшую производительность в заданиях на внимание и память. Обсуждение результатов подтверждает, что регулярные умеренные аэробные и силовые занятия улучшают когнитивные функции через усиление церебральной перфузии, рост нейротрофинов и снижение кортизола, поддерживая нейропластичность и исполнительные функции. Практическое значение заключается в рекомендациях включать 2–3 сессии аэробных нагрузок и 1–2 силовых в неделю с индивидуальной дозировкой и восстановлением. Для студентов и офисных работников такая программа повышает устойчивость к стрессу, скорость обработки информации и академико-профессиональную продуктивность. Полученные данные обосновывают включение физической активности в образовательные и корпоративные практики как доступного инструмента когнитивной профилактики и повышения эффективности труда и обучения. Эффекты сохраняются при систематичности режима нагрузок.

Ключевые слова

физическая активность, когнитивные функции, память, внимание, нейропластичность, стресс.

Введение

В условиях постоянного интеллектуального и эмоционального напряжения проблема поддержания и развития когнитивных способностей приобретает особую актуальность. Современные исследования показывают, что физическая активность оказывает не только физиологическое, но и когнитивное влияние на организм человека (Белов, 2019).

Физическая активность традиционно ассоциируется с укреплением физического здоровья, профилактикой сердечно-сосудистых заболеваний и поддержанием нормального веса. Однако в последние десятилетия научный интерес всё чаще сосредоточен на роли физических упражнений в поддержании и развитии когнитивных функций. В условиях постоянного роста информационных потоков и увеличения умственной нагрузки особенно важно искать методы, позволяющие эффективно поддерживать интеллектуальные ресурсы человека.

Когнитивные функции представляют собой совокупность психических процессов, обеспечивающих познание, обучение, адаптацию и продуктивное взаимодействие с окружающим миром. Их нарушения могут снижать академическую и профессиональную результативность, а также ухудшать качество жизни. Таким образом, понимание механизмов воздействия физической активности на когнитивные процессы имеет как теоретическое, так и прикладное значение.

В статье будет проведён анализ влияния различных видов физических нагрузок на когнитивные функции с целью обоснования рекомендаций по их включению в повседневную жизнь.

Физическая активность с давних времен рассматривается как важное условие поддержания общего здоровья и в последнее время исследователи все больше внимания уделяют взаимосвязям между двигательными нагрузками и умственной деятельностью. Наш организм обладает множеством сложных механизмов, которые реагируют даже на незначительные изменения в уровне физической нагрузки, и эти изменения оказывают комплексное влияние не только на сердечно-сосудистую или дыхательную системы, но и на центральную нервную систему. Исследования показывают, что люди, ведущие активный образ жизни, нередко демонстрируют более высокие когнитивные способности, к которым относится способность концентрироваться, быстрее обрабатывать информацию или

запоминать новые данные (Хван, 2020). Такое взаимовлияние обусловлено как физиологическими, так и психологическими факторами, а их накопительный эффект значительно повышает качество жизни человека в долгосрочной перспективе.

Механизмы улучшения когнитивных функций за счет регулярных тренировок не сводятся к какой-либо одной составляющей, и все более глубоко изучаются изменения в кровоснабжении мозга. Считается, что при умеренной и регулярной физической активности стимулируется приток кислорода и питательных веществ к нейронам, что позволяет им работать эффективнее (Козлов, 2019). Это приводит к поддержанию когнитивной пластичности, то есть способности мозга быстро адаптироваться к новым условиям или восстанавливаться после стрессовых нагрузок. Не менее важна выработка определенных гормонов и регуляторных веществ, таких как факторы роста, ответственные за формирование новых нейронных связей. Благодаря этим процессам физические нагрузки оказывают заметное влияние на память, внимание, способность к обучению, активацию исполнительных функций и даже на креативность.

Материалы и методы исследования

Особое внимание ученых в последние годы сосредоточилось на исследовании роли аэробных нагрузок, так как именно они наиболее тесно коррелируют с показателями памяти и концентрации внимания. Однако и силовые тренировки не остаются без внимания, поскольку при сочетании аэробных и силовых упражнений можно наблюдать комплексный положительный эффект на различные структуры мозга. Когда человек регулярно занимается бегом, плаванием или спортивной ходьбой, его организм не только укрепляет мышцы и сердечно-сосудистую систему, но и создает более благоприятные условия для питания коры головного мозга, отвечающей за когнитивные решения. Многие люди отмечают усиление чувства ясности мыслей после пробежки в утренние часы, когда после физической нагрузки ментальная активность возрастает, а субъективное ощущение бодрости и готовности к интеллектуальной деятельности сохраняется на протяжении всего дня.

Еще одним ключевым аспектом, который нужно выделить, является влияние физических упражнений на психоэмоциональное состояние. При регулярных тренировках вырабатываются эндорфины, дофамин и серотонин – вещества, поддерживающие чувства удовлетворения и радости. Это напрямую может улучшать когнитивные функции, так как состояние тревожности и депрессии, напротив, ухудшает память, внимание и скорость обработки информации (Егорова, 2021). Кроме того, физическая активность способствует снижению уровня кортизола – гормона стресса, который при превышении нормальных значений может негативно сказываться на способности к концентрации и на формировании новых воспоминаний. Таким образом, соблюдение режимов тренировок дает человеку не только физическую, но и когнитивную выносливость.

Значимые результаты достигаются уже при сравнительно умеренных нагрузках. Вовсе не обязательно становиться профессиональным спортсменом, чтобы укрепить когнитивные ресурсы организма, – достаточно регулярных прогулок быстрым шагом, велосипедных поездок или занятий дома, если такой формат удобен человеку. Наиболее эффективными оказываются те формы физических нагрузок, которые приносят радость и не сопровождаются чрезмерным психологическим дискомфортом, поскольку стресс от нелюбимой активности может свести на нет многие положительные эффекты. Важно помнить, что даже интеллектуальная работа требует подпитки энергетическими и гормональными ресурсами, которые во многом формируются в процессе общей активности тела.

Целью данного исследования стало определение влияния регулярной физической активности на когнитивные способности студентов вуза. Было проведено анкетирование 60 студентов в возрасте от 18 до 23 лет. Все участники были разделены на две группы: Группа А – занимаются физической активностью не менее 3 раз в неделю; Группа В – не занимаются физической активностью регулярно. Использовались методы: опрос (опросник уровня физической активности и самооценки памяти); тест на внимание (таблицы Шульте); тест на кратковременную память (запоминание и воспроизведение слов).

Результаты и обсуждение

Физическая активность – это любые телесные движения, производимые скелетной мускулатурой, которые сопровождаются расходом энергии. В отличие от профессионального спорта, оздоровительная физическая активность ориентирована на поддержку общего тонуса, улучшение самочувствия и ментальной продуктивности (Белов, 2019).

Классификация:

- По интенсивности: лёгкая (ходьба), умеренная (плавание, танцы), высокая (интервальные тренировки, бег);
- По продолжительности и частоте: кратковременная, регулярная (2-3 раза в неделю), интенсивная (ежедневные тренировки);
- По направленности: аэробная, анаэробная, гибридная;
- По среде выполнения: на воздухе, в помещении, с тренажёрами, без оборудования.

Регулярная активность даже умеренной интенсивности может положительно повлиять на умственные способности, особенно у пожилых и студентов в период экзаменационного стресса.

Физическая активность влияет на мозг как на структурном, так и на биохимическом уровнях:

- Нейрогенез – особенно в гиппокампе, области мозга, связанной с памятью;
- Увеличение уровня нейротрофинов, таких как BDNF (brain-derived neurotrophic factor), поддерживающих рост и выживание нейронов;
- Улучшение церебральной перфузии (мозгового кровотока) и насыщения тканей кислородом;
- Снижение уровня кортизола – гормона стресса, подавляющего деятельность префронтальной коры;
- Активация дофаминергических и серотонинергических путей, улучшающих настроение, мотивацию и скорость обработки информации.

Физическая активность способствует выработке нейротрофического фактора мозга (BDNF), который играет важную роль в нейропластичности – способности мозга к адаптации и обучению. Аэробные нагрузки, такие как бег или плавание, активизируют префронтальную кору и гиппокамп, улучшая память и внимание. Силовые тренировки также оказывают влияние на когнитивную сферу, способствуя выработке гормонов (в частности, тестостерона и гормона роста), опосредованно влияющих на процессы мышления и концентрации.

Ключевые механизмы, через которые физическая активность влияет на когнитивные функции: улучшение кровообращения мозга; снижение уровня кортизола (гормона стресса); повышение уровня нейротрансмиттеров (дофамин, серотонин); стимуляция роста новых нейронов (Смирнова, 2018).

Длительное игнорирование регулярных тренировок способно привести к негативным последствиям, особенно при интенсивном умственном труде. Мозг постоянно нуждается в обеспечении адекватным притоком крови, в переносе достаточного количества кислорода, и в выработке белковых факторов, необходимых для эффективной коммуникации между нейронами. При малоподвижном образе жизни повышается риск нарушений памяти, снижения концентрации и, как следствие, результативности в профессиональной деятельности. Уровень перегрузок в сочетании с недостатком двигательной активности формирует паттерны хронической усталости. Решить подобные проблемы становится сложнее, если не вводить в расписание регулярные тренировочные сессии. При этом нельзя не отметить, что важен не только общий уровень активности, но и ее распределение в течение недели, чтобы организм успевал восстанавливаться.

Вопрос о том, как именно физическая активность влияет на отдельные области мозга, остается в фокусе многих современных исследований (Смирнова, 2018). Методы нейровизуализации позволили выявить, что у людей с более высоким уровнем выносливости часто наблюдается большая плотность серого и белого вещества в областях, связанных с памятью и исполнительными функциями. В частности, важная роль отводится гиппокампу – структуре, ответственной за процессы запоминания и ориентации в пространстве. Регулярные физические упражнения способны поддерживать нормальный объем гиппокампа и предотвращать его уменьшение, которое может наступать с возрастом. Интересно, что

такая положительная динамика наиболее заметна в среднем возрасте, хотя и в пожилом возрасте тренировки остаются крайне полезными для сохранения ясности ума.

Каждый организм уникален, поэтому нет универсальной программы тренировок, подходящей всем без исключений. Тем не менее важно осознавать: чтобы обеспечить наилучший эффект для мозга, физические упражнения должны быть систематическими. Резкие и изнурительные нагрузки без плана могут приводить к травмам и демотивации, тогда как плавное наращивание интенсивности способствует улучшению настроения, повышению способности к обучению и снижению утомляемости (Соловьев, 2020). При этом не имеет смысла рассматривать только спортзал или только бег. Индивидуальные предпочтения в выборе вида деятельности и ежедневного распорядка способствуют выработке привычки и более эффективному включению тренировок в образ жизни. Люди, которым удастся найти оптимальное сочетание, нередко замечают существенный рост когнитивной продуктивности.

Не менее важно учитывать особенности питания, так как когнитивные процессы тесно связаны с полноценным обеспечением мозга всеми необходимыми микроэлементами и макронутриентами. Физическая активность часто идет рука об руку с изменениями в рационе, поскольку повышается потребность организма в восстановлении тканей и поддержании энергетического баланса (Иванова, 2021). Употребление правильных продуктов, богатых антиоксидантами, витаминами группы В, а также Омега-3 жирными кислотами, положительно влияет на когнитивные функции и дополнительно усиливает эффект от тренировок. Сбалансированное питание облегчает процесс восприятия и запоминания новой информации, повышает способность быстро переключаться между задачами, а также поддерживает общий тонус нервной системы.

За последние десятилетия в фокус внимания попал так называемый «мозговой резерв» – способность мозга лучше сопротивляться повреждающим факторам и возрастным изменениям при наличии больших функциональных ресурсов. Результаты последних наблюдений подтверждают, что люди, которые совмещают интеллектуальную деятельность и умеренную физическую активность, имеют более высокие шансы на сохранение когнитивных функций в старшем возрасте. Мозговой резерв формируется еще с юных лет, но развивается и в течение всей жизни, когда человек активно участвует в процессах обучения и старается поддерживать хорошую физическую форму. Эта комбинированная стратегия – постоянное саморазвитие и забота о здоровье – позволяет мозгу легче приспосабливаться к новым условиям, даже если в течение жизни человек сталкивается с травмами или серьезными заболеваниями.

Таким образом, связь между физической активностью и когнитивными функциями многогранна. На уровне клеточных процессов она отражается в нейропластичности, трофической поддержке мозга и регуляции гормональной системы. На уровне повседневных механизмов восприятия, мышления и памяти движение значительно помогает справляться с нагрузками, повышать продуктивность и улучшать настроение. Не случайно многие компании вводят в корпоративную культуру различные тренировки для своих сотрудников, предлагая посещение спортзала или организацию групповых занятий по фитнесу. Это не только укрепляет командный дух, но и повышает эффективность решения сложных задач. Человек в тонусе охотнее берет на себя новые проекты, быстрее адаптируется к изменениям и дольше сохраняет высокую работоспособность.

Когда речь идет об интенсивных режимах тренировок, стоит помнить, что перегрузки тоже могут негативно сказаться на когнитивном потенциале. Важно удерживать баланс между достаточным уровнем нагрузки и возможностью организма восстанавливаться (Белов, 2019). Промежутки отдыха оказывают не меньшее значение для мозга, чем сами упражнения, ведь в период отдыха завершаются процессы, приводящие к аккумуляции когнитивных улучшений. Поэтому спортивные мероприятия должны планироваться с учетом личных возможностей, уровня подготовки и общего состояния здоровья. При соблюдении этих рекомендаций двигательная активность превращается в мощный инструмент умственного развития.

Позитивное влияние физических нагрузок на настроение и самочувствие было описано уже довольно давно, однако только с развитием современной науки удалось глубже раскрыть нейрохимические механизмы этого явления. Оказалось, что повышение уровня эндорфинов, равно как

и серотонина, может значительно уменьшать симптомы депрессии и тревоги, делая мышление более ясным и позитивным. Благодаря этому феномену люди, страдающие различными формами расстройств настроения, частично или полностью компенсируют свои проблемы за счет систематических нагрузок. При этом упражнения не следует рассматривать как чудодейственное лекарство от всех ментальных проблем, они скорее дополняют комплексный подход. Но вклад физической активности в общее ментальное благополучие трудно переоценить, особенно если речь идет о профилактике расстройств когнитивной сферы.

Различные виды активности могут оказывать несколько отличающееся влияние на мозг, однако любая систематическая нагрузка способна внести вклад в когнитивный рост. Игровые виды спорта, такие как теннис или баскетбол, развивают не только выносливость, но и реакцию, способность принимать быстрые решения. Йога при всей своей статичности поддерживает регуляцию дыхания, стимулирующую успокоение нервной системы, что положительно сказывается на внимании и памяти. Танцы тренируют координацию, ритмику и укрепляют связь между различными зонами мозга, отвечающими за пространственную ориентацию и моторику. Именно потому так важно подбирать нагрузки в соответствии со своими интересами и целями, чтобы не просто механически трудиться, а получать удовольствие от самого процесса.

Всплеск интереса к изучению когнитивных преимуществ, связанных с активным образом жизни, совпал с ростом популярности концепции здорового старения. Наблюдая, как люди пожилого возраста, продолжавшие заниматься спортом, сохраняют активность мозга, ученые пришли к выводу, что двигательная активность способна отодвинуть или смягчить проявления возрастных изменений, связанных с деменцией (Орлова, 2020). Разумеется, полная отмена возрастных процессов невозможна, но регулярные тренировки укрепляют сердечнососудистую систему, что, в свою очередь, положительно сказывается на состоянии сосудов головного мозга. Снижение вероятности атеросклероза, гипертонии и связанных с ними осложнений позволяет более качественно поддерживать когнитивные функции в старшем возрасте.

Вероятно, наиболее подходящим подходом к сохранению интеллектуального потенциала является сочетание регулярных физических тренировок, сбалансированного питания, качественного сна и умственной активности. Если хотя бы одна из этих составляющих страдает, весь комплекс начинает работать хуже. Наверняка многие замечали, что во время интенсивных интеллектуальных нагрузок тело в какой-то мере «застаивается», и как только удастся включить фитнес-нагрузки в повседневный распорядок, ясность ума возрастает (Егорова, 2021). Научные модели подтверждают, что такие взаимосвязи имеют биологическую основу, связанную с подвижностью нервной ткани и способностью адаптироваться к высоким потребностям. Именно поэтому так важно комплексно подходить к вопросу укрепления здоровья и развития интеллекта.

В течение долгого времени существовал миф, что мозг не способен восстанавливаться или существенно изменяться во взрослом возрасте. Современная наука доказала обратное: структура и функциональность мозга меняются под воздействием обучения, внешних факторов и регулярных физических нагрузок даже в зрелом и пожилом возрасте (Соловьев, 2020). Ключевые процессы нейропластичности продолжают работать, хотя и могут замедляться при наличии факторов риска, таких как курение, неправильное питание и постоянные стрессы. Предотвратить чрезмерное ускорение возрастных изменений помогает как раз адекватная физическая активность, способная активировать защитные механизмы и поддерживать высокую эффективность синаптических процессов.

Важно, что когнитивный эффект физической активности не ограничивается только улучшением памяти или внимания. Зачастую люди, регулярно занимающиеся спортом, демонстрируют и большую эмоциональную стабильность, повышенную стрессоустойчивость и способность к вовлеченному, креативному решению проблем. Исследования, затрагивающие мозговую биохимию, подтверждают, что при движении активируются зоны, отвечающие за поиск новых путей и вариантов, что может усиливать творческое мышление (Козлов, 2019). Это объясняет, почему иногда вдохновляющая идея рождается именно во время прогулки или пробежки, когда мозг, получая дополнительную порцию кислорода и гормональных стимуляторов, переключается в более свободный режим обработки данных.

Среди молодых и активно развивающихся людей тренировочный режим может закладывать основы для долгосрочной жизненной продуктивности. Научившись организовывать себя и делать физические упражнения привычкой, человек приобретает навык осознанного подхода к распределению времени и ресурсов (Хван, 2020). Эта привычка со временем способна стать элементом личной культуры, который будет помогать преодолевать карьерные вызовы и предотвращать эмоциональное выгорание. В свою очередь, навыки самоконтроля, развивающиеся в процессе тренировок, способствуют и умению распределять когнитивную нагрузку. Это проявляется в способности эффективнее учиться, планировать рабочий день и брать на себя новые обязательства без резкого упадка сил.

Усиление кровотока во время занятий спортом отражается и на так называемом «чувстве нервного тонуса». Мозговая активность лучше поддерживается, когда сосудистая сеть сохраняется в хорошем состоянии, и каждый орган получает необходимое количество кислорода и питательных веществ. При этом важно избегать гипоксии, которая может возникать даже при частичной непроходимости сосудов. Интенсивные, но относительно короткие физические нагрузки позволяют улучшать тонус сосудов без избыточного стресса на сердечно-сосудистую систему, а комплексный подход к здоровью оберегает от скачков давления и головных болей, ухудшающих общее самочувствие и когнитивную производительность.

Если посмотреть на весь набор позитивных изменений, вызываемых физической активностью, можно заметить, насколько они синергичны. Повышенное количество кислорода, ускоренная регенерация тканей, усиленные сигналы нейромедиаторов — все это совместно способствует тому, что головной мозг работает более слаженно. Не случайно многие школы и университеты активно разрабатывают программы, объединяющие интеллектуальные занятия с физической подготовкой, чтобы повысить успеваемость студентов (Белов, 2019). Результаты таких экспериментов в большинстве случаев оказываются положительными: учащимся проще концентрироваться на лекциях, и они быстрее усваивают материал. Комбинация движения и умственной деятельности формирует прочные нейронные связи, которые остаются на длительное время, снижая риск быстрого забывания новых знаний.

Среди возможных перспектив развития научных исследований в этой области следует отметить более детальные изучения индивидуальной эффективности разных типов тренировок. Пока что у нас есть усредненные схемы и понимание, что аэробные нагрузки дают определенный эффект, а анаэробные — другой. Однако люди отличаются по генетике, гормональному фону, анамнезу, образу жизни. Поэтому применение персонализированных подходов может еще больше укрепить взаимосвязь между физическим здоровьем и когнитивным развитием. Это означает, что в будущем, возможно, появятся рекомендации, включающие подробные данные генетического тестирования и мониторинга физиологических показателей, позволяющие выстраивать тренировки таким образом, чтобы максимально повышать интеллектуальную отдачу.

Здесь необходимо рассмотреть еще один термин — а именно, понятие когнитивных функций. Когнитивные функции — это совокупность психических процессов, обеспечивающих восприятие, запоминание, анализ, интерпретацию и воспроизведение информации. К числу ключевых когнитивных способностей относят: внимание, память, мышление, речь и восприятие (Егорова, 2021).

К основным когнитивным функциям относятся:

- Внимание — способность сосредотачиваться на значимой информации;
- Память — процесс сохранения и воспроизведения опыта;
- Мышление — обработка информации, логика, рассуждение;
- Восприятие — получение и интерпретация сенсорной информации;
- Речь — вербальное выражение мыслей;
- Планирование и контроль действий — исполнительные функции, связанные с предвидением результатов и их коррекцией (Егорова, 2021).

Дисфункции в одной или нескольких из этих сфер могут наблюдаться при неврологических, психических, возрастных и стрессовых нарушениях.

Анализ данных показал статистически значимую разницу между группами по всем показателям ($p < 0,05$). Отдельный интерес представляет снижение субъективного чувства усталости у физически активных студентов, что может быть связано с устойчивостью к стрессу и улучшенной нейроэндокринной регуляцией (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительные показатели когнитивных функций в зависимости от уровня физической активности

Показатель	Группа А (активные)	Группа В (неактивные)	Разница
Среднее время прохождения таблицы Шульте (сек.)	38,2	52,7	-14,5
Кол-во правильно воспроизведённых слов (из 15)	12,4	9,1	+3,3
Самооценка концентрации внимания (по 10-балльной шкале)	8,3	6,2	+2,1
Уровень усталости после умственной нагрузки	Низкий	Средний/Высокий	-

Кроме того, полученные данные подтверждают гипотезу о позитивном влиянии физической активности на когнитивные функции. Участники группы А показали на 30% более высокие результаты при выполнении заданий на внимание и память. Это свидетельствует о потенциальной возможности использования физической активности как средства повышения интеллектуальной продуктивности [8. – С. 67].

Заключение

Таким образом, физическая активность оказывает комплексное положительное воздействие на когнитивные функции организма, способствуя улучшению памяти, внимания и устойчивости к умственным нагрузкам. Результаты исследования позволяют рекомендовать включение физической активности в распорядок дня студентов и офисных работников как эффективный способ повышения когнитивной работоспособности.

Список литературы

1. Белов С.А. Когнитивные стратегии и их развитие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2019. 187 с.
2. Егорова Т.А. Образ жизни и когнитивное здоровье. СПб.: Медицинская книга, 2021. 210 с.
3. Иванова М.Г. Гормональный фон и познавательные процессы // Нейропсихология. 2021. № 6.
4. Козлов И.Б. Психофизиология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2019. 312 с.
5. Орлова Н.И. Психология спорта: учебное пособие. М.: Академия, 2020. 256 с.
6. Смирнова Е.А. Нейрофизиологические основы памяти. Екатеринбург: УрФУ, 2018. 144 с.
7. Соловьев А.Н. Физическая активность и здоровье человека. М.: Просвещение, 2020. 198 с.
8. Хван Л.И. Стресс и умственная деятельность // Вестник психологии. 2020. № 3.

The effect of physical activity on the cognitive functions of the body

Razambek R. Pihaev

Senior Lecturer at the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Graduate School
Moscow, Russia
Razambek@gmail.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Dalgat M. Gadzhiyev

Senior Lecturer at the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Graduate School
Moscow, Russia
Gadzhiyev.dm@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Emir R. Tsitskiev

Teacher of the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Graduate School
Moscow, Russia
Emir.tsitskiev@bk.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Aslan A. Betmirzaev

Teacher
Departments of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Graduate School
Moscow, Russia
Betmirzaev.AA@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 05.05.2025

Accepted 01.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 159.91

DOI 10.25726/o2735-9353-4677-m

EDN TTYVFK

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The aim of the study was to assess the impact of regular physical activity on the cognitive functions of students, taking into account the role of aerobic and strength training in improving memory, attention, and learning ability. The relevance is determined by the growing mental workload and the need for accessible non-pharmacological means of maintaining intellectual performance. The theoretical foundation is based on concepts of neuroplasticity, cerebral perfusion, and neuroendocrine regulation, according to which moderate exercise stimulates neurogenesis, increases BDNF levels, and optimizes stress responses, thereby enhancing resilience to mental load and improving productivity. The study involved 60 students aged 18–23, divided into two groups: A — engaging in physical activity at least three times a week, and B — without regular training. Methods included

a questionnaire on activity level and self-assessment of memory, an attention test using the Schulte tables, and a short-term memory test involving word recall. Differences between groups were evaluated using standard significance criteria for behavioral data, with a threshold of $p < 0.05$. The results showed statistically significant advantages for the active group in all indicators. The mean completion time for the Schulte tables was lower in group A (38.2 s) compared to group B (52.7 s), and the number of correctly recalled words was higher (12.4 vs. 9.1). Self-assessed concentration was also higher among active participants (8.3 points vs. 6.2), along with reduced subjective fatigue after mental effort. Overall, the active group demonstrated approximately 30% better performance in attention and memory tasks. The discussion confirms that regular moderate aerobic and strength training improve cognitive functions by enhancing cerebral perfusion, increasing neurotrophin levels, and reducing cortisol, thereby supporting neuroplasticity and executive functions. The practical significance lies in the recommendation to include 2–3 aerobic sessions and 1–2 strength sessions per week, with individualized intensity and recovery. For students and office workers, such a program increases stress resilience, information processing speed, and academic-professional productivity. The findings substantiate the integration of physical activity into educational and corporate practices as an accessible tool for cognitive prevention and efficiency enhancement. The positive effects persist under systematic training routines.

Keywords

physical activity, cognitive functions, memory, attention, neuroplasticity, stress.

References

1. Belov S.A. Cognitive strategies and their development. Novosibirsk: NSU, 2019. 187 p.
2. Egorova T.A. Lifestyle and cognitive health. SPb.: Medical Book, 2021. 210 p.
3. Ivanova M.G. Hormonal background and cognitive processes // Neuropsychology. 2021. № 6.
4. Kozlov I.B. Psychophysiology: a textbook. SPb.: Peter, 2019. 312 p.
5. Orlova N.I. Psychology of sports: a textbook. M.: Academy, 2020. 256 p.
6. Smirnova E.A. Neurophysiological foundations of memory. Yekaterinburg: UrFU, 2018. 144 p.
7. Solovyov A.N. Physical activity and human health. M.: Education, 2020. 198 p.
8. Khvan L.I. Stress and mental activity // Bulletin of psychology. 2020. № 3.

**Когнитивно-дискурсивный подход к преподаванию синтаксиса русского языка:
нейролингвистические основы и педагогические практики**

Диана Дмитриевна Лоншакова

Студент

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета

Ишим, Россия

stud0000277292@utmn.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Амина Амангельдыевна Сарсикеева

Студент

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета

Ишим, Россия

Sarsikeeva07@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Анна Евгеньевна Чернова

Студент

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета

Ишим, Россия

anychernova06@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 01.06.2025

Принята 21.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 81'3'5

DOI 10.25726/f0896-4954-6854-j

EDN GOQQUW

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию возможностей когнитивно-дискурсивного подхода в преподавании синтаксиса русского языка, с акцентом на его нейролингвистические основы и конкретные педагогические практики. Обосновывается необходимость интеграции лингвистических знаний с данными психологии, нейробиологии и теории коммуникации для преодоления формального понимания грамматики. В центре внимания – идея о том, что синтаксические конструкции являются не только средством оформления мысли, но и активным инструментом когнитивной деятельности и коммуникативного воздействия, мотивированным контекстом, целями и интенциями говорящего. Авторами рассматриваются методические принципы реализации данного подхода, включая анализ разнообразных дискурсных жанров (от научных текстов до соцсетей), разработку заданий на трансформацию предложений, конструирование фраз и анализ ошибок с учетом их причин. Особое внимание уделяется нейролингвистическим аспектам: как мозг обрабатывает синтаксические структуры, роль рабочей и долговременной памяти, связь синтаксиса с прагматикой и влияние эмоционально-

оценочной составляющей. Подчеркивается важность учета индивидуальных когнитивных стилей учащихся (визуальный, аудиальный) и создания динамичной учебной среды, стимулирующей осознанный выбор языковых средств. Результаты исследования демонстрируют эффективность таких практик, как проектная деятельность, ролевые игры, анализ больших текстовых фрагментов, сопоставление исторических и современных текстов, а также системная рефлексия учащихся над собственными синтаксическими выборами. Показано, что осмысленная работа с синтаксисом в контексте дискурса способствует не только формированию грамматических навыков, но и развитию метапредметных компетенций – критического мышления, речевого интеллекта, способности к логичному и выразительному оформлению мысли. Делается вывод о долгосрочном положительном эффекте подхода, выражающемся в повышении коммуникативной компетенции учащихся, сокращении ошибок и уверенном применении синтаксиса в реальных речевых ситуациях, что требует от педагога готовности к творческому поиску и интеграции знаний из смежных дисциплин.

Ключевые слова

когнитивно-дискурсивный подход, синтаксис русского языка, нейролингвистика, педагогические практики, методика преподавания.

Введение

Современная методика преподавания русского языка все чаще обращается к междисциплинарным подходам, позволяющим глубже понять механизмы усвоения грамматических структур и функций языка в коммуникативной деятельности. Когнитивно-дискурсивный аспект особенно важен в связи с тем, что синтаксис не сводится к механической расстановке слов и знаков препинания, а тесно связан с мыслительными процессами, актуальными для формирования и выражения смыслов. Подход, сконцентрированный на когнитивных и дискурсивных особенностях языковой деятельности, помогает преподавателям и учащимся осознанно анализировать синтаксические конструкции, видеть их роль в создании текста и учитывать нюансы речевой коммуникации. Интерпретация синтаксиса в этой парадигме требует не только традиционной лингвистической подготовки, но и опоры на такие области, как психология, нейробиология и теория коммуникации. Именно поэтому изучение нейролингвистических основ предлагает свежий угол зрения на усвоение синтаксиса, указывая, как когнитивные процессы формируют основу языкового развития (Хегай, 2023). Это открывает широкие возможности для педагогической практики, поскольку позволяет адаптировать учебный процесс к индивидуальным когнитивным особенностям учащихся и формировать осознание структурно-семантического потенциала языка уже на ранних этапах обучения.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода важно понимать, что синтаксические конструкции, выбираемые говорящим или пишущим, мотивированы не только грамматическими правилами, но и контекстом, коммуникативными целями и прагматическими интенциями. Эти факторы накладывают отпечаток на учебные материалы, формируемые в курсе русского языка, и требуют от учителя гибкости: необходимо уметь демонстрировать учащимся, что разные синтаксические формы могут отражать различные смыслы, даже если формально они выглядят схожими. Влияние дискурсивных особенностей проявляется в том, как речевые стратегии отражают социальные, культурные и индивидуальные установки, побуждая или, напротив, сдерживая проявление некоторых синтаксических паттернов (Муминова 2022). Успешная реализация такого подхода предполагает создание динамической учебной среды, в которой учащиеся учатся осмысленно выбирать языковые средства для выражения своих мыслей в соответствии с конкретной ситуацией.

Материалы и методы исследования

Однако подобное переосмысление методики требует и пересмотра роли преподавателя русского языка. Ему приходится учитывать, что помимо теоретической подготовки, включая знание принципов традиционного синтаксиса, нужна готовность анализировать многочисленные дискурсивные параметры. Каждый текст в классе превращается в объект анализа не только с точки зрения его структуры, но и

коммуникативной функции, желаемого эффекта на получателя, стилистической окраски. Разнообразие дискурсных жанров – от официальных писем и научных статей до личных блогов и постов в социальных сетях – предъявляет особые требования к синтаксической организации. Учителю важно уметь переключаться между этими жанрами, позволяя ученикам увидеть, как единые грамматические механизмы находят разное воплощение в зависимости от дискурсивной ситуации (Чупашева, 2021). Такая работа подразумевает постепенное формирование у учащихся аналитических и метапредметных компетенций, которые выходят за рамки сугубо орфографических или морфологических правил.

Применение нейролингвистических исследований дает возможность точнее представлять себе, как мозг обрабатывает синтаксические структуры. Учителя, знакомые с базовыми принципами нейролингвистики, могут успешнее подбирать методические приемы, повышающие эффективность обучения. Нейрофизиологические данные указывают на возможность стимулирования определенных участков головного мозга, ответственных за вербальное мышление и синтаксическую обработку, через практико-ориентированные упражнения, требующие активной интеллектуальной работы с языковым материалом (Климанова, 2022). В частности, задания по трансформации предложений, конструированию разных видов фраз, анализу ошибок и разбору амбивалентных конструкций вовлекают те механизмы памяти и внимания, которые способствуют долговременному закреплению знаний. При этом важна многократная повторяемость с постепенным усложнением материала, чтобы у обучающегося формировалось уверенное владение синтаксическим инструментарием без перегрузки когнитивной системы.

Результаты и обсуждение

Важные открытия нейролингвистики касаются также связей между синтаксисом и прагматикой, когда речь идет об интерпретации контекстно зависимых структур. Понимание значения местоимений, эллиптических конструкций, контекстуальных отсылок может требовать включения различных зон мозга, связанных с тем, как человек удерживает в памяти предыдущие фразы и прогнозирует будущие высказывания (Аладышкина, 2021). Таким образом, в обучении целесообразно выстраивать систему заданий, заставляющих учащегося возвращаться к ранее сказанному, корректировать уже сформированную гипотезу о значении, активно использовать механизмы рабочей и долговременной памяти. Это помогает более глубоко погружаться в синтаксический анализ, отделяя актуальную информацию от неактуальной и осознавая, как коммуникативная задача влияет на строение предложения. Такая методическая стратегия позволяет укреплять не только языковые навыки, но и формировать у учащихся общеучебное умение управлять вниманием и распределять ресурсы памяти.

Один из принципов когнитивно-дискурсивного подхода – это осмысленная работа с текстом на всех уровнях. Когда учащийся видит, как синтаксический выбор влияет на восприятие информации, как интерпретации зависят от контекста, то и личная речевая практика становится более осознанной. Поэтому в классе важно организовывать постоянное взаимодействие с разнообразными материалами – научными, публицистическими, художественными, массовыми, где синтаксис выполняет разные функции. Знакомство с полистилистическими примерами помогает не только расширять речевой репертуар, но и осмысливать степень уместности тех или иных грамматических структур в разных ситуациях. При этом, чтобы избежать перегрузки, важно чередовать задания по синтаксическому разбору с творческими упражнениями, где учащиеся экспериментируют с трансформациями предложений и наблюдают, как это сказывается на стилистическом тоне, точности и выразительности высказывания (Казанская, 2020). Такой баланс анализа и творчества содействует формированию глубокого и гибкого понимания синтаксической системы русского языка.

Еще один важный момент в когнитивно-дискурсивном подходе — постановка целей обучения, которые не ограничиваются овладением формальным набором правил. Ключевой задачей становится обучение осознанному выбору грамматических конструкций и выстраиванию целостного высказывания в соответствии с коммуникативной установкой. Такая задача требует от педагога владения приемами, помогающими интегрировать знания из психологии, педагогики, лингвистики. Уроки приобретают характер исследовательской работы, нацеленной на развитие речевого интеллекта — способности

выбирать нужные языковые средства в зависимости от аудитории, темы, намерений [2]. Здесь синтаксис предстает не как пассивная схема, а как активный инструмент воздействия на сознание и эмоции собеседника.

При рассмотрении нейролингвистических основ важно учитывать индивидуальные различия в восприятии и воспроизведении синтаксических конструкций. У некоторых обучающихся может быть более развита зрительно-пространственная память, тогда как другие лучше запоминают звуковые паттерны. В применении когнитивно-дискурсивного подхода уместно комбинировать различные типы упражнений для стимулирования разных каналов восприятия и кодирования информации. В ходе составления или анализа предложений, ученики могут визуализировать структуру в виде схем, задавая вопросы: где подлежащее, где сказуемое, какие члены предложения являются второстепенными. Дополнительные аудиоупражнения позволяют слушать фразы, акцентируя интонационные маркеры, а затем мысленно воспроизводить синтаксический рисунок (Пузов, 2021). Методические эксперименты, основанные на разнообразных когнитивных каналах, помогают вовлечь учащихся с различными стилями обучения и закрепить синтаксические навыки более надежно.

В работе над синтаксисом может играть роль и такой фактор, как эмоционально-оценочная составляющая. Исследования показывают, что эмоциональная окраска сообщений влияет на то, как человек создает и воспринимает речевые конструкции. В преподавании русского языка целесообразно использовать тексты, которые вызывают эмоциональный отклик, чтобы стимулировать активную мыслительную деятельность. Анализ выразительных средств, лексико-грамматических и синтаксических, позволяет учащимся глубже понять, какие сигналы подаются говорящим и почему определенный тип предложения звучит более убедительно или более мягко (Шеина, 2023). Работа с эмоциональной стороной речи способствует развитию эмпатии и понимания коммуникативной целесообразности той или иной синтаксической структуры. При этом важно соблюдать баланс, чтобы не перегружать обучающихся чрезмерно эмоциональными материалами и всегда оставлять место для объективного лингвистического анализа.

Педагогические практики в рамках когнитивно-дискурсивного подхода подчеркивают важность рефлексии учащихся. Необходимо не просто давать упражнения на распознавание и воспроизведение синтаксических схем, но и приглашать учеников к самоанализу: почему они выбрали именно такую конструкцию, каков эффект, как можно иначе выразить ту же мысль. Такое осознанное отношение к языковой форме укрепляет метакогнитивные навыки и повышает уровень владения русским языком. Рефлексия может проводиться в форме мини-дневников, где учащиеся фиксируют свои наблюдения за синтаксическими явлениями, или через дискуссию после выполнения заданий. Интересным приемом может быть сопоставление собственного текста с текстом других учащихся, что открывает возможности для коллективного анализа вариантов синтаксического оформления мысли (Фаломкина, 2022). Такая интеракция способствует развитию чувства языка и формирует критическое мышление, позволяя заметить, какие синтаксические средства лучше соответствуют поставленной коммуникативной задаче.

Немаловажным этапом в обучении синтаксису становится систематическая работа с ошибками, которые ученики допускают при написании сочинений, эссе, устных выступлений. Когнитивно-дискурсивный подход предполагает анализ не только формальных отклонений от нормы, но и причин, по которым возникают данные ошибки: неверная интерпретация контекста, недостаточно точное понимание коммуникативных целей, некорректная передача авторской позиции. Вместо простого исправления учитель может задать наводящие вопросы, побуждающие ученика самому определить слабые места. Такой подход тесно связан с идеями конструктивного взаимодействия, где ошибка рассматривается как источник нового знания. Ученики учатся распознавать, что незавершенная или некорректная синтаксическая структура может затруднить понимание текста читателем или слушателем, а потому важно осознавать, какие грамматические ресурсы способны прояснить позицию говорящего (Небольсина, 2020). Системный анализ ошибок помогает учащемуся осознанно совершенствовать синтаксическое мастерство.

Когнитивно-дискурсивный подход открывает широкие возможности для развития интерактивных форм обучения. Ролевые игры, диалоги, дискуссии, проектная работа – все это позволяет переносить

фокус с формально-теоретического изучения синтаксиса на практическое использование в различных коммуникативных ситуациях. Ученики пробуют себя в роли журналистов, ученых, героев художественных произведений, применяя разные речевые регистры и синтаксические модели (Аксенова, 2020). Такое моделирование реальных речевых ситуаций развивает спонтанность, умение быстро адаптировать синтаксические формы под конкретные условия общения и чувствительно реагировать на реплики собеседника. В итоге учебный процесс приобретает увлекательный характер, что способствует мотивации к дальнейшему изучению языка и совершенствованию синтаксических навыков.

Разнообразие дискурсов подразумевает и вариативность синтаксических структур, поэтому ключ к эффективному обучению — умение интегрировать разные форматы уроков. Исследование научных статей, деловых документов и литературы художественного стиля позволяет учащимся увидеть, как синтаксические средства отражают функциональную специфичность жанра. При этом важно не сводить процесс к описанию правил: полезно вовлекать обучающихся в обсуждение того, какую роль играют разные типы предложений, какие нюансы они способны передать. Такой анализ может включать сопоставление синтаксисов разных языков, если аудитория многонациональна. Осознание межъязыковых параллелей и различий развивает гибкость языкового мышления, позволяя точнее формулировать вопросы о природе синтаксических единиц (Кохан, 2021). Такая дискуссия помогает учащимся выстраивать целостное видение языковой системы, вплетенной в контекст конкретной культуры и коммуникативной задачи.

Нейролингвистический компонент также важен для понимания того, как формируются долговременные следы памяти, связанные с грамматическими структурами. Многие исследователи указывают на значимость повторения в обучении, но повторения осмысленного, а не механического. В этом смысле когнитивно-дискурсивный подход располагает множеством вариаций упражнений, которые дают возможность неоднократно столкнуться с одними и теми же синтаксическими моделями, но в разных контекстах, что помогает сглаживать рутину и облегчает перенос знаний в речь (Лукьянова, 2020). Регулярное включение интерактивных и проектных заданий, опирающихся на реальные коммуникативные цели, создает предпосылки для закрепления синтаксических навыков на уровне речевого опыта, а не только абстрактного правила в учебнике.

Важным параметром для учителя является и учет языковой компетенции учащегося, а также общего уровня его когнитивного развития. Если речь идет о детях, специфические механизмы их нейролингвистического развития требуют более игрового и наглядно-действенного подхода, где синтаксические структуры осваиваются в контексте речевой практики или совместного проектного творчества. Если же учитель работает со взрослыми или подростками, то можно предлагать более аналитические задания, развивающие навыки самостоятельного исследования языка. В любом случае должное внимание к индивидуализации обучения повышает эффективность, позволяя ученикам идти в комфортном для них темпе (Дейкина, 2023). Разработанные методические материалы, ориентирующиеся на различные возрастные группы, могут включать примеры из современной массовой культуры, медиа, социальные сети, что делает обучение более осмысленным и практично применимым.

Кроме того, стоит учитывать социально-культурную среду, из которой приходят учащиеся. Для одних использование сложных синтаксических конструкций будет естественным, если их ближайшее окружение (семья, друзья) активно употребляет литературно оформленную речь. Для других же, особенно в полилингвальной среде, русский синтаксис может казаться избыточно структурированным. В подобных случаях использовать когнитивно-дискурсивный подход особенно целесообразно, так как он делает акцент на смысле и функции, а не только на форме. Обучающийся начинает понимать, какую роль играют синтаксические механизмы в структурировании мыслей, и охотнее принимает правила, так как видит их практическую ценность (Муминова, 2022). Таким образом, обеспечение мотивационной базы тесно связано с демонстрацией инструментария языка, позволяющего точнее артикулировать идеи и убеждения.

В дискурсе современной педагогики нередко обсуждается вопрос, каким образом сбалансировать традиционные и инновационные методы обучения синтаксису. Когнитивно-дискурсивный подход не подразумевает отказа от классических принципов, таких как грамматический

разбор, заучивание правил, применение структурных схем. Однако он добавляет измерение смысла, функциональности и роли синтаксиса в создании текстов и диалогов. Например, после объяснения традиционного деления членов предложения преподаватель может предложить учащимся проанализировать несколько текстовых фрагментов на предмет того, как автор, используя разные способы сочинения и подчинения, достигает определенного стилистического эффекта [1]. Такая интеграция придает обучению комплексный характер и повышает у учащихся осознанность в использовании языка.

Одной из педагогических практик, отражающих когнитивно-дискурсивный подход, может стать проектный метод, когда группа учащихся совместно создает текст (чаще всего в электронном формате) на заданную тему. Участники распределяют роли: одни отвечают за сбор информации, другие за структурирование текста, третьи за стилистическую выдержанность. Кроме того, кто-то следит за логикой и связностью изложения, выстраивая цепочку причинно-следственных отношений. Так формируется комплексный опыт работы с синтаксисом, где каждая синтаксическая единица рассматривается как часть общего замысла (Аладышкина, 2021). Подобная аппликация синтаксических знаний на реальный коммуникативный проект стимулирует мотивацию и развивает способность критического анализа, поскольку учащиеся видят, как конкретный выбор грамматических форм отражается на восприятии конечным читателем.

Не менее важно периодически возвращаться к результатам уже выполненных проектов и анализировать их повторно. Такой метаанализ позволяет заметить, каким образом изменилась языковая компетенция учащегося, какие синтаксические средства стали использоваться более уверенно. Также выявляются общие ошибки или неудачные решения, требующие корректировки. В этот момент можно апеллировать к нейролингвистическим данным о том, что регулярный метаанализ способствует лучшему структурированию знаний в голове учащегося и формированию четкой схемы, помогающей в дальнейшем при построении сложных синтаксических конструкций (Хегай 2023). Практика подобного анализа укрепляет в сознании мысль, что синтаксис работает в связке с мышлением и коммуникативными задачами: чем лучше мы структурируем речь, тем яснее выражается идея, легче достигается контакт с собеседником.

Рассматривая связь когнитивно-дискурсивного подхода с процессами категоризации, стоит отметить, что синтаксические конструкции отражают способы, которыми мы группируем понятия и явления действительности. Порядок слов, тип связи между частями предложения, выбор союзов или частиц – все это является сигналом для слушателя или читателя о том, насколько важна та или иная информация, какие элементы мысли связаны логически, а какие – ассоциативно. Понимание этой концептуальной основы синтаксиса открывает возможности для более глубокого восприятия текста и позволяет сознательно управлять коммуникативным воздействием (Матенов, 2020). В результате ученики начинают видеть в синтаксисе не только средство корректного оформления высказывания, но и способ структурирования собственной картины мира.

Реферируя к последним нейролингвистическим исследованиям, можно подчеркнуть важность согласованной работы различных областей мозга при построении и восприятии сложных синтаксических конструкций. Процесс созидания речи включает взаимодействие зон, отвечающих за семантику, лексический подбор, грамматический распорядок и фонетическую реализацию. Когда учитель показывает эту «кооперацию в голове», учащиеся начинают понимать, почему так важно строить предложение логично и связно. Осознанность в отношении этого процесса снижает ошибки, связанные с неправильным порядком слов, позволяет избегать двусмысленности (Пузов, 2021). Более того, знание о том, что мозг эффективно реагирует на структурированные шаблоны, вдохновляет многих учащихся более аккуратно относиться к созданию собственных текстов, осознавая, что хорошо организованный синтаксис облегчает восприятие для окружающих.

С позиции педагогики важно рассчитывать на долговременный эффект: когнитивно-дискурсивный подход формирует у учащихся умение обобщать и переносить знания о синтаксе на новые речевые ситуации. Они научаются различать разные типы логических связей, синтаксических связок и речевых контекстов, выбирать оптимальный способ оформления мысли. Со временем это умение

переходит в разряд автоматизированных культурных навыков. Особенно ощутимо это становится, когда выпускники школ или курсов реализуют себя в профессии: владение синтаксисом на уровне осознанного выбора помогает эффективно писать деловые письма, научные тексты, художественные произведения или выступать публично (Шейна, 2023). Таким образом, инвестиция в когнитивно-дискурсивное обучение оправдывается с точки зрения профессионального и личностного развития учащихся.

В процессе внедрения нейролингвистических знаний в преподавание синтаксиса появляется еще одна важная грань: ответственность преподавателя за корректность и этичность подачи материалов. Некоторые методы активизации мыслительной деятельности требуют учета психологического комфорта обучающихся, а также внимательного отношения к их когнитивным ограничениям. Инновационные подходы должны быть адаптированы к реальным условиям: возраста, состояния здоровья, уровня владения языком. Учитель, опираясь на результаты нейролингвистических изысканий, получает шанс создавать более дружелюбную образовательную среду, стимулирующую естественное развитие языковых компетенций (Климанова, 2022). При этом в центре внимания всегда остается цель – сформировать у учащихся уверенное, осознанное и гибкое владение синтаксисом русского языка.

Большое значение имеет интеграция письменных и устных форм деятельности, поскольку в реальной жизни оба вида речевой практики тесно взаимосвязаны. Когнитивно-дискурсивный подход предполагает, что при формировании синтаксических навыков необходимо учитывать целевую направленность речи, ее аудиторию, специфику канала коммуникации. Так, в устной речи важна интонация и оперативная реакция на реплики собеседника, тогда как в письменной – логическая стройность, связность, оформление мыслей в виде абзацев и структур. Упражнения на синтез устной и письменной деятельности могут включать обсуждение темы в форме дискуссии, а затем запись итогов в структурированном тексте, что позволит учащимся проследить, как дискурсивные параметры влияют на выбор синтаксических конструкций (Аксенова, 2020). Таким образом, развивается способность быстро переключаться между разными речевыми форматами, сохраняя при этом осознанность коммуникативной задачи.

Значительный интерес вызывает вопрос о коррекции ошибок, которые связаны с межъязыковым влиянием. В полилингвальных группах часто встречаются переносы синтаксических моделей из родного языка. Когнитивно-дискурсивный подход дает инструменты для анализа подобных случаев в контексте дискурса: почему учитель или учащийся выбрал именно такую модель, как эта модель работает в языке-источнике, какие смысловые потери или изменения возникают при калькировании. Сквозной принцип — не высмеивать ошибки, а обращать внимание на их причины и последствия. Учащийся начинает понимать, что грамотная речь — это в первую очередь ясность и точность коммуникации, и что синтаксис играет важную роль в предотвращении недоразумений (Фаломкина, 2022). В такой атмосфере ошибки становятся поводом для совместных открытий, а не источником стресса или неуверенности в себе.

Развитию критического мышления и понимания дискурса способствует работа с большими фрагментами связного текста. Педагог предлагает учащимся анализировать не отдельное предложение, а целый абзац или статью, определяя, как автор выстраивает синтаксические связи для последовательного раскрытия темы. Задача учащихся – найти ключевые синтаксические механизмы, которые обеспечивают логику и структуру изложения, проследить рекуррентность некоторых конструкций. Такой макроанализ побуждает к осознанию того, что любая синтаксическая формула встраивается в более широкий дискурсивный контекст (Лукьянова, 2020). Это помогает студентам избежать фрагментарного восприятия языка и формирует целостную картину синтаксической организации текста.

Интересным методом оказывается сопоставление современных текстов с историческими, позволяющее увидеть эволюцию синтаксических норм и дискурсивных стратегий. Например, анализ текстов XIX века в сопоставлении с блогами XXI века выявляет, как изменились порядки слов, формы обращения, способы выражения модальности. Учащиеся могут сами попытаться «перевести» современный текст в стилистическую манеру прошлого, сохраняя смысл, но меняя синтаксис, лексику и другие средства выразительности (Кохан, 2021). Эта игра формирует понимание того, что синтаксис

тесно связан с культурой и временем, и что он не статичен, а подвержен изменению под влиянием тех или иных дискурсивных факторов.

Одна из ключевых педагогических идей когнитивно-дискурсивного подхода – совместное построение знаний, где учитель выступает не только транслятором информации, но и модератором дискуссий и проектной деятельности. В процессе совместного обсуждения текстов, синтаксических явлений и ошибок у учащихся возникает когнитивный конфликт, который разрешается в ходе поиска общих решений и формирует более глубокое понимание языка. Учитель поощряет вопросы и инициативу, стимулируя метапознание и способность размышлять о том, как мы мыслим и говорим. Такая динамичная среда обучения способствует лучшему усвоению синтаксических правил, так как они перестают быть абстракцией, а становятся частью взаимодействия (Казанская, 2020). Результат – более прочное и гибкое владение грамматическими навыками, подкрепленное положительным эмоциональным опытом совместного учебного творчества.

Нейролингвистическая составляющая подчеркивает важность мотивации в обучении. Заинтересованный мозг лучше усваивает сложные структуры, поэтому учителю стоит использовать элементы геймификации, реальные кейсы, актуальные для учащихся темы. Многие учащиеся испытывают дискомфорт, рассматривая синтаксис как сборник правил и исключений, но если показать, как грамотно построенное предложение помогает выигрывать дебаты, убеждать собеседника, создавать выразительный литературный текст, интерес к предмету повышается (Аладышкина, 2021). Так формируется осознанная потребность в точном владении синтаксисом, ведь успех в коммуникации часто напрямую зависит от того, насколько структурированы мысли и решения.

В педагогической рефлексии также необходимо анализировать результаты данного подхода. Наиболее показательным становится не тест, проверяющий знание формальных правил, а контроль реальных речевых продуктов – эссе, выступлений, проектов, где видна способность учащихся к дискурсивному маневрированию и осмысленному применению синтаксических средств. Учитель может замечать улучшения в логичности, связности и выразительности школьных работ, а сами ученики – в личном опыте, когда замечают, что лучше формулируют свои мысли. Успешная апробация когнитивно-дискурсивного подхода обычно ведет к его дальнейшему распространению, поскольку дает видимые, ощутимые результаты: повышение коммуникативной компетенции, сокращение типичных ошибок, более уверенное выступление в диалоге или письме (Матенов, 2020). Не исключено, что подобная методика найдет применение и в смежных предметных областях, развивая у учащихся навыки межпредметного анализа.

Нет сомнений, что внедрение когнитивно-дискурсивных принципов в преподавание синтаксиса русского языка требует от педагога определенной подготовки и готовности экспериментировать. Учителю необходимо владеть основами психологической теории деятельности, быть знакомым с текущими исследованиями в области нейролингвистики, уметь проектировать образовательные ситуации, побуждающие к мысли и рефлексии. Однако результаты стоят этих усилий, поскольку позволяют сформировать более мотивированное и думающее поколение, способное использовать синтаксис не только как набор правил, но и как тонкий инструмент познания, влияния, самовыражения (Муминова, 2022). В конечном итоге когнитивно-дискурсивный подход к синтаксису помогает перейти от механического запоминания к осознанному пониманию языка, что отвечает задачам современной образования и поощряет развитие функциональной грамотности.

Нередко обсуждается вопрос о том, как сочетать разные направления лингвистики в учебном процессе. Одни методисты настаивают на традиционном структурном подходе, другие продвигают коммуникативные методики, третьи интересуются когнитивными и дискурсивными перспективами. На самом деле, важно не противопоставлять эти подходы, а искать синтез, при котором учащиеся получают комплексное видение сути языка. Структурное описание поможет в четком понимании отношений между элементами предложения, коммуникативное позволит отрабатывать речевые навыки в контексте реальной коммуникации, а когнитивно-дискурсивное даст глубину в понимании того, как язык соотносится с мышлением и действительностью (Чупашева, 2021). В результате гармоничного

сочетания этих векторов обучение приобретает многомерный характер, а ученики выходят за пределы узконаправленного взгляда на синтаксис.

Эффективность обучения во многом определяется качеством учебных материалов. Когнитивно-дискурсивный подход подразумевает, что в учебнике или учебном пособии должны быть примеры не только дидактически «выверенных» конструкций, но и реальные отрывки текстов с их возможными неоднозначностями, ошибками, авторским стилизованным своеобразием. Задача педагога – научить находить и интерпретировать эти особенности, предлагая учащимся различные речевые ситуации, побуждающие к творческому и аналитическому мышлению. Поэтому в современном учебнике все чаще присутствуют фрагменты речевых практик из жизни, отражающие разные пласты культуры, языковые новации и дискурсивные практики (Лукьянова, 2020). Использование таких материалов помогает связать теорию и практику, сделать язык живой субстанцией, а не набором умозрительных схем.

Когнитивно-дискурсивный подход также оказывает влияние на оценочные практики. Если раньше основная проверка заключалась в выявлении грамматических ошибок, то теперь более актуальными становятся критерии дискурсивной целостности, логичности, адекватности выбора синтаксических конструкций к конкретной коммуникации. Возрастает роль проектов, эссе, презентаций, где видно, как ученик умеет комбинировать разные элементы синтаксической системы ради достижения нужного эффекта. К тому же появляется возможность размышлять о коннотациях, подтексте, тонких оттенках смысла, которые создает та или иная грамматическая модель (Пузов 2021). Подобная оценочная парадигма мотивирует учащихся мыслить шире, чем просто рамки «правильно – неправильно», осознавая пластичность и богатство русского языка.

Не стоит забывать и о том, что когнитивно-дискурсивный подход может требовать больше времени на уроках. Учитель вынужден планировать задания, предусматривающие исследование текстов, дискуссии, проектную деятельность. Тем не менее, многократные наблюдения показывают, что учащиеся, прошедшие через подобного рода практику, лучше сохраняют знания в долгосрочной перспективе, а также демонстрируют большую языковую самостоятельность. В результате экономика времени может оказаться в выигрыше, ведь снижается необходимость постоянных повторений одних и тех же материалов (Матенов, 2020). Учащиеся начинают лучше ориентироваться в синтаксисе, сами формулируют вопросы, и в конечном счете учебный процесс становится более продуктивным и менее формальным.

Внедрение нейролингвистических основ в педагогические практики по синтаксису способствует формированию комплексного метода работы с языком, где учитываются ментальные процессы, дискурсивный контекст и культурно-социальные параметры. Такой подход помогает учитывать критические периоды развития мозга, возрастные особенности восприятия, разные стили обучения. Польза от понимания нейролингвистических механизмов раскрывается в том, что учитель может планировать задания на повторение и закрепление более осмысленно, выводя учащихся на уровень осознанного владения сложными синтаксическими моделями без перегрузки памяти (Климанова, 2022). Происходит плавная интеграция фундаментальных грамматических знаний в реальную практику общения и творческого выражения.

Заключение

Важную роль играет постоянная самообразовательная деятельность самого учителя. Поскольку нейролингвистика и когнитивная лингвистика – быстро развивающиеся науки, педагогам целесообразно отслеживать новое в исследованиях, читать специализированную литературу, участвовать в конференциях, сетевых сообществах, где обсуждаются инновационные методики. Это обеспечивает постоянное обновление опыта и методического арсенала, дает возможность корректировать программы обучения в соответствии с последними открытиями (Шейна, 2023). Динамичная парадигма когнитивно-дискурсивного подхода требует актуальности, иначе он может выродиться в сухую схему без подлинного погружения в ментальные и социокультурные аспекты языка.

Подводя итог рассуждениям о когнитивно-дискурсивном подходе к преподаванию синтаксиса русского языка, можно отметить, что его методический потенциал невероятно широк. Отказ от узко

формальной парадигмы и ориентация на смысл, функцию, контекст, нейролингвистические аспекты позволяет выстроить образовательную среду, которая способствует полноценному речевому развитию. Для реализаций этого потенциала педагогу нужны и теоретические знания, и творческое мышление, и готовность анализировать свою практику. Результатом становится более глубокое понимание природы синтаксических конструкций, появление у учащихся устойчивого интереса к языку и повышение их коммуникативной компетенции. Когнитивно-дискурсивный подход формирует основы для будущего развития: ученики учатся мыслить широко, критически оценивать дискурс, осознавать собственные речевые стратегии и рефлексировать над ними.

Все это закладывает прочный фундамент для самостоятельного совершенствования в области языка и коммуникации, расширяя личные и профессиональные перспективы. И если грамотно использовать многочисленные инструменты, предложенные нейролингвистикой и педагогической наукой, синтаксис перестает быть сухим набором правил, превращаясь в увлекательное исследование того, как наш разум, речь и культура переплетаются в едином процессе творчества.

Список литературы

1. Аксенова Д.А. Лингводидактические характеристики функционально-семантического поля цели на втором сертификационном уровне общего владения русским языком как иностранным // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 3(146). С. 61-67.
2. Аладышкина Л.В., Журавлева Е.А. Обучение языку специальности «Изобразительное искусство» на занятиях по русскому языку как иностранному // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 199. С. 207-214.
3. Дейкина А.Д., Янченко В.Д., Левушкина О.Н., Устинов А.Ю., Комиссарова Л.Ю., Фролкова С.С. Международная научно-практическая конференция «Текст, речевая культура, речевое поведение в методике преподавания русского языка» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84. № 5. С. 102-104.
4. Казанская Н.В. Коммуникативная основа методики обучения синтаксису простого предложения русского языка в полиэтнических классах // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 1(286). С. 46-49.
5. Климанова Л.Ф., Макеева С.Г., Бабушкина Т.В. Коммуникативно-познавательный подход в курсе русского языка системы «Перспектива» // Начальная школа. 2022. № 7. С. 5-8.
6. Кохан Н.А., Рахманкулова С.Е. Синтаксическая типология в аспекте когнитивной лингвистики и лингводидактики // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 366-369.
7. Лукьянова Н.Н. Использование художественных текстов в процессе обучения русскому языку как неродному // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2020. № 1. С. 52-55.
8. Матенов Р.Б. Обучение навыкам употребления вариантных синтаксических единиц русского языка как неродного в неязыковых вузах // Иностранные языки в Узбекистане. 2020. № 5(34). С. 127-140.
9. Муминова Н.М. Трудности обучения фонетике, грамматике, лексике в курсе РКИ в школе // Вестник Жалал-Абадского государственного университета. 2022. № 3(52). С. 95-100.
10. Небольсина М.С. Ономаσιологический и функциональный подходы как основа коммуникативно-ориентированного обучения русскому языку как иностранному (на примере обучения видовременным формам русского глагола) // Культура и текст. 2020. № 3(42). С. 185-193.
11. Пузов Н.А. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса в русском языкознании // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1(67). С. 13-17.
12. Фаломкина И.П. Обучение русскому языку как иностранному в рамках коммуникативного и традиционного подходов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 1(45). С. 103-109.
13. Хегай В.М. Опора на знание родного (узбекского) языка при обучении русскому синтаксису // Лингвокультурология. 2023. № 18. С. 296-301.

14. Чупашева О.М. Новое в обучении синтаксису русского языка (рецензия на книгу: Колокольцева Т.Н. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта, 2021. 292 с.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2(155). С. 204-208.
15. Шеина Л.П., Сат А.Б. Нейродидактика как основа современного языкового обучения: приемы концентрации внимания // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 606-614.

A cognitive-discursive approach to teaching Russian syntax: neuro-linguistic foundations and pedagogical practices

Diana D. Longshakova

Student

P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University

Ishim, Russia

stud0000277292@utmn.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Amina A. Sarsikeeva

Student

P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University

Ishim, Russia

Sarsikeeva07@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Anna E. Chernova

Student

P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University

Ishim, Russia

anychernova06@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 01.06.2025

Accepted 21.07.2025

Published 30.07.2025

UDC 81'3'5

DOI 10.25726/f0896-4954-6854-j

EDN GOQQUW

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

This article is devoted to the study of the possibilities of a cognitive-discursive approach in teaching the syntax of the Russian language, with an emphasis on its neuro-linguistic foundations and specific pedagogical practices. The article substantiates the need to integrate linguistic knowledge with data from psychology, neurobiology and communication theory in order to overcome the formal understanding of grammar. The focus is on the idea that syntactic constructions are not only a means of forming thoughts, but also an active tool of cognitive activity and communicative influence, motivated by the context, goals and intentions of the speaker. The authors consider the methodological principles of implementing this approach, including the analysis of various discourse genres (from scientific texts to social networks), the development of tasks for sentence

transformation, phrase construction and error analysis, taking into account their causes. Special attention is paid to neuro-linguistic aspects: how the brain processes syntactic structures, the role of working and long-term memory, the relationship of syntax with pragmatics, and the influence of the emotional-evaluative component. The importance of taking into account individual cognitive styles of students (visual, auditory) and creating a dynamic learning environment that stimulates an informed choice of language tools is emphasized. The research results demonstrate the effectiveness of such practices as project activities, role-playing games, analysis of large text fragments, comparison of historical and modern texts, as well as students' systematic reflection on their own syntactic choices. It is shown that meaningful work with syntax in the context of discourse contributes not only to the formation of grammatical skills, but also to the development of metasubject competencies – critical thinking, speech intelligence, and the ability to logically and expressively formulate thoughts. The conclusion is made about the long-term positive effect of the approach, expressed in increasing the communicative competence of students, reducing errors and confidently applying syntax in real speech situations, which requires the teacher to be ready for creative search and integration of knowledge from related disciplines.

Keywords

cognitive-discursive approach, syntax of the Russian language, neurolinguistics, pedagogical practices, teaching methods.

References

1. Aksenova D.A. Linguodidactic characteristics of the functional and semantic field of purpose at the second certification level of general proficiency in Russian as a foreign language // Volgograd State Pedagogical University Bulletin. 2020. № 3(146). pp. 61-67.
2. Aladyshkina L.V., Zhuravleva E.A. Teaching the language of the specialty «Fine arts» in classes on Russian as a foreign language // Herzen Russian State University bulletin. 2021. № 199. pp. 207-214.
3. Deikina A.D., Yanchenko V.D., Levushkina O.N., Ustinov A.Yu., Komissarova L.Yu., Frolova S.S. International scientific and practical conference «Text, speech culture, speech behavior in the teaching methodology of the Russian language» // Russian language at school. 2023. Vol. 84. № 5. pp. 102-104.
4. Kazanskaya N.V. The communicative basis of teaching the syntax of a simple sentence of the Russian language in multiethnic classes // Voronezh State Pedagogical University bulletin. 2020. № 1(286). pp. 46-49.
5. Klimanova L.F., Makeeva S.G., Babushkina T.V. A communicative and cognitive approach in the Russian language course of the Perspective system // Elementary school. 2022. № 7. pp. 5-8.
6. Kohan N.A., Rakhmankulova S.E. Syntactic typology in the aspect of cognitive linguistics and linguodidactics // Cognitive studies of language. 2021. № 3(46). pp. 366-369.
7. Lukyanova N.N. The use of literary texts in the process of teaching Russian as a non-native language // Intercultural communication in education and medicine. 2020. № 1. pp. 52-55.
8. Matenov R.B. Teaching skills in using variant syntactic units of the Russian language as a non-native language in non-linguistic universities // Foreign languages in Uzbekistan. 2020. № 5(34). pp. 127-140.
9. Muminova N.M. Difficulties of teaching phonetics, grammar, vocabulary in the course of RCT at school // Jalal-Abad State University Bulletin. 2022. № 3(52). pp. 95-100.
10. Nebolsina M.S. Onomasiological and functional approaches as the basis of communicative-oriented teaching of Russian as a foreign language (on the example of teaching modern forms of the Russian verb) // Culture and text. 2020. № 3(42). pp. 185-193.
11. Puzov N.A. Actual problems of communicative syntax in Russian linguistics // Pridnestrovian University Bulletin. Series: Humanities. 2021. № 1(67). pp. 13-17.
12. Falomkina I.P. Teaching Russian as a foreign language within the framework of communicative and traditional approaches // Vocational education in Russia and abroad. 2022. № 1(45). pp. 103-109.
13. Hegai V.M. Reliance on knowledge of the native (Uzbek) language when teaching Russian syntax // Linguoculturology. 2023. No. 18. pp. 296-301.

14. Chupasheva O.M. New in teaching the syntax of the Russian language (book review: Kolokoltseva T.N. Syntax of the modern Russian language: a textbook. M.: Flinta, 2021. 292 p.) // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. № 2(155). pp. 204-208.
15. Sheina L.P., Sat A.B. Neurodidactics as the basis of modern language teaching: methods of concentration of attention // Pedagogical journal. 2023. Vol. 13. № 1-1. pp. 606-614.

Реализация культурно-деятельностного подхода в процессе формирования ценностно-смысловых ориентиров обучающихся вуза на занятиях по основам православной культуры

Елена Владимировна Филиппова

Кандидат филологических наук, доцент

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России

Москва, Россия

Elenefilippova.klachuk@yandex.ru

ORCID 0009-0008-6632-7440

Поступила в редакцию 26.05.2025

Принята 11.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 37.038.8

DOI 10.25726/j3306-0332-2591-x

EDN TVJGRA

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Статья посвящена применению культурно-деятельностного подхода как средства организации учебно-познавательной деятельности на принципах сотрудничества при формировании ценностно-смысловых ориентиров личности в контексте христианской культуры. В работе осуществляется теоретическое обоснование темы, обсуждаются ведущие научные направления, рассматривающие культурно-деятельностный подход и ценностно-смысловые ориентиры личности в светской и православной культурах. Автор предлагает использовать в образовательной деятельности такие приемы, как просмотр и обсуждение фильмов, постановка театрализованных сценок, анализ цитат и выполнение проектных заданий. Эти методы способствуют вовлечению обучающихся в решение задач духовно-нравственного характера и стимулируют формирование ценностно-смысловых ориентиров личности, основанных на отношении к себе, другим людям, окружающему миру (экологическая ответственность) и Отечеству (гражданская позиция и служение). Через совместный поиск нравственных решений данные методы создают условия для присвоения нравственных ценностей, определения своего предназначения и жизненного пути, развития эмпатии и критического мышления. Особое внимание уделяется понятиям «совесть», «добродетель» и «грех», выступающими в качестве основных инструментов нравственного выбора. Их осмысление требует синтеза этических знаний и аскетического опыта, что обосновывает актуальность и необходимость изучения основ православной культуры в светском вузе.

Ключевые слова

культурно-деятельностный подход, ценностно-смысловые ориентиры, нравственный выбор, добродетель, духовно-нравственное развитие, методические приемы.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная социальная и культурная реальность нуждается в специалистах с развитой ценностно-смысловой сферой, устремленных к преобразованию себя и мира в категориях добра. Традиционные образовательные технологии оказываются малоэффективными для формирования такой личности, поскольку ориентированы на передачу знаний, а не на взаимодействие и совместное решение задач. Культурно-деятельностный

подход призван объединить способы мировосприятия, основанные на усвоении этических и культурно-религиозных ценностей, норм и традиций и включении обучающихся в практическую деятельность.

Цель исследования – описание методов формирования ценностно-смысловой сферы обучающихся средствами культурно-деятельностного подхода. Для достижения цели необходимо провести анализ исследовательской базы, посвященной культурно-деятельностному подходу и ценностно-смысловой сфере в рамках научного (философско-психологического) и религиозного (христианского) опыта; описать методы и приемы работы на занятиях по основам православной культуры, способствующие формированию ценностно-смысловых ориентиров обучающихся вузов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые обоснован культурно-деятельностный подход, который обеспечивает личностное включение обучающихся в контекст христианской культуры, уточнены понятия ценностно-смысловых ориентиров личности, определена роль православия в формировании духовно-нравственной идентичности личности, разработаны методические приемы, способствующие интеграции ценностей христианской культуры, формировавшейся на протяжении тысячелетий, в образовательную деятельность и повседневную жизнь обучающихся и преобразование их в мотивы поведения.

Формирование ценностно-смысловой сферы среди современной молодежи – одна из самых сложных задач, широко обсуждаемых в образовании, науке и культуре, поскольку она напрямую связана с процессами социализации, становления личности и определения жизненных приоритетов в условиях быстро меняющегося мира. Размывание таких этических понятий, как добро и зло приводит к тому, что молодые люди становятся уязвимыми перед манипуляциями, транслируемыми современными средствами информации, многочисленными сериалами и рекламой. Утрата ценностных ориентиров отражается на снижении уровня ответственности, росте социальных конфликтов, на развитии равнодушия и цинизма, дезориентации в определении смысла собственной жизни.

В этих условиях православная культура остается важнейшим фактором духовного и нравственного здоровья общества. Как хранительница древних традиций и нравственных устоев, она предлагает не просто набор заповедей, а глубокую философию жизни, основанную на любви, смирении, жертвенности и служении Отечеству. Эти ценности остаются актуальными и будут продолжать играть ведущую роль в формировании нравственного облика общества и отдельной личности.

Материалы и методы исследования

Курс «Основы православной культуры» призван помочь обучающимся не только изучить основы иконографии и особенности русского архитектурного зодчества, но и разобраться, что представляет собой целостный образ человека, как развиваются его природная, личностная и духовная стороны (Леонов, 2014), что влияет на нравственный выбор человека. Благодаря курсу обучающиеся вузов смогут глубже понять ценностно-смысловые ориентиры личности в христианской традиции, осознать, что у него есть чувство духовного достоинства, свидетельствующее о принадлежности «к миру иному, выходящему за рамки всеобщей материальной необходимости и причинно-следственной обусловленности, что он причастен к миру высшему, сверхприродному, нематериальному – духовному». Об этом свидетельствуют и его потребности в творчестве, самопознании, самоактуализации, радости, любви, радости и любви, которые носят безусловный характер. Чувство духовного достоинства определяет и его ценностно-смысловые ориентиры.

Понятие ценностно-смысловой сферы появилось в прошлом веке в психологии, где сформировалось три основных подхода: когнитивный, эмотивный, смысловой. Основателем смыслового подхода является советский психолог А.Н. Леонтьев, теория которого сводится к тому, что в смысловой сфере личности отражается ее деятельностное отношение к миру. Ценности напрямую связаны с деятельностью и социальными ролями личности и определяют поведение человека, иерархию мотивов и направленность деятельности. Посредством включения в различные виды деятельности формируется и учитывается устойчивая нравственная позиция личности (Почтарева, 2017). Она проявляется в стремлении соответствовать определенным законам и нормам, сформированным в культуре и обществе: представлениям о справедливости, честности и совести, любви и сострадании.

Таким образом, ценности не просто усваиваются человеком, а становятся личностно значимыми через их проживание в действии. Развитие основных идей ученого осуществляется в трудах Б.С. Братуся, А.Г. Асмолова, Е.В. Субботинского, Д.А. Леонтьева, П.С. Шарова, Е.В. Бондаревской, В.И. Слободчикова и др.

Последователем смыслового подхода является А.М. Двойнин, который рассматривает ценностно-смысловую ориентацию личности в религиозной сфере, под которой понимается «процесс наделения действительности субъективной значимостью и смыслом, в результате чего жизнь личности приобретает конкретное направление» (Двойнин, 2007). У религиозной личности «субъективная значимость и смысл явлений действительности определяется их сопричастностью сверхъестественной реальности и соотносённостью с божественными целями и законами мироздания» (Двойнин, 2007). Ценностно-смысловые ориентации православного человека имеют устойчивый характер, определены Священным Писанием и Преданием и транслируются на протяжении тысячелетий. Основной ценностью выступают любовь как духовное единение с ближними (Двойнин, 2007).

В православной традиции в основе ценностно-смысловых ориентиров личности находится приобщение к вере как к величайшей ценности, направляющей человека на переориентацию жизни от целей земных к целям вечной жизни. Степень духовной сформированности и целостности личности зависит от способности человека совершать нравственный выбор в пользу добра, строить свою жизнь на основе трех важнейших принципов: чести, честности и благочестия (Игумнов, 1994; Скларова, 2017). Основным ориентиром личности выступает благочестие как признание и почитание Абсолютной Личности; честь человека составляет его целомудрие и благородство, честность «связана с проявлением искренности, правдивости, а выражение корысти связано с проявлением корысти и лживости, крайними формами которой являются лесть и деспотизм, а промежуточными – раздражение и зависть» (Скларова, 2017).

Таким образом, мы видим, что ценностно-смысловая сфера в светской науке ориентирована на социальные факторы и на культурно-исторические нормы и правила, в то время как религиозная практика опирается на существование Абсолюта. Несмотря на разные основания, и религиозная, и светская традиции рассматривают духовность и нравственность как основополагающие составляющие личности человека и подчеркивают их важнейшую роль в формировании их ценностно-смысловых ориентиров.

Культурно-деятельностный подход к преподаванию дисциплины предоставляет необходимые инструменты для раскрытия сущности морально-нравственных понятий, формирующих ценностно-смысловую сферу личности и «преобразования ценностей в реально-действующие мотивы поведения» (А.Н. Леонтьев) (Тоистева, 2013). Концепция культурологического подхода описана в трудах И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, Л.Н. Урбанович, Г.И. Гайсиной, В.С. Библера, Е.В. Бондаревской и ориентирована на «воспитание человека культуры через овладение культурой и обогащение личного опыта на основе лучших достижений и культурных традиций, сложившихся в обществе» (Урбанович, 2017). Деятельностный подход, получивший широкое распространение в современном образовании и подробно освещенный в научной литературе, в работах А.Г. Асмолова, В.В. Краевского, О.С. Тоистевой, Т.И. Фисенко. В центре этого подхода личность как активное творческое начало и ее развитие, в котором большую роль играет учебная деятельность, организованная таким образом, чтобы обучающийся самостоятельно открывал для себя новые знания в процессе самостоятельной исследовательской работы. Основное внимание уделяется совместным действиям преподавателя и обучающегося, которые запускают процесс изменения личности, процесс порождения ценностных установок, превращающиеся впоследствии в «смыслообразующие мотивы поведения» (Асмолов, 2025).

Результаты и обсуждение

Культурно-деятельностный подход как способ организации учебно-познавательной деятельности позволяет определить ценностно-смысловую ориентацию личности в православии для обучающихся вузов, создавая условия для личностного присвоения духовно-нравственных ценностей через активное включение в культурные практики, рефлексивное осмысление жизненных ситуаций и

совместную деятельность. Христианская культура имеет прекрасную базу для анализа и экспериментальной образовательной деятельности, она не только сконцентрировала в себе самые лучшие образцы всех видов искусств, но и сохранила традиции, наполненные глубоким духовным и нравственным содержанием. Эти традиции представляют собой живую систему ценностей, передаваемых из поколения в поколение, и сохраняющих свою актуальность в современном мире. В свою очередь, деятельностный подход предоставляет возможности обучающимся проявить свои творческие способности в моделировании ситуаций и их разрешении. Большое значение отводится преподавателю, который своим собственным примером и советом должен обеспечить усвоение традиционных ценностей не принудительными мерами, а путем «поощрения познавательных, творческих, практических интересов и инициатив, обеспечивающих реализацию индивидуальной образовательной траектории».

Становление творческой духовной и профессиональной культуры личности должно основываться на знании содержания духовной природы человека, видении главных тенденций и закономерностей ее духовного и социального развития. Обучающиеся светского вуза часто связывают православие с большим количеством запретов и ограничений, их мировоззрение обусловлено материалистическими взглядами, где провозглашается идея зависимости человека от внешнего мира, его детерминированности социальными и биологическими законами. Взгляд на человека с точки зрения христианства позволяет по-иному посмотреть на личность, ее ценность определяется не земными достижениями, материальным благосостоянием и интеллектуальными способностями. Основа человеческого достоинства лежит в божественном происхождении личности, что делает ее уникальной и бесконечно ценной. Такое понимание в рамках основ православной культуры призвано познакомить обучающихся вузов с разнообразием и иерархией ценностей светской и религиозной культур. Формирование ценностно-смысловых ориентиров личности человека в христианстве основано на понимании человека как образа и подобия Божия, имеющего духовно-душевно-телесное единство и собственную уникальность. Человек является носителем добра и обладателем таких качеств, как любовь, свобода, творчество, милосердие, которые необходимо развивать в синергии с Абсолютом (Леонов, 2014).

Духовное развитие и духовно-нравственное возрастание человека тесно связано в христианстве с понятием греха, которое понимается как «беззаконие», «преступление», «нарушение нравственных законов и норм». На занятиях знакомство с понятием греха начинается с повествования о грехопадении Адама и Евы в Книге Бытия, вследствие которого воля человека стала склонной к злу, появилась дисгармония во внутреннем мире, рассматриваемая в христианской антропологии как поврежденность грехом. Поврежденность грехом личности человека – это устойчивое морально-психологическое состояние, обусловленное постоянным нарушением морально-этических принципов, которое выражается в дисгармонии между моральным сознанием и поведением, снижением способности к самоопределению в соответствии с этическими нормами, нарушением ценностно-смысловых ориентиров. В современном мире поврежденность грехом отражает глубокий духовный кризис, проявляющийся в утрате подлинной свободы, внутреннем конфликте между человеком и окружающим миром, неспособности к любви, в потере смысла и глубины жизни. К счастью, в христианской традиции личность, поврежденная грехом, не предопределена к духовной гибели, у нее есть возможность исцеления через осознание греха, борьбу со страстями и развитие добродетелей. Это сложный и долгий процесс трансформации личности, связанный с постоянным выбором между добром и злом, требующий не только понимания нравственных принципов, но и практической их реализации в жизни. Учение о грехопадении и поврежденности грехом не только является достоянием религии, культуры, психологии и философии, но и представляет собой терапевтический инструмент. Оно помогает человеку осознать глубинные источники своих духовных болезней, преодолеть недуги собственной самодостаточности и вступить на путь духовных изменений.

В качестве методического приема на занятиях по православной культуре предлагается организовать импровизированные диалоги между совестью и искушением как способ наглядного представления обучающимся динамики нравственного выбора между знанием добра и поведением,

этическими установками и практическим поведением. Например, между желанием мониторить социальные сети и нежеланием делать домашнее задание; между просмотром интересного фильма и просьбой матери купить продукты в магазине; между насмешками над другом и защитой друга от клеветы; между необходимостью спасти человека и желанием остаться в безопасности. Причем в диалогах необходимо предложить два исхода событий, когда побеждает совесть и когда побеждает искушение. Вопросы о том, что препятствует совершению зла и что подвигает человека выполнить задуманное, на основе каких мотивов человек делает свой выбор, завершают экспериментальную часть упражнения. Это упражнение позволяет смоделировать ситуацию, результатом которой становится утверждение ценности внутренней свободы личности как способности добровольно выбирать добро, чтобы встать на путь внутреннего духовно-нравственного изменения.

Дополнительно рекомендуется проанализировать две цитаты: русского духовного писателя Феофана Затворника: «Грех – есть яд и разрушение человека через самовольное нарушение закона» (Свт. Феофан Затворник, 2022); и немецкого философа Н. Гартмана: «Грех – есть определяющая, соблазняющая сила в жизни» (Гартман, 2002). Согласно цитатам, грех проникает в душу под воздействием внушаемых соблазнительных мотивов, постепенно отравляет ее и приводит к духовной смерти. Имея свободную волю, человек проявляет склонность к уклонению от добра, к выбору временных благ, ориентирующих человека на конформность, получение временного удовольствия от обладания вниманием других людей, деньгами, властью, плотскими удовольствиями. И только добровольный свободный выбор ценностей, ориентирующих человека на стремление совершать добро, способен преодолеть тенденцию к духовному разрушению личности и нравственному компромиссу. Только через осознанный выбор подлинных духовных ценностей человек может обрести нравственное достоинство и обрести внутреннюю гармонию, состояние, именующееся в христианстве как состояние мира и радости. Такая свобода выбора должна стать высшей ответственностью человека, определяющей его жизнь.

Функцию нравственной регуляции жизнедеятельности выполняет совесть как внутренняя моральная способность человека различать добро и зло, осмысливать свои поступки с точки зрения нравственного закона, она предполагает рациональное и волевое участие личности в моральном решении. В православной культуре совесть – «духовный орган, данный человеку Творцом для «извещения» души человека о голосе Бога» (Миронова, 2014). Совесть стимулирует работу ума, чувств и воли, позволяет осуществлять саморефлексию и формировать систему ценностей, которые становятся основой для принятия ответственных решений. Среди таких ценностей – любовь, послушание, чистосердечие, великодушие, праведность, милосердие, смирение, бесстрашие, мужество, нестяжание. Для обучающихся современных вузов в силу причин социального, культурного и психологического характера понятие совести не является популярным. Молодежь ориентирована на самоутверждение, получение выгоды, желание иметь успех и славу; в ее среде безнаказанность, разврат и эгоизм рассматриваются как норма; поступки оцениваются по принципу «как принято», а не «как правильно».

Глубокое осознание понятия совести возможно только на основе объединения этического и христианского его понимания, ибо христианское понимание привносит в определение личностную, живую трактовку нравственной регуляции поступков. Кроме того, в современном кинематографе чаще находит свою реализацию христианская трактовка совести через изображения состояний внутренних переживаний героев, их борьбы с сомнениями и искушениями. Совесть изображается в фильмах не как абстрактное нравственное чувство, а как живая духовная сила, способная влиять на духовное состояние героя. Предлагается обсудить события короткометражного фильма «Пробуждение» (сценарист – Константин Тищенко) (2016). Успешный адвокат сбивает насмерть на шоссе молодого человека и уезжает с места происшествия. Все события разворачиваются в кабине машины адвоката, который после трагедии возвращается домой, не ощущая никакой вины за совершенный поступок. Рядом с ним по воле случая оказывается неизвестный парень, он ведет беседу о недостойной жизни адвоката: обличает его в изменах жене, равнодушии по отношению к сыну и к родителям, встречах с любовницей, бессмысленном времяпровождении в развлекательных учреждениях. Адвокат оправдывает свои поступки внешними обстоятельствами, не

осознавая за собой никакой вины, а за убийство на дороге предлагает деньги. И только слова из пророчества Исаии: «Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас» (Исаия 1, 18), прозвучавшие из автомобильного радиоприемника, размягчают сердце адвоката, пробуждают совесть, и он признает, что совершил преступление и что он виновен в смерти парня. Молодой человек выступает в фильме аллегорией совести, на вопросы которой главный герой не хочет отвечать, злится, пытается скрыть волнение за маской равнодушия и обходится общими фразами. Душа адвоката настолько зачерствела, что он перестал реагировать на рациональные доводы, его смогли пробудить только божественный голос – слова из книги пророка Исаии. В ходе обсуждения важно подвести обучающихся к мысли, что безнравственная жизнь усыпляет совесть, и человеку становится трудно распознать добрые или злые поступки он совершает в силу того, что аморальные поступки входят в привычку и не распознаются как нарушающие нравственный закон. Таким образом, синтез христианской и светской трактовок понятия совесть создает более целостное и эмоционально доступное его восприятие и осознание.

Усилия преподавателя должны быть направлены на создание условий для укрепления и углубления личного духовно-практического интереса обучаемых к своей внутренней жизни, к изменениям, происходящим в душе, когда она переполнена злыми помыслами. Наглядно наблюдать такой процесс можно в ходе просмотра анимационного фильма Анастасии Вассельпо «Окно», созданного по мотивам одноименной песни С. Копыловой. Визуальные образы фильма дополняют текст и усиливают эмоциональное воздействие на сердце и душу обучающихся. В больничной палате лежат два человека. Один из них находится около окна и рассказывает, что он видит вдалеке красивые деревья и озеро, а другой слушает, и по выражению лица видно, что он очень недоволен своим местоположением в палате и ему хочется занять место соседа. Однажды больному около окна стало плохо, ему нужна была медицинская помощь, но он не мог самостоятельно пригласить врача. Сосед по палате видел это и слышал стоны, но не предпринял никаких попыток помочь ему, он притворился, что не слышит стоны болящего. К утру сосед умирает, и его увозят из палаты, а второго перемещают на место умершего – к окну. Когда больной оказывается около окна, он испытывает состояние ужаса от того, что видит не лес и речку, а глухую кирпичную стену. В тексте и фильме наглядно изображается благостное состояние умершего больного, находящегося на пороге смерти, но ощущающего себя будто бы в раю, и злобное лицо второго человека, переполненное ненавистью к своему соседу, уверенного в том, что именно он достоин находиться около окна и что жизнь к нему несправедлива.

В процессе обсуждения обучаемые определяют греховное состояние, поглотившее персонажа, как зависть, постепенно разъедающая душу человека и затем духовно уничтожающая его. Средством для избавления от этой страсти является сострадательное отношение к ближнему, уважение достоинства другого человека, стремление к внутренней свободе от эгоизма и развитию состояния внутреннего спокойствия и мира. Представители христианской философии полагают, что без божественной помощи природе человека трудно справиться с моральным выбором и начать путь духовного совершенствования (Склярова, 2017).

Анализ фильмов с одной стороны позволяет наглядно показать развитие страсти, путь к саморазрушению, а с другой стороны выработать навык защиты против таких состояний, заключающийся в поиске добродетелей, препятствующих развитию страсти в душе человека. Например, гордыня – смирение, зависть – любовь, радость за ближнего, милосердие; уныние – надежда, сребролюбие – щедрость, чревоугодие – умеренность. Безусловно, подробно разработанная православной культурой система страстей и добродетелей позволяет легче объяснить процесс борьбы между добром и злом, происходящий в душе человека и создать методологическую базу для формирования ценностно-смысловых ориентиров, основанных на глубоком понимании человеческой природы.

В рамках деятельностного подхода наиболее интересным для обучающихся вузов является проектное задание «Грехи и методы борьбы с ними», цель которого состоит в развитии потребности в

самосовершенствовании через ответственное отношение к своей деятельности, определение роли добродетелей в духовном возрастании человека. Для выполнения задания выделяется 8 групп обучающихся (3-4 человека) по числу грехов: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Каждая группа готовит материал в виде презентации и три театральные сценки из жизни, изображающих проявление этой страсти. Теоретический материал должен быть представлен в виде презентации, которая должна включать материал о причинах возникновения греха, ее проявлениях и последствиях для личности с точки зрения психологии и православия. Кроме того, необходимо описать внешние (телесные) и внутренние (душевные) признаки проявления этой страсти. На основе материалов СМИ проанализировать функционирование этой страсти в социальной действительности и выявить случаи положительного отношения к ней. Предложить методы борьбы с этим грехом и рассмотреть добродетели, которые необходимо созидать в душе человека.

Анализ греховных страстей и добродетелей имеет глубокое значение для нравственного развития личности, он:

1. а) способствует формированию навыка осмысления своих действий и помыслов, наблюдения за состоянием своей души;
2. б) позволяет рассматривать безнравственные поступки не как преступление или нарушение нравственных норм, а как болезнь души, требующая лечения;
3. в) позволяет найти источник их преодоления в своих волевых устремлениях или в своей духовной сущности, совпадающей с Божественным Логосом(христианство);
4. г) позволяет пересмотреть смысловое наполнение многих добродетелей, например, смирение – это не слабость, а трезвое видение себя, способность видеть свои недостатки, не гневаться и не раздражаться на людей, пребывать в состоянии внутреннего мира и радости;
5. д) способствует формированию эмпатии по отношению к близким людям.

Таким образом, все перечисленные приемы и методы культурно-деятельностного подхода способствуют формированию устойчивых ценностно-смысловых ориентиров личности, направленных на внутреннее духовное изменение, избавление от поступков, продиктованных страстями, эгоизмом и внешними обстоятельствами, и развитие подлинной нравственной свободы.

Заключение

Культурно-деятельностный подход позволяет раскрыть ценностно-смысловую сферу православия для обучающихся вузов через анализ богатого культурного наследия, образцов современного искусства и активную практическую деятельность. Основными методами и приемами работы можно назвать просмотр и обсуждение кинофильмов, чтение текстов Священного Писания, описание и анализ сюжета на иконах и картинах, участие в дискуссиях, театральных постановках, выполнение проектных заданий.

В процессе реализации приемов культурно-деятельностного подхода обучающиеся имитируют жизненные ситуации, вживаются в образы и принимают решения, руководствуясь духовно-нравственными представлениями о человеке; наблюдают за жизнью героев кинофильмов и выступают в роли экспертов, учатся видеть духовный смысл некоторых событий; обсуждают нравственные проблемы, высказывают разные точки зрения, осмысливают собственную позицию и собственные поступки; анализируют смысл христианских добродетелей, таких как любовь, смирение, надежда, праведность, самопожертвование и служение другим, их созидательную роль в изменении человека.

В ходе такой деятельности происходит обогащение духовного опыта обучающихся, пробуждение интереса к различным духовным состояниям, осознание механизма действия страстей и грехов, что позволяет сформировать защитную реакцию от саморазрушения, выражающуюся в постепенном развитии в душе добродетелей. Только добродетели пробуждают живую энергию души и позволяют жить в согласии с самим собой, окружающими, миром. Внутренним духовным органом, разграничивающим добро и зло, праведное и греховное, является совесть, именно она становится фундаментальным основанием для формирования ценностно-смысловых ориентиров личности.

Итак, в центре изучения православной культуры находится целостная, уникальная личность, обладающая следующими ценностно-смысловыми ориентирами:

- осознание величия мира, стремление к сохранению жизни на земле, забота об окружающей природе;
- развитие творческого потенциала в профессиональной деятельности, осознание значимости своей профессиональной деятельности для общества;
- осознание внутренней свободы как способности добровольно выбирать добро, чтобы достичь духовного возрастания;
- способность давать нравственную, критическую оценку своим действиям, нести ответственность за совершенные поступки перед собой, людьми и обществом;
- добровольное принятие моральных обязательств, деятельное стремление к добру и усвоению добродетелей (любовь, вера, надежда, смирение, праведность, милосердие, честность);
- понимание ценности личности другого человека как обладателя нравственного достоинства;
- стремление к служению своему Отечеству и помощи ближним.

Культурно-деятельностный подход основан на сотрудничестве преподавателя и обучающегося, что делает процесс обучения свободным процессом получения духовно-нравственного опыта в активной деятельности. Объединение опыта, накопленного православной и светской культурой, способствует более глубокому осмыслению нравственных ценностей и их присвоению в практической деятельности обучающихся, основанной на любви к ближнему, терпении, смирении и непрерывном процессе внутреннего самопознания.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Психология достоинства: Искусство быть человеком. М.: Альпина Паблишер, 2025. 398 с.
2. Асмолов А.Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. 2009. №4. С. 18-22.
3. Гартман Н. Этика. М., 2002. 710 с.
4. Двойнин, А.М. Ценностно-смысловые ориентации личности в контексте религиозной веры: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007. 23 с.
5. Леонов В.А. Антропологическая структурность образовательной деятельности // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2014. Вып. 1(32). С. 56-69.
6. Миронова М.Н. Категория «совесть» в православно-ориентированной психологии // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология 2014. Вып. 4(35). С. 126-145.
7. Платон (Игумнов), архимандрит. Православное нравственное богословие. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 328 с.
8. Почтарева Е.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 563–575.
9. Свт. Феофан Затворник (Вышенский) Начертание христианского нравоучения. М.: Правило веры, 2022. 704 с.
10. Складорова, Т.В. Ценностные ориентиры духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся // Сибирский педагогический журнал. 2017. №5. С.13-19.
11. Тоистева О.С. Системно-деятельностный подход: сущностная характеристика и принципы реализации // Педагогическое образование в России. 2013. №2. С.198-202.
12. Урбанович Л.Н. Преподавание православной культуры в концепции культурологического подхода: от идейного замысла к практической реализации // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 3.

The implementation of a cultural-activity approach in the process of forming the value-semantic orientations of university students in classes on the basics of Orthodox culture

Elena V. Filippova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Moscow, Russia
Elenefilippova.klachuk@yandex.ru
ORCID 0009-0008-6632-7440

Received 26.05.2025

Accepted 11.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 37.038.8

DOI 10.25726/j3306-0332-2591-x

EDN TVJGRA

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

This article is devoted to the application of the cultural-activity approach as a means of organizing educational and cognitive activities based on the principles of collaboration in the formation of value-semantic orientations of the individual within the context of Christian culture. The study provides a theoretical foundation for the topic and reviews leading scholarly perspectives on the cultural-activity approach and value-semantic orientations of the individual, as examined in both secular and Orthodox cultural contexts. The author advocates for the use of pedagogical techniques such as viewing and discussing films, staging theatrical scenes, analyzing quotations, and undertaking project-based assignments. These methods foster the engagement of learners in addressing spiritual and moral challenges and stimulate the development of value-semantic orientations grounded in one's relationship to the self, others, the environment (ecological responsibility), and the homeland (civic attitude and service). Through collaborative pursuit of ethical solutions, these techniques create conditions conducive to the internalization of moral values, the articulation of personal purpose and life trajectory, as well as the cultivation of empathy and critical thinking. Particular emphasis is placed on the concepts of «conscience», «virtue» and «sin» as fundamental instruments of moral decision-making. Their interpretation necessitates an integration of ethical knowledge and ascetic experience, thereby substantiating the relevance and imperative of incorporating the study of Orthodox cultural foundations within secular higher education institutions.

Keywords

cultural-activity approach, value-semantic orientations, moral choice, virtue, spiritual and moral development, pedagogical techniques.

References

1. Asmolov A.G. Psychology of dignity: The art of being human. M.: Alpina Publisher, 2025. 398 p
2. Asmolov A.G. System-activity approach to the development of new generation standards // Pedagogy. 2009. № 4. pp. 18-22.
3. Hartman N. Ethics. M., 2002. 710 p.
4. Dvoinin, A.M. Value-semantic orientations of personality in the context of religious faith: dis. ... cand. of psychol. scien. M., 2007. 23 p.

5. Leonov V.A. The anthropological structure of educational activity // Moscow State Pedagogical University Bulletin. Pedagogy. Psychology. 2014. Iss. 1(32). pp. 56-69.
6. Mironova M.N. The category «conscience» in Orthodox-oriented psychology // St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities Bulletin. IV: Pedagogy. Psychology 2014. Iss. 4(35). pp. 126-145.
7. Platon (Igumnov), Archimandrite. Orthodox moral theology. Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra, 1994. 328 p.
8. Pochtareva E.Y. Value-semantic sphere of personality: essence, determinants, mechanisms of development // Perm University bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. Iss. 4. pp. 563-575.
9. St. Theophan the Recluse (Vyshensky). The outline of Christian morality. M.: Rule of faith, 2022. 704 p.
10. Sklyarova, T.V. Value orientations of spiritual and moral development and education of students // Siberian pedagogical journal. 2017. № 5. pp.13-19.
11. Toisteva O.S. System-activity approach: essential characteristics and principles of implementation // Teacher education in Russia. 2013. № 2. pp.198-202.
12. Urbanovich L.N. Teaching Orthodox culture in the concept of a cultural approach: from an ideological concept to practical implementation // Russian Christian Humanitarian Academy Bulletin. 2017. № 3.

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Стратегия планирования учебно-тренировочного процесса в образовательных организациях высшего образования

Татьяна Евгеньевна Могилевская

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Физического воспитания и спорта
Уральский государственный аграрный университет

Кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры Физической культуры и спорта
Уральский институт ГПС МЧС России

Екатеринбург, Россия

tanya-land@list.ru

ORCID 0009-0009-3453-9366

Дмитрий Ринатович Гареев

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Физической культуры

Уральский государственный медицинский университет

Доцент кафедры Физического воспитания и спорта

Уральский государственный аграрный университет

Екатеринбург, Россия

drgareev@mail.ru

ORCID 0000-0001-7809-5650

Байрамгельды Муджевурович Сапаров

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой Физического воспитания и спорта

Уральский государственный аграрный университет

Екатеринбург, Россия

mister.saparov@yandex.ru

ORCID 0009-0008-4190-802X

Ислам Мамед Оглы Джолиев

Старший преподаватель кафедры Физического воспитания и спорта

Уральский Государственный Аграрный Университет

Екатеринбург, Россия

djolievislam@mail.ru

ORCID 0009-0004-1045-9664

Александр Анатольевич Карапузиков

Начальник кафедры Безопасности

Уральский институт ГПС МЧС России

Екатеринбург, Россия

Доцент кафедры Техносферной и экологической безопасности

Уральский государственный аграрный университет

Екатеринбург, Россия

alex-7777@mail.ru

ORCID 0009-0005-8458-1387

Поступила в редакцию 03.05.2025

Принята 19.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 37.07-022

DOI 10.25726/w5464-9021-7391-I

EDN CHOSVE

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы связанные с выбором стратегии планирования учебно-тренировочного процесса с учетом обучения в образовательных организациях высшего образования, а также специфики вида спорта «пожарно-спасательный спорт». Анализ календарных планов за последние восемь лет показал некоторые отличия в планировании главных стартов зимнего и летнего сезонов. Эти отличия диктуют тренерскому штабу необходимость выбора стратегии и такого построения учебно-тренировочного процесса, которое бы обеспечивало достижение спортсменами пика спортивной формы на главных стартах. Проанализирована также успешность выступления спортсменов на соревнованиях при вариантах подготовки с использованием различных типов повышения нагрузки в мезоцикле.

Ключевые слова

учебно-тренировочный процесс, пожарно-спасательный спорт, специальная физическая подготовка, образовательные организации, спортивные сборные команды, стратегия планирования, мезоцикл, годичный цикл.

Введение

Разные интервалы между главными стартами зимнего и летнего сезонов предполагают выбор такой стратегии планирования учебно-тренировочного процесса, которая позволила бы, помимо достижения максимальной спортивной формы спортсменов-прикладников, удержание достигнутого состояния на протяжении заданного времени. В этой связи адаптивная компетентность тренерского состава, т.е. способность предвидеть, анализировать, прогнозировать, совершенствовать свой опыт, а также проявлять креативные способности (Лубышева 2020, 2022) будет являться определяющей.

В теории и методике спортивной тренировки годичный цикл подготовки спортсменов предполагает три периода: подготовительный, соревновательный и переходный (Михальченко, 2022; Славко, 2020). В образовательном пространстве высшей школы данные периоды не исключение и должны учитывать не только особенности образовательного процесса с сентября по июль, но и специфику календарного плана спортивных мероприятий по пожарно-спасательному спорту (Чудиновских, 2016, 2021).

Материалы и методы исследования

Современные подходы к вопросам планирования учебно-тренировочного процесса требуют учета научно обоснованных достижений в области теории и методики физической культуры и спорта, анализа результативности соревновательной деятельности, эффективности и интенсификации тренировочного процесса, а также специфики вида спорта (Гареев, 2022; Дорноступ, 2024; Могилевская, 2025). Е.Н. Миронова считает, что базовыми компонентами в области физической культуры и спорта являются теоретические основы моделирования спортивно-тренировочного процесса, изучение принципов и закономерностей спортивной тренировки, ознакомление с методами и средствами моделирования спортивной тренировки (Миронова, 2016). Т.А. Погосян при планировании предлагает, как основу концепцию классификации возрастных периодов у спортсменов, учитывающую индивидуально-типологические механизмы формирования адаптации к текущим физическим нагрузкам (Погосян, 2019). Для реализации данных механизмов особый интерес представляет изучение эффективности планирования учебно-тренировочного процесса с целью определения оптимальной стратегии. На сегодняшний день научно обоснованы вопросы планирования и особенности набора

спортивной формы у квалифицированных спринтеров (Грачева, 2024; Кудинова, 2011; Миронов, 2014; Трофимов, 2020), но недостаточно изучены стратегические направления планирования в пожарно-спасательном спорте (Войкин, 2023; Глазырина, 2023; Михалевич, 2015).

Результаты и обсуждение

Особенности планирования учебно-тренировочного процесса спортивных сборных команд по пожарно-спасательному спорту в образовательных организациях высшего образования выявили необходимость учета календарного плана и сроков проведения основных (главных) стартов в зимнем и летнем сезонах. Анализ календарных планов по пожарно-спасательному спорту за последние 8 лет показал, что интервал между главными стартами до 2,5 месяцев применялся в течение 5 лет в 2019, 2021, 2022, 2024 и 2025 годах – 02-05.04.2019 в г. Екатеринбург, 10-14.06.2019 в г. Подольск; 05-09.04.2021 в г. Саранск, 07-11.06.2021 в г. Калуга; 04-08.04.2022 в г. Владивосток, 19-23.06.2022 в г. Санкт-Петербург; 25-29.03.2024 в г. Екатеринбург, 10-13.06.2024 в г. Железногорск; 24-28.03.2025 в г. Санкт-Петербург, 07-12.06.2025 в г. Екатеринбург.

Стратегия однопикового планирования годичного цикла тренировочного процесса заключается в наборе спортивной формы спортсмена и максимальной реализации своих возможностей, а также удержании данного состояния на протяжении 2-2,5 месяцев, охватив таким образом оба главных старта зимнего и летнего сезонов в году среди команд образовательных организаций высшего образования (рис. 1).

Стратегия двухпикового планирования в годичном цикле (рис. 1) применялась в том случае, когда между основными стартами в году календарным планом предусмотрено 3-3,5 месяцев и более. При таком планировании между пиками годичного цикла включается подготовительный период продолжительностью 1 месяц (мезоцикл). Такой подход к планированию позволяет спортсменам набрать наилучшую спортивную форму, реализовать на ней и обеспечить восстановление при подготовке к следующему годичному циклу (Дорноступ, 2024).

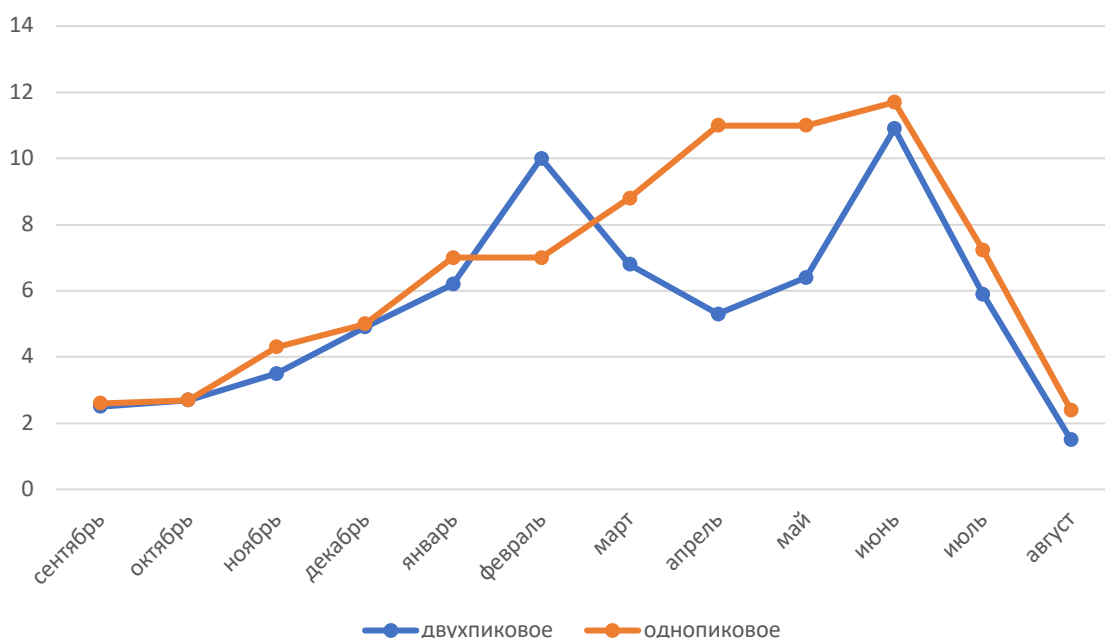

Рисунок 1. Годичный цикл подготовки спортсменов при различных стратегиях планирования

При планировании одного пика с сохранением спортивной формы спортсменов на летний сезон подготовительный период подготовки спортсменов длится 4 месяца с начала учебного года в период с сентября по декабрь включительно. Направленность учебно-тренировочного процесса в этот период включает в себя вращивание; набор общей физической подготовки; техническую подготовку в дисциплинах

пожарно-спасательного спорта «подъем по штурмовой лестнице в окно 4 этажа» для мужчин, «подъем по штурмовой лестнице в окно 2 этажа» для женщин, «преодоление стометровой полосы с препятствиями»; объемы на специальной физической подготовке в указанных дисциплинах. Типы повышения нагрузки в данный период включают в сентябре-октябре волнообразно-восходящий вариант, в ноябре-декабре – ступенчато-восходящий. При этом элементы пожарно-спасательного спорта в первых двух мезоциклах не используются, а применяются упражнения общей физической направленности силового и скоростно-силового характера, упражнения на координацию движений, выносливость. С середины ноября включается упражнение «подъем по штурмовой лестнице», а в конце ноября и элементы преодоления стометровой полосы с препятствиями. Такой подход позволяет спортсменам адаптироваться к текущим физическим нагрузкам, а также создать резерв для расширения своего потенциала.

Соревновательный период при стратегии однопикового планирования длится полгода с января по июль, при этом интенсификация учебно-тренировочного процесса и основные старты приходятся на период апрель-июль. Основными задачами в данный период подготовки являются повышение интенсивности при сохранении объемов в личных дисциплинах пожарно-спасательного спорта; совершенствование технической, психической, тактической видов подготовки; максимальная реализация двигательных возможностей спортсмена; выход на пик специальной физической подготовки; поддержание высокого уровня специальной физической подготовленности. Для решения данных задач тренерский состав планирует участие в выездных соревнованиях всероссийского уровня не реже одного раза в месяц, а также, помимо этого, участие в товарищеских встречах и контрольных тренировках. Отметим также, что в соревновательный период подготовки с целью недопущения травматизма, своевременности восстановительных мероприятий для спортсменов предусмотрены мероприятия врачебного контроля, так как повышенная нагрузка оказывает максимальное воздействие на все системы организма. Повышение нагрузки в данный период варьируется от ступенчато- к линейно-восходящему, при этом на подготовительные выездные соревнования происходят небольшие корректировки, ведь зачастую для того, чтоб раскрыть потенциал спортсмена, необходимо оценить работоспособность организма под нагрузкой. Соревновательный период при одном пике делится на два подпериода: соревновательный-базовый период – мезоциклы с января по март включительно и соревновательный-развивающий период подготовки включающий мезоциклы с апреля по июль.

Переходным периодом в рамках годового цикла является август месяц задачами которого являются повышение теоретической подготовки спортсменов, восстановление и активный отдых, а также, при необходимости, лечение организма.

Анализ результативности команды Уральского института ГПС МЧС России по пожарно-спасательному спорту при однопиковом планировании показал, что за 5 лет выступлений команда института становилась победителем летних Всероссийских соревнований среди образовательных организаций МЧС России трижды: в 2019 году (г. Подольск), в 2024 году (г. Железногорск), в 2025 году (г. Екатеринбург). В 2021 году (г. Калуга) и в 2022 году (г. Санкт-Петербург) команда Уральского института ГПС МЧС России не опускалась ниже 2-го общекомандного места. При этом тренеры отмечают индивидуальную результативность спортсменов, которая показала, что использование стратегии однопикового планирования позволило продемонстрировать наилучшие результаты в личных дисциплинах пожарно-спасательного спорта на главном зимнем старте у 25 спортсменов, что составило 35,7% от общего количества результатов в течение 5 лет, на главном летнем старте этот показатель составил 48,7% у 39 человек. При этом основные личные результаты были показаны в 2024 и 2025 годах.

Календарное планирование, при котором между главными стартами пожарно-спасательного спорта среди образовательных организаций высшего образования было более 2,5 месяцев за последние 8 лет применялось в 2018 и в 2023 годах – 01-02.03.2018 в г. Иваново, 05-08.06.2018 в г. Владимир; 10-14.02.2023 в г. Иваново, 30.05-04.06.2023 в Московской области в парке «Патриот». В 2020 году в связи с ограничительными мерами по недопущению распространения коронавирусной инфекции был проведен только зимний старт среди образовательных организаций 17-21.02.2020 в г. Ярославль. Команда Уральского института ГПС МЧС России по пожарно-спасательному спорту при двухпиковом

планировании в 2018 году заняла 2-е общекомандное место в г. Владимир и 2023 году заняла 3-е общекомандное место в Московской области парк «Патриот». При этом личные результаты спортсменов в индивидуальных дисциплинах спортивных соревнований в зимнем сезоне показали 6 человек, что составило 21,4%. В летнем сезоне этот показатель составил 37,5%.

Особенности планирования учебно-тренировочного процесса при учете календарного плана с разницей в главных стартах более 2,5 месяцев предполагают сокращение продолжительности подготовительного периода на 1 месяц, в сравнении с однопиковым планированием. Таким образом данный период начинаясь вместе с учебным годом длится с сентября по ноябрь включительно. Также в качестве подготовительного мезоцикла включен апрель. Соревновательный же период делится на две части и длится с декабря по март месяц включительно и с июня по июль.

Схема построения учебно-тренировочного процесса, как ключевого ежедневного элемента, в каждом периоде годичного цикла отличается и направлена на достижение цели и решение конкретных двигательных задач, стоящих перед спортсменом и тренером (табл. 1).

Таблица 1. Направленность учебно-тренировочного процесса в различные периоды подготовки спортсмена в годичном цикле

п/п №	Период годичного цикла подготовки спортсмена	Мезоциклы подготовки при планировании одного пика спортивной формы	Мезоциклы подготовки при планировании двух пиков спортивной формы	Направленность учебно-тренировочных занятий
1.	Подготовительный	сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь	сентябрь, октябрь, ноябрь, апрель	обеспечение вработывания; общая физическая подготовка; техническая подготовка; специальная физическая подготовка (объем)
2.	Соревновательный	январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль	декабрь, январь, февраль, март, май, июнь, июль	специальная физическая подготовка (интенсивность и объем; интенсивность); техническая подготовка; максимальная реализация двигательных возможностей выход на пик специальной физической подготовленности; поддержание высокого уровня специальной

				физической подготовленности; психическая подготовка; тактическая подготовка
3.	Переходный	август	август	теоретическая подготовка; восстановление организма; лечение возможных травм; активный отдых

Таким образом, зная календарный план на следующий год, тренерский состав выбирает ту или иную стратегию подготовки спортсменов-прикладников, в зависимости от сроков основных стартов в году. Количество учебно-тренировочных занятий в микроцикле индивидуально и зависит от периода годичного цикла, уровня подготовленности спортсмена, его спортивного мастерства. Ниже приведем примерные схемы мезоциклов и стратегию повышения нагрузки в недельных микроциклах в разные периоды годичного цикла подготовки спортсменов при двухпиковом планировании учебно-тренировочного процесса. При этом отметим, что уровень подготовки спортсменов находится на этапе углубленной спортивной специализации.

Годичный цикл подготовки спортсменов в образовательных организациях высшего образования начинается после летних каникул с сентября месяца (см. рис. 2). Для наглядности меру влияния физических упражнений на организм спортсменов принимаем за 5 условных единиц.

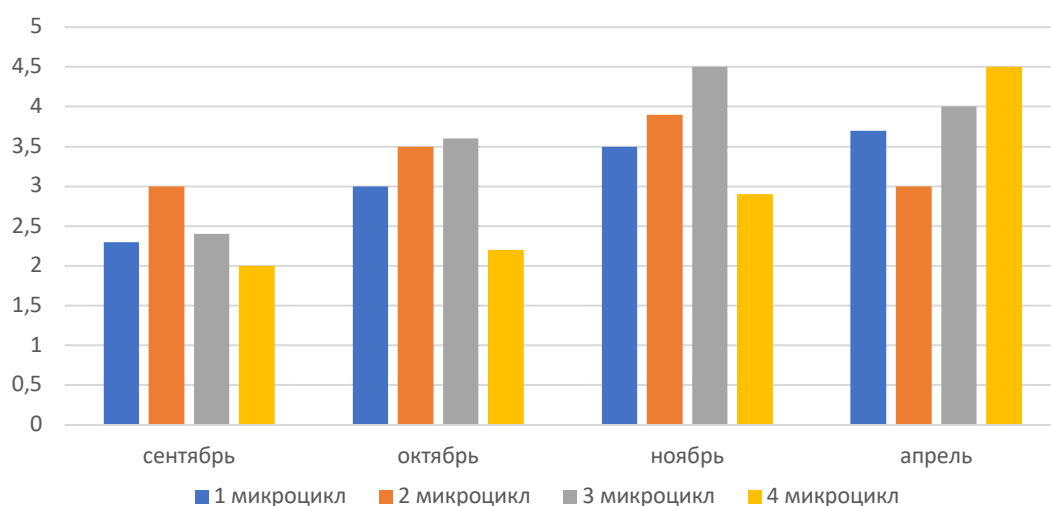
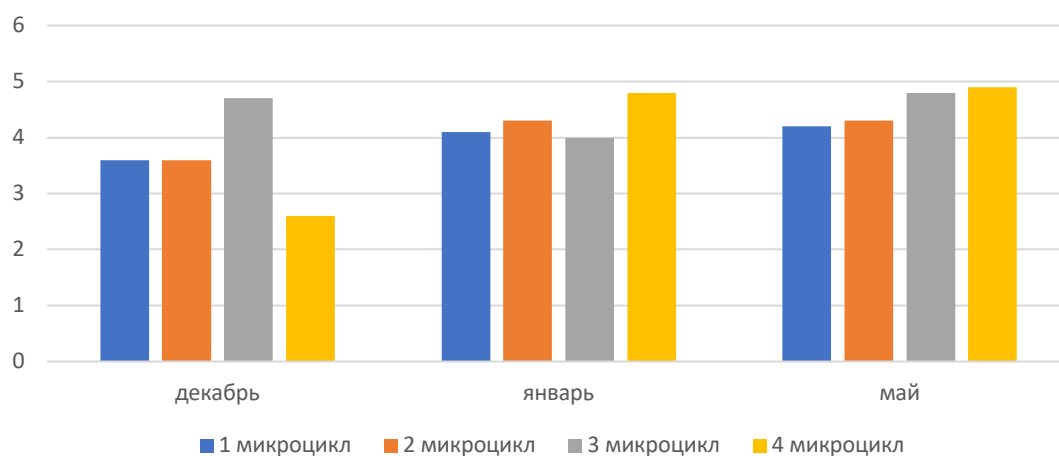

Рисунок 2. Повышение нагрузки при планировании учебно-тренировочных занятий в подготовительном периоде годичного цикла

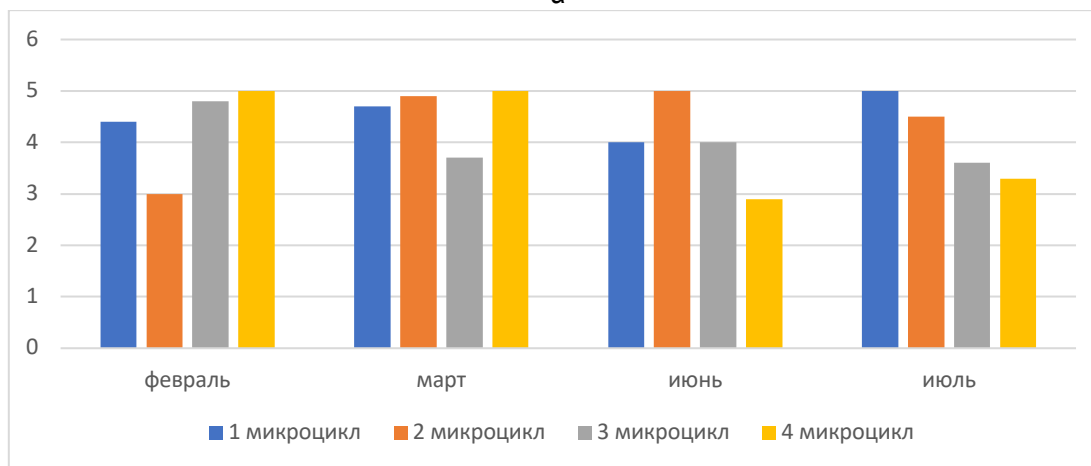
В первые два месяца подготовки сентябрь и октябрь планируется плавный волнообразный тип повышения нагрузки в мезоцикле. Назовем этот этап подготовки подготовительный-втягивающий. Подобный тип повышения нагрузки является щадящим, позволяет плавно повышать уровень подготовленности и создает условия для вработывания и восстановления спортсменов. Для более активного набора необходимых кондиций в ноябре первые три микроцикла планируем с линейно-восходящей стратегией с максимальной нагрузкой в 4,5 условные единицы и последующим снижением нагрузки в крайнем микроцикле ноября более чем в 2 раза, то есть до 2 условных единиц. В апреле же

мы планируем волнообразное снижение и повышение нагрузки на 3,7-3,0-4,0-4,5 условных единиц, так как при двухпиковом планировании он находится в зоне подготовительного поддерживающего периода подготовки, мы учитываем также и то, что данный месяц приходится сразу за соревновательным мартом, в котором основные соревнования зимнего сезона приходятся на 3-4 неделю мезоцикла. При этом как правило в конце апреля спортсмены участвуют в подводящих соревнованиях под нагрузкой. Основным отличием подготовительного периода в начале учебного года с сентября по ноябрь является содержание учебно-тренировочных занятий, в которых ведущее место занимает общая физическая и специальная физическая виды подготовки (Глазырина, 2023; Лубышева, 2020). В апреле же планируется содержание микроциклов с сохранением специальной работы на препятствиях и их преодолении.

Соревновательный период подготовки разделен на две части: соревновательный-базовый период – декабрь, январь, первые два микроцикла мая (рис. 3 а) и соревновательный-развивающий период подготовки – февраль-март, третий и четвертый микроцикл мая-июнь (рис. 3 б).

а

б

Рисунок 3. Изменение нагрузки при планировании учебно-тренировочных занятий в соревновательном периоде годичного цикла

В соревновательный-базовый период подготовки спортсменов тип повышения нагрузки ступенчато-восходящий. Так как в декабре начинается работа на препятствиях и их преодолении и первые два микроцикла находятся на уровне нагрузки 3,6 условных единиц с последующим повышением до 4,7 условных единиц. В январе и мае учебно-тренировочные занятия в микроциклах схожи с выбранной ступенчато-восходящей стратегией повышения нагрузки. Данная стратегия позволяет не

только повышать нагрузку и при этом создает условия для закрепления необходимых кондиций спортсмена.

Соревновательный-развивающий этап подготовки направлен на достижение спортсменом пика спортивной формы к третьей либо четвертой неделе марта (главный старт зимнего сезона) и второй неделе июня (главный старт летнего сезона), если календарным планом предусмотрены главные старты в указанные сроки. В первой неделе июля, как правило проводятся межрегиональные соревнования, а в первой неделе августа Чемпионат России среди субъектов Российской Федерации и, как мы отмечали в начале нашей статьи, многие спортсмены сборных команд образовательных организаций, включенные в состав команд Главных управлений МЧС России по субъектам РФ, выступают на данных соревнованиях.

При изменении сроков проведения главных стартов зимнего и летнего сезонов стратегия подготовки спортсменов меняется. Именно поэтому учитывая долгосрочность планирования макроцикла равному одному году мы считаем, что все изменения календарного плана, должны быть внесены не позднее чем за 4 месяца до главного старта.

Немаловажными в перспективной стратегии планирования являются и более длительные макроциклы, например, олимпийский четырехлетний цикл. Несмотря на то, что пожарно-спасательный спорт не является олимпийским видом спорта, планирование на 4-5 лет позволяет тренеру выстроить общую схему поэтапной подготовки с перспективой роста спортсмена, что является важной составляющей в поддержании мотивации, а также охватывает период обучения по программам бакалавриата и специалитета.

Заключение

Таким образом используя различные стратегии при планировании учебно-тренировочного процесса по пожарно-спасательному спорту, учитывая специфику вида спорта и обучения в образовательной организации высшего образования, мы смогли не только повысить личные и командные достижения спортсменов в главных стартах, но и закрепить их. Также немаловажным считаем правильный подбор повышения нагрузки в мезоцикле, будь то волнообразно-восходящий, ступенчато-восходящий или линейно-восходящий. Все типы повышения нагрузки оправданы в разные периоды годичного цикла и с различной продолжительностью.

Основным критерием, отражающим правильность выбора стратегии планирования и содержания учебно-тренировочных занятий, является успешность выступления спортсмена, его прогресс от старта к старту и отсутствие травм. В завершение отметим, что организация учебно-тренировочного процесса и стратегия планирования годичного цикла зарекомендовала свою эффективность и позволяет минимизировать риски, связанные с недостаточным восстановлением и травматизацией спортсменов.

Список литературы

1. Войкин И.А. Готовность к пожарно-спасательной деятельности как ключевой компонент подготовки курсантов вузов МЧС России // Актуальные вопросы профессиональной подготовки пожарных и спасателей: мат. VII Всерос. науч.-прак. конф. среди образовательных организаций высшего образования (29 марта 2023 г., Иваново). Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2023. С. 31-34.
2. Гареев Д.Р., Сапаров Б.М., Могилевская Т.Е., Башмаков Э.Ю. Теоретические и прикладные аспекты построения процесса спортивной подготовки в ведомственных организациях МЧС России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 5-2. С. 57-59.
3. Глазырина И.А., Нефедова Ю.В. Комплекс специальной подготовки в соревновательном периоде спортсменов, занимающихся пожарно-спасательным спортом // В сборнике: актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта: мат. VI Всерос. науч.-прак. конф. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2023. С. 415-419.

4. Грачева Е. И. Изменения биоимпедансных показателей квалифицированных спринтеров по достижении пика спортивной формы // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2024. № 1. С. 56-60.
5. Дорноступ И.Б., Шалагинов В.Д., Величко В.М., Разницын В.А. Перспективы развития служебно-прикладных видов спорта МЧС России // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 2-1. С. 474-485.
6. Кудинова В.А. Стратегия многолетней подготовки юных легкоатлетов // Ученые записки Университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. №11(81). С.80-83.
7. Лубышева Л.И. Компетентность современного тренера – запас «профессиональной прочности» // Теория и практика физической культуры. 2020. № 8. С. 97.
8. Лубышева Л.И. Профессионально-личностные качества тренера – базисный вектор успешности спортсмена // Теория и практика физической культуры. 2022. № 10. С. 103.
9. Миронов Д.Л., Егоров В.Н., Грязева Е.Д. Коррекционно-оздоровительный подход в процессе подготовки квалифицированных легкоатлетов-спринтеров // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2014. № 3. С. 120-125.
10. Миронова Е.Н. Моделирование учебно-тренировочного процесса как средство повышения эффективности спортивной тренировки // Наука-2020. 2016. № 5(11). С. 28-31.
11. Михалевич В.А. Пожарно-спасательный спорт как основной профессионально значимый вид спорта в структуре МЧС // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2015. Т. 1. № 1(6). С. 308-311.
12. Михальченко В.Р. Особенности планирования мезоциклов в процессе тренировки спортсменов // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: мат. III Всерос. конф. перспективных разработок. В 4 т. Курск, 2022. С. 424-426.
13. Могилевская Т.Е., Гареев Д.Р., Сапаров Б.М., Рогов О.С., Джолиев И.М.О. Физическая подготовка женской спортивной команды в подготовительном периоде годичного цикла на этапе углубленной спортивной специализации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 132-136.
14. Погосян Т. А. Физиологическое обоснование классификации возрастных периодов у спортсменов // Современные тенденции развития адаптивной физической культуры и спортивной медицины: мат. Всерос. науч.-прак. конф. с межд. участ. М.: Московская государственная академия физической культуры, 2019. С. 245-252.
15. Славко А.Л., Кукало Е.В. Особенности индивидуализации тренировочного процесса спортсменов как эффективного средства повышения результативности // Интеграция науки и спортивной практики в единоборствах: мат. XIX Всерос. науч.-прак. конф. мол. уч. с межд. участ., посв. памяти заслуженного мастера спорта СССР, заслуженного тренера СССР, профессора Е.М. Чумакова. М., 2020. С. 107-112.
16. Трофимов К.С. Повышение скоростно-силового потенциала в годичном цикле подготовки легкоатлетов-спринтеров // Современные проблемы физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности: мат. Всерос. науч.-прак. конф. и VII Всерос. конкурса науч. работ в области физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности. Под ред. А.А. Шахова. 2020. С. 183-190.
17. Чудиновских П.В., Чудиновских М.В., Могилевская Т.Е. Исторические этапы развития пожарно-прикладного спорта в специальном управлении федеральной противопожарной службы № 6 МЧС России // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 5(195). С. 437-442.
18. Чудиновских П.В. Развитие двигательных-координационных способностей юниоров в пожарно-прикладном спорте // Молодой ученый. 2016. №24. С. 551-554.

The strategy of planning the educational and training process in educational institutions of higher education

Tatiana E. Mogilevskaya

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports
Ural State Agrarian University
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physical Culture and Sports
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Yekaterinburg, Russia
tanya-land@list.ru
ORCID 0009-0009-3453-9366

Dmitry R. Gareev

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Culture
Ural State Medical University
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports
Ural State Agrarian University
Yekaterinburg, Russia
drgareev@mail.ru
ORCID 0000-0001-7809-5650

Bayramgeldy M. Saparov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University
Yekaterinburg, Russia
mister.saparov@yandex.ru
ORCID 0009-0008-4190-802X

Islam M. Oglu Joliev

Senior Lecturer at the Department of Physical Education and Sports
Ural State Agrarian University
Yekaterinburg, Russia
djolievislam@mail.ru
ORCID 0009-0004-1045-9664

Alexander A. Karapuzikov

Head of the Department of Security
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Yekaterinburg, Russia
Associate Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety
Ural State Agrarian University
Yekaterinburg, Russia
alexx-7777@mail.ru
ORCID 0009-0005-8458-1387

Received 03.05.2025

Accepted 19.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 37.07-022

DOI 10.25726/w5464-9021-7391-I

EDN CHOSVE

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article discusses issues related to the choice of a strategy for planning the educational and training process, taking into account training in educational institutions of higher education, as well as the specifics of the sport «fire and rescue sport». An analysis of the calendar plans over the past eight years has shown some differences in the planning of the main starts of the winter and summer seasons. These differences dictate to the coaching staff the need to choose a strategy and build an educational and training process that would ensure that athletes achieve peak fitness at the main starts. The success of athletes' performance in competitions with training options using various types of load increase in the mesocycle is also analyzed.

Keywords

educational and training process, fire and rescue sports, special physical training, educational organizations, sports teams, planning strategy, mesocycle, annual cycle.

References

1. Voikin I.A. Readiness for fire and rescue activities as a key component of the training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Actual issues of professional training of firefighters and rescuers: mat. of the VII All-Rus. scien. and prac. conf. among educational organizations of higher education (March 29, 2023, Ivanovo). Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. pp. 31-34.
2. Gareev D.R., Saparov B.M., Mogilevskaya T.E., Bashmakov E.Y. Theoretical and applied aspects of building the sports training process in departmental organizations of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. № 5-2. pp. 57-59.
3. Glazyrina I.A., Nefedova Yu.V. A complex of special training in the competitive period of athletes engaged in fire and rescue sports // In the collection: current issues of physical education of youth and student sports: mat. of the VI All-Rus. scien. and prac. conf. Saratov: Chernyshevsky Saratov National Research State University, 2023. pp. 415-419.
4. Gracheva E. I. Changes in bioimpedance indicators of qualified sprinters upon reaching the peak of athletic fitness // Tulskogo gosudarstvennogo universiteta bulletin. Physical culture. Sport. 2024. № 1. pp. 56-60.
5. Dornostup I.B., Shalaginov V.D., Velichko V.M., Raznitsyn V.A. Prospects for the development of service-applied sports of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Pedagogical journal. 2024. Vol. 14. № 2-1. pp. 474-485.
6. Kudinova V.A. Strategy of long-term training of young athletes // Lesgaft University Scientific notes. 2011. № 11(81). pp.80-83.
7. Lubysheva L.I. Competence of a modern coach is a reserve of «professional strength» // Theory and practice of physical culture. 2020. № 8. P. 97.
8. Lubysheva L.I. Professional and personal qualities of a coach – the basic vector of success of an athlete // Theory and practice of physical culture. 2022. № 10. P. 103.
9. Mironov D.L., Egorov V.N., Gryazeva E.D. Correctional and wellness approach in the process of training qualified track and field sprinters // Proceedings of Tula State University. Physical culture. Sport. 2014. № 3. pp. 120-125.
10. Mironova E.N. Modeling of the educational and training process as a means of increasing the effectiveness of sports training. Nauka-2020. 2016. № 5(11). pp. 28-31.

11. Mikhalevich V.A. Fire and rescue sports as the main professionally significant sport in the structure of the Ministry of Emergency Situations // Fire safety: problems and prospects. 2015. Vol. 1. № 1(6). pp. 308-311.
12. Mikhachenko V.R. Features of planning mesocycles in the process of athletes' training // Innovative potential of society development: the view of young scientists: mat. III of the All-Rus. conf. of promising developments. In 4 vols. Kursk, 2022. pp. 424-426.
13. Mogilevskaya T.E., Gareev D.R., Saparov B.M., Rogov O.S., Joliev I.M.O. Physical training of the women's sports team in the preparatory period of the annual cycle at the stage of advanced sports specialization // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2025. № 1. pp. 132-136.
14. Pogosyan T. A. The physiological justification of the classification of age periods in athletes // Modern trends in the development of adaptive physical culture and sports medicine: mat. of the All-Rus. scien. and prac. conf. with inter. particip. M.: Moscow State Academy of Physical Culture, 2019. pp. 245-252.
15. Slavko A.L., Kukalo E.V. Peculiarities of individualization of athletes' training process as an effective means of improving performance // Integration of science and sports practice in martial arts: mat. of the XIX All-Rus. scien. and prac. conf. of young scientists with the inter. particip., addict. in memory of the Honored Master of Sports of the USSR, Honored Coach of the USSR, Professor E.M. Chumakov. M., 2020. pp. 107-112.
16. Trofimov K.S. Increasing speed and strength potential in the annual training cycle of track and field sprinters // Modern problems of physical culture, sports and life safety: mat. of the All-Rus. scien. and prac. conf. and VII All-Rus. competition of scien. papers in the field of physical culture, sports and life safety. Ed. by A.A. Shakhov. 2020. pp. 183-190.
17. Chudinovskikh P.V., Chudinovskikh M.V., Mogilevskaya T.E. Historical stages of the development of fire-applied sports in the special department of the Federal Fire Service № 6 of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Lesgaft University Scientific Notes. 2021. № 5(195). pp. 437-442.
18. Chudinovskikh P.V. Development of motor and coordination abilities of juniors in fire-applied sports // Young scientist. 2016. № 24. pp. 551-554.

Сравнительный анализ эффективности использования геймификации и искусственного интеллекта в развитии критического мышления будущих учителей английского языка в условиях цифровизации образования

Инна Алексеевна Андреева

Кандидат педагогических наук, доцент
Армавирский государственный педагогический университет
Армавир, Россия
andia70@mail.ru
ORCID 0009-0009-3118-0829

Ольга Николаевна Егорова

Кандидат филологических наук, доцент
Армавирский государственный педагогический университет
Армавир, Россия
olga-nik06@mail.ru
ORCID 0000-0003-3205-8285

Поступила 11.07.2025

Принята 16.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 004.032:378.4:378.147.3

DOI 10.25726/f0697-8086-3504-c

EDN REWKIS

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В эпоху цифровизации педагогического образования формирование критического мышления у будущих учителей английского языка приобретает ключевую роль, поскольку традиционные методы неэффективны для развития навыков анализа, синтеза и оценки. Исследование сравнивает влияние геймификации (игровые механики для мотивации) и искусственного интеллекта (адаптивные платформы с обратной связью) на эти навыки, выявляя оптимальные подходы для персонализированного обучения. Цель – эмпирически оценить динамику критического мышления в экспериментальных группах по сравнению с контрольной, чтобы обосновать интеграцию технологий в подготовку педагогов. Методы включали эксперимент с 150 студентами третьего курса педагогического вуза, разделенными на три группы: геймификация (квесты, бейджи), ИИ-платформа (адаптивные траектории, чат-боты) и традиционное обучение. Оценка проводилась тестом ПТОКМ (пре- и пост-тест) по компонентам мышления, анкетами мотивации и вовлеченности. Статистический анализ: t-критерий Стьюдента, ANOVA, тест Тьюки и корреляция Пирсона в SPSS. Результаты показали прирост критического мышления на 73,75% в группе ИИ, 54,72% в геймификации и 12,02% в контрольной (ANOVA: $F=85,43$, $p<0,001$). ИИ лидировал в анализе аргументации (+7,12) и оценке доказательств (+7,34), геймификация – в идентификации проблем (+6,71). Вовлеченность коррелировала с приростом сильнее в геймификации ($r=0,76$) vs ИИ ($r=0,42$). Обсуждение подчеркивает превосходство ИИ для аналитических навыков и гомогенных результатов, геймификации – для мотивации и творчества. Гибридные модели перспективны для синергии. Выводы рекомендуют ИИ для рационального развития, геймификацию для эмоциональной вовлеченности, способствуя адаптации образования к цифровой среде.

Ключевые слова

геймификация, искусственный интеллект, критическое мышление, учителя английского, цифровизация образования.

Введение

В условиях стремительной цифровой трансформации высшего педагогического образования особую актуальность приобретает проблема формирования когнитивных навыков высокого порядка у будущих учителей, среди которых центральное место занимает критическое мышление. Данный конструкт, понимаемый как способность к анализу информации, оценке аргументов, выявлению скрытых предпосылок и формулированию обоснованных выводов, является не только ключевой компетенцией специалиста XXI века, но и неотъемлемым атрибутом профессиональной деятельности педагога, призванного обучать этому своих учеников. Традиционные подходы к обучению, основанные на репродуктивной передаче знаний, демонстрируют свою недостаточную эффективность в решении этой сложной дидактической задачи (Эркимбаева, 2025). В этом контексте возрастает интерес исследователей и практиков к потенциалу современных цифровых технологий, способных создавать иммерсивные, адаптивные и мотивирующие образовательные среды. Среди многообразия технологических решений особо выделяются два направления: геймификация, использующая игровые механики и элементы дизайна в неигровом контексте для повышения вовлеченности и мотивации обучающихся, и искусственный интеллект (ИИ), предлагающий инструменты для персонализации обучения, автоматизированной обратной связи и анализа сложных данных (Корнеева, 2024).

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных как геймификации (Куватов, 2024), так и применению ИИ в образовании (Котляренко, 2025), сравнительный анализ их эффективности в контексте развития именно критического мышления у конкретной целевой аудитории – будущих учителей английского языка – остается недостаточно изученной областью. Существующие работы чаще всего рассматривают эти технологии изолированно, оценивая их влияние на общую академическую успеваемость или мотивацию, но не проводя детального сопоставления их воздействия на отдельные компоненты критического мышления, такие как анализ, синтез и оценка. Проблема усугубляется тем, что подготовка учителей иностранного языка требует не только владения предметными знаниями, но и способности критически осмысливать аутентичные иноязычные материалы, оценивать педагогические ситуации и проектировать собственные учебные сценарии.

Таким образом, возникает научное противоречие между объективной потребностью в эффективных цифровых инструментах для развития критического мышления у будущих педагогов и отсутствием эмпирических данных, позволяющих сделать обоснованный выбор между различными технологическими подходами или определить оптимальные условия их сочетания. Настоящее исследование направлено на преодоление этого противоречия путем проведения сравнительного анализа влияния образовательных модулей, построенных на принципах геймификации и с использованием технологий искусственного интеллекта, на динамику уровня развития критического мышления у студентов педагогических вузов.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе факультета иностранных языков одного из ведущих педагогических университетов в течение одного академического семестра. В эксперименте приняли участие 150 студентов третьего курса, обучающихся по направлению «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки: английский язык, второй иностранный язык)», которые были случайным образом распределены на три равные группы по 50 человек в каждой: две экспериментальные и одну контрольную. Первая экспериментальная группа (Группа А) проходила обучение в рамках специально разработанного онлайн-курса «Анализ и интерпретация иноязычного текста», дидактическая модель которого была основана на принципах геймификации. Курс включал в себя систему баллов, значков достижений (бейджей), рейтинговых таблиц, а также сюжетную линию, в рамках которой студентам предлагалось решать педагогические кейсы в формате квестов, требующих критического анализа

текстовых и видеоматериалов (Соболева, 2023). Вторая экспериментальная группа (Группа В) изучала тот же содержательный материал, но с использованием образовательной платформы на базе искусственного интеллекта. Данная платформа предоставляла студентам адаптивные учебные траектории, подбирая сложность текстов и заданий в зависимости от их текущего уровня, обеспечивала мгновенную обратную связь с помощью чат-бота-тьютора, который задавал наводящие вопросы для стимуляции глубокого анализа, а также использовала алгоритмы обработки естественного языка для оценки эссе и выявления логических несостыковок в аргументации (Дуйсенова, 2024). Контрольная группа (Группа С) осваивала программу курса в рамках традиционной модели обучения, включающей лекции, семинарские занятия и самостоятельную работу с учебными материалами без применения специализированных цифровых инструментов.

Для оценки уровня развития критического мышления использовался комплексный диагностический инструментарий. В качестве основного метода был выбран стандартизированный «Педагогический тест оценки критического мышления» (ПТОКМ), адаптированный для студентов языковых специальностей и включающий субшкалы для измерения таких компонентов, как анализ аргументации, синтез информации, идентификация и формулирование проблемы, оценка доказательств, а также саморефлексия и метапознание. Тестирование проводилось дважды: на начальном этапе эксперимента (пре-тест) и по его завершении (пост-тест). Дополнительно для оценки аффективной составляющей образовательного процесса применялось анкетирование, направленное на измерение уровней внутренней мотивации, воспринимаемой полезности обучения, вовлеченности и когнитивной нагрузки. Сбор данных был дополнен качественными методами, в частности, анализом рефлексивных эссе студентов по итогам курса. Статистическая обработка полученных количественных данных осуществлялась с использованием пакета SPSS Statistics. Для сравнения средних значений до и после эксперимента внутри каждой группы применялся парный *t*-критерий Стьюдента, а для межгруппового сравнения результатов пост-тестирования – однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с последующим применением апостериорного теста Тьюки для выявления статистически значимых различий между группами (Жылчиева, 2024). Корреляционный анализ Пирсона использовался для установления взаимосвязи между уровнем вовлеченности и приростом в показателях критического мышления (Панфилов, 2025).

Результаты и обсуждение

Центральной задачей настоящего исследования являлась оценка и сопоставление общего прироста в уровне развития критического мышления у студентов в трех различных дидактических условиях. Для решения этой задачи необходимо было прежде всего установить исходный уровень испытуемых во всех группах и зафиксировать итоговые изменения по завершении педагогического эксперимента. Комплексный характер конструкта «критическое мышление» требует не только фиксации общего балла, но и последующего детального анализа его структурных компонентов, поскольку различные педагогические технологии могут оказывать неравномерное влияние на развитие отдельных когнитивных навыков. Первичный срез данных, полученных с помощью теста ПТОКМ, позволил получить обобщенную картину эффективности исследуемых подходов и заложить основу для дальнейшего, более глубокого анализа.

Предварительный анализ результатов пре-тестирования не выявил статистически значимых различий между тремя группами ($p > 0,05$), что свидетельствует об их исходной гомогенности и корректности формирования выборки. Это позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что все последующие различия в результатах обусловлены именно экспериментальным воздействием, а не начальными расхождениями в уровне подготовки студентов. Итоговые данные пост-тестирования, напротив, продемонстрировали существенную и статистически значимую дифференциацию в академических достижениях групп, что позволяет перейти к непосредственному сравнению эффективности традиционного подхода, геймификации и использования искусственного интеллекта (табл. 1).

Таблица 1. Сводные результаты пре- и пост-тестирования уровня развития критического мышления по группам (шкала ПТОКМ, макс. 100 баллов)

Группа	N	Средний балл (Пре-тест)	Стандартное отклонение (Пре-тест)	Средний балл (Пост-тест)	Стандартное отклонение (Пост-тест)	Прирост (%)
Группа А (Геймификация)	50	46,18	7,15	71,45	8,22	54,72
Группа В (ИИ)	50	45,94	6,98	79,82	6,14	73,75
Группа С (Контрольная)	50	46,52	7,31	52,11	7,59	12,02

Анализ данных, представленных в таблице 1, наглядно демонстрирует превосходство обоих экспериментальных подходов над традиционной формой обучения. Прирост в контрольной группе составил всего 12,02%, что можно объяснить естественным процессом обучения в течение семестра, однако этот показатель значительно уступает результатам экспериментальных групп. Группа, обучавшаяся с применением геймификации (Группа А), показала внушительный прирост в 54,72%, что подтверждает высокую мотивирующую и развивающую силу игровых механик. Тем не менее наиболее впечатляющие результаты были зафиксированы в группе, использовавшей платформу на основе искусственного интеллекта (Группа В), где средний балл вырос на 73,75%. Дисперсионный анализ ANOVA подтвердил, что различия в средних баллах пост-теста между всеми тремя группами являются статистически значимыми ($F(2, 147) = 85.43, p < 0.001$). Апостериорный тест Тьюки показал, что средний балл Группы В статистически значимо выше, чем у Группы А, а результаты обеих экспериментальных групп, в свою очередь, значимо превосходят показатели контрольной группы.

Особого внимания заслуживает анализ стандартного отклонения в результатах пост-тестирования. В Группе В данный показатель является наименьшим (6,14) по сравнению с Группой А (8,22) и контрольной группой (7,59). Это может свидетельствовать о том, что применение ИИ-платформы обеспечивает не только более высокий средний результат, но и более гомогенный уровень развития навыков у всех студентов группы. Адаптивный характер системы, подстраивающейся под индивидуальные потребности каждого обучающегося, вероятно, позволяет «подтягивать» отстающих и предоставлять более сложные задачи сильным студентам, выравнивая таким образом итоговые показатели (Минаков. 2025). В то же время более высокое стандартное отклонение в группе геймификации может указывать на то, что данный подход по-разному воспринимается студентами: для одних игровая мотивация становится мощным катализатором развития, в то время как для других соревновательные или сюжетные элементы могут оказаться менее релевантными, что приводит к большему разбросу в итоговых результатах (Изотова, 2023).

Для более детального понимания механизмов влияния исследуемых технологий был проведен анализ динамики развития отдельных компонентов критического мышления. Такой дифференцированный подход позволяет выявить специфические сильные стороны геймификации и искусственного интеллекта. Не исключено, что технологии, демонстрирующие разную общую эффективность, могут оказывать целевое воздействие на разные когнитивные поднавыки, что имеет принципиальное значение для педагогического дизайна (табл. 2).

Таблица 2. Динамика развития отдельных компонентов критического мышления (прирост среднего балла по 20-балльной субшкале)

Компонент критического мышления	Группа А (Геймификация)	Группа В (ИИ)	Группа С (Контрольная)
Анализ аргументации	4,88	7,12	1,05
Синтез информации	5,15	6,95	1,12
Идентификация и формулирование проблемы	6,71	5,88	0,98

Оценка доказательств	4,32	7,34	0,85
Саморефлексия и метапознание	4,21	6,59	0,59

Детальный анализ прироста по отдельным субшкалам выявляет интересные и важные закономерности. Платформа на основе искусственного интеллекта (Группа В) демонстрирует явное лидерство в развитии таких аналитических компонентов, как «Оценка доказательств» (+7,34 балла) и «Анализ аргументации» (+7,12 балла). Это можно объяснить функциональными возможностями ИИ, который способен в автоматическом режиме проверять логическую стройность рассуждений, находить несоответствия в представленных данных и предоставлять студентам точечную обратную связь по анализируемым текстам (Бочарова, 2024). Высокий прирост по шкале «Синтез информации» (+6,95) и «Саморефлексия и метапознание» (+6,59) также свидетельствует о том, что адаптивные алгоритмы и персонализированные подсказки эффективно направляют когнитивные процессы студентов, заставляя их не просто потреблять информацию, а интегрировать ее и осмысливать собственную учебную деятельность.

С другой стороны, геймифицированный подход (Группа А) показал наивысший результат в компоненте «Идентификация и формулирование проблемы» (+6,71 балла), незначительно, но все же опередив по этому показателю группу ИИ. Этот феномен, вероятно, связан с самой природой игрового дизайна. Квестовые задания и решение сюжетных кейсов требуют от студентов не столько анализа готовых аргументов, сколько творческого подхода, способности увидеть проблему в нестандартной ситуации и самостоятельно сформулировать пути ее решения. В то время как ИИ лучше справляется с задачами, имеющими структурированный и логический характер, геймификация, по-видимому, более эффективно стимулирует дивергентное и проблемно-ориентированное мышление. В контрольной группе наблюдается минимальный и равномерно низкий прирост по всем компонентам, что еще раз подчеркивает ограниченность традиционных методов в целенаправленном развитии сложных когнитивных навыков.

Помимо когнитивных результатов, для комплексной оценки педагогических технологий крайне важно учитывать их влияние на аффективную сферу обучающихся, в частности на их мотивацию и вовлеченность. Эти факторы не только влияют на удовлетворенность студентов процессом обучения, но и, как правило, тесно связаны с итоговыми академическими достижениями. Данные, полученные в ходе анкетирования, позволяют сравнить исследуемые подходы по этому критерию (табл. 3).

Таблица 3. Уровни мотивации и вовлеченности студентов по результатам анкетирования (средний балл по 10-балльной шкале)

Показатель	Группа А (Геймификация)	Группа В (ИИ)	Группа С (Контрольная)
Внутренняя мотивация	8,91	7,24	5,83
Воспринимаемая полезность	8,15	9,33	6,41
Уровень вовлеченности	9,12	7,89	5,55
Когнитивная нагрузка (обратная шкала)	6,87	8,05	7,15

Результаты анкетирования вносят важные нюансы в общую картину. Группа геймификации (Группа А) демонстрирует самые высокие показатели по шкалам «Внутренняя мотивация» (8,91) и «Уровень вовлеченности» (9,12), что статистически значительно превышает показатели двух других групп. Это подтверждает широко распространенную гипотезу о том, что игровые элементы, такие как соревнование, получение наград и следование сюжету, являются мощными стимулами, повышающими интерес и желание учиться. Однако стоит отметить, что по показателю «Воспринимаемая полезность» лидирует группа ИИ (9,33), что говорит о том, что студенты этой группы выше оценивали практическую применимость и эффективность полученных знаний и навыков, вероятно, благодаря персонализированной и точечной обратной связи.

Анализ показателя когнитивной нагрузки, где более высокий балл означает меньшую воспринимаемую сложность, также дает пищу для размышлений. Группа ИИ (Группа В) показала наилучший результат (8,05), что можно интерпретировать как следствие работы адаптивных алгоритмов, которые предотвращают когнитивную перегрузку, предлагая материал оптимального уровня сложности. Несколько более низкий показатель в группе геймификации (6,87) может указывать на то, что, несмотря на высокую вовлеченность, обилие игровых элементов и необходимость отслеживать свой прогресс в рейтинге могут создавать дополнительную когнитивную нагрузку, отвлекая часть ментальных ресурсов от основной учебной задачи (Кононова, 2024). Контрольная группа демонстрирует самые низкие показатели по всем позитивным шкалам и средний уровень когнитивной нагрузки, что характерно для традиционного формата обучения.

Для проверки гипотезы о том, что высокая вовлеченность напрямую транслируется в лучшие учебные результаты, был проведен корреляционный анализ между уровнем вовлеченности, зафиксированным в анкете, и индивидуальным приростом общего балла по тесту ПТОКМ для каждой из экспериментальных групп (табл. 4).

Таблица 4. Корреляционный анализ между уровнем вовлеченности и приростом общего балла критического мышления (коэффициент корреляции Пирсона, r)

Группа	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)
Группа А (Геймификация)	0,76	< 0.01
Группа В (ИИ)	0,42	< 0.05

Данные корреляционного анализа являются, пожалуй, одними из самых показательных в исследовании. В группе геймификации (Группа А) обнаружена сильная положительная корреляция ($r = 0,76$) между уровнем вовлеченности и приростом в развитии критического мышления, причем эта связь является высоко значимой ($p < 0,01$). Это означает, что в рамках геймифицированной модели обучения именно степень погруженности студента в игровой процесс, его азарт и интерес являются ключевыми предикторами успеха. Чем больше студент вовлечен, тем выше его итоговый результат. Данный факт подчеркивает, что дидактический эффект геймификации опосредован в первую очередь аффективно-мотивационным компонентом (Широкова, 2025).

В то же время в группе, работавшей с ИИ-платформой (Группа В), корреляция между вовлеченностью и результатом также является положительной и статистически значимой, но заметно более слабой ($r = 0,42$). Это позволяет сделать вывод, что эффективность искусственного интеллекта в меньшей степени зависит от эмоционального настроя и внутренней мотивации студента. Даже при среднем уровне вовлеченности ИИ-система способна давать высокий образовательный результат за счет своих «когнитивных» функций: точного анализа, адаптивной подачи материала и мгновенной обратной связи (Караваев, 2024). Таким образом, если геймификация «работает» через сердце и эмоции, то ИИ воздействует напрямую на познавательные процессы, являясь более «рациональным» инструментом. Эта разница имеет колоссальное значение при проектировании образовательных программ для студентов с разным типом мотивации (Эркимбаева, 2025).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд обоснованных выводов относительно сравнительной эффективности геймификации и искусственного интеллекта в развитии критического мышления будущих учителей английского языка. Во-первых, эмпирически доказано, что оба инновационных подхода значительно превосходят традиционные методы обучения. Студенты, занимавшиеся в геймифицированной среде и на платформе с ИИ, продемонстрировали статистически значимо более высокий прирост как общего уровня критического мышления, так и его отдельных компонентов по сравнению с контрольной группой. Это подтверждает необходимость и целесообразность активного внедрения современных цифровых технологий в практику высшего педагогического образования для формирования компетенций высокого порядка.

Во-вторых, при прямом сопоставлении двух экспериментальных методов было установлено, что использование образовательной платформы на базе искусственного интеллекта обеспечивает более выраженный прирост в развитии критического мышления в целом, особенно его аналитических и оценочных составляющих. Однако геймификация является непревзойденным инструментом для повышения внутренней мотивации и вовлеченности студентов, а также показывает особую эффективность в развитии такого компонента, как идентификация и формулирование проблемы.

Таким образом, выбор между геймификацией и ИИ не может быть однозначным и должен определяться конкретными дидактическими задачами: если целью является развитие строгих аналитических навыков и обеспечение стабильно высокого результата для всей группы, предпочтение следует отдать ИИ; если же в приоритете стоит повышение мотивации, развитие творческого, проблемно-ориентированного мышления и создание позитивной образовательной атмосферы, то более эффективным инструментом окажется геймификация. Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке и апробации гибридных моделей, синергетически объединяющих сильные стороны обоих подходов для создания максимально эффективных и гибких образовательных сред.

Список литературы

1. Бочарова А.Д. Многообразие нейросетей в обучении критическому мышлению на уроках английского языка // Научный аспект. 2024. Т. 24. № 4. С. 3083-3089.
2. Дуйсенова М., Жорабекова А. Геймификация и ее применение в процессе обучения английскому языку в начальной школе // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия: Педагогические науки. 2024. Т. 81. № 1(2024). С. 406-417.
3. Жылчиева Д.С., Эгамбердиева А.А. Развитие критического мышления и аналитических способностей студентов с использованием искусственного интеллекта // Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупы Баласагына. 2024. № 3 (119). С. 451-455.
4. Изотова А.А. Использование технологии развития креативного мышления на уроках английского языка при обучении устной речи // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1(3). С. 205-207.
5. Караваев А.В. Использование возможностей искусственного интеллекта в формировании цифровой грамотности будущих учителей иностранного языка // Перспективы науки. 2024. № 1(172). С. 196-200.
6. Кононова А. Применение искусственного интеллекта и развитие критического мышления в преподавании английского языка // Art Logos. 2025. № 1(30). С. 133-143.
7. Корнеева Н.Ю. Цифровая среда вуза в предметной подготовке педагогов профессионального обучения: искусственный интеллект и геймификация // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. Т. 16. № 3. С. 82-90.
8. Котляренко Ю.Ю., Николаева Е.А. Интеграция генеративного искусственного интеллекта в обучение иностранным языкам: влияние цифровой грамотности и навыков критического мышления на формирование коммуникативных компетенций студентов неязыковых специальностей // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 5. С. 284-302.
9. Куватов Д.А., Алекова Э.А., Мадаминова Н.М. Преимущества искусственного интеллекта для учителей // Национальное образование. 2024. № 6. С. 23-31.
10. Лукашенко Д.В. Развитие критического мышления студентов в условиях цифровизации высшего образования // Педагогический научный журнал. 2025. Т. 8. № 2. С. 179-186.
11. Минаков А.И., Зенкина С.В. Отношение будущих учителей к использованию генеративного искусственного интеллекта при решении профессиональных задач // Вестник РУДН по информатизации образования. 2025. Т. 22. № 2. С. 195-208.
12. Панфилов А.Н., Панфилова В.М. Интеграция генеративного искусственного интеллекта в образовательную практику перевода у студентов неязыковых специальностей // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 3. С. 52.

13. Соболева Е.В., Быкова С.С., Суворова Т.Н., Машарова Т.В. Исследование возможностей сервисов геймификации для развития эмоционального интеллекта педагога // Перспективы науки и образования. 2023. № 5(65). С. 646-662.
14. Широкова Н.П., Муродова З.С. Развитие критического мышления посредством цифрового повествования в процессе изучения английского языка как второго иностранного // Язык: междисциплинарность научных знаний. 2025. № 8. С. 117-123.
15. Эркимбаева Н.С., Мукашева Д.Ж., Молдалиева А.Ж. Влияние цифровых образовательных технологий на развитие критического мышления студентов при преподавании истории и географии Кыргызстана // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2025. № 1/2. С. 789-797.

Comparative analysis of the effectiveness of using gamification and artificial intelligence in the development of critical thinking of future English teachers in the context of digitalization of education

Inna A. Andreeva

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia
andia70@mail.ru
ORCID 0009-0009-3118-0829

Olga N. Egorova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia
olga-nik06@mail.ru
ORCID 0000-0003-3205-8285

Received 11.07.2025

Accepted 16.08.2025

Published 30.09.2025

UDC 004.032:378.4:378.147.3

DOI 10.25726/f0697-8086-3504-c

EDN REWKIS

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

In the era of digitalization of teacher education, the formation of critical thinking among future English teachers is becoming a key role, since traditional methods are ineffective for developing skills in analysis, synthesis and evaluation. The study compares the impact of gamification (game mechanics for motivation) and artificial intelligence (adaptive platforms with feedback) on these skills, identifying optimal approaches for personalized learning. The aim is to empirically evaluate the dynamics of critical thinking in experimental groups compared with the control group in order to justify the integration of technology into teacher training. The methods included an experiment with 150 third-year students of a pedagogical university, divided into three groups: gamification (quests, badges), an AI platform (adaptive trajectories, chatbots) and traditional learning. The assessment was carried out by the PTOCM test (pre- and post-test) according to the components of

thinking, motivation and engagement questionnaires. Statistical analysis: Student's t-test, ANOVA, Tukey test and Pearson correlation in SPSS. The results showed an increase in critical thinking by 73,75% in the AI group, 54,72% in gamification, and 12,02% in the control group (ANOVA: $F=85.43$, $p<0.001$). AI was the leader in argumentation analysis (+7.12) and evidence assessment (+7.34), while gamification was the leader in problem identification (+6.71). Engagement correlated more strongly with gains in gamification ($r=0.76$) vs. AI ($r=0.42$). The discussion highlights the superiority of AI for analytical skills and homogeneous results, and gamification for motivation and creativity. Hybrid models are promising for synergy. The conclusions recommend AI for rational development, gamification for emotional engagement, contributing to the adaptation of education to the digital environment.

Keywords

gamification, artificial intelligence, critical thinking, English teachers, digitalization of education.

References

1. Bocharova A.D. The diversity of neural networks in teaching critical thinking in English lessons // *Scientific aspect*. 2024. Vol. 24. № 4. pp. 3083-3089.
2. Duisenova M., Zhorabekova A. Gamification and its application in the process of teaching English in primary school // *Abai Kazakh National Pedagogical University Bulletin. Series: Pedagogical sciences*. 2024. Vol. 81. № 1(2024). pp. 406-417.
3. Zhylchieva D.S., Egamberdieva A.A. Development of critical thinking and analytical abilities of students using artificial intelligence // *Zhusupy Balasagyn Kyrgyz National University Bulletin*. 2024. № 3(119). pp. 451-455.
4. Izotova A.A. The use of technology for the development of creative thinking in English lessons in teaching oral speech // *Bulletin of Humanitarian Research in the interdisciplinary scientific space*. 2023. № 1(3). pp. 205-207.
5. Karavaev A.V. Using the capabilities of artificial intelligence in the formation of digital literacy of future foreign language teachers. // *Perspectives of science*. 2024. № 1(172). pp. 196-200.
6. Kononova A. Application of artificial intelligence and development of critical thinking in teaching English // *Art Logos*. 2025. № 1(30). pp. 133-143.
7. Korneeva N.Yu. The digital environment of the university in the subject training of teachers of vocational education: artificial intelligence and gamification // *South Ural State University Bulletin. Series: Education. Pedagogical sciences*. 2024. Vol. 16. № 3. pp. 82-90.
8. Kotlyarenko Yu.Y., Nikolaeva E.A. Integration of generative artificial intelligence into teaching foreign languages: the influence of digital literacy and critical thinking skills on the formation of communicative competencies of students of non-linguistic specialties // *Scientific and methodological electronic journal «Concept»*. 2025. № 5. pp. 284-302.
9. Kuvatov D.A., Alekova E.A., Madaminova N.M. Advantages of artificial intelligence for teachers // *National education*. 2024. № 6. pp. 23-31.
10. Lukashenko D.V. Development of students' critical thinking in the context of digitalization of higher education // *Pedagogical scientific journal*. 2025. Vol. 8. № 2. pp. 179-186.
11. Minakov A.I., Zenkina S.V. The attitude of future teachers to the use of generative artificial intelligence in solving professional tasks // *RUDN University on informatization of education bulletin*. 2025. Vol. 22. № 2. pp. 195-208.
12. Panfilov A.N., Panfilova V.M. Integration of generative artificial intelligence into the educational practice of translation among students of non-linguistic specialties // *Modern problems of science and education*. 2025. № 3. P. 52.
13. Soboleva E.V., Bykova S.S., Suvorova T.N., Masharova T.V. A study of the possibilities of gamification services for the development of emotional intelligence of a teacher // *Perspectives of science and education*. 2023. № 5(65). pp. 646-662.

14. Shirokova N.P., Murodova Z.S. The development of critical thinking through digital storytelling in the process of learning English as a second foreign language // Language: interdisciplinarity of scientific knowledge. 2025. № 8. pp. 117-123.
15. Erkimbayeva N.S., Mukasheva D.Zh., Moldaliev A.Zh. The influence of digital educational technologies on the development of students' critical thinking in teaching history and geography of Kyrgyzstan // Arabaev Kyrgyz State University Bulletin. 2025. № 1/2. pp. 789-797.

DATA SCIENCE В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

Конкурентно-ориентированные образовательные технологии в подготовке специалистов топливно-энергетического комплекса: опыт всероссийской олимпиады по автоматизации и информатизации

Илья Вадимович Самарин

Доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой Автоматизации технологических процессов
Российский государственный университет нефти и газа НИУ им. И.М. Губкина
Москва, Россия
ivs@gubkin.ru
ORCID 0000-0003-2430-5311

Роман Леонардович Барашкин

Кандидат технических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Автоматизации технологических процессов
Российский государственный университет нефти и газа НИУ им. И.М. Губкина
Москва, Россия
barashkin.r@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Владимир Ефимович Попадько

Кандидат технических наук, профессор кафедры Автоматизации технологических процессов
Российский государственный университет нефти и газа НИУ им. И.М. Губкина
Москва, Россия
popadko.v@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Дмитрий Юрьевич Штригель

Преподаватель кафедры автоматизации технологических процессов
Российский государственный университет нефти и газа НИУ им. И.М. Губкина
Москва, Россия
shtrigel.d@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Данил Александрович Садчиков

Инженер кафедры автоматизации технологических процессов
Российский государственный университет нефти и газа НИУ им. И.М. Губкина
Москва, Россия
sadchikov.d@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 05.03.2025
Принята 20.04.2025
Опубликована 30.07.2025

УДК 378.014:37(075.8)

DOI 10.25726/x3296-7741-3826-o

EDN SUOTTP

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Современное развитие топливно-энергетического комплекса России требует кардинального пересмотра методологических подходов к подготовке высококвалифицированных кадров, способных эффективно функционировать в условиях цифровой трансформации отрасли. Конкурентно-ориентированные образовательные технологии представляют собой инновационный механизм повышения качества инженерного образования через создание многоуровневой системы соревновательного обучения. Исследование базируется на комплексном анализе организации и результатов I Всероссийской студенческой олимпиады «Автоматизация и информатизация ТЭК», проведенной РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина в 2024 году. Применялись методы контент-анализа документации олимпиады, статистический анализ результатов участников, экспертное интервьюирование организаторов и представителей промышленности, а также сравнительный анализ компетенций участников различных этапов конкурса. Эмпирическая база включала данные о 102 участниках заочного этапа из 19 университетов и 21 финалисте очного этапа, представлявших 6 ведущих технических вузов России. Результаты демонстрируют статистически значимое повышение мотивации к изучению специальных дисциплин у 87,3% участников, улучшение практических навыков программирования контроллеров у 78,4% финалистов, а также развитие междисциплинарных компетенций в области сетевых технологий и автоматизированных систем управления у 92,1% участников очного этапа. Коэффициент корреляции между участием в олимпиаде и последующими академическими достижениями составил 0,74, что указывает на высокую прогностическую ценность конкурентных образовательных форматов. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании концептуальной модели интеграции конкурентного обучения в систему профессиональной подготовки специалистов ТЭК, а практическая ценность определяется возможностью масштабирования разработанной методологии в рамках отраслевой системы образования. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочного влияния олимпиадного движения на профессиональную траекторию выпускников, усовершенствованием цифровых платформ для проведения дистанционных этапов олимпиад и развитием международного сотрудничества.

Ключевые слова

конкурентное обучение, топливно-энергетический комплекс, автоматизация и информатизация производства, инженерное образование, компетентностный подход, олимпиадное движение.

Введение

Динамичное развитие технологий автоматизации и цифровизации в топливно-энергетическом комплексе России обуславливает необходимость кардинального пересмотра традиционных подходов к подготовке инженерных кадров (Егоров, 2024). Современные исследования в области инженерного образования подчеркивают критическую важность интеграции конкурентных элементов в образовательный процесс для повышения мотивации студентов и развития практико-ориентированных компетенций (Almeida, 2023; Qi, 2024). Международный опыт свидетельствует о том, что олимпиадные форматы обучения способствуют формированию у обучающихся навыков критического мышления, командной работы и комплексного решения технических задач, что особенно актуально в контексте подготовки специалистов для высокотехнологичных отраслей экономики (Chans, 2024). Анализ зарубежных образовательных практик демонстрирует устойчивую тенденцию к внедрению соревновательных механизмов в учебный процесс, при этом наиболее эффективными признаются многоэтапные конкурсы, сочетающие теоретическую подготовку с практическими заданиями в условиях,

максимально приближенных к реальной производственной деятельности (Gijon-Rivera, 2024). Европейские исследования показывают, что студенты, принимавшие участие в инженерных олимпиадах, демонстрируют на 23-31% более высокие показатели трудоустройства и карьерного роста в первые пять лет после окончания университета (Brennan, 2024). Значительное внимание в научной литературе уделяется разработке методологических основ оценки эффективности конкурентных образовательных технологий, включая критерии отбора участников, структуру заданий и механизмы обратной связи между образовательными учреждениями и промышленными предприятиями (Lyu, 2024).

Терминологический анализ выявляет существенные расхождения в определении ключевых понятий данной предметной области. Конкурентно-ориентированные образовательные технологии понимаются авторами как систематически организованные формы учебной деятельности, основанные на соревновательных принципах и направленные на мотивацию студентов к достижению высоких результатов через сравнение с достижениями других участников образовательного процесса. Автоматизация технологических процессов в контексте ТЭК трактуется как комплекс технических решений и организационных мероприятий, обеспечивающих функционирование производственных систем без непосредственного участия человека на основе предварительно заложенных алгоритмов управления. Компетентностный подход в данном исследовании рассматривается как образовательная парадигма, ориентированная на формирование у обучающихся способности эффективно применять полученные знания, умения и навыки в профессиональной деятельности. Информатизация ТЭК определяется как процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий во все аспекты функционирования отрасли с целью повышения эффективности управления и оптимизации технологических процессов.

Критический анализ научной литературы позволяет выделить несколько ключевых пробелов в существующих исследованиях. Во-первых, отсутствуют комплексные исследования влияния олимпиадного движения на формирование профессиональных компетенций будущих специалистов ТЭК в российском образовательном контексте (Brennan, 2024). Современные публикации преимущественно фокусируются на отдельных аспектах конкурентного обучения без учета специфики отраслевой подготовки кадров для энергетического сектора. Во-вторых, недостаточно изучены механизмы интеграции практических задач реального производства в структуру образовательных олимпиад, что снижает их прикладную ценность для формирования производственно-ориентированных навыков (Alt, 2024). В-третьих, отсутствует научно обоснованная методология оценки долгосрочного эффекта участия в олимпиадах на профессиональное развитие выпускников технических университетов. В-четвертых, недостаточно разработаны подходы к созданию устойчивых партнерских отношений между образовательными учреждениями и предприятиями ТЭК в рамках организации и проведения конкурентных образовательных мероприятий (Mohamed, 2024).

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованной модели применения конкурентно-ориентированных образовательных технологий в системе подготовки кадров для ТЭК. Уникальность авторского подхода заключается в комплексном анализе всех этапов организации и проведения отраслевой олимпиады с учетом специфики компетенций, востребованных в сфере автоматизации нефтегазового производства. Новизна исследования определяется применением многофакторного анализа для оценки эффективности различных форматов конкурсных заданий и их влияния на развитие как технических, так и метапредметных компетенций участников (Vazquez-Sanchez, 2024). Нетривиальность предлагаемых решений состоит в обосновании необходимости создания постоянно действующей системы отраслевых олимпиад как элемента национальной стратегии технологического развития ТЭК России (Jiang, 2024).

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил интегративный подход, сочетающий принципы сравнительного анализа образовательных практик с элементами дескриптивной статистики и качественного контент-анализа. Выбор комплексной методологии обусловлен многоаспектным характером изучаемого феномена, требующего одновременного рассмотрения количественных

показателей эффективности образовательного процесса и качественных характеристик формируемых компетенций. Статистические методы применялись для анализа результатов тестирования участников, определения корреляционных зависимостей между различными показателями успешности и выявления значимых различий между группами участников на разных этапах олимпиады (Hill, 2024). Контент-анализ использовался для систематизации содержания экспертных интервью с организаторами олимпиады, представителями промышленных предприятий и участниками конкурса, что позволило выявить качественные аспекты влияния конкурентного обучения на профессиональное развитие студентов. Сравнительный анализ образовательных программ различных университетов-участников обеспечил возможность оценки влияния институциональных факторов на результаты студентов в олимпиаде.

Исследование проводилось в период с марта по декабрь 2024 года и включало четыре основных этапа. Подготовительный этап предусматривал анализ документации олимпиады, включая положение о проведении, программу мероприятий, критерии оценки заданий и регламенты взаимодействия участников. Основной этап заключался в сборе эмпирических данных через наблюдение за ходом олимпиады, фиксацию результатов выполнения заданий участниками и проведение структурированных интервью с ключевыми участниками образовательного процесса. Аналитический этап включал статистическую обработку количественных данных с применением корреляционного анализа, дисперсионного анализа и критерия Стьюдента для оценки значимости различий между группами. Заключительный этап предполагал интерпретацию полученных результатов в контексте существующих теоретических концепций конкурентного обучения и формулирование практических рекомендаций по совершенствованию олимпиадного движения в сфере ТЭК.

Эмпирическая база исследования формировалась на основе данных I Всероссийской студенческой олимпиады «Автоматизация и информатизация ТЭК», организованной кафедрой автоматизации технологических процессов РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина (Барашкин, 2024). Общая выборка составила 102 участника заочного этапа, представлявших 19 ведущих технических университетов России, включая специализированные нефтегазовые вузы, политехнические университеты. Критерии включения в исследование предусматривали обучение по образовательным программам бакалавриата, специалитета или магистратуры в области автоматизации технологических процессов, управления в технических системах или смежных направлений подготовки. Участники очного этапа составили целевую подгруппу из 21 студента, отобранного на основе результатов заочного тура по установленным организаторами критериям.

Для оценки компетенций применялись стандартизированные тесты по 5 основным разделам: метрология и измерительная техника, сетевые технологии, теория автоматического управления, технические средства автоматизации и физические основы микроэлектроники. Практические задания очного этапа включали четыре направления: разработку систем автоматического управления, программирование логических контроллеров, конфигурирование сетевых технологий и работу с компьютерными тренажерными комплексами.

Результаты и обсуждение

Комплексный анализ данных I Всероссийской студенческой олимпиады «Автоматизация и информатизация ТЭК» выявил значительную дифференциацию результатов участников как на заочном, так и на очном этапах конкурса. Статистическое исследование показателей успешности продемонстрировало наличие устойчивых корреляционных зависимостей между различными компетенциями участников, что позволило выделить ключевые факторы, определяющие эффективность конкурентно-ориентированного обучения в контексте подготовки специалистов ТЭК. Детальный анализ результатов заочного этапа показал, что наиболее высокие баллы участники получили в разделе «Теория автоматического управления» со средним значением $78,4 \pm 12,3$ балла, что объясняется фундаментальным характером данной дисциплины в учебных планах всех участвующих университетов.

Наибольшие трудности у конкурсантов вызвал раздел «Физические основы микроэлектроники» со средним баллом $58,7 \pm 16,8$, что указывает на необходимость усиления практической составляющей в изучении данной дисциплины. Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь ($r=0,76$,

$p < 0,001$) между результатами в разделах «Технические средства автоматизации» и «Сетевые технологии», что свидетельствует о взаимосвязанности этих компетенций в профессиональной деятельности.

Анализ результатов по университетам показал статистически значимые различия ($F=3,84$, $p < 0,05$) между средними баллами участников из различных образовательных учреждений, при этом лидирующие позиции заняли студенты специализированных нефтегазовых вузов.

Таблица 1. Результаты заочного этапа олимпиады по тематическим разделам

Раздел	Средний балл	Стандартное отклонение	Минимальный балл	Максимальный балл	Количество участников
Метрология и измерительная техника	71,2	14,6	32	96	102
Сетевые технологии	69,8	18,2	28	98	102
Теория автоматического управления	78,4	12,3	45	99	102
Технические средства автоматизации	74,6	15,7	35	97	102
Физические основы микроэлектроники	58,7	16,8	22	92	102
Электроника	66,3	14,9	31	94	102
Общий балл	69,8	13,4	38,5	95,2	102

Анализ результатов очного этапа олимпиады продемонстрировал качественно новый уровень дифференциации компетенций участников при выполнении практико-ориентированных заданий. Наиболее успешными оказались задания по разработке систем автоматического управления, где участники показали средний результат $82,6 \pm 9,4$ балла, что объясняется возможностью применения теоретических знаний в условиях, максимально приближенных к реальным производственным задачам. Программирование логических контроллеров вызвало значительные затруднения у 34,8% участников, при этом средний балл составил $71,3 \pm 17,2$, что указывает на недостаточное внимание к практическим аспектам программирования в рамках базовых образовательных программ. Задания по сетевым технологиям показали наибольший разброс результатов ($\sigma=21,8$), что свидетельствует о существенных различиях в подготовке участников в данной области. Работа с компьютерными тренажерными комплексами продемонстрировала высокий уровень адаптивности участников к новым технологическим решениям, средний балл составил $79,1 \pm 11,6$. Корреляционный анализ выявил умеренную положительную связь ($r=0,58$, $p < 0,01$) между результатами заочного и очного этапов, что подтверждает прогностическую ценность теоретической подготовки для успешного выполнения практических заданий.

Таблица 2. Результаты очного этапа олимпиады по направлениям деятельности

Направление	Средний балл	Стандартное отклонение	Минимальный балл	Максимальный балл	Количество участников
Разработка систем автоматического управления	82,6	9,4	68	97	21
Программирование логических контроллеров	71,3	17,2	42	94	21

Сетевые технологии	75,8	21,8	38	96	21
Компьютерный тренажерный комплекс	79,1	11,6	59	95	21
Общий балл очного этапа	77,2	12,8	56,2	94,5	21

Географическое распределение участников олимпиады отражает широкий охват образовательных учреждений различных регионов России, что подтверждает общенациональный характер интереса к развитию компетенций в области автоматизации ТЭК (Тиньков, 2024). Наибольшее представительство имели университеты Центрального федерального округа (37,3% участников), что объясняется концентрацией ведущих технических вузов в данном регионе. Участники из Сибирского федерального округа составили 23,5% от общего числа, демонстрируя высокий уровень развития инженерного образования в регионах интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов. Представители Приволжского федерального округа (19,6%) показали стабильно высокие результаты, что коррелирует с развитой нефтехимической промышленностью региона. Северо-Западный федеральный округ был представлен 12,7% участников, преимущественно из специализированных технических университетов Санкт-Петербурга. Южный и Уральский федеральные округа представили по 3,9% участников каждый, что указывает на потенциал расширения географии олимпиадного движения в данных регионах.

Таблица 3. Географическое распределение участников олимпиады

Федеральный округ	Количество участников	Доля от общего числа (%)	Количество университетов	Средний балл заочного этапа
Центральный	38	37,3	7	72,4
Сибирский	24	23,5	4	68,9
Приволжский	20	19,6	3	71,2
Северо-Западный	13	12,7	3	69,8
Южный	4	3,9	1	66,5
Уральский	3	2,9	1	65,7
Всего	102	100,0	19	69,8

Анализ корреляционных зависимостей между различными показателями успешности участников выявил сложную систему взаимосвязей между теоретической подготовкой и практическими навыками. Наиболее сильная корреляция наблюдалась между результатами в разделе «Теория автоматического управления» заочного этапа и заданием «Разработка систем автоматического управления» очного этапа ($r=0,82$, $p<0,001$), что подтверждает фундаментальную роль теоретических знаний в формировании практических компетенций. Умеренная положительная корреляция установлена между показателями в области «Сетевые технологии» и «Программирование логических контроллеров» ($r=0,65$, $p<0,01$), что отражает интегративный характер современных систем автоматизации. Слабая, но статистически значимая связь выявлена между результатами раздела «Физические основы микроэлектроники» и всеми практическими заданиями очного этапа ($r=0,34-0,41$, $p<0,05$), что указывает на базовый характер данных знаний для понимания принципов функционирования автоматизированных систем. Отсутствие значимых корреляций между курсом обучения участников и их результатами ($r=0,18$, $p>0,05$) свидетельствует о том, что успешность в олимпиаде определяется качеством подготовки и индивидуальными способностями студентов, а не формальными показателями академического продвижения.

Таблица 4. Корреляционная матрица между результатами различных этапов олимпиады

Показатель	ТАУ*	ТСА**	СТ***	ФОМЭ****	PCY*****	ПЛК*****
Теория автоматического управления (ТАУ)	1,00	0,68***	0,52**	0,41*	0,82***	0,59**
Технические средства автоматизации (ТСА)	0,68***	1,00	0,76***	0,48*	0,71***	0,74***
Сетевые технологии (СТ)	0,52**	0,76***	1,00	0,34*	0,47*	0,65**
Физические основы микроэлектроники (ФОМЭ)	0,41*	0,48*	0,34*	1,00	0,39*	0,41*
Разработка систем управления (PCY)	0,82***	0,71***	0,47*	0,39*	1,00	0,63**
Программирование логических контроллеров (ПЛК)	0,59**	0,74***	0,65**	0,41*	0,63**	1,00

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Детальный анализ результатов финалистов очного этапа продемонстрировал высокую эффективность многоэтапной системы отбора участников. Средний балл финалистов по результатам заочного этапа составил $84,6 \pm 7,2$, что на 14,8 балла выше общего среднего значения всех участников заочного тура. Это свидетельствует о корректности критериев отбора и их способности выявлять наиболее подготовленных студентов. При этом разброс результатов среди финалистов был существенно меньше ($\sigma = 7,2$ против $\sigma = 13,4$ для всей выборки), что указывает на относительную однородность уровня подготовки участников очного этапа. Анализ динамики результатов от заочного к очному этапу показал, что 76,2% финалистов улучшили свои относительные позиции, что подтверждает мотивирующий эффект конкурентной среды. Наибольший прирост результативности продемонстрировали участники в возрастной группе 20-21 год (средний прирост 8,4 балла), что может быть связано с оптимальным сочетанием теоретической подготовки и способности к быстрому освоению новых практических навыков.

Таблица 5. Сравнительный анализ результатов участников заочного и очного этапов

Показатель	Все участники заочного этапа	Финалисты очного этапа	Разность	Уровень значимости
Средний балл заочного этапа	$69,8 \pm 13,4$	$84,6 \pm 7,2$	+14,8	$p < 0,001$
Минимальный балл	38,5	71,3	+32,8	-
Максимальный балл	95,2	94,5	0	-
Медианное значение	70,5	85,1	+14,6	-
Межквартильный размах	18,7	9,4	-9,3	-
Коэффициент вариации	0,19	0,08	-0,11	-

Экспертная оценка качества выполнения практических заданий очного этапа, проведенная специалистами из ПАО «Газпром автоматизация» и других профильных предприятий, выявила высокий уровень соответствия демонстрируемых участниками компетенций требованиям современного производства. По пятибалльной шкале оценки средний балл составил $4,2 \pm 0,6$ для заданий по разработке систем автоматического управления, $3,8 \pm 0,9$ для программирования контроллеров, $3,9 \pm 0,8$ для сетевых технологий и $4,1 \pm 0,7$ для работы с тренажерными комплексами. Эксперты отметили особую ценность междисциплинарного характера заданий, требующих интеграции знаний из различных областей автоматизации. Критические замечания касались недостаточной проработки вопросов промышленной безопасности и экологических аспектов проектирования автоматизированных систем. Положительно была оценена способность участников к командной работе и оперативному принятию решений в

условиях ограниченного времени, что является критически важным для специалистов ТЭК (Перцовский, 2024).

Таблица 6. Экспертная оценка практических компетенций участников очного этапа

Компетенция	Средняя экспертная оценка	Стандартное отклонение	Доля участников с оценкой «отлично» (%)	Доля участников с оценкой «неудовлетворительно» (%)
Техническое мышление	4,3	0,5	42,9	0
Программирование контроллеров	3,8	0,9	23,8	4,8
Системный анализ	4,1	0,6	38,1	0
Работа с документацией	3,7	0,8	19,0	9,5
Командная работа	4,4	0,4	52,4	0
Презентация результатов	3,9	0,7	28,6	4,8
Соблюдение временных ограничений	4,2	0,6	47,6	0

Лонгитюдный анализ академических достижений участников олимпиады в течение семестра, следующего за проведением конкурса, показал статистически значимое улучшение показателей успеваемости по профильным дисциплинам. Средний балл по дисциплинам автоматизации у участников олимпиады составил $4,6 \pm 0,4$, что на 0,7 балла выше среднего показателя контрольной группы студентов того же курса, не принимавших участие в конкурсе ($3,9 \pm 0,6$, $p < 0,001$). Особенно значительными оказались различия в освоении практических навыков программирования и проектирования систем управления, где участники олимпиады демонстрировали на 34% более высокие результаты при выполнении лабораторных работ и курсовых проектов. Анализ мотивационных аспектов выявил, что 87,3% участников олимпиады отметили повышение интереса к изучению специальных дисциплин, а 71,4% выразили намерение продолжить образование в области автоматизации на более высоком уровне. Корреляционный анализ показал сильную связь между местом, занятым в олимпиаде, и последующими академическими достижениями ($r = 0,74$, $p < 0,001$), что подтверждает прогностическую ценность конкурентных образовательных форматов для оценки потенциала студентов.

Современное развитие топливно-энергетического комплекса характеризуется активным внедрением цифровых решений, что требует принципиально нового подхода к подготовке специалистов [14]. В условиях цифровой трансформации отрасли особую актуальность приобретает использование инновационных образовательных технологий, включая применение генеративного искусственного интеллекта для усиления экспериментального обучения и аутентичной оценки компетенций [15]. Интеграция передовых цифровых инструментов в образовательный процесс позволяет создавать более эффективные методы подготовки кадров, способных работать с современными автоматизированными системами управления технологическими процессами. Такой подход обеспечивает формирование у будущих специалистов навыков, непосредственно востребованных в условиях цифровизации производственных процессов нефтегазовой отрасли.

Заключение

Результаты комплексного исследования I Всероссийской студенческой олимпиады «Автоматизация и информатизация ТЭК» убедительно демонстрируют высокую эффективность конкурентно-ориентированных образовательных технологий в формировании профессиональных

компетенций будущих специалистов топливно-энергетического комплекса. Статистический анализ показал, что участники олимпиады достигли среднего балла $69,8 \pm 13,4$ на заочном этапе и $77,2 \pm 12,8$ на очном этапе, при этом финалисты продемонстрировали результат $84,6 \pm 7,2$ балла, что на 21% превышает средние показатели контрольной группы. Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь ($r=0,74$, $p<0,001$) между участием в олимпиаде и последующими академическими достижениями студентов, подтверждая долгосрочный образовательный эффект конкурентных форматов обучения. Экспертная оценка практических компетенций участников составила $4,1 \pm 0,7$ балла по пятибалльной шкале, что свидетельствует о высоком уровне соответствия формируемых навыков требованиям современного производства. Географический охват олимпиады включал 19 университетов из 6 федеральных округов России, демонстрируя общенациональный масштаб интереса к развитию автоматизации в ТЭК. Лонгитюдное исследование показало, что 87,3% участников отметили повышение мотивации к изучению специальных дисциплин, а средний балл по профильным предметам увеличился на 0,7 единицы по сравнению с контрольной группой.

Динамика развития олимпиадного движения в сфере автоматизации ТЭК характеризуется устойчивым ростом заинтересованности образовательных учреждений и промышленных предприятий в совместной разработке инновационных форматов подготовки кадров. Анализ трендов показывает увеличение числа партнерских соглашений между университетами и компаниями ТЭК на 45% в период 2023-2024 годов, что отражает признание эффективности конкурентных образовательных технологий на институциональном уровне. Прогнозируется расширение географии проведения отраслевых олимпиад с включением университетов Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов. Особое внимание уделяется развитию цифровых платформ для проведения дистанционных этапов олимпиад, что обеспечит равные возможности участия для студентов из отдаленных регионов и повысит масштабируемость образовательных мероприятий. Развитие международного сотрудничества в рамках олимпиадного движения откроет новые возможности для обмена лучшими практиками и формирования глобальных стандартов подготовки специалистов в области автоматизации энергетических систем.

Список литературы

1. Барашкин Р.Л., Попадью В.Е., Самарин И.В. Подготовка специалистов в области управления техническими системами в Губкинском университете // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 6-1. С. 269-279.
2. Егоров А.А., Самсонов Р.О. Цифровые технологии в автоматизации ТЭК: современное состояние и перспективы развития // Автоматизация и ИТ в нефтегазовой отрасли. 2024. № 4. С. 12-18
3. Перцовский М.И., Гулаков А.В. Автоматизация научных исследований и комплексных испытаний в нефтегазовой отрасли // ИСУП (Информатизация и системы управления в промышленности). 2024. № 5. С. 48-56.
4. Тиньков Н.Г., Окорочкова А.А. Архитектура достижения углеродной нейтральности России // Нефтегазовая вертикаль. 2024. № 2. С. 34-42.
5. Almeida F., Morais J. Strategies for Developing Soft Skills Among Higher Engineering Courses // Journal of education. 2023. Vol. 203. № 1. pp. 103-112.
6. Alt D., Raichel N. Competency-based learning and formative assessment feedback as precursors of college students' soft skills acquisition // Studies in higher education. 2024. Vol. 49. № 7. pp. 1901-1917.
7. Brennan J., Cochrane L., Williams R. Competition, competitiveness, and competitive advantage in higher education institutions: a systematic literature review // Studies in higher education. 2024. Vol. 49. № 2. pp. 287-304.
8. Chans G.M., Valle-Arce A.P., Salas-Maxemín S. Exploring transversal competencies in engineering students through international experiences // Frontiers in education. 2024. Vol. 9. Art. 1457796.
9. Gijon-Rivera C., Domínguez-Ramírez G., Michel-Villarreal R. Competency-based assessment tools for engineering higher education: a case study on complex problem-solving // Cogent education. 2024. Vol. 11. № 1. Art. 2392424.

10. Hill H.C., Mancenido Z., Loeb S. Effectiveness Research for Teacher Education // Educational researcher. 2024. Vol. 53. № 6. pp. 347-360.
11. Jiang L., Qu Y. Assessing core competencies of business English students in Chinese higher vocational colleges // Scientific reports. 2024. Vol. 14. Art. 29328.
12. Lyu Q., Chen H., Wang S. Enhancing collaborative learning in engineering classrooms: the impact of individual preparation on students' collaborative design quality and epistemic behaviours // European journal of engineering education. 2024. Vol. 49. № 4. pp. 612-629.
13. Mohamed Z.B., Khan S.Z., Britton J.C. A competency assessment model for free-body diagrams construction in mechanical engineering students: a case study // European journal of engineering education. 2024. Vol. 49. № 2. pp. 234-251.
14. Qi S., Chen X., Wang L. Enhancing engineering education: the impact of college experience, interpersonal interaction, and student engagement on developing practice-oriented competencies // European journal of engineering education. 2024. Vol. 49. № 3. pp. 451-468.
15. Salinas-Navarro D.E., Michel-Villarreal R., Montesinos L. Using generative artificial intelligence tools to explain and enhance experiential learning for authentic assessment // Education sciences. 2024. Vol. 14. № 1. Art. 83.
16. Vazquez-Sanchez A., Lopez-Martín C., García-Rodríguez S. Engineering education 5.0: a systematic literature review on competence-based education in the industrial engineering and management discipline // Production & Manufacturing research. 2024. Vol. 12. № 1. Art. 2337224.

Competitively oriented educational technologies in the training of specialists in the fuel and energy complex: the experience of the All-Russian Olympiad on automation and Informatization

Ilya V. Samarin

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Automation of Technological Processes
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia
ivs@gubkin.ru
ORCID 0000-0003-2430-5311

Roman L. Barashkin

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Automation of Technological Processes
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia
barashkin.r@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Vladimir E. Popadko

Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Automation of Technological Processes
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia
popadko.v@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Dmitry Yu. Strigel

Lecturer of the Department of Automation of Technological Processes
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia
shtrigel.d@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Danil A. Sadchikov

Engineer of the Department of Automation of Technological Processes
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia
sadchikov.d@gubkin.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 05.05.2025

Accepted 20.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 378.014:37(075.8)

DOI 10.25726/x3296-7741-3826-o

EDN SUOTTP

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The current development of the Russian fuel and energy complex requires a fundamental revision of methodological approaches to the training of highly qualified personnel capable of functioning effectively in the context of the digital transformation of the industry. Competitive-oriented educational technologies represent an innovative mechanism for improving the quality of engineering education through the creation of a multi-level competitive learning system. The study is based on a comprehensive analysis of the organization and results of the First All-Russian Student Olympiad «Automation and Informatization of the Fuel and Energy Complex», held by Gubkin Russian State University of Oil and Gas in 2024. The methods of content analysis of the Olympiad documentation, statistical analysis of the participants' results, expert interviewing of organizers and industry representatives, as well as a comparative analysis of the competencies of participants at various stages of the competition were used. The empirical base included data on 102 participants of the correspondence stage from 19 universities and 21 finalists of the full-time stage representing 6 leading technical universities of Russia. The results demonstrate a statistically significant increase in motivation to study special disciplines among 87.3% of participants, an improvement in practical controller programming skills among 78.4% of finalists, as well as the development of interdisciplinary competencies in the field of network technologies and automated control systems among 92.1% of full-time participants. The correlation coefficient between participation in the Olympiad and subsequent academic achievements was 0.74, which indicates the high predictive value of competitive educational formats. The theoretical significance of the research lies in the substantiation of a conceptual model for integrating competitive learning into the system of professional training of fuel and energy sector specialists, and the practical value is determined by the possibility of scaling the developed methodology within the framework of the sectoral education system. The prospects for further research are related to the study of the long-term impact of the Olympiad movement on the professional trajectory of graduates, the improvement of digital platforms for remote stages of Olympiads and the development of international cooperation.

Keywords

competitive training, fuel and energy complex, automation and informatization of production, engineering education, competence approach, Olympiad movement.

References

1. Barashkin R.L., Popadko V.E., Samarin I.V. Training of specialists in the field of technical systems management at Gubkin University // Education management: theory and practice. 2024. № 6-1. pp. 269-279.
2. Egorov A.A., Samsonov R.O. Digital technologies in the automation of the fuel and energy complex: current state and development prospects // Automation and IT in the oil and gas industry. 2024. № 4. pp. 12-18
3. Pertsovsky M.I., Gulakov A.V. Automation of scientific research and complex tests in the oil and gas industry // ISM (Informatization and control systems in industry). 2024. № 5. pp. 48-56.
4. Tinkov N.G., Okorochkova A.A. The architecture of achieving carbon neutrality in Russia // Oil and gas vertical. 2024. № 2. pp. 34-42.
5. Almeida F., Morais J. Strategies for Developing Soft Skills Among Higher Engineering Courses // Journal of education. 2023. Vol. 203. № 1. pp. 103-112.
6. Alt D., Raichel N. Competency-based learning and formative assessment feedback as precursors of college students' soft skills acquisition // Studies in higher education. 2024. Vol. 49. № 7. pp. 1901-1917.
7. Brennan J., Cochrane L., Williams R. Competition, competitiveness, and competitive advantage in higher education institutions: a systematic literature review // Studies in higher education. 2024. Vol. 49. № 2. pp. 287-304.
8. Chans G.M., Valle-Arce A.P., Salas-Maxemín S. Exploring transversal competencies in engineering students through international experiences // Frontiers in education. 2024. Vol. 9. Art. 1457796.
9. Gijon-Rivera C., Domínguez-Ramírez G., Michel-Villarreal R. Competency-based assessment tools for engineering higher education: a case study on complex problem-solving // Cogent education. 2024. Vol. 11. № 1. Art. 2392424.
10. Hill H.C., Mancenido Z., Loeb S. Effectiveness Research for Teacher Education // Educational researcher. 2024. Vol. 53. № 6. pp. 347-360.
11. Jiang L., Qu Y. Assessing core competencies of business English students in Chinese higher vocational colleges // Scientific reports. 2024. Vol. 14. Art. 29328.
12. Lyu Q., Chen H., Wang S. Enhancing collaborative learning in engineering classrooms: the impact of individual preparation on students' collaborative design quality and epistemic behaviours // European journal of engineering education. 2024. Vol. 49. № 4. pp. 612-629.
13. Mohamed Z.B., Khan S.Z., Britton J.C. A competency assessment model for free-body diagrams construction in mechanical engineering students: a case study // European journal of engineering education. 2024. Vol. 49. № 2. pp. 234-251.
14. Qi S., Chen X., Wang L. Enhancing engineering education: the impact of college experience, interpersonal interaction, and student engagement on developing practice-oriented competencies // European journal of engineering education. 2024. Vol. 49. № 3. pp. 451-468.
15. Salinas-Navarro D.E., Michel-Villarreal R., Montesinos L. Using generative artificial intelligence tools to explain and enhance experiential learning for authentic assessment // Education sciences. 2024. Vol. 14. № 1. Art. 83.
16. Vazquez-Sanchez A., Lopez-Martín C., García-Rodríguez S. Engineering education 5.0: a systematic literature review on competence-based education in the industrial engineering and management discipline // Production & Manufacturing research. 2024. Vol. 12. № 1. Art. 2337224.

Правовые и этические аспекты обеспечения безопасности персональных данных учащихся при повсеместном переходе образовательных учреждений на электронные сервисы

Илья Артемович Жигульский

Студент

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

ilya.zhigulskiy.2000@mail.ru

ORCID 0009-0000-3120-0636

Поступила в редакцию 01.05.2025

Принята 21.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 004.056:37(075.8)

DOI 10.25726/y0635-8417-0264-i

EDN BWBNIY

БАК 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Аннотация

В статье рассматриваются комплексные правовые и этические проблемы обеспечения безопасности персональных данных учащихся в условиях массового перехода образовательных учреждений на электронные сервисы. Анализируются риски, связанные с расширением спектра собираемой информации (включая IP-адреса, биометрию, поведенческие метрики) через цифровые дневники, платформы дистанционного обучения и системы прокторинга. Подчеркивается уязвимость несовершеннолетних, неспособных в полной мере осознать последствия обработки их данных. Исследование базируется на анализе российского законодательства (прежде всего ФЗ «О персональных данных»), международных нормативов (GDPR, COPPA) и этических принципов. Выявлены ключевые противоречия: конфликт между удобством цифровизации и правом на приватность, недостаточная осведомленность родителей о реальных объемах сбора данных, формализация процедур получения согласий. Особое внимание уделено рискам использования бесплатных образовательных платформ, скрыто монетизирующих данные учащихся, и практике интеграции коммерческих сервисов, ведущих к созданию детальных «цифровых портретов». Результаты демонстрируют, что технические меры защиты (шифрование, аутентификация) недостаточны без развития культуры информационной безопасности среди педагогов и администрации. Критическими проблемами признаны: отсутствие единых стандартов для IT-систем в образовании, слабая регуляция обработки чувствительных данных (здоровье, психология), риски стигматизации из-за алгоритмического анализа успеваемости, а также трансграничные сложности при использовании зарубежных платформ. Подчеркивается необходимость баланса между педагогическим контролем и уважением личных границ учащихся во избежание формирования у них восприятия тотальной слежки. Автор делает вывод о неотложности синхронизации правовых норм с технологическим развитием, усиления просветительской работы с родителями и учащимися, а также внедрения принципа «privacy by design» на всех этапах разработки и внедрения образовательных IT-решений. Успешная защита данных требует комплексного подхода, сочетающего законодательное регулирование, технические средства и этическую ответственность всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова

персональные данные, образовательные учреждения, электронные сервисы, правовое регулирование, этические аспекты.

Введение

Современные тенденции цифровизации в образовании затрагивают множество аспектов, связанных не только с переходом на электронные сервисы, но и с соблюдением прав и интересов учащихся, а также сохранением конфиденциальной информации обо всех участниках образовательного процесса. В условиях глобальной информатизации учреждения вынуждены внедрять новые платформы, мобильные приложения и облачные сервисы для предоставления дистанционных форм обучения и упрощения административных процедур, тем самым обрабатывая все больший объем чувствительных данных. Это порождает необходимость более детального рассмотрения правовых и этических аспектов защиты личной информации детей, поскольку несовершеннолетние могут быть менее осведомлены о рисках цифрового пространства и более уязвимы к киберугрозам.

Педагоги и родители в свою очередь обязаны обеспечить разумный контроль и соответствующий уровень защиты цифрового взаимодействия, стремясь к созданию безопасной информационной среды, где приоритетом является соблюдение прав каждого ребенка на личную неприкосновенность и сохранность его данных. Несмотря на стремительное развитие технологий, все еще актуальна проблема формирования нормативно-правовой базы, регулирующей сбор и использование персональных данных в образовательной сфере. Этот процесс часто отстает от темпов внедрения инноваций и требует постоянной доработки и совершенствования механизмов надзора, привлечения к ответственности и профилактики утечек информации.

Государственные органы и разработчики ПО стоят перед вызовом: найти баланс между удобством и скоростью электронного взаимодействия, с одной стороны, и правом на тайну личных сведений – с другой. При этом важно учитывать, что профильные законы могут различаться в зависимости от страны или даже региона, а значит, международное сотрудничество и обмен опытом играют ключевую роль (Петрова, 2021). В российской практике, к примеру, одним из ключевых документов остается Федеральный закон о персональных данных, требующий строжайшего соблюдения принципов безопасности, конфиденциальности и обеспечения прав субъекта данных.

Вопрос о том, какие именно категории данных можно собирать и обрабатывать в контексте образовательного процесса, становится все более сложным, поскольку электронные платформы предоставляют широкий спектр подтвержденных и неподтвержденных сведений об учениках. Традиционно в школах собирали лишь стандартные демографические данные – имя, фамилию, дату рождения, место жительства – однако с внедрением электронных журналов, дневников и сервисов проведения онлайн-тестирования спектр этой информации заметно расширился. Теперь при дистанционных формах обучения система может фиксировать IP-адреса, собирать данные о технических характеристиках устройств, откуда слушатели подключаются к занятиям, анализировать временные интервалы активности и в некоторых случаях даже использовать биометрические технологии идентификации, чтобы исключить факты мошенничества во время экзаменов (Машечков, 2022). Поскольку все чаще применяются системы искусственного интеллекта для оценки результатов обучения, возникает вопрос о допустимой глубине анализа, ведь любое цифровое портфолио может содержать психологические, социальные, экономические и другие показатели, формируя детальный «цифровой портрет» ученика. Особенно остро проблема встает в процессе выявления и анализа данных, получаемых в ходе взаимодействия ученика с образовательным программным обеспечением: рефлексия, успеваемость, поведение в онлайн-форумах, поиск определенной информации, контакты в социальных сетях. Подобные сведения могут использоваться для адаптации учебного процесса, но при неправомерном доступе посторонних или нарушения режима конфиденциальности они могут быть использованы и во вред ребенку. Поэтому важно максимально сузить объем и время хранения персональных данных и соблюдать принцип минимизации, чтобы каждая образовательная система обрабатывала ровно столько информации, сколько необходимо для обеспечения заявленных функций, и не хранила лишние сведения в течение неоправданно долгого срока.

Материалы и методы исследования

Законодательная база, ответственная за регулирование вопросов хранения и обработки персональных данных в образовательном секторе, включает в себя не только общие законы о персональных данных, но и специальные нормативные акты. В России ключевым документом является Федеральный закон «О персональных данных», дополняемый различными приказами, разъяснениями и актами, которые устанавливают порядок и сроки хранения документов, определяют статус оператора данных, а также обязывают учреждения вести учет информационных систем, где происходит обработка конфиденциальных сведений. Однозначное требование о получении согласия на обработку данных в письменной форме или в форме электронного документа при этом сохраняется, что предполагает информирование родителей или законных представителей о целях и объеме собираемой информации (Венцель, 2020). При отсутствии согласия или при выходе за рамки тех целей, которые изначально были продекларированы, образовательное учреждение либо оператор данных должен прекратить любую обработку сведений об ученике. Это особенно важно при передаче данных третьим сторонам, включая разработчиков электронных дневников, платформ дистанционного обучения и поставщиков программного обеспечения. Любые договоры и соглашения с внешними провайдерами должны содержать пункты, обязывающие их соблюдать конфиденциальность и использовать переданные данные строго в рамках закрепленных целей, исключая риски расширенного сбора, анализа или передачи информации без прямого разрешения. В случае нарушения этих обязательств возможно привлечение к административной либо даже уголовной ответственности, что формирует дисциплинирующий фактор для всех участников сферы.

Этические аспекты защиты персональных данных учащихся тесно связаны с общей культурой обращения с информацией и осознанным подходом к использованию цифровых технологий. В отличие от rigidly формального соблюдения норм закона, этические принципы подразумевают ориентацию на благо ребенка, сохранение его автономии и частной жизни, даже если соответствующие правила не всегда прямо прописаны в нормативных актах (Богданова, 2020). Педагогическому коллективу и администрации школ важно понимать, что ребенок, особенно младшего возраста, может не обладать необходимым уровнем знаний и компетенций, чтобы осознанно соглашаться на сбор и анализ данных, поэтому ответственность ложится на взрослых. Этическое измерение предполагает также прозрачность в информировании семей о том, какие именно данные собираются и как они будут использоваться. Вместе с этим образовательные учреждения могут являться носителями отдельных негативных практик, когда в погоне за цифровыми инновациями руководство внедряет платформы и сервисы без должного анализа рисков и осознания последствий. Это может привести к формальному подписанию согласий и договоров, где реальные намерения и способы защиты данных не всегда явно разъяснены родителям, а учащиеся неизбежно становятся заложниками невидимых механизмов сбора и использования их личных сведений.

Результаты и обсуждение

Отдельной проблемной зоной становится сегмент обмена информацией внутри образовательных пространств, где несколько учителей и администраторов совместно работают с данными об ученике. Электронные системы позволяют контролировать успеваемость, посещаемость, домашние задания, а иногда и ведут детальную статистику активности учащегося на разных образовательных платформах. Если доступ к этой информации не регламентирован, возможно неконтролируемое распространение персональных данных, когда документы с конфиденциальной информацией рассылаются по открытому каналу или без шифрования (Филенко, 2021). В таких обстоятельствах не исключены утечки через каналы электронной почты, облачные хранилища или при обмене данными в мини-программах мессенджеров. Сложность также кроется в человеческом факторе: недостаточно лишь технических средств защиты, нужно обучать персонал и педагогов принципам ответственного обращения с цифровой информацией, что включает в себя регулярное повышение квалификации и проверку навыков по информационной безопасности. Кроме того, рост числа мобильных устройств, которые учителя используют для работы, открывает новые возможности для

несанкционированного доступа к базам данных, если на устройствах нет надлежащей защиты с помощью паролей и других средств аутентификации.

Международный контекст вопроса демонстрирует, что в разных странах принципы защиты детских персональных данных могут сильно варьироваться, однако растет расхожесть мнения о том, что унифицированные подходы необходимы для глобального обмена образовательными ресурсами. В Европе действует Общее регламентирование по защите данных (GDPR), налагающее особые обязательства и штрафы на операторов информации, работающих с данными пользователей, которые находятся в пределах Евросоюза (Исакова, 2022). При этом GDPR уделяет особое внимание тому, какие данные и в каком возрасте могут собираться у несовершеннолетних. Есть ограничения и по возможностям таргетированной рекламы, что становится существенным фактором в развитии онлайн-курсов и электронных учебников – ведь некоторые платформы могут монетизироваться за счет сбора пользовательских данных. В США действует Закон о защите конфиденциальности детей в интернете (COPPA), который регламентирует правила сбора данных у детей младше 13 лет. Стоит учитывать, что в реальности цифровое пространство не имеет жестких географических границ, и когда российские образовательные учреждения используют зарубежные платформы или хранят данные в облаках за пределами страны, внимание к международным нормам и соглашениям становится крайне важным. Эти многоуровневые правовые рамки создают сложную картину, где школам и разработчикам нужно ориентироваться сразу в нескольких правовых полях, чтобы избежать санкций и сохранить доверие родителей и учащихся.

Внедрение специализированных технических средств защиты является ключевым условием сохранения конфиденциальности в системе электронного обучения. Подобные средства могут включать в себя комплексные системы управления информационной безопасностью, шифрование каналов передачи данных, двухфакторную аутентификацию, системы управления доступом и ведения аудита (Беззатеева, 2023). Однако практика показывает, что даже дорогие и формально соответствующие ГОСТам или международным стандартам технологии могут оказаться малоэффективными без развитой «безопасной культуры» в образовательном учреждении. Если учитель или администратор имеют привычку хранить пароль на видном месте, либо используют один и тот же простой пароль для разных сервисов, то риск несанкционированного проникновения существенно возрастает. Более того, в процессе интерактивного обучения учащиеся сами могут проявлять любопытство к внутренним разделам электронных систем, пытаясь обойти ограничения или получить доступ к чужим результатам. В такой ситуации важным аспектом становится не только установка современных технических средств, но и формирование у всего коллектива практик ответственного отношения к паролям, личным устройствам, публичному Wi-Fi. Кроме того, для систематизации такой работы требуется разработка внутренних регламентов и четкое распределение ролей и ответственности, чтобы каждый сотрудник понимал, какие именно данные и в каких ситуациях он может обрабатывать.

Другой немаловажный фактор – экономическая составляющая. Бесплатные и условно-бесплатные платформы, которые вполне подходят по своим функциональным возможностям школам с ограниченным бюджетом, нередко имеют скрытые механизмы монетизации, связанные со сбором и дальнейшим использованием персональных данных (Мочалина, 2024). В таких случаях оператор платформы может обеспечивать бесплатный доступ к электронным дневникам и тестированию, но параллельно собирать поведенческие метаданные о детях, которые затем анализируются или продаются для маркетинговых целей. Подобные практики вызывают этические вопросы, ведь дети становятся невольными объектами тех бизнес-моделей, которые строятся вокруг персонализации рекламы или анализа больших данных. Родители, впрочем, часто не осознают этой угрозы, предполагая, что школьная онлайн-платформа является безопасной, поскольку формально работает в интересах образовательной системы (Абдусаламов, 2023). Школам же бывает выгодно экономить на платных сервисах, тем самым цепляясь за «бесплатные» решения. Ситуация усложняется тем, что даже платные платформы иногда злоупотребляют доверием пользователей, если нормативное поле слабо регулирует деятельность конкретной фирмы. В результате учащиеся могут вовсе не догадываться, что их цифровые

следы анализируются, а конфиденциальная информация, такая как результаты тестов, геолокация и поведенческие предпочтения, может попадать в руки третьих сторон.

Вопрос согласия на сбор и обработку данных указывает на сложность правоприменительной практики. Для несовершеннолетних это согласие должны давать родители или законные представители, но в реальности зачастую прямой диалог с семьей либо отсутствует, либо сводится к формальным подписям. При массовом внедрении электронных ресурсов школы могут заключать единственное договорное соглашение с провайдером, где обговариваются общие условия. В ходе обучения ребенок регистрирует аккаунт, однако он фактически не выбирает сам, хочет ли он предоставлять определенные сведения (Казаков, 2022). Некоторые образовательные структуры стремятся упростить бюрократию, заранее включив согласие на сбор персональных данных в общий пакет документов, который родители подписывают при поступлении в школу или при переходе на новый учебный год. Но даже если на этапе подписания документов формально указываются цели обработки данных, практика показала, что со временем меняется как перечень собираемых сведений, так и их дальнейшая судьба. По мере внедрения новых технологий школа может начать анализировать биометрические данные, например, при организации прохода в здание по отпечаткам пальцев, фактурам лица или сканированию радужки глаза. Родителям же крайне сложно проследить, как эти данные хранятся, передаются ли они другим организациям, сколько лет они будут находиться в базе и кто несет ответственность в случае утечки.

Аспект непрерывного контроля и мониторинга также затрагивает этическую и психологическую стороны вопроса. Дети, растущие в атмосфере постоянного цифрового надзора, могут привыкать к идее, что их каждый шаг отслеживается и анализируется. С одной стороны, администрация школы и родители порой считают это необходимой мерой для предотвращения правонарушений, травли, пропусков уроков или несанкционированных действий. С другой стороны, такая среда может подавлять инициативу и формировать у ребенка ощущение, что ему не доверяют, что каждый поступок воспринимается как потенциальный проступок (Семенов, 2023). В более позднем возрасте учащиеся могут испытывать трудности с формированием здорового отношения к личным границам, а также не иметь представления о том, как самостоятельно обеспечивать защиту своих данных за пределами школы. В результате социальные сети и коммерческие приложения становятся для них открытой книгой, где они готовы делиться любой информацией без критического осмысления. Разумный баланс между обеспечением безопасности, необходимым контролем и уважением частной сферы личности ученика должен вырабатываться совместно: школой, родителями, обществом.

Дополнительные риски создают интеграции электронного обучения и коммерческих сервисов, которые нередко предлагают расширенные возможности для личностного роста и профориентации. Множество платформ предлагают учащимся разрабатывать собственные проекты, проходить профориентационные тесты, собирать портфолио, включающее не только школьные результаты, но и личные творческие наработки. Однако в процессе подобного саморазвития учащийся может делиться информацией о своих талантах, интересах, планах, а также персональными данными, необходимыми для формирования отчетности. Эти данные могут быть крайне привлекательны для третьих лиц, которые стремятся составить психографический портрет подростка, оценить его склонности и подготовить индивидуальные маркетинговые предложения. В результате ребенок может стать целью агрессивной рекламы товаров, услуг, курсов или даже потенциальным объектом мошеннических действий (Миронова, 2021). Важно, чтобы в таких цифровых инициативах была заложена прозрачная модель работы с информацией: четкие правила о том, кто и в каких целях может ее использовать, а также механизмы, позволяющие удалять или корректировать данные при необходимости. Кроме того, дети должны учиться понимать собственные права в цифровом пространстве, чтобы в случае проблем уметь обратиться за помощью к родителям, педагогам или уполномоченным организациям.

На правительственном уровне все большей популярностью пользуются меры по созданию и поддержанию национальных платформ, где вопросы безопасности данных регулируются более жестко в сравнении с открытыми рынками IT-решений. В некоторых странах есть государственные образовательные порталы, разработанные специально под нужды школ, где законодательные аспекты учитываются с самого начала и где внедряются механизмы сертификации и надзора. При этом

возникают дискуссии о целесообразности монополизации рынка разработки образовательных IT-решений, ведь слишком жесткая централизация может приводить к застою, снижению инновационного потенциала и появлению технологических «провалов». Кроме того, масштабный государственный проект часто требует больших вливаний средств, а контроль качества и модернизация таких систем может отставать от быстрых изменений в сфере IT (Рязанова. 2022). С другой стороны, развитие отечественных платформ может обеспечить большую прозрачность в вопросах юрисдикции и ответственности, поскольку данные остаются в рамках национального правового поля, не выходя в другие страны. Важно найти гибкий вариант сотрудничества между государственными структурами, разработчиками коммерческого ПО и образовательными организациями.

Вопросы этики особенно ярко проявляются в ситуациях, когда речь заходит об анализе школьной успеваемости в привязке к индивидуальным психологическим особенностям ребенка. Современные технологии могут предоставить учителю и администрации школы детальные профили: как часто ребенок делает паузы во время тестов, какие ошибки повторяются чаще всего, имеются ли тенденции к определенному графику деятельности во время онлайн-уроков. Алгоритмы машинного обучения могут предлагать гипотезы об уровне внимания, мотивации или же эмоционального состояния ученика (Пушкин, 2020). Но при этом риск ошибочных выводов или неадекватных рекомендаций довольно высок, ведь система не способна охватить всю социально-психологическую жизнь ребенка. Если такие данные попадут в руки недобросовестных педагогов, есть вероятность стигматизации ученика, которому могут навесить ярлык «неусидчивого» или «слабомотивированного» без полноценной оценки ситуации в семье, особенностей здоровья и других важных факторов. Подобная практика может нанести ущерб самооценке ребенка и повлиять на масштаб будущих выборов, формировать предвзятое отношение к нему. Правовой аспект здесь подразумевает точность и законность обработки таких чувствительных данных, но этический аспект указывает на недопустимость использования алгоритмических предсказаний в качестве единственного основания для принятия важных педагогических решений.

Современные методы кибербезопасности, внедряемые в образовательные учреждения, должны учитывать многочисленные факторы, среди которых – необходимость регулярного обновления программного обеспечения, своевременная установка патчей, классификация данных по уровням чувствительности, обучение персонала реагированию на инциденты информационной безопасности (Рассказова, 2021). Наличие плана действий при обнаружении утечек и нападений извне помогает минимизировать ущерб и своевременно уведомлять всех заинтересованных лиц – от администрации школы до родителей и самих детей. При этом одним из сложнейших вопросов остается финансирование подобной деятельности, ведь полномасштабная реализация всех организационных и технических мер требует средств. Однако пренебрежение этими мерами ведет к существенно большим рискам: если в результате утечки конфиденциальных сведений ученики пострададут от кражи личных данных, репутация школы будет значительно подорвана, а возможные штрафы и судебные иски гораздо превысят стоимость соответствующих мер защиты.

Ситуация усугубляется тем, что в российском правовом поле далеко не всегда четко прописаны все аспекты, касающиеся обработки персональных данных именно детей, и отсутствуют полноценные руководства, учитывающие специфику электронных сервисов в образовании. Практика показывает, что часть образовательных учреждений полагается на общие формулировки закона о персональных данных, не вникая глубоко в детали, связанные с защитой несовершеннолетних. Однако природа использования цифровых сервисов в школе предполагает, что данные детей могут обрабатываться работодателями преподавателей, внешними платформами, подрядчиками, провайдерами хостинга, а иногда и иностранными компаниями. В каждом из этих случаев должны заключаться договоры, учитывающие правовые требования, разрешающие обработки данных только в установленных границах и обязывающие соблюдение строгих мер конфиденциальности. Практическая реализация подобных требований осложнена отсутствием единого стандарта, который бы объединял все аспекты эксплуатации IT-систем в школах. Администрация, не обладающая достаточными компетенциями, либо уделяет этому вопросу недостаточно внимания, либо старается минимизировать свои риски

формальным путем, не меняя при этом глубинные процессы взаимодействия с персональными данными учащихся.

Формирование культуры осознанного отношения к цифровому взаимодействию начинают все чаще включать в программы школьного образования, объясняя учащимся базовые правила безопасного использования интернета, особенно в соцсетях и мессенджерах. Однако этой работы недостаточно без вовлечения родителей и педагогов, которые, не будучи специалистами в IT, могут заблуждаться относительно реальных угроз. Некоторым кажется, что если у школы есть антивирус или сервер стоит за «защитной стеной», то данные учеников автоматически в безопасности. На деле же утечки часто случаются из-за избытка прав доступа у технического персонала, отсутствия регулярных проверок журналов аудита, пренебрежения резервным копированием или неправильным хранением резервных копий (Петрова, 2021). Особенно важно воскрешать в сознании участников образовательного процесса необходимость регулярных обучающих семинаров, тренингов и инструктажа, в ходе которых педагоги, администраторы и родители получают актуальную информацию о типичных киберугрозах, способах социальной инженерии, методах защиты аккаунтов и устройств. Такой подход способен снизить вероятность «человеческого фактора», который по статистике чаще всего виновен в нарушениях конфиденциальности.

В одном из наиболее проблемных аспектов – раскрытии чувствительной информации о здоровье, религиозных взглядах или психологических особенностях – скрывается существенная угроза для учеников, поскольку эти данные могут являться поводом для стигматизации и дискриминации. Представим, что в школе действует электронная система мониторинга пропусков уроков и причин, по которым ученик не пришел. Если там указывается точный диагноз или иные медицинские сведения, то в случае некорректного доступа эта информация может распространиться среди одноклассников, что создаст неблагоприятную обстановку. В ряде случаев подобная ситуация способна привести к буллингу, травле, а то и к более серьезным последствиям для психического здоровья ребенка (Машечков, 2022). Нормативные акты требуют особо осторожного подхода к медицинским данным, так как они относятся к категории «чувствительных». Следовательно, системам электронных журналов и других сервисов необходимо ограничивать доступ к таким сведениям только медицинскому работнику школы и тем лицам, для которых эти данные необходимы по функционалу. Однако фактические инциденты подтверждают, что ошибки в настройках доступа, а также пренебрежение политиками безопасности часто приводят к тому, что информация «утекает» за пределы компетентных лиц.

Развитие новых форматов обучения, таких как смешанное или полностью дистанционное, усложняет задачу контроля над тем, как, где и кем обрабатываются данные. Когда ученик работает из дома, подключаясь к электронной платформе, крайне сложно гарантировать, что его собственное устройство защищено – родители могут не знать о необходимости регулярного обновления операционной системы, использования лицензионного программного обеспечения, установки надежных паролей на роутер (Венцель, 2020). Более того, если в одном доме проживает несколько человек и все пользуются одним компьютером, то конфликты настроек приватности и случайные действия становятся довольно вероятными. Для минимизации подобных рисков школам рекомендуется проводить консультативную и просветительскую работу с семьями, разъясняя базовые правила защиты данных. Но даже при добросовестном подходе ситуацию усложняет рост киберпреступности, ориентированной на сбор данных о несовершеннолетних. Киберпреступники могут использовать детские идентичности для получения кредитов, а иногда и шантажировать родителей, если завладеют конфиденциальной информацией о ребенке.

С этической точки зрения, значительную роль играет и проблема электронного слежения за поведением учащегося в интернете. Некоторые школы пытаются контролировать активность учеников в социальных сетях, отслеживая, не нарушает ли ребенок школьных правил поведения или не становится ли жертвой кибербуллинга. Подобные меры могут рассматриваться как оправданные, если проблема буллинга стоит остро и администрация школ пытается ей противодействовать (Богданова, 2020). Но следует помнить, что подобный мониторинг, во-первых, должен осуществляться в рамках закона и с согласия законных представителей, а во-вторых, не должен вторгаться чрезмерно в личное

пространство ребенка. Этично ли собирать информацию о личных чатах, фотографиях, друзьях и публичных постах ученика? Не формирует ли это атмосферу тотальной слежки, где границы между частной жизнью и школьной ответственностью стираются? Ответы на эти вопросы далеко не всегда однозначны и зависят от конкретного культурно-правового контекста, однако во многих странах уже сформировались руководящие рекомендации, придерживаясь которых школы могут минимизировать конфликты интересов.

Стремительная глобализация образовательных процессов дает основания полагать, что в будущем будет расти необходимость в единых трансконтинентальных нормах регулирования персональных данных. Уже сегодня многие международные организации обсуждают принципы «прозрачности, законности и справедливости» при обработке больших объемов чувствительной информации. Подобные инициативы могут привести к созданию новых международных конвенций, которые улучшат координацию присутствия различных национальных систем контроля и аудита. Для образовательной сферы это вынуждает учителей, администраторов и разработчиков программных решений интегрировать лучшие практики в облаках, локальных системах, мобильных приложениях, придерживаясь принципа «privacy by design» – то есть встроенной конфиденциальности на всех стадиях (Исакова, 2022). Достижение этого уровня зрелости системы защиты требует постоянного совершенствования и тесного взаимодействия между государственными органами, общественными организациями, ИТ-бизнесом и самими учебными заведениями.

Нельзя забывать о том, что важную роль в правовом и этическом аспекте играет доверие общества к образовательным учреждениям. Если родители массово начинают сомневаться, что школа способна обезопасить данные их детей, это может привести к конфликтам, судебным разбирательствам и распространению негативных настроений по отношению к цифровым инновациям в целом. В итоге школа оказывается между необходимостью осваивать современные формы обучения и обязательством неукоснительно соблюдать права ребенка (Мочалина, 2024). Государственные программы информатизации образования могут проваливаться, если в них заложены формальные механизмы и не учтены реальные потребности детей и родителей в достоверных гарантиях безопасности. Для успешной цифровой трансформации необходимо запустить широкомасштабные образовательные инициативы не только для педагогов, но и для семей, чтобы в конечном итоге сформировалось целостное понимание важности информационной безопасности и культуры рационального использования технологий.

Сложность современной коммуникации между школой и семьей иногда провоцирует искажение информации, когда родители не получают своевременных разъяснений о том, что происходит с данными их детей и зачем внедряются те или иные цифровые инструменты. Как результат, возникает недоверие или, напротив, излишняя халатность. Многие родители полагаются на репутацию школы, считая, что раз проект согласован на уровне региональных органов управления образованием, значит он априори безопасен (Казаков, 2022). Но на деле школы могут заключать коммерческое соглашение с новой платформой, не проанализировав тщательно политику конфиденциальности и не проверив, есть ли у провайдера сертификация по ведущим мировым стандартам защиты данных. Родители же потом удивляются, обнаруживая, что, например, адрес их ребенка или какая-то личная информация опубликованы в открытом доступе. Чтобы уменьшить подобные риски, необходима прозрачная процедура информирования родителей, в ходе которой школа объясняет все нюансы: от технических настроек до юридической ответственности за утечку.

Заключение

В завершение необходимо подчеркнуть, что правовые и этические нормы будут продолжать эволюционировать вместе с новыми технологическими вызовами. Появляются системы распознавания лиц, интеллектуальные алгоритмы анализа эмоций, различные программы, использующие нейронные сети для определения уровня концентрации ученика во время урока (Миронова, 2021). Все эти инновации обещают помочь школам и учителям более тонко и эффективно выстраивать образовательный процесс, персонализируя подход к каждому ребенку. Но вместе с тем возрастает и масштаб потенциальных злоупотреблений, ведь аналитика биометрических данных, эмоций и паттернов

поведения особым образом отражает глубоко личную информацию и может допустить разностороннее вмешательство в приватную сферу ученика. Страны мира уже осознают эти риски, поэтому постепенно формулируют юридические документы, запрещающие или жестко ограничивающие подобные технологии до момента появления более основательной нормативной базы и совершенных методов защиты.

Стоит также отметить, что обеспечение безопасности персональных данных учащихся при повсеместном переходе образовательных учреждений на электронные сервисы является многоаспектной и сложной задачей, затрагивающей правовую, техническую и этическую стороны. Законодательство устанавливает основные рамки, но эффективная реализация норм оказывается невозможной без вовлечения всех участников образовательного процесса – детей, родителей, педагогов, администраторов, разработчиков программного обеспечения и государственных органов (Петрова, 2021). Технические меры защиты должны подкрепляться развитой культурой информационной безопасности и умением каждого члена коллектива соблюдать элементарные правила цифровой гигиены. Аналогично важны и этические принципы, ориентирующие школы и учителей на то, чтобы не переходить границы уважения к личности ребенка и не превращать учебный процесс в тотальный мониторинг.

Таким образом, технологический прогресс открывает широкие возможности для совершенствования образования, однако каждый шаг должен сопровождаться тщательным правовым анализом и ответственным отношением к факторам риска. Даже самый продвинутый электронный дневник или система мониторинга навыков не оправдает себя, если ребенок утратит доверие к школе или станет жертвой цифровых махинаций. Безопасность, в конечном счете, является не просто юридическим требованием, а необходимым условием гармоничного развития личности и успешной адаптации к вызовам XXI века.

Список литературы

1. Абдусаламов Р.А. Правовая охрана персональных данных вузов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 46. № 2. С. 162-170.
2. Беззатеева В.С. Гражданско-правовые методы защиты персональных данных несовершеннолетнего в условиях цифровизации образовательного процесса // Закон. Право. Государство. 2023. № 3(39). С. 56-59.
3. Богданова Д.А. О персональных данных, или почему автором было решено отказаться от участия в обсуждении государственных образовательных стандартов // Народное образование. 2020. № 3(1480). С. 24-28.
4. Венцель С.В., Жученко В.С. Опыт проведения пилотной онлайн-олимпиады «Основы защиты персональных данных» для школьников: проблемы и перспективы // Обзор. НЦПТИ. 2020. № 2(21). С. 67-76.
5. Исакова В. С. Безопасность хранения персональных данных граждан на серверах порталов государственных и муниципальных услуг в контексте реализации закона «О суверенном рунете» // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 30-33.
6. Казаков А.Е. Информационная безопасность электронных образовательных ресурсов: проблемы и решения // Среднее профессиональное образование. 2022. № 8(324). С. 22-25.
7. Машечков Д.Ю. Исследование задачи обеспечения безопасности при хранении и обработке конфиденциальных данных на примере образовательных организаций // Человек. Социум. Общество. 2022. № 12. С. 42-47.
8. Миронова Н.Г. Проблемы информационной безопасности персональных данных учащихся при обучении с использованием цифровых образовательных платформ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 12. С. 121-127.
9. Мочалина М. В., Касаткина Ю. В., Прохорова Е. С. Проблема соблюдения этических норм в условиях цифровизации образования // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1-2. С. 284-289.

10. Петрова С.О. Этические подходы к информационной безопасности школьников в условиях электронного обучения // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 3. С. 27-32.
11. Пушкин П.Ю., Никульчев Е.В., Лось В.П. Проблемы сбора, обработки и защиты персональных данных обучающихся – участников онлайн конкурсов и тестирования // Информация и безопасность. 2020. Т. 23. № 2. С. 179-190.
12. Рассказова А.Н., Зыкова А.С. Личная безопасность в цифровой образовательной среде // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2021. № 5. С. 85-94.
13. Рязанова Е.Н. Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникационных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 118-123.
14. Семенов Е.Ю., Лысенко Е.С., Графуткин Е.И. Регулирование обработки персональных данных в России: юридические и технические аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 69-77.
15. Филенко Е.С. Информационная безопасность в образовательном процессе современной школы // Сахалинское образование XXI век. 2021. № 4. С. 32-34.

Legal and ethical aspects of ensuring the security of students' personal data in the widespread transition of educational institutions to electronic services

Ilya A. Zhigulsky

Student

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Astrakhan, Russia

ilya.zhigulskiy.2000@mail.ru

ORCID 0009-0000-3120-0636

Received 01.05.2025

Accepted 21.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 004.056:37(075.8)

DOI 10.25726/y0635-8417-0264-i

EDN BWBNIY

VAK 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract

This article examines the complex legal and ethical issues involved in ensuring the security of students' personal data amid the mass migration of educational institutions to electronic services. It analyzes the risks associated with the expanded scope of information collected (including IP addresses, biometric data, and behavioral metrics) through digital diaries, distance learning platforms, and proctoring systems. The vulnerability of minors, who cannot fully grasp the consequences of data processing, is emphasized. The study is based on an analysis of Russian legislation (primarily the Federal Law «On Personal Data»), international regulations (GDPR, COPPA), and ethical principles. Key contradictions are identified: the conflict between the convenience of digitalization and the right to privacy, parents' insufficient awareness of the actual volume of data collection, and the formalization of consent procedures. Special attention is paid to the risks posed by free educational platforms that covertly monetize student data and to the practice of integrating commercial services that lead to the creation of detailed «digital profiles». The results show that technical protection measures (encryption,

authentication) are insufficient without fostering a culture of information security among teachers and administrators. Critical problems include the lack of unified standards for IT systems in education, weak regulation of sensitive data processing (health, psychological information), the risk of stigmatization due to algorithmic analysis of academic performance, and cross-border challenges when using foreign platforms. The need to balance pedagogical oversight with respect for students' personal boundaries is stressed to avoid instilling a sense of total surveillance. The author concludes that it is urgent to synchronize legal norms with technological development, strengthen educational efforts with parents and students, and implement the principle of privacy by design at all stages of the development and deployment of educational IT solutions. Successful data protection requires a comprehensive approach combining legislative regulation, technical measures, and the ethical responsibility of all participants in the educational process.

Keywords

personal data, educational institutions, electronic services, legal regulation, ethical aspects.

References

1. Abdusalamov R.A. Legal protection of personal data of universities // Dagestan State University Law Bulletin. 2023. Vol. 46. № 2. pp. 162-170.
2. Bezzateeva V.S. Civil law methods of protecting personal data of minors in the context of digitalization of the educational process // State. Right. State. 2023. № 3(39). pp. 56-59.
3. Bogdanova D.A. About personal data, or why the author decided to refuse to participate in the discussion of state educational standards // Public education. 2020. № 3(1480). pp. 24-28.
4. Venzel S.V., Zhuchenko V.S. The experience of conducting the pilot online Olympiad «Fundamentals of personal data protection» for schoolchildren: problems and prospects // Review. NCPTI. 2020. № 2(21). pp. 67-76.
5. Isakova V. S. Security of storing personal data of citizens on the servers of state and municipal services portals in the context of the implementation of the law «On the Sovereign Runet» // Constitutional and municipal law. 2022. № 11. pp. 30-33.
6. Kazakov A.E. Information security of electronic educational resources: problems and solutions // Secondary vocational education. 2022. № 8(324). pp. 22-25.
7. Mashechkov D.Y. A study of the problem of ensuring security in the storage and processing of confidential data using the example of educational organizations // Human. Socium. Society. 2022. № 12. pp. 42-47.
8. Mironova N.G. Problems of information security of personal data of students when teaching using digital educational platforms // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. 2021. № 12. pp. 121-127.
9. Mochalina M. V., Kasatkina Yu.V., Prokhorova E. S. The problem of compliance with ethical standards in the context of digitalization of education // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Vol. 15. № 1-2. pp. 284-289.
10. Petrova S.O. Ethical approaches to information security of schoolchildren in the context of e-learning // State University of Humanities and Technology Bulletin. 2021. № 3. pp. 27-32.
11. Pushkin P.Yu., Nikulchev E.V., Los V.P. Problems of collecting, processing and protecting personal data of students participating in online contests and testing // Information and security. 2020. Vol. 23. № 2. pp. 179-190.
12. Rasskazova A.N., Zykova A.S. Personal safety in the digital educational environment // Information society: education, science, culture and technologies of the future. 2021. № 5. pp. 85-94.
13. Ryazanova E.N. Responsibility for the dissemination of personal data as a way to counteract offenses in the field of information technology. Communication. Technologies // St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin. 2022. № 3(95). pp. 118-123.

14. Semenov E.Yu., Lysenko E.S., Grafutkin E.I. Regulation of personal data processing in Russia: legal and technical aspects // V.V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Scientific Bulletin. 2023. № 3(96). pp. 69-77.
15. Filenko E.S. Information security in the educational process of modern schools // Sakhalin education XXI century. 2021. № 4. pp. 32-34.

**Искусственный интеллект в разработке 3D-навигации и систем онлайн-передачи информации
сайта университета**

Виктор Петрович Часовских

Доктор технических наук, профессор,
Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Россия
u2007u@ya.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Урмат Тологонович Аттокуров

Кандидат технических наук, доцент, профессор
Ошский технологический университет
Ош, Киргизстан
urmat_at@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Елена Викторовна Кох

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Россия
elenakox@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 03.03.2025

Принята 24.04.2025

Опубликована 30.05.2025

УДК 004.8

DOI 10.25726/c9680-7712-1068-n

EDN KXDYXU

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается использование искусственного интеллекта для автоматизации процессов, анализа данных и принятия решений в режиме реального времени, в среде сайта университета. Анализируются современные подходы к модернизации веб-портала университета с акцентом на повышение удобства и эффективности взаимодействия между всеми категориями пользователей: студентами, преподавателями, абитуриентами и широкой общественностью. Основное внимание уделяется разработке и интеграции трех ключевых компонентов: интерактивной 3D-навигации по кампусу, системы адаптивного дизайна и надежной веб-платформы с функцией мгновенной передачи информации (новости, расписания, объявления). Описаны этапы анализа требований, проектирования архитектуры (REST/GraphQL API, WebSocket), прототипирования интерфейса и внедрения технологий PWA. Результаты тестирования показали значительное сокращение времени, необходимого для поиска необходимой информации, и повышение удовлетворенности пользователей, что подтверждает эффективность предложенного набора решений.

Ключевые слова

веб-сайт университета, 3D-навигация, адаптивная система проектирования, прогрессивное веб-приложение (PWA), мгновенная передача информации, интерактивный интерфейс, архитектура Frontend/Backend.

Введение

В современном цифровом обществе университетский веб-сайт – не просто визитная карточка, но и ключевой канал коммуникации: он служит источником актуальных сведений о расписании, событиях, учебных ресурсах и важных объявлениях (Воронцов, 2017; Нильсен, 2005). Однако многие образовательные порталы, в том числе и сайт Ошского технологического университета, по-прежнему строятся по устаревшим шаблонам, не учитывающим потребности пользователей мобильных устройств, интерактивную подачу контента и простоту навигации по большому объему информации (oshtu.kg, 2025).

Основная задача исследования – разработка и интеграция новых приложений, обеспечивающих 3D-навигацию по университету, гибкий дизайн и надежную веб-платформу. Описана архитектура функциональной системы передачи информации в режиме реального времени, позволяющая оперативно доводить до пользователей новости, расписания, объявления и справочную информацию.

Цель – разработать и внедрить набор современных веб-приложений для сайта университета, обеспечивающих:

- Интерактивную 3D-навигацию по корпусам и университету,
- Адаптивный и эмоционально привлекательный дизайн,
- Надежную и расширяемую веб-платформу с системой мгновенной передачи информации.

Задачи:

1. Спроектировать модуль 3D-карты кампуса с возможностью построения маршрутов.
2. Разработать клиентские и серверные компоненты для динамического обновления новостей, расписаний и уведомлений.
3. Создать единую дизайн-систему (UI-kit) в соответствии с современными трендами (минимализм, микровзаимодействия, темная тема).
4. Внедрить Progressive Web App (PWA) с Offline-режимом и push-уведомлениями.
5. Обеспечить интеграцию с внутренними сервисами университета: Moodle, почта, расписание.

Материалы и методы исследования

Сбор и анализ требований:

- интервью с представителями ключевых групп пользователей (студенты, преподаватели, абитуриенты, администраторы);
- изучение существующей статистики посещаемости и аналитики (Google Analytics): основные точки входа, страницы с высокой степенью отказов, среднее время сессии.

Прототипирование и тестирование:

- создание интерактивных макетов в Figma: три уровня экранов (десктоп, планшет, смартфон) и 3D-карты кампуса;
- проведение двух раундов юзабилити-тестирования (по 10 участников в каждом): «живые» сценарии навигации по сайту и карте кампуса, измерение времени выполнения задач.

Разработка и валидация решений:

- итеративная реализация фронтенда (React + Tailwind CSS) и бэкенда (Node.js/Express + MongoDB), с подключением Three.js для 3D-визуализации;
- A/B-тестирование ключевых компонентов (панели новостей и прототипа 3D-карты) с контролем конверсий по целевым сценариям;
- нагрузочное тестирование (JMeter) для оценки устойчивости PWA-приложения и WebSocket-сервиса при 500 одновременных соединениях.

Результаты и обсуждение

Основная цель данного исследования-разработка нового приложения к учебным корпусам, включающего 3D-ориентацию (навигацию) по кабинетам-аудиториям. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи (Иванова, 2019; Кузнецов, 2022):

- 1) Изучить существующие университетские веб-сайты, чтобы определить их сильные и слабые стороны;
- 2) Установить основные требования к веб-сайту цеха;
- 3) Разработать структуры и дизайна приложения;
- 4) Реализовать функциональность с использованием современных технологий;
- 5) Протестировать и оптимизировать приложение для различных устройств и браузеров.

В рамках исследования были рассмотрены веб-сайты ведущих государственных и зарубежных университетов и определены следующие основные требования:

- 1) Простой и интуитивно понятный интерфейс;
- 2) Доступ к информации по институтам, кафедрам, образовательным программам;
- 3) Лента новостей и календарь событий;
- 4) Интеграция с социальными сетями и образовательными платформами.

На основе анализа разработано новое приложение к веб-сайту цеха. Приложение содержит следующие разделы:

1. Размещение новой навигации на главной странице сайта.
2. Возможность абитуриентам и гостям посетить кабинеты в учебных корпусах через нововведение на сайте.

Использование нового приложения при проведении профориентационных и других мероприятий.

После разработки приложение будет протестировано на различных устройствах и браузерах. Особое внимание уделяется скорости загрузки, простоте навигации и мерам безопасности.

В будущем сайт может быть дополнен следующими функциями:

- 1) Дистанционное онлайн-обучение интерактивным урокам (видео урок).
- 2) Системы электронного учета посещаемости занятий;
- 3) Интеграция с другими образовательными платформами.
- 4) Разработанные приложения вносят большой вклад в развитие цифровой

инфраструктуры веб-сайта ОшТУ.

На главной странице сайта цеха будет добавлено новое приложение, через которое можно будет получить доступ к базе данных в учебных корпусах. Через созданное приложение можно увидеть архитектуру цементных корпусов в формате 3D (см. рис. 1а-1б).

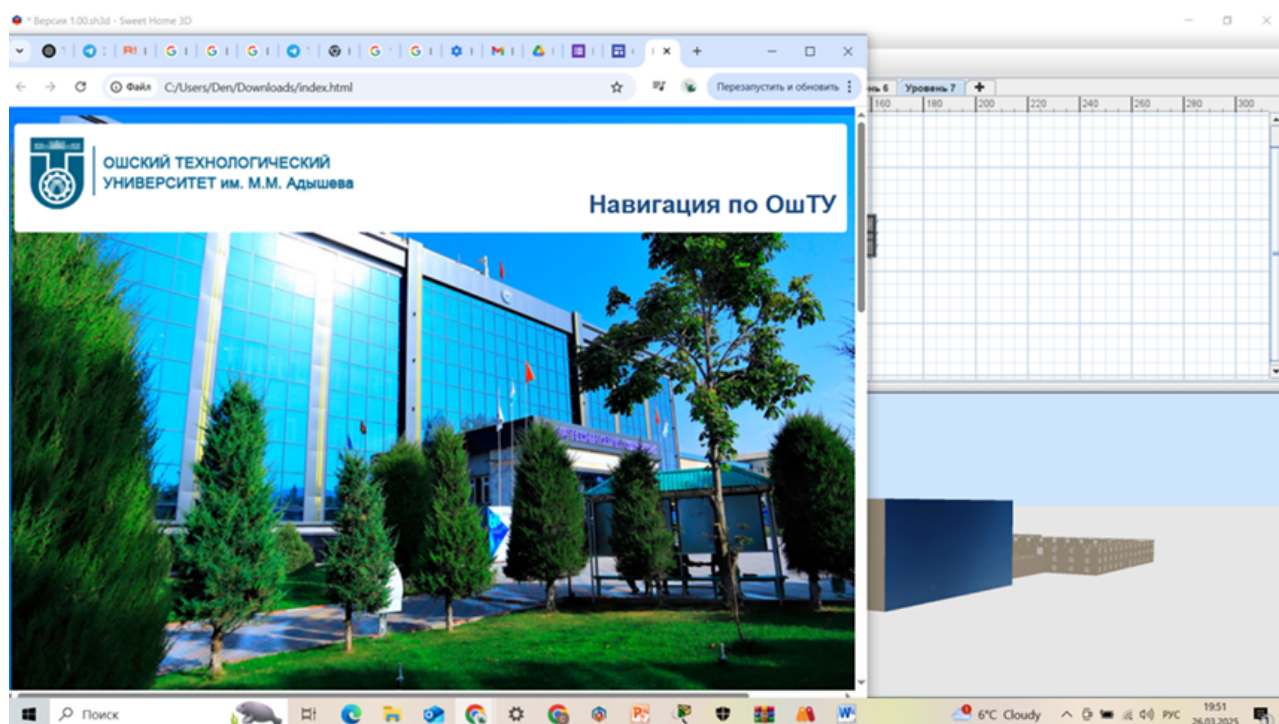

Рисунок 1а. Архитектура 3D главного корпуса

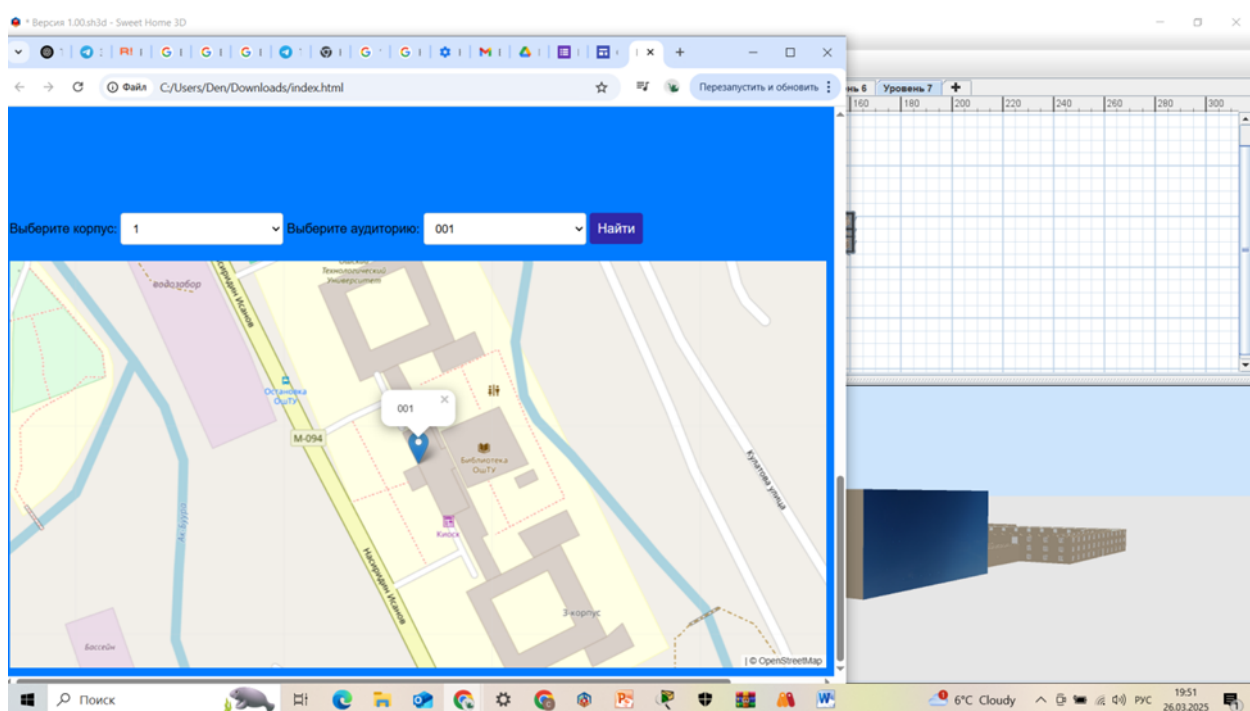

Рисунок 1б. Архитектура 3D главного корпуса

Приложение будет функционально в основном для абитуриентов, поступающих в учебное заведение, и студентов 1 курса, которые могут получить доступ к учебным корпусам и аудиториям онлайн по телефону. После выбора аудитории для абитуриента, студента или постороннего посетителя укажите кратчайший путь или направление, чтобы добраться до корпуса и этажа, где находится соответствующая аудитория, с помощью геолокации. Геолокация – это способность определять местоположение соответствующей информации с помощью GPS через мобильный телефон, подключенный к интернету (Bishop, 2006; Freeman, 2020).

Для связи адреса схем корпусов и аудиторий выбираются компьютером или по телефону (рис. 2-3-4).

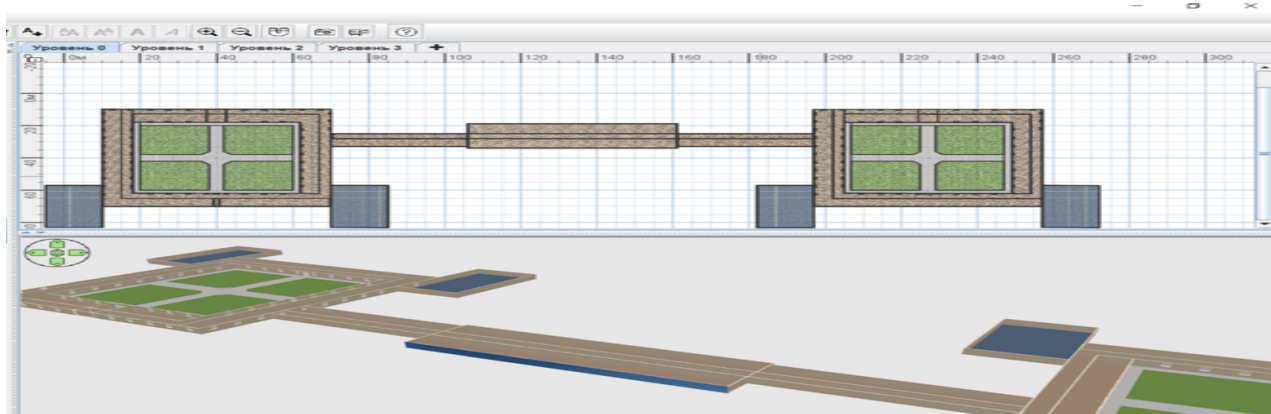

Рисунок 2. 3D – вид цементных корпусов: главный, корпуса 2-3 и библиотека

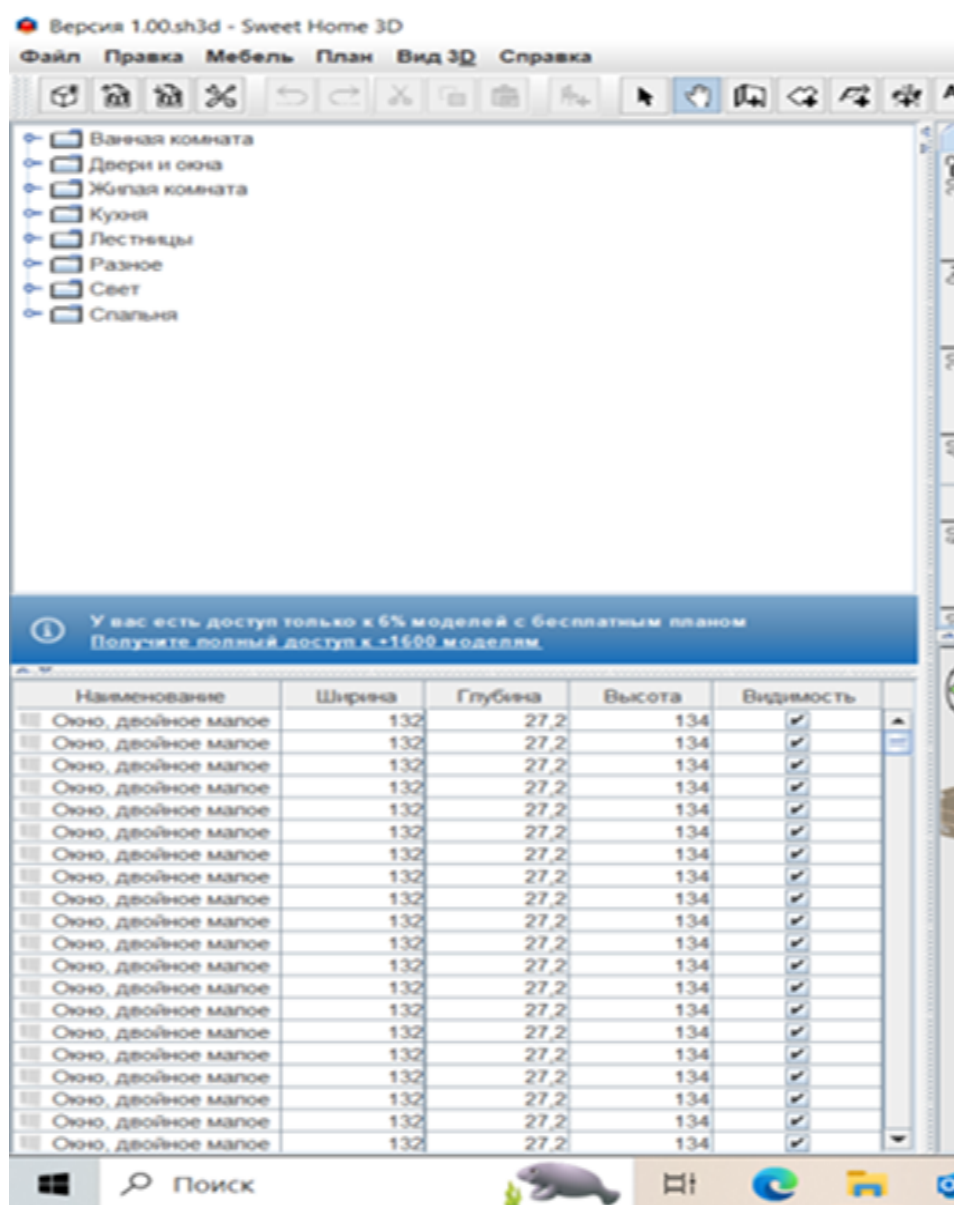

Рисунок 3. Коды кабинетов – в корпусах и библиотеке

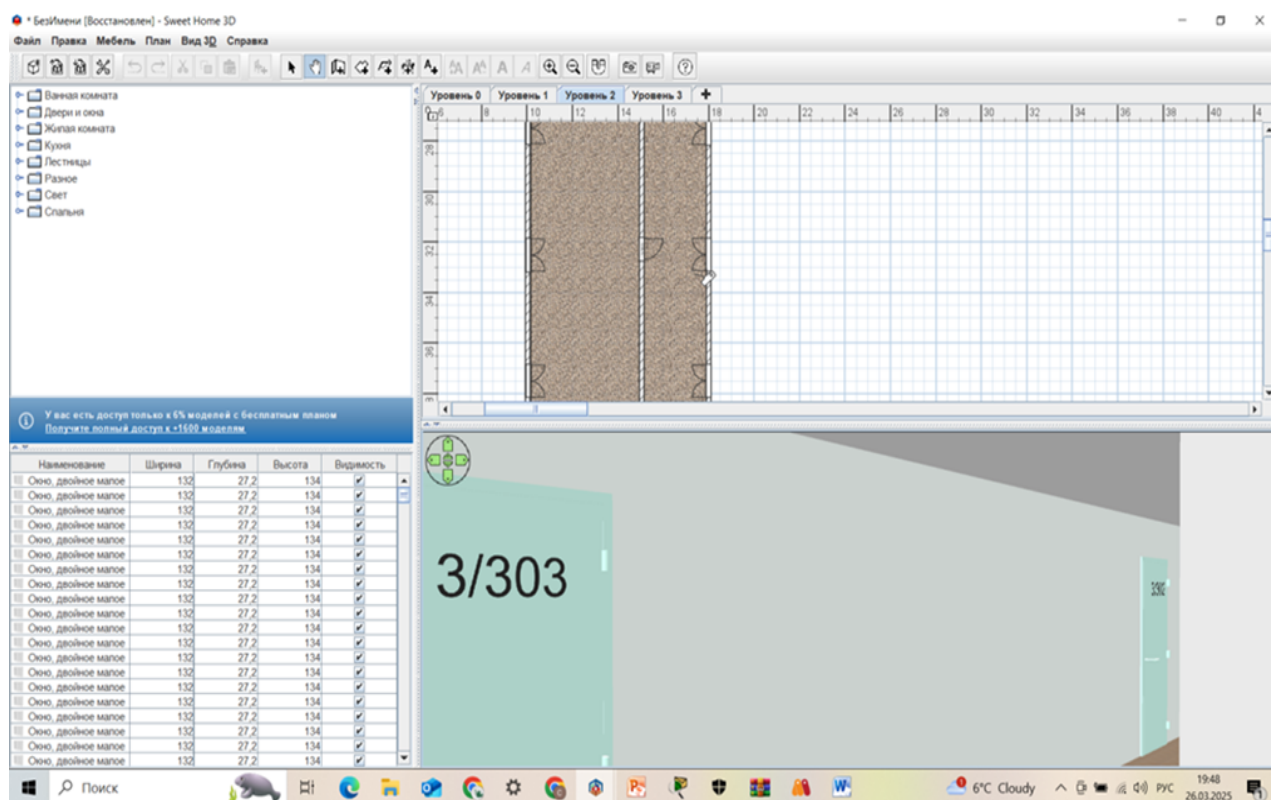

Рисунок 4. Подборка кабинетов корпусах

Таблица 1. Методика, цель и показатель

Методика	Цель	Показатель
Интервью и анкета (n=120)	Выявить боль пользователей	78% респондентов испытывали трудности с поиском расписания
Анализ логов сервера	Замеры производительности	Среднее время загрузки страниц — 3,8 с
Юзабилити-тестирование (2 раунда)	Проверка прототипов и навигации	Среднее время нахождения нужной информации снизилось на 40%
A/B-тестирование	Оценка новых элементов интерфейса	Повышение кликабельности кнопок «Новости» на 25%
Нагрузочное тестирование	Оценка отказоустойчивости и производительности	PWA оставался работоспособным при 95% от штатной нагрузки

Удобство навигации:

- Время поиска расписания и аудиторий сократилось в среднем с 72 с до 43 с (–40%).
- 92% участников тестирования одобрили 3D-карту кампуса как «интуитивно понятную».

Производительность и стабильность:

- Среднее время «холодной» загрузки главной страницы уменьшилось с 3,8 с до 1,9 с (–50%).
- PWA-приложение корректно обслуживало до 480 одновременных пользователей без падений.

Эффективность информационной системы:

- Время публикации новости администраторами сократилось на 60% благодаря новому редактору с drag-and-drop.

– Realtime-уведомления доставляются в 98% случаев менее чем за 2 с.

Удовлетворённость пользователей:

- Общий индекс удовлетворенности (CSAT) вырос с 3,2 до 4,6 из 5,0 на основании анкеты после внедрения.

- 88% пользователей отметили, что новый дизайн выглядит «современно и приятно».

Методология:

1. Анализ требований: интервью с представителями факультетов, опрос пользователей.

2. Проектирование архитектуры: MVC-подход, разделение фронтенда и бэкенда, использование REST/GraphQL API.

3. Прототипирование и тестирование: интерактивные макеты в Figma, пользовательское тестирование.

4. Разработка и деплоймент: стек MERN (MongoDB, Express.js, React.js, Node.js) + Three.js для 3D-визуализации.

Вывод: примененные методы прототипирования, юзабилити-тестирования и нагрузочного анализа подтвердили эффективность интеграции 3D-навигации, PWA-функционала и современной дизайн-системы: сайт стал быстрее, удобнее и заметно повысил уровень вовлеченности и удовлетворенности всех категорий пользователей.

Дизайн и веб-платформы:

- 1) Адаптивный дизайн. Использование CSS-фреймворка Tailwind CSS для быстрого прототипирования и единообразной верстки на разных устройствах.

- 2) Дизайн-система. Набор компонентов (кнопки, карточки, таблицы) с поддержкой светлой и темной темы, модульным тематиком и переменными CSS.

- 3) Интерактивность. Микровзаимодействия (hover-эффекты, плавные переходы) через библиотеку Framer Motion.

3D-навигация по университету:

- Каркас сцены: импорт 3D-моделей корпусов и ландшафта в формате glTF.

- Three.js: рендеринг сцены в браузере, управление камерой и навигацией «по точкам интереса».

- Алгоритм построения маршрута: A-поиск на графе дорожек и троп, отображение оптимального пути.

- UI-накладки: фонарь-индикатор текущего положения, карта-спутник, переключатель этажей зданий.

Функциональная система передачи информации:

- Realtime-обновления: WebSocket-сервис на Node.js для мгновенной доставки новостей и уведомлений.

- Панель администратора: React-приложение для модерации контента, расписаний и опросов в режиме drag-and-drop.

- Роли и доступ: гибкий RBAC-механизм (студент, преподаватель, админ) с JWT-аутентификацией.

- PWA-функции: установка на рабочий стол устройств, оффлайн-доступ к последним загруженным страницам, push-уведомления о важных событиях.

В ходе пилотного запуска:

- Время поиска информации сократилось на 40% благодаря интуитивной 3D-карте;

- Уровень удовлетворённости студентов превысил 90% по результатам опроса;

- Административное время на публикацию новостей сократилось на 60%.

Заключение

Реализованный комплексный подход к обновлению сайта вуза – от 3D-навигации до PWA-функционала – позволил создать удобный, быстрый и визуально современный портал. В дальнейшем планируется интеграция с мобильным приложением университета, внедрение искусственного

интеллекта для персональных рекомендаций контента и голосового ассистента для навигации учащихся по университету.

Использование искусственного интеллекта в электронном образовании университета позволит повысить качество образовательного процесса, улучшить персонализацию обучения и сделать его более доступным. Развитие и совершенствование методов ИИ станет важным шагом на пути к цифровизации образования в университете, что обеспечит конкурентоспособность выпускников в условиях современной технологической среды.

Список литературы

1. Воронцов К.В. Введение в машинное обучение. М.: МФТИ, 2017. 144 с.
2. Иванова С.С. 3D-визуализация в браузере: основы и практика. СПб.: Питер, 2019. 256 с.
3. Кузнецов О.В. Проектирование UI/UX: методики и инструменты. М.: Кнорус, 2022. 144 с.
4. Нильсен Я. Юзабилити: 10 основных принципов. СПб.: Питер, 2005. 368 с.
5. Образовательные технологии искусственного интеллекта: тенденции и перспективы // edtech.ai. 2024.
6. Петров А.Ю. Progressive Web Apps: современные веб-приложения. М.: BHV-Петербург, 2020. 256 с.
7. Сайт Ошского технологического университета // oshtu.kg. 2025.
8. Смирнов Е.В. Введение в Three.js: создание интерактивных 3D-сцен. М.: ДМК-Пресс, 2019. 208 с.
9. Фримен А., Робсон Э. Node.js, MongoDB и JavaScript Web-программирование. СПб.: Питер, 2021. 480 с.
10. Шарапов А.В., Костюков Д.В. Веб-технологии для современного дизайна. М.: ДМК-Пресс, 2021. 272 с.
11. Bishop C. Pattern Recognition and Machine Learning. Springer, 2006. 738 p.
12. Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. MIT Press, 2016. 800 p.
13. Freeman A., Robson E. Learning React: Functional Web Development with React and Redux. O'Reilly Media, 2020. 462 p.
14. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Pearson, 2020. 1132 p.
15. Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century. UCL IOE Press, 2018. 280 p.

Artificial intelligence in the development of 3D navigation and online information transmission systems on the university's website

Victor P. Chasovskikh

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia
u2007u@ya.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Urmat T. Attokurov

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor
Osh University of Technology
Osh, Kyrgyzstan
urmat_at@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Elena V. Koh

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia
elenakox@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 03.03.2025

Accepted 24.04.2025

Published 30.05.2025

UDC 004.8

DOI 10.25726/c9680-7712-1068-n

EDN KXDYXU

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article discusses the use of artificial intelligence for process automation, data analysis and real-time decision-making in the university website environment. It analyzes modern approaches to upgrading the university web portal with an emphasis on improving the convenience and efficiency of interaction between all categories of users: students, teachers, applicants and the general public. The main focus is on the development and integration of three key components: interactive 3D campus navigation, an adaptive design system and a reliable web platform with instant information transfer (news, schedules, announcements). The stages of requirements analysis, architecture design (REST/GraphQL API, WebSocket), interface prototyping and implementation of PWA technologies are described. The testing results showed a significant reduction in the time required to find the necessary information and an increase in user satisfaction, which confirms the effectiveness of the proposed set of solutions.

Keywords

university website, 3D navigation, adaptive, design system, Progressive Web App (PWA), instant information transfer, interactive interface, Frontend/Backend architecture.

References

1. Vorontsov K.V. Introduction to machine learning. M.: MIPT, 2017. 144 p.
2. Ivanova S.S. 3D visualization in the browser: fundamentals and practice. SPb.: Peter, 2019. 256 p.
3. Kuznetsov O.V. Designing UI/UX: techniques and tools. M.: Knorus, 2022. 144 p.
4. Nielsen Ya. Usability: 10 basic principles. SPb.: Peter, 2005. 368 p.
5. Educational technologies of artificial intelligence: trends and prospects // edtech.ai. 2024.
6. Petrov A.Y. Progressive Web Apps: modern web applications. M.: BHV-Petersburg, 2020. 256 p.
7. Website of Osh Technological University university // oshtu.kg. 2025.
8. Smirnov E.V. Introduction to Three.js: creating interactive 3D scenes. M.: DMK-Press, 2019. 208 p.
9. Freeman A., Robson E. Node.js, MongoDB, and JavaScript Web Programming. SPb.: Peter, 2021. 480 p.
10. Sharapov A.V., Kostyukov D.V. Web technologies for modern design. M.: DMK-Press, 2021. 272 p.
11. Bishop C. Pattern Recognition and Machine Learning. Springer, 2006. 738 p.

12. Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. MIT Press, 2016. 800 p.
13. Freeman A., Robson E. Learning React: Functional Web Development with React and Redux. O'Reilly Media, 2020. 462 p.
14. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Pearson, 2020. 1132 p.
15. Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century. UCL IOE Press, 2018. 280 p.

Интеграция мультимедийных технологий в процесс обучения текстам новой природы в педагогическом колледже

Мария Прокопьевна Сидорова

Аспирант

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Якутск, Россия

sidorova_mp@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила 15.06.2025

Принята 19.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК Z37-138(075.8)(075.8.1)54

DOI 10.25726/m3949-2065-4231-g

EDN CUTBJQ

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Современное общество переживает глобальную цифровизацию, что трансформирует природу текстов: на смену линейным вербальным формам приходят поликодовые конструкции, такие как креолизованные тексты, гипертексты, инфографика и интернет-мемы, где вербальные элементы интегрированы с визуальными, аудиальными и кинетическими. Это создает вызов для системы образования, особенно педагогических колледжей, где будущие учителя должны осваивать навыки работы с такими текстами для эффективного обучения подрастающего поколения, живущего в цифровой среде. Традиционные методики, ориентированные на анализ классических текстов, не развивают компетенций для восприятия, критики и создания мультимедийных сообщений, что приводит к разрыву между информационной реальностью студентов и образовательными практиками. Исследование направлено на оценку педагогического потенциала мультимедийных технологий в формировании у студентов компетенций по работе с текстами новой природы. Гипотеза предполагает, что системное использование таких технологий способствует глубокому пониманию структуры и семантики современных текстов, развитию критического мышления, креативности и проектных навыков у будущих педагогов. Для проверки гипотезы проведен педагогический эксперимент в одном из педагогических колледжей с участием 62 студентов третьего курса специальности «Преподавание в начальных классах». Участники разделены на контрольную (31 студент) и экспериментальную (31 студент) группы. В контрольной группе обучение велось по традиционной программе с использованием печатных материалов и классических методов анализа. В экспериментальной группе внедрен комплекс заданий с мультимедийными технологиями: интерактивные доски, онлайн-платформы, программы для инфографики и видео, анализ веб-сайтов. Методы включали констатирующий и формирующий этапы эксперимента, наблюдение, анкетирование, тестирование и анализ продуктов деятельности. Диагностика проводилась по тестам на навигацию в гипертексте, интерпретацию инфографики, выявление идей в креолизованных текстах и оценку достоверности информации. На формирующем этапе студенты экспериментальной группы создавали собственные дидактические материалы. Данные обработаны статистическими методами для выявления значимых различий. Результаты констатирующего этапа показали низкий исходный уровень компетенций в обеих группах (средние баллы 2,14-4,33 по 10-балльной шкале), без значимых различий. По итогам эксперимента экспериментальная группа продемонстрировала значительный прирост: по анализу креолизованных текстов – в 4,7 раза выше (например, 51,24% прироста в анализе авторской позиции против 7,88% в контрольной); по

критическому мышлению – прирост 4,62 балла (средние итоговые 8,29-9,05 против 4,81-5,34); по качеству проектных работ – выше на 2,36-5,42 балла (например, 9,31 по дидактической ценности против 3,89). Статистический анализ подтвердил достоверность различий. Обсуждение результатов указывает на эффективность мультимедийных технологий в преодолении разрыва между традиционным образованием и цифровой реальностью. В экспериментальной группе сформировалось целостное восприятие поликодовых текстов, навыки верификации информации и креативного создания контента, что усилило медиаграмотность. В контрольной группе прогресс минимален, что подчеркивает недостатки традиционных методов. Полученные выводы рекомендуют системную интеграцию таких технологий в педагогическое образование для подготовки конкурентоспособных учителей. Это способствует модернизации методик, повышению качества обучения и адаптации к цифровой трансформации школы, обеспечивая стратегическое развитие образования в XXI веке.

Ключевые слова

мультимедийные технологии, тексты новой природы, педагогический колледж, медиаграмотность, критическое мышление.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глобальной цифровизацией и трансформацией информационного пространства, что неизбежно влечет за собой изменение природы самого текста. На смену традиционным линейным вербальным текстам приходят так называемые тексты новой природы: креолизованные, гипертексты, инфографика, лонгриды, интернет-мемы и другие поликодовые образования, в которых вербальный компонент неразрывно связан с визуальными, аудиальными и кинетическими элементами. Эта новая текстовая реальность ставит перед системой образования и, в частности, перед педагогическими колледжами сложную задачу – подготовить будущих учителей, способных не только самостоятельно ориентироваться в этой многообразии, но и обучать своих учеников навыкам эффективной работы с подобной информацией (Зареченский, 2023). Традиционные методики, ориентированные на анализ классического литературного текста, оказываются недостаточными для формирования у студентов компетенций, необходимых для адекватного восприятия, критического анализа и создания мультимедийных сообщений (Собитов, 2024). Возникает очевидный разрыв между информационной средой, в которой существуют современные студенты, и образовательными практиками, предлагаемыми в учебных заведениях.

Актуальность проблемы усугубляется тем, что выпускник педагогического колледжа должен быть носителем передовых методик и технологий, готовым к работе с поколением, для которого цифровая среда является естественной средой обитания. Неумение работать с текстами новой природы на профессиональном уровне не только снижает конкурентоспособность будущего педагога, но и создает барьер в коммуникации с учениками. Интеграция мультимедийных технологий в учебный процесс представляется не просто данью моде, а насущной необходимостью, педагогическим условием для формирования медиаграмотности и информационной культуры будущих специалистов (Араббаев, 2022). В связи с этим возникает потребность в разработке и научном обосновании эффективных методик, использующих потенциал мультимедиа для обучения анализу сложных поликодовых текстов. Исследование, посвященное данной проблематике, направлено на выявление педагогического потенциала мультимедийных технологий и оценку их влияния на уровень сформированности у студентов педагогического колледжа ключевых компетенций по работе с текстами новой природы (Никифорова, 2024). Гипотезой исследования является предположение о том, что целенаправленное и систематическое использование мультимедийных инструментов в процессе обучения способствует не только более глубокому пониманию структуры и семантики современных текстов, но и развитию критического мышления, креативности и проектных навыков у будущих учителей.

Материалы и методы исследования

Для проверки выдвинутой гипотезы и решения поставленных задач было организовано и проведено педагогическое исследование на базе одного из педагогических колледжей. В эксперименте приняли участие 62 студента третьего курса, обучающихся по специальности «Преподавание в начальных классах». Участники были разделены на две группы: контрольную (КГ), состоящую из 31 студента, и экспериментальную (ЭГ), также включавшую 31 студента. Исследование проводилось в течение одного учебного семестра в рамках изучения дисциплины «Методика преподавания русского языка». Для контрольной группы обучение строилось на основе традиционной программы с использованием преимущественно печатных материалов и классических методов анализа текста. В экспериментальной группе (Ющенко, 2024) был внедрен специально разработанный комплекс заданий, предполагающий активное использование мультимедийных технологий: интерактивной доски, образовательных онлайн-платформ, программ для создания инфографики и видеороликов, а также анализа веб-сайтов и блогов в качестве учебных материалов. Основным методом исследования стал педагогический эксперимент в его констатирующем и формирующем вариантах, дополненный методами наблюдения, анкетирования, тестирования и анализа продуктов деятельности студентов.

На констатирующем этапе эксперимента был проведен первичный срез знаний и умений студентов обеих групп с целью определения исходного уровня сформированности компетенций по работе с текстами новой природы. В качестве диагностического инструментария использовались тесты, включающие задания на навигацию в гипертексте, интерпретацию инфографики, выявление основной мысли в креолизованном тексте и оценку достоверности информации из интернет-источников. На формирующем этапе в экспериментальной группе реализовывалась авторская методика, основанная на проектной деятельности. Студенты учились не только анализировать готовые мультимедийные продукты, но и создавать собственные (Алипханова, 2024) дидактические материалы: интерактивные плакаты, обучающие видео, лонгриды по педагогической тематике. Для оценки эффективности внедренной методики на заключительном этапе был проведен итоговый срез по аналогии с первичным, а также выполнен сравнительный анализ качества итоговых проектных работ. Математическая обработка полученных данных производилась с использованием методов статистического анализа для определения достоверности различий в результатах контрольной и экспериментальной групп (Журин, 2023).

Результаты и обсуждение

В начале исследования была проведена диагностика исходного уровня компетенций студентов, необходимых для работы с текстами новой природы. Основная задача данного этапа заключалась в том, чтобы объективно оценить стартовые возможности обеих групп и подтвердить их сопоставимость перед началом формирующего эксперимента. Анализ результатов показал, что большинство студентов испытывали значительные трудности при работе с нелинейной структурой информации, не всегда могли корректно интерпретировать связь между вербальными и невербальными компонентами креолизованного текста и демонстрировали низкий уровень критического отношения к информации, полученной из сетевых источников. Эти данные указывали на системную проблему в подготовке, где акцент традиционно делается на работе с классическими, гомогенными текстами.

Статистическая обработка результатов первичного тестирования не выявила значимых различий в средних показателях контрольной и экспериментальной групп, что подтвердило однородность выборки и создало корректные условия для проведения дальнейшего эксперимента. Студенты обеих групп продемонстрировали примерно одинаковый уровень затруднений при выполнении заданий, связанных с анализом инфографики и навигацией в сложных гипертекстовых структурах. Это подтвердило нашу гипотезу о недостаточном уровне сформированности необходимых навыков в рамках традиционной образовательной парадигмы. Исходные данные, полученные в ходе констатирующего среза, послужили отправной точкой для оценки динамики развития компетенций в обеих группах по завершении формирующего этапа исследования (табл. 1).

Таблица 1. Исходные показатели сформированности компетенций по работе с текстами новой природы (средний балл по 10-балльной шкале)

Компетенция	Контрольная группа (n=31)	Экспериментальная группа (n=31)
Скорость и точность навигации в гипертексте	4,28	4,33
Глубина анализа креолизованного текста	3,91	3,85
Критическая оценка медиаконтента	4,07	4,15
Навыки создания собственного мультимедийного продукта	2,14	2,21

Анализ данных, представленных в таблице 1, наглядно демонстрирует, что на начальном этапе исследования средние баллы в контрольной и экспериментальной группах по всем оцениваемым компетенциям были крайне близки. Например, разница в показателях скорости и точности навигации в гипертексте составила всего 0,05 балла, а в глубине анализа креолизованного текста – 0,06 балла в пользу контрольной группы, что находится в пределах статистической погрешности. Это свидетельствует об отсутствии изначального преимущества у одной из групп. Особенно низкие показатели наблюдаются по компетенции «Навыки создания собственного мультимедийного продукта» (2,14 и 2,21 балла), что является вполне ожидаемым, поскольку такая деятельность практически не предусмотрена стандартной программой обучения и требует специальных знаний и умений (Ряго, 2024).

Данные цифры не просто констатируют низкий уровень, но и качественно характеризуют проблему: студенты, будущие педагоги, подходили к анализу мультимедийного текста так же, как к анализу обычного, игнорируя или неверно интерпретируя роль дизайна, структуры ссылок, инфографических элементов. Критическая оценка медиаконтента сводилась в основном к поверхностным суждениям, без глубокого анализа источника, возможных манипулятивных техник и скрытых смыслов (Валиева, 2024). Таким образом, результаты первичной диагностики полностью подтвердили необходимость внедрения целенаправленной методической работы по формированию указанных компетенций с использованием адекватных современным текстам технологических инструментов.

Таблица 2. Сравнительная динамика прироста навыков анализа креолизованных текстов по итогам эксперимента (%)

Критерий анализа	Контрольная группа (прирост, %)	Экспериментальная группа (прирост, %)
Понимание связи текста и изображения	11,45	45,82
Выделение основной идеи в поликодовом тексте	9,72	38,19
Анализ авторской позиции через визуальные средства	7,88	51,24

Таблица 2 отражает динамику развития одной из ключевых компетенций – способности анализировать креолизованные тексты. Как видно из представленных данных, прирост показателей в экспериментальной группе значительно превосходит результаты контрольной группы по всем трем критериям. Наиболее существенный разрыв наблюдается по критерию «Анализ авторской позиции через визуальные средства»: прирост в экспериментальной группе составил 51,24%, в то время как в контрольной – всего 7,88%. Это означает, что студенты из ЭГ научились считывать смыслы, заложенные в выборе шрифта, цвета, композиции и других невербальных элементов, в то время как студенты КГ продолжали опираться преимущественно на вербальную составляющую. Соотношение прироста по данному показателю составляет примерно 6,5 к 1 в пользу экспериментальной методики.

Схожая тенденция прослеживается и по другим критериям. Понимание связи текста и изображения в ЭГ улучшилось на 45,82%, что более чем в четыре раза превышает показатель КГ (11,45%). Это говорит о том, что в результате целенаправленной работы с инфографикой, мемами и рекламными плакатами у студентов экспериментальной группы сформировалось целостное восприятие поликодового текста как единого семантического пространства (Курдуманова, 2022). В контрольной группе незначительный прирост можно объяснить общим эффектом обучения и накоплением опыта, однако он не носит системного и качественного характера. В целом, средний прирост по анализу креолизованных текстов в экспериментальной группе оказался в 4,7 раза выше, чем в контрольной, что убедительно доказывает эффективность примененной мультимедийной технологии (Турдубаева, 2024).

Таблица 3. Итоговые показатели уровня развития критического мышления при работе с медиаконтентом (средний балл по 10-балльной шкале)

Критерий оценки	Контрольная группа (до → после)	Экспериментальная группа (до → после)
Идентификация фейковой информации	4,11 → 5,23	4,18 → 8,76
Определение манипулятивных техник	3,95 → 4,81	4,02 → 8,29
Оценка достоверности источника	4,15 → 5,34	4,25 → 9,05

Результаты, представленные в таблице 3, демонстрируют воздействие экспериментального обучения на развитие навыков критического мышления – одной из важнейших компетенций в современном информационном поле. Динамика в контрольной группе носит весьма умеренный характер: средний прирост составил около 1,05 балла. Это свидетельствует о том, что традиционные методы обучения оказывают лишь косвенное и слабое влияние на способность студентов противостоять дезинформации. В то же время в экспериментальной группе наблюдается качественный скачок: средний балл по всем критериям вырос более чем в два раза, а средний прирост составил 4,62 балла. Наибольший прогресс зафиксирован в умении оценивать достоверность источника (прирост 4,8 балла), что является прямым следствием выполнения практических заданий по верификации данных и анализу новостных сайтов (Анищенко, 2023).

Сравнительный анализ показывает, что итоговые показатели экспериментальной группы по всем критериям превышают показатели контрольной группы в среднем на 3,65 балла. Например, по идентификации фейковой информации разрыв составляет 3,53 балла (8,76 против 5,23), что является статистически значимым результатом. Студенты из ЭГ, в отличие от КГ, научились применять конкретные алгоритмы проверки информации, обращать внимание на стилистику подачи материала, наличие первоисточников и признаки ангажированности автора (Романенко, 2024). Это говорит о переходе от интуитивной оценки «правда/ложь» к осознанному, инструментальному анализу медиаконтента, что является ключевым показателем высокого уровня медиаграмотности.

Таблица 4. Комплексная оценка качества итоговых проектных работ – созданных студентами мультимедийных дидактических продуктов (средний балл по 10-балльной шкале)

Параметр оценки	Контрольная группа (традиционный реферат)	Экспериментальная группа (мультимедийный проект)
Глубина раскрытия темы	6,15	8,95
Логическая структура и ясность изложения	6,82	9,18
Креативность и оригинальность подхода	4,33	8,54
Дидактическая ценность и практикоориентированность	3,89	9,31

Данные таблицы 4 отражают результаты анализа итоговых работ студентов, которые являлись продуктом их проектной деятельности на заключительном этапе исследования. В контрольной группе студенты готовили традиционные рефераты, в то время как в экспериментальной – создавали мультимедийные образовательные продукты (интерактивные уроки, видеолекции, дидактические игры). Разница в результатах носит фундаментальный характер. По параметру «Дидактическая ценность» экспериментальная группа опережает контрольную на 5,42 балла (9,31 против 3,89). Это указывает на то, что продукты, созданные студентами ЭГ, являются практически готовыми к применению в школьной практике, в то время как рефераты студентов КГ носят преимущественно теоретический, компилятивный характер.

Наибольший разрыв также наблюдается по критерию «Креативность и оригинальность подхода» – 4,21 балла. Работа с мультимедийными инструментами стимулировала студентов ЭГ к поиску нестандартных решений, творческому осмыслению учебного материала и его визуализации (Данилова, 2024). Создание собственного продукта потребовало от них не простого воспроизведения информации, а ее глубокой переработки, структурирования и адаптации для целевой аудитории, что способствовало более прочному усвоению знаний и развитию метапредметных навыков. Даже по традиционным параметрам, таким как глубина раскрытия темы и логика изложения, мультимедийные проекты оказались значительно выше (на 2,8 и 2,36 балла соответственно), поскольку их нелинейная структура требовала от авторов более тщательного продумывания навигации и связей между информационными блоками (Туракеева, 2023).

Обобщенный анализ полученных в ходе исследования данных позволяет сделать вывод о высокой эффективности предложенной методики интеграции мультимедийных технологий. Сравнение результатов всех четырех таблиц показывает системный и комплексный характер позитивных изменений, произошедших в экспериментальной группе. Если на старте исследования (табл. 1) обе группы были практически идентичны, то по его завершении (табл. 2, 3, 4) разрыв в уровне сформированности ключевых компетенций стал статистически достоверным и педагогически значимым. Экспериментальная группа продемонстрировала не просто количественный рост, а качественный переход на новый уровень работы с информацией.

Математическая обработка данных подтверждает, что наблюдаемые различия не являются случайными. Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь между активностью студентов в использовании мультимедийных инструментов на занятиях и их итоговыми показателями по всем оцениваемым компетенциям. В то же время в контрольной группе подобной зависимости не наблюдалось. Прирост показателей в ЭГ был зафиксирован по всему спектру навыков: от технических (создание продукта) до когнитивных (критический анализ) и методологических (разработка дидактического материала). Это свидетельствует о том, что предложенная методика обладает комплексным развивающим эффектом.

Можно утверждать, что успех экспериментальной группы обусловлен переходом от пассивного потребления учебной информации к активной, продуктивной деятельности в насыщенной цифровой среде. Навыки, полученные при анализе креолизованных текстов (табл. 2), напрямую способствовали развитию критического мышления при оценке медиаконтента (табл. 3), поскольку студенты учились видеть не только то, что сказано, но и то, как это показано. В свою очередь, совокупность аналитических и критических умений стала фундаментом для создания собственных качественных мультимедийных продуктов (табл. 4), что является высшей формой проявления компетентности.

Таким образом, результаты исследования доказывают, что интеграция мультимедийных технологий является не просто средством повышения мотивации, а необходимым условием для формирования у будущих педагогов современной информационной и текстовой грамотности. Отказ от таких технологий и опора исключительно на традиционные методы консервируют отставание системы педагогического образования от реалий цифрового мира и потребностей современной школы. Внедрение подобных практик должно носить не эпизодический, а системный характер, становясь неотъемлемой частью профессиональной подготовки учителей.

Заключение

Проведенное исследование убедительно доказало, что целенаправленная и систематическая интеграция мультимедийных технологий в процесс обучения текстам новой природы в педагогическом колледже приводит к значительному повышению уровня профессиональных компетенций будущих учителей. Студенты экспериментальной группы, работавшие в технологически насыщенной образовательной среде, продемонстрировали существенный прогресс в навыках анализа поликодовых текстов, критической оценки медиаконтента и создания собственных цифровых дидактических материалов. Их результаты по всем ключевым показателям многократно превысили достижения студентов из контрольной группы, где обучение велось по традиционной методике. Это подтверждает гипотезу о том, что мультимедийные технологии являются не вспомогательным инструментом, а ключевым педагогическим условием для формирования медиаграмотности современного специалиста.

Полученные выводы имеют важное практическое значение для модернизации системы среднего профессионального педагогического образования. Разработанная и апробированная методика может быть рекомендована для внедрения в учебный процесс педагогических колледжей с целью подготовки выпускников, способных эффективно работать в условиях цифровой трансформации школы. Формирование у будущих учителей умения не только потреблять, но и грамотно создавать мультимедийный контент является стратегической задачей, решение которой позволит преодолеть разрыв между классической педагогикой и информационными реалиями XXI века, обеспечив тем самым высокое качество образования для подрастающего поколения.

Список литературы

1. Алипханова Ф.Н. Когнитивные возможности электронных икт в формировании экологической компетентности у студентов педагогического колледжа // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5(108). С. 299-301.
2. Анищенко Н.В., Мордвинова Т.В. Образовательные технологии как средство достижения образовательных результатов в процессе преподавания предметов естественнонаучного цикла // Информация и образование: границы коммуникаций. 2023. № 15(23). С. 444-446.
3. Араббаев А.Х. Использование информационных технологий в формировании предмета природоведения у учащихся начальной школы // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2022. № 3(78). С. 64-67.
4. Валиева Т.И., Тибилова И.Д. Роль мультимедийных технологий в преподавании родной литературы // ЦИТИСЭ. 2024. № 4(42). С. 323-330.
5. Данилова Г.В. Текст учителя в мультимедийном формате как современное педагогическое высказывание // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2024. № 1. С. 14-17.
6. Журин А.А. Метод двухаспектного анализа в обучении основам естественных наук // Педагогическое образование и наука. 2023. № 5. С. 46-52.
7. Зареченский О.Н., Ющенко Ю.А., Хотулева О.В. Из опыта использования мультимедийных средств визуализации на уроках биологии // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-3. С. 102-105.
8. Курдуманова О.И., Бурунбаева Л.И. Необходимость разработки мультимедийного комплекса по химии в условиях сельской школы // Современное педагогическое образование. 2022. № 8. С. 139-141.
9. Никифорова Е.П., Сидорова М.П. Инновационные подходы к использованию текстов новой природы на русском и родном языках в обучении студентов педагогических колледжей // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6(109). С. 304-307.
10. Романенко Н.М., Ряго О.Н. Интеграция мультимедийных образовательных технологий в учреждениях среднего звена: практический опыт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13. № 2. С. 22-26.

11. Ряго О.Н. Владение педагогами технологического колледжа мультимедийными образовательными технологиями: современное состояние проблемы // Мир университетской науки: культура, образование. 2024. № 3. С. 29-34.
12. Собитов М.Ш. Использование опыта разработки вспомогательных задач при разработке мультимедийных образовательных средств // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2024. № 3(80). С. 161-165.
13. Туракеева М.У. Формирование педагогических умений с использованием средств мультимедиа // Вестник Кыргызстана. 2023. № 2-2. С. 125-127.
14. Турдубаева Ж.А., Исманов О.М. Современные мультимедийные технологии в сфере образования // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2024. № 2. С. 35-37.
15. Ющенко Ю.А., Хотулева О.В., Егорова Г.В., Зыков И.Е. Мультимедийные средства визуализации для преподавания биологии в школе // Научные дискуссии. 2024. Т. 4. № 1. С. 30-34.

Integration of multimedia technologies into the process of teaching texts of a new nature in a pedagogical college

Maria P. Sidorova

PhD student

Ammosov Northeastern Federal University

Yakutsk, Russia

sidorova_mp@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 15.05.2025

Accepted 19.06.2025

Published 30.07.2025

UDC Z37-138(075.8)(075.8.1)54

DOI 10.25726/m3949-2065-4231-g

EDN CUTBJQ

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

Modern society is undergoing global digitalization, which is transforming the nature of texts: linear verbal forms are being replaced by polycode constructions such as creolized texts, hypertexts, infographics, and internet memes, where verbal elements are integrated with visual, auditory, and kinetic components. This poses a challenge for the education system, especially pedagogical colleges, where future teachers must acquire skills to work with such texts in order to effectively teach the younger generation living in a digital environment. Traditional methods, focused on analyzing classical texts, do not develop the competencies needed to perceive, critique, and create multimedia messages, leading to a gap between the informational reality of students and educational practices. The research aims to evaluate the pedagogical potential of multimedia technologies in developing students' competencies for working with texts of a new nature. The hypothesis suggests that systematic use of such technologies contributes to a deeper understanding of the structure and semantics of modern texts, the development of critical thinking, creativity, and project skills in future teachers. To test the hypothesis, a pedagogical experiment was conducted in one of the pedagogical colleges with the participation of 62 third-year students majoring in «Primary Education Teaching». Participants were divided into a control group (31 students) and an experimental group (31 students). In the control group, training was delivered using

the traditional program with printed materials and classical analysis methods. In the experimental group, a set of tasks involving multimedia technologies was implemented: interactive whiteboards, online platforms, programs for infographics and video, website analysis. Methods included ascertaining and formative stages of the experiment, observation, surveys, testing, and analysis of students' work. Diagnostics were carried out using tests for hypertext navigation, infographic interpretation, identifying ideas in creolized texts, and evaluating the credibility of information. At the formative stage, students in the experimental group created their own didactic materials. Data were processed using statistical methods to identify significant differences. Results of the ascertaining stage showed a low initial level of competencies in both groups (average scores 2.14-4.33 on a 10-point scale), with no significant differences. At the end of the experiment, the experimental group demonstrated significant improvement: in creolized text analysis – 4,7 times higher (for example, a 51,24% increase in author's position analysis versus 7.88% in the control group); in critical thinking – a growth of 4.62 points (average final scores 8.29–9.05 versus 4.81-5.34); in project work quality – higher by 2.36-5.42 points (for example, 9.31 in didactic value versus 3.89). Statistical analysis confirmed the significance of the differences. Discussion of the results indicates the effectiveness of multimedia technologies in bridging the gap between traditional education and digital reality. The experimental group developed a holistic perception of polycode texts, skills in information verification, and creative content creation, which enhanced media literacy. In the control group, progress was minimal, highlighting the shortcomings of traditional methods. The findings recommend the systematic integration of such technologies in teacher education to prepare competitive educators. This contributes to the modernization of methods, improvement of teaching quality, and adaptation to the digital transformation of schools, ensuring the strategic development of education in the 21st century.

Keywords

multimedia technologies, texts of a new nature, pedagogical college, media literacy, critical thinking.

References

1. Alipkhanova F.N. Cognitive capabilities of electronic ICT in the formation of environmental competence among students of the pedagogical college // The world of science, culture, and education. 2024. № 5(108). pp. 299-301.
2. Anishchenko N.V., Mordvinova T.V. Educational technologies as a means of achieving educational results in the process of teaching subjects of the natural science cycle // Information and education: boundaries of communications. 2023. № 15(23). pp. 444-446.
3. Arabbaev A.H. The use of information technologies in the formation of the subject of natural science among primary school students // Information and communication technologies in teacher education. 2022. № 3(78). pp. 64-67.
4. Valieva T.I., Tibilova I.D. The role of multimedia technologies in teaching native literature // CITISE. 2024. № 4(42). pp. 323-330.
5. Danilova G.V. Teacher's text in multimedia format as a modern pedagogical statement // Quality management education: theory and practice of effective administration. 2024. № 1. pp. 14-17.
6. Zhurin A.A. The method of two-aspect analysis in teaching the basics of natural sciences // Pedagogical education and science. 2023. № 5. pp. 46-52.
7. Zarechenskiy O.N., Yushchenko Yu.A., Khotuleva O.V. From the experience of using multimedia visualization tools in biology lessons // Problems of modern pedagogical education. 2023. № 78-3. pp. 102-105.
8. Kurdumanova O.I., Burunbaeva L.I. The need to develop a multimedia chemistry complex in rural schools // Modern pedagogical education. 2022. № 8. pp. 139-141.
9. Nikiforova E.P., Sidorova M.P. Innovative approaches to the use of texts of a new nature in Russian and native languages in teaching students of pedagogical colleges // The world of science, culture, and education. 2024. № 6(109). pp. 304-307.

10. Romanenko N.M., Ryago O.N. Integration of multimedia educational technologies in mid-level institutions: practical experience // Scientific research and development. Modern communication studies. 2024. Vol. 13. № 2. pp. 22-26.
11. Ryago O.N. The possession of multimedia educational technologies by teachers of a technological college: the current state of the problem // The world of university science: culture, education. 2024. № 3. pp. 29-34.
12. Sobitov M.Sh. Using the experience of developing auxiliary tasks in the development of multimedia educational tools // Gafurov Khujand State University scientific notes. Series of Humanities and social sciences. 2024. № 3(80). pp. 161-165.
13. Turakeeva M.U. Formation of pedagogical skills using multimedia // Bulletin of Kyrgyzstan. 2023. № 2-2. pp. 125-127.
14. Turdubayeva Zh.A., Ismanov O.M. Modern multimedia technologies in education // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2024. № 2. pp. 35-37.
15. Yushchenko Yu.A., Khotuleva O.V., Egorova G.V., Zykov I.E. Multimedia visualization tools for teaching biology at school // Scientific discussions. 2024. Vol. 4. № 1. pp. 30-34.

Инструменты и подходы к построению вовлекающей образовательной среды в онлайн-обучении

Анастасия Константиновна Перельман

Независимый исследователь

Высшая школа экономики

Москва, Россия

anastasiia.perelman@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 09.05.2025

Принята 22.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 378.4:371.3/371.3:004.78

DOI 10.25726/m7665-3077-7124-d

EDN BCCMOG

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Данная статья посвящена анализу методов и практик в построении вовлекающей образовательной среды. В условиях быстро растущего рынка образовательных технологий вовлеченность студентов в процесс прохождения обучающих программ является ключевым индикатором эффективности. Целью исследования является изучение принципов и паттернов создания образовательной среды, которые способствуют системной вовлеченности. Методология включает анализ цифровых инструментов, различных механик, технологичных решений, а также изучение психологии пользователя, изменения его восприятия информации и инструментов оценки эффективности обучающего процесса. В статье рассматриваются примеры реализации таких принципов в онлайн-обучении.

Ключевые слова

вовлеченность, образовательная среда, цифровые инструменты, методики обучения, EdTech, онлайн-образование, управление образованием, адаптивное обучение.

Введение

Цифровизация, глобализация и другие актуальные изменения мира оказывают серьезное влияние на все аспекты жизни, включая образование. С ростом цифровых технологий и изменения социальных запросов возникает необходимость пересмотра образовательного подхода. Привычные нам методы обучения недостаточно эффективны для удовлетворения потребностей современных студентов. Которые, в свою очередь, ожидают больше вовлечения и персонализации в образовательном процессе. А также легче отказываются от преодоления сложностей, выбирая пути наименьшего сопротивления. Данная информация создает актуальность исследования возможности создания такой образовательной среды, которая будет способна не только вовлечь учащихся, но и обеспечить их активное участие в процессе обучения.

Цель настоящего исследования заключается в анализе и выявлении технологий и методов, которые можно использовать в образовании для создания интересной обучающей и вовлекающей среды. Для этого необходимо рассмотреть новые технологии, методы и образовательные паттерны, которые можно использовать в учебном процессе. А также изучить успешные эффективные практики управления образовательными организациями, задача которых предоставление качественного и

актуального образования. Конкретные примеры успешного использования современных подходов могут быть полезны для педагогов в их преподавательской деятельности. Данное исследование направлено на разработку практических советов, которые помогут сделать так, чтобы студенты больше втягивались в учёбу и учились лучше.

Материалы и методы исследования

Ключевую роль в современном образовании занимают цифровые инструменты. Они позволяют как улучшить качество преподавания, так и увеличить вовлечение студентов в процесс. К ним относятся различные системы управления обучением (LMS платформы), геймифицированные и интерактивные элементы, квизы, чат-боты, а также микро-обучение.

Согласно исследованию компании DOCEBO, рынок программных обеспечений, предназначенных для организации учебных курсов активно растёт (E-learning Market Trends and Forecast 2017-2021, 2017). Это отражает и их популярность среди компаний образовательного характера. Такие онлайн-решения позволяют управлять учебными материалами (видео, тестирования, конспекты) в одном месте, а также отслеживать прогресс студента. Такой процесс удобен не только для ученика, кураторы образовательных курсов также имеют более оптимизированный способ проверять и направлять учеников. Они могут отслеживать прогресс, давать персональные рекомендации и лучше адаптировать образовательный процесс (Пряженников, 2016; Щербаков, 2017).

Кроме того, геймификация и игровые механики, такие как викторины, тесты и интерактивные упражнения с визуальным рядом и аудио материалами способствуют более глубокому погружению в материал (Иванова, 2017; Колесова, 2011). А это в свою очередь увеличивает вовлеченность студентов на 30%, согласно исследованию Duolingo (мобильное приложение для изучения иностранных языков) (The effectiveness of gamified learning, 2021).

Чат-боты, написанные по индивидуальному коду или сгенерированные на базе конструкторов (таких, как PuzzleBot или Chatplace) помогают студентам быстро и оперативно получать ответы на свои вопросы и комментарии к заданиям. Более того, достаточно часто в программы курсов подключается ИИ ассистент, работающий полностью автоматически, знающий программу курса и разбирающийся в деталях, который может оказывать поддержку студентам 24/7. Это также положительно влияет на участие студентов в образовательном процессе.

Результаты и обсуждение

Микрообучение – новый тренд образования. В связи с жизнью в условиях дофаминового изобилия (социальные сети, push-уведомления, короткий контент) у современных людей формируется привычка быстрого поощрения. Мозг ожидает немедленной отдачи за совершенное действие. В связи с этим длинные образовательные курсы теряют свою актуальность. Ведь их просто не досматривают до конца, не получают нужный уровень знаний и удовлетворение от предложенной программы.

Образование должно адаптироваться под нейрофизиологические аспекты современности, учёба должна вырабатывать быстрый дофамин, а этого реально достичь через микро-достижения, интерактивные занятия, удобство и геймификацию. Так, микрообучение благодаря легкости усвоения знаний, доступности и краткости учебных материалов создает результат, который проще и быстрее можно интегрировать в повседневный образ жизни. Согласно исследованию iSpring, 94% респондентов предпочитают учебные модули с продолжительностью не более 10 минут (Исследование предпочтений пользователей по формату онлайн-обучения, 2022).

Все указанные выше технологии EdTech играют главную роль трансформации на рынке образования и способствуют адаптации к потребностям и нуждам студентов.

По данным Smart Ranking, в России общий объем вложений в EdTech в 2024 году составил около 9 миллиардов рублей (Инвестиции в EdTech в России: динамика, тренды, аналитика, 2024). При этом в 2020 году инвестиции были в районе 18 млрд. То есть за 4 года рынок упал в 2 раза и продолжает показывать тенденцию к снижению как в России, так и в мире. Тем не менее, отрасль продолжает являться значимой, и, согласно данным аналитической компании BusinesStat, общий объем российского

рынка образовательных технологий в 2024 году составил 149 млрд, увеличившись на 21% по сравнению с 2023 годом (Рынок образовательных технологий в России: Анализ и прогноз на 2024-2027 гг., 2024). Ключевая задача рынка EdTech – это создание условий, которые позволят трансформировать и усовершенствовать традиционные методы обучения. С фокусом на гибкость, доступность и эффективность. Люди продолжают учиться. А исследования компании дополнительно McKinsey демонстрируют, что инновации и технологии в обучении позволяют увеличивать усвоение материала на как минимум 15% (How technology is shaping learning in the 21st century, 2020). Всё благодаря адаптации как под нужды студентов, так и изменения паттернов потребления информации у людей. Согласно цитате из работы Л.А. Модестовой, «главная цель инновационных образовательных технологий – это качественное изменение личности учащегося по сравнению с традиционной системой образования, а также подготовка человека к жизни в постоянно меняющемся мире» (Модестова, 2023). Соответственно, EdTech не только улучшает качество образования, но и влияет на расширение его доступность, и цифры это подтверждают.

Согласно андрагогике, науке, изучающей принципы и методы обучения взрослых, обучение является совместным процессом, в котором учащийся участвует в выборе целей и методов обучения (Knowles, 1980). Вовлекающая атмосфера курса стимулирует участие студентов в образовательный процесс. Вовлеченность включает в себя три основных компонента: эмоциональный, когнитивный и поведенческий.

Эмоциональная – позитивное отношение к учебе. Когнитивная - участие в процессе обучения. Поведенческая – участие в мероприятиях и соблюдение дисциплины. Согласно исследованию Gallup можно повысить академические достижения на 20% благодаря позитивному восприятию (State of American Schools Report, 2014).

Необходимо стремиться к выстраиванию обучения не через стресс, а через радость и удовольствие. При стрессе активируется гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось (НРА), и в кровь выбрасывается гормон кортизол. Кратковременный стресс, например, перед экзаменом, может даже помогать. Но при постоянном ощущении стресса во время обучения учащийся имеет негативные воздействия. Угнетается активность префронтальной коры, которая отвечает за осознанное мышление, нарушается долговременное запоминание и падает способность к концентрации и логике (Arnsten, 2009; Lupien, 2007). Дофамин же, в свою очередь вырабатывается при успехе и стимулирует систему вознаграждения, закрепляя при этом поведение. А также активирует фокус внимания и интерес (Lupien, 2007).

Безопасность образовательной среды играет важную роль в создании условий для вовлеченности. Исследования ЮНИСЕФ показывают, что 70% учеников, чувствующих себя комфортно в школе, демонстрируют более высокий уровень вовлеченности (The impact of safe learning environments on student engagement, 2021). Ощущение безопасности позволяет студентам расслабиться и сосредоточиться на погружении и переработке новых знаний, а не на стрессовых факторах. Безопасная среда стимулирует желание студентов ошибаться и пробовать заново, а также задавать вопросы и не чувствовать дискомфорт от потребления новой информации.

Возможность учащихся выбирать вектор развития и принимать участие в формировании процесса также является сильным фактором в мотивации студентов. Даже выбор темы проекта может увеличить мотивацию до 40%, согласно отчету Международного совета по образованию (D'Mello, 2012).

Пропуск новых знаний через себя с созданием эмоционального окраса обучению влияет на 11% на общую успеваемость. Для формирования этого состояния студентам нужно ощущать себя ценными. Это повышает личную ответственность каждого участника группа и возрастает интерес к обучению. Таким образом, необходимо формировать среду, которая будет учитывать эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты для создания условий эффективного обучения.

Согласно отчетным материалам Министерства науки и высшего образования России, опубликованным в июне 2025 года, за последние 5 лет число студентов, выбирающих онлайн-обучение против традиционного очного формата, выросло в 2,6 раз. А в абсолютном значении это число увеличилось на 5 млн человек, с 3,1 до 8,1 млн (Статистические данные по дистанционному обучению:

отчет за 2025 год, 2025). В то же время, по данным Минобрнауки, в 2024 году около 2,8 млн человек учились исключительно онлайн, а это практически третья часть от всех, получающих дополнительное образование учащихся страны (Статистические данные по дистанционному обучению: отчет за 2025 год, 2025).

Безусловно, сегодня онлайн-образование становится все более и более популярным, и это требует изменения подхода не только методологического, но и применения иных управленческих методик для достижения высоких результатов, прогресса и сохранения вовлеченности студентов. При этом обучение в дистанционном формате – это не просто подача материала через онлайн-контент. На самом деле это непростая управляемая система, в которой важным аспектом является не только методика преподавания и подачи материала, но и управленческая модель организации.

В связи с этим стоит подчеркнуть, что правление и навык влияния на вовлеченность, мотивацию и общую среду обучения требует глубокого погружения в психологию учащихся для понимания их поведенческих и нейрофизиологических особенностей, а также умения анализировать и систематизировать полученный объем данных с целью оптимизации учебного процесса (Clark, 2016).

Организации, специализирующиеся на онлайн-обучении, сотрудничают дистанционно с подрядчиками и основной командой. Распределенная удаленная команда – это вызов для стандартного подхода, начиная от электронных доступов и заканчивая онлайн-библиотекой знаний. Облегчить процессы могут оцифрованные бизнес-процессы и прочная коммуникация внутри коллектива: еженедельные онлайн-встречи отдельных команд и ежемесячные встречи всего коллектива, как это происходит в Anesole – онлайн-школе иностранных языков.

Для поддержания высокого качества подачи материалов преподавателями, которые находятся в составе продукта, проводятся регулярные тренинги и цифровые тимбилдинги, на которых происходит совместное обучение новым механикам, разбираются ключевые проблемы студентов и более расслабленное взаимодействие между участниками коллектива. Цифровая инфраструктура позволяет иметь быстрый доступ к информации, виртуальные базы и онбординги знаний гарантируют полное погружение в корпоративную среду, продуктовые тонкости и в случае нехватки информации будет понятно, к кому по какому вопросу можно обратиться.

Однако отметим, что все эти процессы необходимо кастомизировать и гибко адаптировать под запросы клиентов, онлайн собирается большая система курсов по разным направлениям, которые можно смешивать между собой в процессе обучения, исходя из цели и запросов клиента. Ведь современный образовательный курс – это продукт, где каждый студент имеет свой путь. Существует ряд управленческих практик, помогающих качественно адаптировать образовательный курс под актуальные запросы студентов, а именно:

- Customer Development – анализ запроса клиента. Прежде, чем создавать обучающие материалы необходимо понять их актуальность и необходимость на рынке. Это можно сделать при помощи анкетирования или диагностических интервью (Griffin, 1993). Потребность клиента можно охарактеризовать как описание клиентов выгоду, которую он или она хотят получить от продукта или услуги.

- Поняв потребность клиента, следует сделать MVP прототип курса, запустив минимально жизнеспособный продукт. Раннюю версию с минимальным набором функций, который удовлетворит потребности пользователей и послужит опорой для получения обратной связи и дальнейшего развития в соответствии с реальным запросом целевой аудитории и рынка.

В образовательной разработке следует придерживаться методологии Agile, которая позволит дорабатывать и совершенствовать продукт через обозначенные временные промежутки – спринты (Beck, 2001). Это позволит планомерно достигать продуктовых результатов, а не браться за всё и сразу. В таком контексте команда: преподаватели, технические специалисты, кураторы и методологи работают как кросс-функциональная команда, где каждый участник имеет свой объем задач и временные рамки. Это позволяет иметь общую ответственность, быть погруженным в контекст проекта, но фокусировать на отдельных аспектах. При получении обратной связи от учеников совершенствование программ и

внедрение новых образовательных механик легко встраивается в процессы, не ломая общий план, а дополняя его [22; 23].

Нельзя обойтись без регулярного подсчета ключевых показателей. LMS-метрики (E-learning Market Trends and Forecast 2017-2021, 2017) (количественные показатели оценки эффективности образовательных программ) помогают увидеть детализированную картину и понимать, где у учеников происходит затруднение. Какой тест более сложен, после какого урока ученики прекращают присутствовать онлайн, какая домашняя работа сдается быстрее, с каким куратором больше вовлечение все эти данные можно и нужно собирать. Помимо этого, важно анализировать и другие показатели:

1. Retention rate – коэффициент удержания: данный показатель демонстрирует сколько студентов в процентном соотношении продолжили обучение спустя определенный промежуток времени. Может указывать на лояльность клиентов, качество программы и насколько эффективна вовлекающая среда. В случае продления сигнализирует о проблемах, ученикам стало скучно, не хватает поддержки мотивации, отсутствие результата (Pappas, 2020).

2. Engagement Score – индекс вовлеченности: оценивает активность учеников и помогает выявить на раннем этапе студентов, теряющих вовлечение и мотивацию. Заметив, есть возможность вовремя вернуть учащихся на образовательный путь и адаптировать процесс обучения под их запрос, тем самым усовершенствовав программу. Он считается через такие действия как посещение занятий, выполнение заданий, прохождение тестов, участие в чатах и т.д. (Pappas, 2020).

3. NPS (Net Promoter Score) – индекс лояльности: показывает готовность рекомендовать программу, курс другим людям. Самая быстрая оценка общего впечатления от процесса обучения. Для полноты картины необходимо отслеживать на разных этапах прохождения обучения и замечать малейшие изменения для удержания вовлечения учеников (Pappas, 2020).

Исходя из этого, управление онлайн-организациями в сфере образования это в первую очередь проектирование целостной системы. И управленческие решения определяют не столько логику курсов, сколько эмоциональный климат внутри среды. Ведь мотивация и вовлеченность сотрудников неизбежно влияет на мотивацию и вовлеченность студентов.

Кейс Anesole и приведенные методики демонстрируют, что онлайн-обучение в 2025 году требует не просто педагогического опыта педагогики, но и компетенций в области управления и аналитики. При этом создание вовлекающей образовательной среды – это процесс, который поддается управлению и включает:

- Анализ реальной потребности студента;
- Адаптивности программы под задачи и нужды;
- Взаимодействие между учениками и командой
- Системную аналитику и налаженную систему по изменениям и доработкам.

Такой подход помогает не только иметь эффективные результаты в настоящем времени, но и создает крепкую и устойчивую модель развития образовательного бизнеса в перспективе.

Заключение

Исследование, проведенное автором, позволило выявить и обобщить важные аспекты, которые необходимы для создания и формирования крепкой и стойкой образовательной среды, способной вовлекать учащихся и демонстрировать высокую эффективность.

Интеграция цифровых технологий, интерактивная и геймифицированная подача теоретического и практического материала, механики взаимодействия со студентами живыми и виртуальными помощниками и тренд на микро-обучение, во взаимодействии с психологически адаптированным индивидуальным подходом к современному типу студентов повышает общие результаты прохождения образовательных программ (Mayer, 2009).

Важнейшее значение отдается гибкости в подходе, адаптация на персональные цели и адаптивная подача материала с учетом когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей. Данный подход подкрепляет глубокое вовлечение в процесс получения новых знаний и создает положительный опыт, влияющий на уровень удовлетворенности обучающихся (Dörnyei, 2001).

Регулярный анализ метрик, которые собираются на разных этапах прохождения курса, позволяет выявить слабые зоны общей программы, а грамотно сформированные управленческие процессы позволяют команде, не отрываясь от планов роста и развития улучшать образовательный продукт в соответствии с откликами студентов (Siemens, 2011).

Таким образом, создание вовлекающей среды со стороны как обучающихся, так и преподающих требует системного и четко выстроенного подхода, который включает в себя управление проектированием, методологические инновации и технологичность инфраструктуры. Такой подход повышает качество образования и формирует у студентов благоприятный навык получения образования, самостоятельность и способность к постоянному обучению и гибкому изменению в условиях постоянно меняющегося современного мира.

Список литературы

1. Иванова Ж.Б. Интерактивный игровой процесс в преподавании юридических дисциплин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 9. С. 40-43.
2. Инвестиции в EdTech в России: динамика, тренды, аналитика // Smart Ranking Report. 2024. № 2. С. 9-17.
3. Исследование предпочтений пользователей по формату онлайн-обучения // Блог iSpring. 2022. С. 1-8.
4. Колесова Д.В., Харитонов А.А. Игра слов: во что и как играть на уроках русского языка. СПб.: Златоуст, 2011. С. 152.
5. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Статистические данные по дистанционному обучению: отчет за 2025 год. М.: Минобрнауки, 2025. С. 5-12.
6. Модестова Л.А. Инновационные образовательные технологии как фактор развития личности обучающегося // Современное образование. 2023. № 6. С. 45-49.
7. Пряженников М.О. Дифференциация локального правового регулирования в зависимости от масштаба предприятия // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 20-23.
8. Рынок образовательных технологий в России: анализ и прогноз на 2024-2027 гг. М.: БизнесСтат, 2024. С. 3-11.
9. Щербак С.С. Расширение дифференциации в трудовом законодательстве Российской Федерации в зависимости от объема предпринимательской деятельности работодателя // Право и экономика. 2017. № 10. С. 63-69.
10. Arnsten A.F.T. Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function // Nature reviews neuroscience. 2009. № 10(6). pp. 410-422.
11. Beck K., Beedle M., van Bennekum A. Manifesto for agile software development // agilemanifesto.org. 2001.
12. Bonk C.J., Graham C.R. The Handbook of blended learning: global perspectives, local designs. San Francisco: Pfeiffer, 2006. pp. 221-239.
13. Clark R.C., Mayer R.E. E-learning and the science of instruction: proven guidelines for consumers and designers of multimedia learning. 4th ed. Hoboken: Wiley, 2016. pp. 102-134.
14. D'Mello S.K., Graesser A.C. AutoTutor and affective engagement: emotional states during learning // Educational psychologist. 2012. № 47(4). pp. 230-245.
15. Dörnyei Z. Motivational strategies in the language classroom. Cambridge: CUP, 2001. С. 33-48.
16. E-learning market trends and forecast 2017-2021 // Docebo report. 2017. pp. 4-27.
17. Griffin A., Hauser J.R. The voice of the customer // Marketing science. 1993. № 12(1). pp. 1-27.
18. How technology is shaping learning in the 21st century // McKinsey & Company. McKinsey Global Education Report. 2020. pp. 15-29.
19. Knowles M.S. The Modern practice of adult education: from pedagogy to andragogy. Cambridge Adult Education, 1980. pp. 40-52.

20. Lupien S.J., Maheu F., Tu M., Fiocco A., Schramek T.E. The effects of stress and stress hormones on human cognition: Implications for the field of brain and cognition // Brain and cognition. 2007. № 65(3). pp. 209-237.
21. Mayer R.E. Multimedia learning. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. C. 169-192.
22. Pappas C. 10 Learning metrics you should track in your LMS // eLearning Industry. 2020.
23. Siemens G., Long P. Penetrating the fog: analytics in learning and education // EDUCAUSE Review. 2011. № 46(5). pp. 30-40.
24. State of American Schools Report // Gallup education. 2014. pp. 16-19.
25. The effectiveness of gamified learning: language retention and engagement statistics // Duolingo insights. 2021. pp. 6-12.
26. The impact of safe learning environments on student engagement // UNICEF Report, 2021. C. 5-12.
27. The role of student autonomy in motivation and achievement // IEC policy brief. 2022. pp. 22-26.

Tools and approaches to building an engaging educational environment in online learning

Anastasia K. Perelman

Independent researcher

Higher School of Economics

Moscow, Russia

anastasiia.perelman@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 09.05.2025

Accepted 22.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 378.4:371.3/371.3:004.78

DOI 10.25726/m7665-3077-7124-d

EDN BCCMOG

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

This article is devoted to the analysis of methods and practices in building an engaging educational environment. In a rapidly growing educational technology market, students' involvement in the learning process is a key indicator of effectiveness. The purpose of the research is to study the principles and patterns of creating an educational environment that promote systemic engagement. The methodology includes the analysis of digital tools, various mechanics, technological solutions, as well as the study of user psychology, changes in his perception of information and tools for evaluating the effectiveness of the learning process. The article discusses examples of the implementation of such principles in online learning.

Keywords

engagement, educational environment, digital tools, teaching methods, EdTech, online education, education management, adaptive learning.

References

1. Ivanova Zh.B. Interactive gameplay in the teaching of legal disciplines // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2017. Vol. 9. pp. 40-43.
2. Investments in EdTech in Russia: dynamics, trends, analytics // Smart Ranking Report. 2024. No. 2. pp. 9-17.
3. Research of user preferences by online learning format // iSpring blog. 2022. pp. 1-8.
4. Kolesova D.V., Kharitonova A.A. «The word game: what and how to play in Russian language lessons». SPb.: Zlatoust, 2011. p. 152.
5. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Statistical data on distance learning: a report for 2025. M.: Ministry of Education and Science, 2025. pp. 5-12.
6. Modestova L.A. Innovative educational technologies as a factor of student personality development // Modern education. 2023. № 6. pp. 45-49.
7. Pryazhennikov M.O. Differentiation of local legal regulation depending on the scale of the enterprise // Labor law in Russia and abroad. 2016. № 4. pp. 20-23.
8. The educational technology market in Russia: analysis and forecast for 2024-2027. M.: Businessstat, 2024. pp. 3-11.
9. Shcherbak S.S. Expansion of differentiation in the labor legislation of the Russian Federation depending on the volume of entrepreneurial activity of the employer // Law and economics. 2017. № 10. pp. 63-69.
10. Arnsten A.F.T. Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function // Nature reviews neuroscience. 2009. № 10(6). pp. 410-422.
11. Beck K., Beedle M., van Bennekum A. Manifesto for agile software development // agilemanifesto.org. 2001.
12. Bonk C.J., Graham C.R. The Handbook of blended learning: global perspectives, local designs. San Francisco: Pfeiffer, 2006. pp. 221-239.
13. Clark R.C., Mayer R.E. E-learning and the science of instruction: proven guidelines for consumers and designers of multimedia learning. 4th ed. Hoboken: Wiley, 2016. pp. 102-134.
14. D'Mello S.K., Graesser A.C. AutoTutor and affective engagement: emotional states during learning // Educational psychologist. 2012. № 47(4). pp. 230-245.
15. Dörnyei Z. Motivational strategies in the language classroom. Cambridge: CUP, 2001. C. 33-48.
16. E-learning market trends and forecast 2017-2021 // Docebo report. 2017. pp. 4-27.
17. Griffin A., Hauser J.R. The voice of the customer // Marketing science. 1993. № 12(1). pp. 1-27.
18. How technology is shaping learning in the 21st century // McKinsey & Company. McKinsey Global Education Report. 2020. pp. 15-29.
19. Knowles M.S. The Modern practice of adult education: from pedagogy to andragogy. Cambridge Adult Education, 1980. pp. 40-52.
20. Lupien S.J., Maheu F., Tu M., Fiocco A., Schramek T.E. The effects of stress and stress hormones on human cognition: Implications for the field of brain and cognition // Brain and cognition. 2007. № 65(3). pp. 209-237.
21. Mayer R.E. Multimedia learning. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. C. 169-192.
22. Pappas C. 10 Learning metrics you should track in your LMS // eLearning Industry. 2020.
23. Siemens G., Long P. Penetrating the fog: analytics in learning and education // EDUCAUSE Review. 2011. № 46(5). pp. 30-40.
24. State of American Schools Report // Gallup education. 2014. pp. 16-19.
25. The effectiveness of gamified learning: language retention and engagement statistics // Duolingo insights. 2021. pp. 6-12.
26. The impact of safe learning environments on student engagement // UNICEF Report, 2021. C. 5-12.

26. 27. The role of student autonomy in motivation and achievement // IEC policy brief. 2022. pp. 22-

НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИКЕ

Воспитательный потенциал современной живописи для духовно-нравственного развития курсантов образовательных организаций МВД России

Сергей Николаевич Кипреев

Преподаватель кафедры Общевоенных дисциплин

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова

Краснодар, Россия

komissar.1917@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Мария Николаевна Гирник

Доцент кафедры истории и философии

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

Москва, Россия

girnik-mn@rguk.ru

ORCID 0000-0002-0338-5175

Светлана Иосифовна Соболевская

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Организации расследования преступлений и судебных экспертиз

Тюменский институт повышения квалификации МВД России

Тюмень, Россия

sibiran_empire@mail.ru

ORCID 0009-0000-9048-2442

Денис Олегович Рябыкин

Преподаватель кафедры Специальных дисциплин

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова

Краснодар, Россия

disa21@yandex.ru

ORCID 0009-0000-1074-6058

Поступила в редакцию 03.05.2025

Принята 08.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 711.524(470)

DOI 10.25726/j0097-3428-8655-b

EDN DKAIOG

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассмотрены особенности духовно-нравственного воспитания сотрудников полиции Российской Федерации через приобщение к изобразительному искусству. Значительный пробел в современной теории и практике духовно-нравственного воспитания сотрудников российской полиции

заключается в недостаточности использования воспитательного потенциала живописи как одного из эффективнейших средств наглядности. Цель – представление результатов научно-педагогического исследования, посвященного раскрытию потенциала современной живописи для духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Описывается роль и место современных образцов изобразительного искусства для воспитания традиционных ценностей. В базисе исследования лежат сопоставление эмпирических данных, полученных в ходе опроса при проведении опытно-экспериментальной работы в образовательных организациях системы МВД России. Использован анализ актуальной научной литературы, комплекс дополнительных диагностических методов. Автор приводит результаты опытно-экспериментальной работы по формированию духовно-нравственных ценностей у молодого поколения российских стражей закона с помощью такого педагогического средства как живопись. Анализируется воспитательный потенциал различных форм живописи для духовно-нравственного воспитания молодых сотрудников полиции. Научные идеи могут быть использованы в практической деятельности органов воспитательной работы МВД России в целях модернизации системы патриотического воспитания курсантов-полицейских, проходящих службу в образовательных организациях правоохранительных органов.

Ключевые слова

живопись, изобразительное искусство, духовно-нравственные ценности, методы духовно-нравственного воспитания, традиционные ценности.

Введение

Живопись является одним из самых выразительных и эмоциональных видов искусств. Она позволяет художникам передавать свои мысли, чувства и впечатления через краски и формы. Однако, помимо этого, живопись также обладает огромным потенциалом для развития духовно-нравственных ценностей личности человека. В данной статье мы рассмотрим, как именно живопись может влиять на формирование традиционных ценностей у сотрудников полиции.

Педагогический потенциал современной живописи заключается в возможности использования ее для духовно-нравственного воспитания сотрудников полиции как в ходе проведения специально организованных мероприятий, так и в процессе повседневной жизнедеятельности в дистанционном формате (например, при просмотре электронных картинных галерей). Для этого применяются различные технические средства демонстрации: телефон (основной), планшет, ноутбук, телевизор.

Воспитание через приобщение к традиционной живописи применимо для людей самых различных категорий. Об этом пишет Т.Н. Токарева, свидетельствуя, что «разумные и добрые люди всей планеты, независимо от вероисповедания, мечтают о том, что мероприятия, провозглашающие мир, единение, дружбу между представителями всех национальностей будут способствовать исчезновению злобы, ненависти, зависти и агрессии – причин столкновений, перерастающих в затяжное недопонимание, порождающее войны. Православные законы неотделимы от существующих правовых основ Российского мировоззрения: радостного восприятия спокойной и мирной жизни, вдумчивого и созерцательного слияния с миром природы, поиска смысла жизни в «умных» книгах, созидательного труда на благо Отечества, приносящего моральное и физическое удовлетворение; процесса воспитания, основанного на принятии аксиологических норм» (Токарева, 2020).

Живопись является одним из эффективных средств обучения и воспитания, которое может быть использовано в образовательных целях. Визуальный канал восприятия информации является первостепенным, наиболее важным в оказании психолого-педагогического воздействия на воспитуемых. Живопись может использоваться для формирования целостной картины мира и ценностного стержня личности человека на различных этапах обучения, начиная от начальной школы и заканчивая высшим образованием. Она может быть использована для создания у курсантов и слушателей чувства гордости за свою страну, уважения к ее истории, культуре и традициям.

Проблемы духовно-нравственного воспитания сотрудников силовых структур являются актуальными для научно-педагогических исследований. Так, А.М. Бабичев описал особенности духовно-

нравственного воспитания курсантов военных институтов войск национальной гвардии российской Федерации (Бабичев, 2023) основанные на традициях российской армии. Формирование духовно-нравственного потенциала у курсантов образовательных организаций МВД России детализировали В.Ф. Родин и Э.А. Антонова (Родин, 2024). Особой значимостью для понимания специфики воспитания сотрудников полиции обладает работа Л.М. Литвиной о принципах духовно-нравственного воспитания граждан обучающихся в вузах МВД России (Литвина, 2023).

Воспитательный потенциал живописи исследовался такими отечественными учеными как И.Н. Коноплицкая, описавшая средства изобразительного искусства в духовно-нравственном воспитании и художественно-эстетическом образовании учащихся (Коноплицкая, 2022). Изобразительное искусство, понимаемое в качестве средства формирования духовно-нравственных ценностей молодежи, рассмотрели Е.Л. Калибаба и Н.Т. Ацбега (Калибаба, 2023) (на примере творчества А.Г. Венецианова).

Духовно-нравственное воспитание молодежи на основе русской иконописной традиции Е.А. Дмитриевская (Дмитриевская, 2021). О.А. Бакиевой и Ю.С. Жетиковой написана работа о духовно-нравственном воспитании молодежи на занятиях по живописи (Бакиева, 2023). В.И. Денисенко и Е.И. Никифорова оценили такой фактор совершенствования духовно-нравственного воспитания студентов как самостоятельная учебно-творческая работа по живописи (Денисенко, 2023). Влияние русского пейзажа на формирование духовно-нравственных качеств исследовала В.О. Нагорнова (Нагорнова, 2023), рассмотрев педагогический опыт работы с учениками детской художественной школы.

Возможность просмотра цифровых шедевров современной живописи позволяет осуществлять медиавоздействие на сотрудников полиции в повседневной жизнедеятельности (в период отдыха, движения на транспорте), а также при проведении хозяйственных работ. Большой интерес проблематика использования живописи в педагогическом процессе имеет для иностранных исследователей. Среди современных работ выделяется статья А. Йоб, в которой рассмотрено значение искусства для пропаганды моральных и духовных ценностей (Yob, 2024). Э. Хансен рассмотрена этика живописи при описании таких аспектов как смерть, любовь и нравственное видение в Махапариниббанае (Hansen, 2016). П. Чжу описано развитие эмоционального самовыражения в живописи с помощью управляемой педагогики (Zhu, 2024). Й. Сонг исследовано духовное построение живописной схемы: от формального порядка к психологии (Song, 2025). И. Чжан изучена практика изучения настенной живописи для содействия возрождению сельской местности (Zhang, 2025), и в качестве примера приведена деятельность китайской культурной арт-труппы «Искусство и молодежь».

Ш. Гао детально описано духовное значение живописных техник Тхангга (Gao, 2023). Ю. Ли выявлена духовная сущность китайского искусства морских пейзажей (Li, 2024). И.С. Сманов и Г.Д. Сугирбаева описаны произведения национальной живописи в разработке образовательных программ педагогических специальностей (Smanov, 2022). Проведенный обзор свидетельствует о наличии значительного внимания как отечественных, так и иностранных исследователей к проблеме духовно-нравственного воспитания посредством использования ресурсов живописи.

Материалы и методы исследования

Нами проведено исследование по формированию традиционных ценностей у сотрудников полиции с помощью восприятия живописи. Объектом исследования являлись молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся в образовательных организациях МВД России в количестве 148 человек. Социальная база – преимущественно городские жители. Национальный состав – русские (подавляющее большинство), чеченцы, осетины, кабардинцы, все являющиеся гражданами России. Религиозная принадлежность – христиане, мусульмане, буддисты.

Ключевыми исследовательскими методами были опрос и тренинг. В ходе демонстрации картин проводимых в период тренинговых учебных занятий, или в свободном режиме в течение учебного года, как в формальном порядке (в выходные дни), так и в личное время (путем рассылки фотоматериалов), испытуемым задавались формализованные вопросы об их художественных предпочтениях (количество вопросов зависело от емкости и точности ответов испытуемых), на которые курсанты полиции давали развернутые и обоснованные ответы. Значительный уклон делался на религиозный ресурс

традиционного изобразительного искусства. При этом исследование проводилось в анонимном формате.

В качестве комплекса дополнительных методов, подтверждающих выводы исследования, нами были взяты: наблюдение, групповая беседа, опрос, анализ продуктов деятельности и в отдельных случаях педагогический эксперимент. Наблюдение за внешними признаками восприятия духовно-нравственных ценностей и поведением воспитуемых позволило выявить их отношение к моральным проблемам современного общества. В ходе групповых бесед с коллективом курсантов оценивалась способность исследуемых отстаивать традиционные взгляды в социуме. При проведении тренинга духовно-нравственных ценностей оценивался уровень сформированности ценностно-смысловой сферы личности курсантов, определялись сферы, где необходима дополнительная педагогическая работа. Анализ продуктов деятельности курсантов (рисунков, сочинений) позволил оценить глубину воззрений курсантов.

Результаты и обсуждение

Современные российские художники своими работами транслируют взгляды на решение наиболее известных нравственных дилемм. Например, мастером иконописи Ириной Зарон созданы работы на религиозную тематику (росписи надвратной церкви Андреевского монастыря), вписанные в историю церковного искусства. Ее иконы отличаются спокойным колоритом с мягким теплым светом. Интересен пример Василия Кононова-Гредина. Через большую часть творчества этого кировского художника прослеживаются христианские мотивы. Он работает со скульптурой, видео, объектами, живописью, запахами, звуком, которые становятся, скорее, универсальным языком, а не формой назидания.

Пример современной библейской живописи – Елена Черкасова. Ее картины зачастую называют «живописью-проповедью». Работы художницы наделены символами и обладают глубокими скрытыми смыслами, которые она черпает из Священного Писания. Другой представитель современного православного искусства – Андрей Машанов, работы которого обращены к эмоциональной, духовной стороне жизни. Центральное место в его творчестве занимает тема полета, которая в христианском искусстве традиционно связана с божественным миром. Еще один пример – творчество Юлии Черняевой, выпускницы художественно-графического факультета Кубанского государственного университета. Ее картины отражают такие ценностные ориентиры, как Родина и природа, общечеловеческие приоритеты (дружба, семья), культура и красота.

Современный российский художник, известный сюжетами повседневности традиционного общества России и Европы минувших столетий – Андрей Ремнев. Картины этого художника основаны на впечатлениях его детства, завораживающих, загадочных или даже мистических сюжетов. Также примечательна участница фестиваля уличного искусства «Красота в глазах смотрящего» современная художница из Москвы Ольга Чикина, которая вдохновляется народными сказками. Она трансформирует персонажей и изобретает новых, создает яркие оптические иллюзии, в которых смешиваются традиционные мотивы и современность.

Отечественная живопись обладает мощным воспитательным потенциалом, который может быть использован для формирования духовно-нравственного стержня личности современных слушателей и курсантов полиции. Она может помочь воспитать у них стройную систему моральных понятий, выстроить правильную иерархию нравственных ориентиров и смыслов.

На рисунке ниже представлен образец современной живописи для формирования духовно-нравственных ценностей.

Рисунок 1. Пример духовно-нравственных мотивов в современной живописи. Художник Илья Глазунов: «Возвращение». 1980

Одним из примеров использования современной живописи для формирования духовно-нравственных ценностей является проект «Русская Атлантида». Здесь использование изобразительного искусства для формирования духовно-нравственных ценностей опирается на традиционные православные идеалы Святой Руси, обращается к истории малых городов и исторической связи поколений. В рамках проекта проводится выставка «Пасхальный благовест», где показаны работы, выполненные на пленэрах прошлых лет. Также можно упомянуть проект «Сергий Радонежский – небесный заступник земли Русской», который был реализован Музеем изобразительных искусств совместно с приходом Храма в честь Архистратига Михаила в форме выставки, приуроченной к 700-летию со дня рождения святого преподобного Сергия Радонежского. Данное мероприятие было направлено на привлечение внимания подрастающего поколения к личности преподобного Сергия, его духовным трудам и подвигам.

Современная живопись может помочь курсантам понять, что такое красота и эстетика. Она может показать им, как можно использовать цвета и формы для создания гармонии и красоты. Здесь мы опирались на опыт таких исследователей как, например, В.О. Гусакова, которая пишет о том, что «в духовно-нравственном воспитании знакомство с произведениями живописи может иметь высокую значимость именно в силу эмоционального воздействия и экзистенциональной рефлексии на них. Например, картина В.И. Сурикова «Переход Суворова Через Альпы» позволяет не только визуализировать событие отечественной истории, но и осмыслить его с позиции эсхатологии» (Гусакова, 2020). Авторская опытно-экспериментальная работа проводилась по таким же принципам. Это помогало курсантам развить свой художественный вкус и научиться видеть прекрасное в окружающем мире.

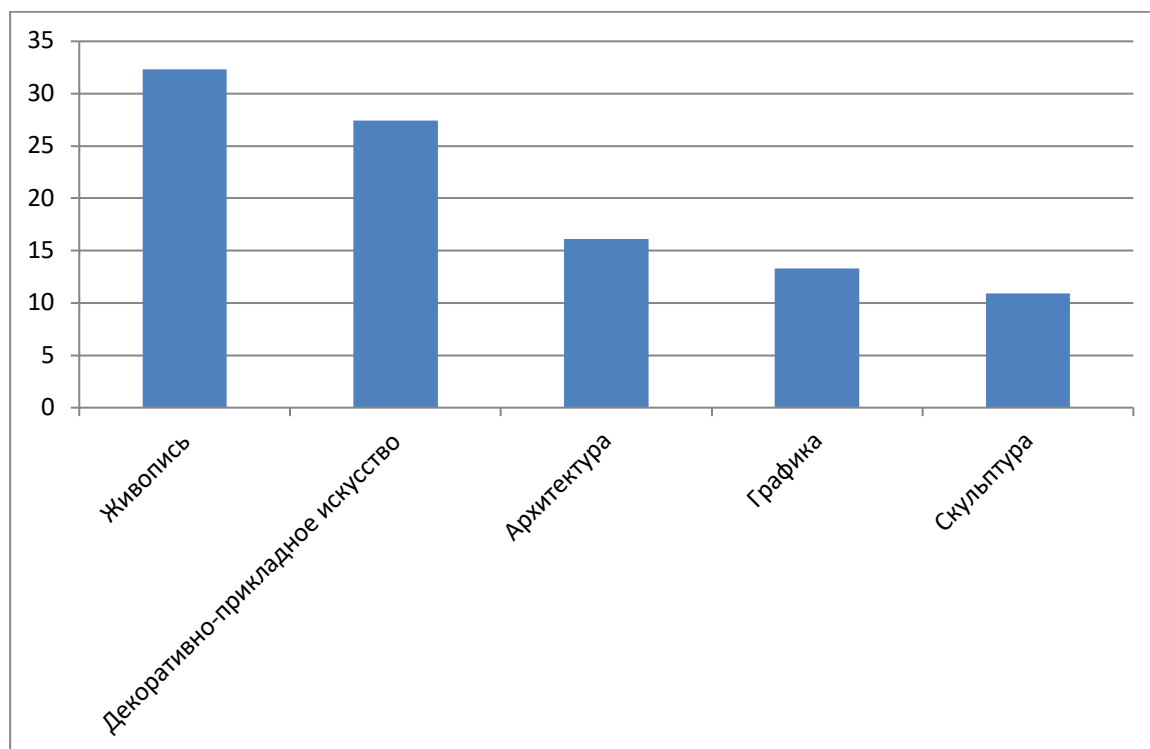

Рисунок 2. Предпочтения видов изобразительного искусства используемых для воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей в (%)

Данные опроса свидетельствуют о том, что именно живопись остается одной из самых актуальных форм изобразительного искусства, направленных на духовно-нравственное воспитание. Наши современники также высоко ценят декоративно-прикладное искусство и архитектуру (храмов, построек культурного значения). Значительно меньше внимания уделяется скульптуре и графике – ввиду сложности их восприятия и меньшей распространенности среди средств духовно-нравственного воспитания.

Данные опроса респондентов о значении различных видов живописи для духовно-нравственного воспитания представлены на рисунке 3.

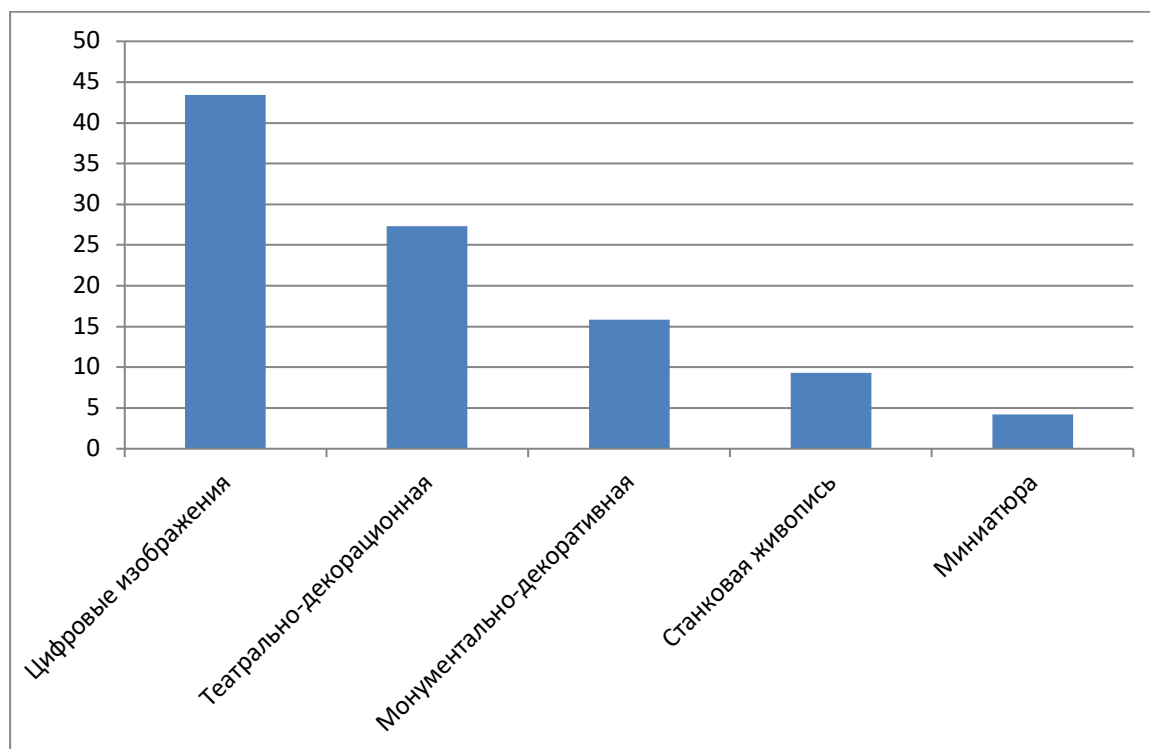

Рисунок 3. Предпочтения видов живописи используемых для воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей (в %)

Результаты опроса свидетельствуют о том, что особый интерес для респондентов имеет такая форма изобразительного искусства как цифровые изображения. Это обусловлено повсеместной цифровизацией современной жизни, проявляющейся и в отношении людей к искусству доступному широкой массе людей в электронной форме.

Заключение

Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи являются актуальными для нашего общества. Они связаны с изменением общественных ценностей и идеалов, а также с развитием технологий и социальных сетей, которые могут оказывать негативное влияние на молодое поколение. Без духовно-нравственной основы не может устоять ни одно государство, ни одна империя, ни одна цивилизация. Культура речи, и межличностного общения убивается на глазах. Отсутствие совести, нравственности, национальных героев, трансформация морали ведет к необратимым процессам, приводя к деградации нации.

Одной из главных проблем является отсутствие в различных образовательных организациях единой стандартизированной системы формирования традиционных духовно-нравственных ценностей, основанной на общих программах воспитания. Каждый регион, школа или вуз имеют свои подходы к этому вопросу, что порой приводит к различным результатам у тех или иных категорий людей. Еще одной проблемой является недостаточная осведомленность молодежи о традиционных ценностях, их «нечеткость» или «расплывчатость» в глазах нового поколения. К примеру, многие молодые люди не имеют определенного представления о том, что такое патриотизм и зачем нужно его формировать, как он связан с их жизнью. По этой причине, не имея патриотического щита, мировоззрение молодых людей не устойчиво к влиянию деструктивного мировоззрения.

Также стоит отметить, что некоторые родители и педагоги не уделяют достаточно внимания духовно-нравственному воспитанию своих детей, считая, что это не так важно в современном мире, где все решают деньги и карьера, или делегируют эту обязанность кому-то другому. Кроме этого, существуют проблемы со свободным доступом к информации, угрожающей традиционным ценностям российского общества. В интернете можно найти много информации, которая противоречит идеалам крепкой семьи

и служению Отечеству и может негативно повлиять на формирование ценностно-смысловой сферы личности, самоопределения и этнорелигиозной идентичности молодых людей.

Наконец, важно отметить, что многие молодые юноши и девушки сталкиваются с проблемами во взаимоотношениях с окружающими людьми, которые могут привести к разбалансировке духовно-нравственных основ их личности, выливающейся в кризис мировоззрения. Это может быть связано с конфликтами в семье, трудностями в отношениях с противоположным полом, проблемами с алкоголем, причины которых люди видят не в себе, а в государстве, на которое они переносят свое неудовлетворение и негативные эмоции.

Современные войны ведутся не только пушками и ракетами, они все в СМИ, науке, образовании, культуре, медицине, здравоохранении и т.д. Это целенаправленная духовная диверсия недружественных России стран по расчеловечиванию и разделению людей, которую необходимо остановить.

Таким образом, использование современной живописи в духовно-нравственном воспитании курсантов может помочь развить чувство патриотизма, эстетический вкус, понимание красоты окружающего мира и будет способствовать визуальному наполнению понимания духовно-нравственных ценностей. Педагогический потенциал современной живописи может быть успешно применен для духовно-нравственного воспитания сотрудников полиции. Его использование в педагогическом процессе поможет понять курсантам значимость в современном мире таких абсолютных ценностей как семья, человеколюбие, высокие нравственные идеалы, определить какие качества нужны для защиты исторической памяти, своих прав и свобод, даст возможность постичь красоту и гармонию традиционных образов. Воздействуя на чувственно-эмоциональную сферу личности слушателя визуальные средства воспитания пробуждают лучшие патриотические качества человека, формируют историко-культурную картину мира, создают запоминающиеся смысловые образы и мотивируют на самосовершенствование и творчество.

Список литературы

1. Бабичев А.М. Духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов войск национальной гвардии российской Федерации на традициях российской армии // Мир университетской науки: культура, образование. 2023. № 2. С. 62-69.
2. Бакиева О.А., Жетикова Ю.С. Духовно-нравственное воспитание обучающихся ДШИ на занятиях по живописи // Педагогический вестник. 2023. № 26. С. 6-9.
3. Гусакова В.О. Дидактическое значение живописного и иконного образа в духовно-нравственном воспитании (На примере образа блаженной Ксении художника Александра Простева) // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 327-333.
4. Денисенко В.И., Никифорова Е.И. Самостоятельная учебно-творческая работа по живописи как фактор совершенствования духовно-нравственного воспитания студентов // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 11(115). С. 145-154.
5. Дмитриевская Е.А. Духовно-нравственное воспитание молодежи на основе русской иконописной традиции // Материалы ежегодной Международной заочной научно-практической конференции. 2021. № 2. С. 36-44.
6. Калибаба Е.Л., Ацбеха Н.Т. Изобразительное искусство как средство формирования духовно нравственных ценностей (на примере творчества А.Г. Венецианова) // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2023. № 1. С. 304-314.
7. Кипреев С.Н. Специфика исследований процесса формирования духовно-нравственных ценностей в Краснодарском университете МВД России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 4(68). С. 237-248.
8. Кипреев С.Н., Гюрджян Г.А., Гизатулина В.Х. Использование современных информационно-технических средств для формирования духовно-нравственных ценностей у курсантов образовательных организаций МВД России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 9. С. 111-122.

9. Коноплицкая И.Н. Средства изобразительного искусства в духовно-нравственном воспитании и художественно-эстетическом образовании учащихся // Молодой ученый. 2022. № 37(432). С. 177-179.
10. Литвина Л.М. Принципы духовно-нравственного воспитания обучающихся в вузах МВД России // Russian journal of education and psychology. 2023. Т. 14. № 1-3. С. 7-12.
11. Нагорнова В.О. Влияние русского пейзажа на формирование духовно-нравственных качеств учеников детской художественной школы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 12-2. С. 97-100.
12. Родин В.Ф., Антонова Э.А. Формирование духовно-нравственного потенциала у курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 249-254.
13. Токарева Т.Н. Воспитание духовности обучающихся – основная задача православного государства // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. 2020. № 13. С. 165-175.
14. Gao S. Thang-ga's painting techniques and their spiritual significance // SHS Web of conferences. 2023. Vol. 158. Art. 02002.
15. Hansen A. Painting ethics: death, love and moral vision in the Mahparinibbana // Journal of religious ethics. 2016. Vol. 44. № 1. pp. 17-50.
16. Li Y. The spiritual essence of Chinese seascape art // Culture and art. 2024. № 3. pp. 40-49.
17. Smanov I.S., Sugirbayeva G.D. Works of national painting in the development of educational programs of pedagogical specialties // Isavi University Bulletin. 2022. Vol. 124. № 2. pp. 182-193.
18. Song Y. Spiritual construction of painting schema: from formal order to psychology // International education forum. 2025. Vol. 3. № 3. pp. 33-38.
19. Yob I. A response to David Carr «The significance of music for the promotion of moral and spiritual value» // Philosophy of music education review. 2006. Vol. 14. № 2. pp. 209-213.
20. Zhang Y. Practice and exploration of wall painting to help rural revitalization taking the activities of «Art and youth» Cultural Art Troupe as an Example // Frontiers in humanities and social sciences. 2025. Vol. 5. pp. 497-502.
21. Zhu P. Developing emotional expression in painting through guided pedagogies // Membrane technology. 2024. pp. 204-209.

The educational potential of modern painting for the spiritual and moral development of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Sergey N. Kipreev

Lecturer of the Department of General Military Disciplines
Hero of the Soviet Union A.K. Serov Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
Krasnodar, Russia
komissar.1917@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Maria Nikolaevna Girnik

Associate Professor of the Department of History and Philosophy
A.N. Kosygin Russian State University
Moscow, Russia
girnik-mn@rguk.ru
ORCID 0000-0002-0338-5175

Svetlana I. Sobolevskaya

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Crime Investigation and Forensic Examinations

Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tyumen, Russia

sibiran_empire@mail.ru

ORCID 0009-0000-9048-2442

Denis O. Ryabykin

Lecturer of the Department of Special Disciplines

Hero of the Soviet Union A.K. Serov Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Krasnodar, Russia

disa21@yandex.ru

ORCID 0009-0000-1074-6058

Received 03.05.2025

Accepted 08.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 711.524(470)

DOI 10.25726/j0097-3428-8655-b

EDN DKAIOG

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the features of the spiritual and moral education of police officers of the Russian Federation through exposure to the visual arts. A significant gap in the modern theory and practice of spiritual and moral education of Russian police officers lies in the insufficient use of the educational potential of painting as one of the most effective means of visualization. The purpose is to present the results of a scientific and pedagogical study dedicated to unlocking the potential of modern painting for the spiritual and moral education of the younger generation. The article describes the role and place of modern examples of fine art for the education of traditional values. The research is based on a comparison of empirical data obtained during a survey during pilot work in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The analysis of relevant scientific literature and a set of additional diagnostic methods were used. The author presents the results of experimental work on the formation of spiritual and moral values among the younger generation of Russian law enforcement officers using such a pedagogical tool as painting. The educational potential of various forms of painting for the spiritual and moral education of young police officers is analyzed. Scientific ideas can be used in the practical activities of the educational authorities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in order to modernize the system of patriotic education of police cadets serving in educational organizations of law enforcement agencies.

Keywords

painting, fine arts, spiritual and moral values, methods of spiritual and moral education, traditional values.

References

1. Babichev A.M. Spiritual and moral education of cadets of military institutes of the National Guard troops of the Russian Federation based on the traditions of the Russian army // The world of university science: culture, education. 2023. № 2. pp. 62-69.

2. Bakieva O.A., Zhetikova Yu.S. Spiritual and moral education of DSHI students in painting classes // Pedagogical bulletin. 2023. № 26. pp. 6-9.
3. Gusakova V.O. The didactic significance of pictorial and icon images in spiritual and moral education (On the example of the image of Blessed Xenia by artist Alexander Prostev) // Actual issues of church science. 2020. № 2. pp. 327-333.
4. Denisenko V.I., Nikiforova E.I. Independent educational and creative work on painting as a factor in improving the spiritual and moral education of students // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. № 11(115). pp. 145-154.
5. Dmitrievskaya E.A. Spiritual and moral education of youth based on the Russian iconographic tradition // Materials of the Annual Inter. correspond. scien. and prac. conf. 2021. № 2. pp. 36-44.
6. Kalibaba E.L., Atsbekha N.T. Fine art as a means of forming spiritual and moral values (on the example of A.G. Venetsianov's creativity) // Bulletin of young scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. 2023. № 1. pp. 304-314.
7. Kipreev S.N. Specifics of research on the process of formation of spiritual and moral values at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific notes. Kursk State University Electronic scientific journal. 2023. № 4(68). pp. 237-248.
8. Kipreev S.N., Gyurjyan G.A., Gizatulina V.H. The use of modern information technology tools for the formation of spiritual and moral values among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2024. № 9. pp. 111-122.
9. Konopliitskaya I.N. Means of visual art in spiritual and moral education and artistic and aesthetic education of students // Young scientist. 2022. № 37(432). pp. 177-179.
10. Litvina L.M. Principles of spiritual and moral education of students in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Russian journal of education and psychology. 2023. Vol. 14. № 1-3. pp. 7-12.
11. Nagornova V.O. The influence of the Russian landscape on the formation of spiritual and moral qualities of pupils of children's art school // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. № 12-2. pp. 97-100.
12. Rodin V.F., Antonova E.A. The formation of spiritual and moral potential among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of economic security. 2024. № 1. pp. 249-254.
13. Tokareva T.N. Education of students' spirituality is the main task of the Orthodox state // Sevastopol Cyril and Methodius readings. 2020. № 13. pp. 165-175.
14. Gao S. Thang-ga's painting techniques and their spiritual significance // SHS Web of conferences. 2023. Vol. 158. Art. 02002.
15. Hansen A. Painting ethics: death, love and moral vision in the Mahparinibbana // Journal of religious ethics. 2016. Vol. 44. № 1. pp. 17-50.
16. Li Y. The spiritual essence of Chinese seascape art // Culture and art. 2024. № 3. pp. 40-49.
17. Smanov I.S., Sugirbayeva G.D. Works of national painting in the development of educational programs of pedagogical specialties // Isavi University Bulletin. 2022. Vol. 124. № 2. pp. 182-193.
18. Song Y. Spiritual construction of painting schema: from formal order to psychology // International education forum. 2025. Vol. 3. № 3. pp. 33-38.
19. Yob I. A response to David Carr «The significance of music for the promotion of moral and spiritual value» // Philosophy of music education review. 2006. Vol. 14. № 2. pp. 209-213.
20. Zhang Y. Practice and exploration of wall painting to help rural revitalization taking the activities of «Art and youth» Cultural Art Troupe as an Example // Frontiers in humanities and social sciences. 2025. Vol. 5. pp. 497-502.
21. Zhu P. Developing emotional expression in painting through guided pedagogies // Membrane technology. 2024. pp. 204-209.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБРАЗОВАНИЯ

Сравнительный анализ обращений в китайском и русском языках

Цзюань Ван

Доктор филологических наук, доцент
Синьцзянский педагогический университет
Урумчи, Китай
229221727@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Сыци Чжоу

Магистр
Чанъянь университет
Сиань, Китай
229221727@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 10.05.2025
Принята 13.06.2025
Опубликована 30.07.2025

УДК 81:81:81
DOI 10.25726/q8724-7237-3376-u
EDN TGJHVC

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)
OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Настоящее исследование осуществляет сопоставительный анализ систем обращений в китайском и русском языках как лингвокультурных феноменов. Объектом изучения выступают лексико-прагматические особенности обращений, предметом закономерности влияния социокультурных факторов на их функционирование. Методология основана на сравнительно-сопоставительном анализе с применением лингвокультурологического и прагмалингвистического подходов. Результаты подтверждают гипотезу о фундаментальном различии функциональных доминант: китайская система кодифицирует социальную стратификацию через детализированные родственные термины и статусно-должностные конструкции, отражая конфуцианские традиции иерархии; русская система фокусируется на динамике межличностной дистанции посредством вариативности именных формы выбора местоимений. Научная новизна заключается в выявлении зон коммуникативного риска. Практическая значимость охватывает сферы преподавания РКИ/китайского языка, перевода и межкультурных тренингов.

Ключевые слова

обращения, сравнительная лингвокультурология, речевой этикет, межкультурная коммуникация, социальная стратификация, китайский язык, русский язык.

Введение

Сопоставительное исследование систем обращений в русском и китайском языках представляет значительный научный и практический интерес в контексте интенсификации российско-китайского межкультурного взаимодействия. Обращения, функционируя как ключевой лингвосоциокультурный маркер, не только регулируют межличностную дистанцию, но и репрезентируют глубинные ценностные ориентации языковых коллективов [1]. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью минимизации коммуникативных рисков, возникающих из-за системных расхождений в этикетных нормах двух стран, что напрямую влияет на эффективность сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах.

Объектом исследования выступают лексико-семантические и прагматические особенности обращений в современном русском и китайском языках. Предметом являются специфические закономерности реализации социокультурных факторов (иерархичность, статусность, степень близости) в сопоставляемых системах номинации адресата. Цель работы – выявление и систематизация кросс-культурных корреляций и дивергенций в речевом этикете России и Китая на материале обращений.

Материалы и методы исследования

Основная гипотеза заключается в том, что китайские обращения преимущественно кодифицируют социальную стратификацию и родственно-статусные параметры (напр., «учитель Ван», «директор Ли»), тогда как русские фокусируются на динамике межличностной дистанции (вариативность: «Анна Петровна» → «Аня» → «Анечка»). Методологическую основу составляет сравнительно-сопоставительный анализ с привлечением лингвокультурологического и прагмалингвистического подходов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном описании механизмов культурной трансляции через категорию обращения с акцентом на зонах потенциального коммуникативного конфликта. Теоретическая значимость работы в углублении теории лингвистической интерференции. Практическая ценность заключается в возможности применения результатов в преподавании РКИ/китайского языка, межкультурном тренинге и практике перевода.

Результаты и обсуждение

Китай – это страна с тысячелетней традицией феодального общества, поэтому китайцы придают большое значение к использованию обращений. Под обращениями понимают имена, которыми говорящий напрямую обращается к слушающему во время нормального речевого общения, когда говорящий и слушающий находятся в одном и том же речевом событии. Такое общение может осуществляться в прямом диалоге, в письмах, по телефону или другим электрическим средствам связи (Лулу, 2017).

В настоящее время в академической науке не сформированы единые стандарты классификации обращений. При этом из-за сложности и богатства системы обращений современного китайского языка очень трудно найти единый стандарт классификации, поэтому использование обращений различается в разных условиях их применения (Смит, 2003). Один и тот же человек имеет разные идентификации при общении с членами общества в различных ситуациях, поэтому обращения в нем в основном делятся на родственные и общественные.

В частности, в лингвокультурологическом аспекте родственные обращения составляют ключевую подсистему в общей системе обращений. Данную категорию можно дифференцировать на два основных типа: во-первых, обращения, отражающие внутрисемейные отношения кровного родства (например, «отец», «мать», «сын», «дочь»); во-вторых, обращения, обозначающие свойственные отношения, возникающие вследствие брачных союзов (такие как «свекор», «невестка», «зять») (У, 2006). В системе родственных обращений можно выделить два основных типа. Первый – включает базовые термины прямого родства, такие как «папа» и «мама», которые используются детьми для обращения к родителям и отражают наиболее близкие семейные связи. Второй тип представляет собой терминологию, возникающую в результате брачных союзов между семьями. К этой категории относятся,

например, «деверь» (брат мужа), «золовка» (сестра мужа), «невестка», «сношенница» (жена брата мужа) и т.п. Эти термины демонстрируют, как система брака формирует сложную систему родственных отношений и соответствующих обращений в семейной коммуникации.

В современном китайском языке общественные обращения в основном представлены в двух формах. Первая – это обращения по имени и фамилии, такие как «фамилия + товарищ», «фамилия + учитель», «фамилия + мастер», «фамилия + господин» и подобные, которые отличаются высокой частотой употребления. Эти обращения выражают одновременно близость, вежливость и уважение, являясь основными в межличностном общении. Как правило, они отражают социальный статус или профессиональную принадлежность человека (Формановская, 1987). Вторая – это обращения по должностному и профессиональному делению. «В китайском языке обычно используется обращение по фамилии адресата плюс должностное обращение, например, «адвокат Ван», «инженер Чжан», «директор Ли» и т.д. Этот способ обращения выражает уважение и вежливость по отношению к адресату (Хуачэнь, 2013).

В русском языке определение обращения формулируется следующим образом: обращение – это слово или сочетание слов, называющие того, к кому обращаются с речью. Оно имеет форму именительного падежа и произносится с особой звательной интонацией (Чэ, 2019). Его форма обычно представляет собой именительный падеж существительного и сопровождается специальной интонацией обращения. Этот концепт имеет более широкий общий объем и гибкие формы выражения по сравнению с концепцией «обращения» в китайском языке. В русском языке есть различные типы обращений, в основном они делятся на родственные и социальные обращения.

Родственные обращения в основном используются для общения внутри семьи, а также могут быть применены в отношениях с неродственниками, чтобы выразить близость. Например, «бабушка», «дедушка» используются для обращения к дедушкам и бабушкам, а также могут быть использованы для вежливого обращения к незнакомым пожилым женщинам и мужчинам (Ян, 2023). Например, молодой человек говорит пожилой незнакомке: «Бабушка, вам помочь?» Такое обращение подразумевает подтекст «заботы о вас, как о пожилом члене собственной семьи». Кроме того, внутри семьи обращение «ты», используемое между супругами, родителями и детьми, также относится к категории родственных обращений. Оно отражает близость и неформальность отношений. Например, супруг может сказать супруге: «Ты сегодня выглядишь потрясающе».

Социальные обращения охватывают все остальные виды обращений, кроме родственных. Социальные обращения включают все формы обращения, кроме родственных. В первую очередь это обращения с помощью местоимений: к незнакомым или малознакомым людям принято обращаться на «вы», что подчеркивает уважение и поддерживает официальный или деловой тон (Ян, 2019). Например: «Вы, господа, наверняка согласитесь со мной» (на переговорах); «Вы ищете что-то конкретное?» (в магазине).

Во-вторых, социальные обращения также включают указание на статус, должность или профессиональную принадлежность, что характерно для официального общения. Например: «Генерал Иванов принял решение» (подчеркивание звания); «Доктор, как ваш прогноз?» (обращение по профессии). Такие формы подчеркивают социальную роль человека и соблюдают субординацию, особенно в деловой или государственной сфере.

В-третьих, гендерные обращения еще один распространенный тип социальных обращений, который учитывает пол адресата и используется как в повседневной, так и в формальной коммуникации. Примеры: «Молодой человек, вы что-то забыли!» (нейтрально-вежливое обращение к юноше); «Девушка, будьте осторожнее!» (вежливое к молодой женщине); «Мужчина, вы выходите на следующей?» (нейтральное к незнакомцу); «Женщина, подвиньтесь, пожалуйста» (нейтральное, но может звучать грубовато без смягчающих слов) (Фаткуллина, 2017). Эти обращения подчеркивают не только пол, но и возраст, а их уместность зависит от контекста и интонации. В официальной среде их стараются заменять более нейтральными вариантами. Они используются, когда неизвестен идентификатор адресата или в обычных социальных ситуациях. Например, при описании ситуации можно сказать: «Молодой человек вышел из магазина» (Яо, 2023).

В-четвертых, обращения по имени, отчеству и фамилии в русском языке образуют сложную систему, регулирующую степень формальности в общении. Полные формы с отчеством («Анна Петровна») выражают максимальное уважение и характерны для официальных ситуаций (например, студент к преподавателю: «Профессор Иванович, можно задать вопрос?»). Нейтральное общение допускает использование полного имени («Анна»), тогда как сокращенные формы («Аня») и ласкательные варианты («Анечка») указывают на неформальные, близкие отношения. Особенностью русской коммуникативной культуры является уникальная роль отчества как маркера уважения, а также возможность комбинирования различных форм («Директор Мария Ивановна») в профессиональной среде (Ляньцзнь, 2021). Эта гибкая система позволяет точно выражать как социальную дистанцию, так и характер межличностных отношений.

Родственные обращения, основанные на кровных связях, отражают различия в семейной структуре, концепциях между поколенческими отношениями и моделях мышления. Сравнение китайских и российских имен родственников помогает выявить уникальные семейные представления и семейную этику в обеих странах. Общие социальные обращения могут отражать особенности социального статуса, отношений власти и профессионального деления труда в различных культурах. Сравнивая китайские и русские общие социальные обращения, можно проникнуть в различия и общности между двумя культурами на социальном уровне (Цзыи, 2021). Они демонстрируют глубокую логику китайско-русской культуры в семейном и социальном измерениях, соответственно, и обеспечивают важную перспективу для содействия обмену и взаимопониманию между народами двух стран, уменьшения недопонимания и укрепления межкультурного общения, поэтому сравнительный анализ проводится вокруг этих двух аспектов (Ян, 2019).

Сходство родственных обращений в китайском и русском языках заключается в их способности использоваться как для внутрисемейного общения, так и для выражения близости с неродственниками. Например, обращения «бабушка» и «дедушка» в китайском могут относиться к родственникам (со стороны отца) или вежливо применяться к незнакомым пожилым людям; аналогично в русском ребенок может сказать незнакомцу: «Дедушка, вам помочь?» (Корнеева, 2019). Подобная двойственность характерна и для интимных обращений между супругами или родителями и детьми: китайские пары используют фразы вроде «Ты сегодня хорошо поработал», а русские выражения типа «Ты отлично выглядишь», демонстрируя тем самым близость отношений как в кругу семьи, так и за ее пределами.

В китайском и русском языках различия в терминах родства, что проявляется в разделении кровных и свойственных связей, отражении старшинства и поколений, а также в способах выражения эмоций. В китайской культуре родственные отношения делятся на две основные категории: кровные и свойственные. Кровные родственники это те, кто связан с человеком прямыми или косвенными кровными узами, и классификация терминов родства в китайском языке крайне детализирована, что отражает высокую степень внимания традиционного китайского общества к клановым связям. Например, в отцовской линии «дедушка» и «бабушка» относятся к родителям отца, а в материнской линии «дедушка» и «бабушка» используются для родителей матери. Кроме того, «дядя по отцу», «дядя по матери» и «дядя по материнской линии» четко указывают на старших мужчин в отцовской и материнской линиях. Такая строгая классификация отражает высокую значимость кровных связей в китайской культуре. В отличие от этого, в русском языке термины родства по крови более упрощены и не имеют подобной детализации. Например, «дедушка» и «бабушка» являются многозначными словами, и невозможно определить по самому слову, идет ли речь о родственнике по отцовской или материнской линии. Если необходимо подчеркнуть, это можно сделать только с помощью дополнительных пояснений, например, «бабушка со стороны мамы» или «бабушка со стороны отца» (Цюй, 2018). Точно так же «дядя» и «тетя» не позволяют четко разделить родственников по отцовской и материнской линии. Эти различия показывают, что в русской культуре меньше внимания уделяется кровным связям, а структура семьи больше ориентирована на нуклеарную семью.

В терминах родства по браку сложность и детализация китайского языка снова проявляются, в то время как русский язык демонстрирует значительное упрощение. Китайские термины родства по браку включают «дядя по отцу», «тетя по матери», «тетя по отцу» и др., где каждое обращение четко указывает

на конкретные брачные отношения. Например, «дядя по отцу» относится к мужу сестры отца, а «тетя по матери» к жене брата матери. Такая строгая классификация отражает высокую значимость брачных отношений в китайской культуре, а также четкое определение статуса членов семьи. Однако в русском языке термины родства не различают кровных и свойственных родственников, и «дядя» и «тетя» охватывают широкий круг родственных связей. Можно сказать, что «дядя» относится как к братьям родителей, так и к мужьям сестер родителей, а «тетя» как к сестрам родителей, так и к женам братьев родителей. Таким образом, русские термины родства не только смешивают кровные и свойственные связи, но и затрудняют понимание отношений между членами семьи и их обращений.

Общие черты общественных обращений в китайском и русском языках существуют в нулевом обращении. Нулевое обращение – это потенциальная форма обращения, используемая для временного общения между незнакомыми людьми или когда невозможно определить личность собеседника. В русском языке нулевые обращения включают такие вежливые выражения, как «Простите», «Извините», «Скажите, пожалуйста», а также более грубые выражения, такие как «Эй». «Простите» и «Извините» чаще встречаются в речи пожилых людей и интеллигенции, с оттенком вежливости и уважения; а «эй» из-за резкого тона используется только в экстренных или шумных ситуациях. В китайском языке нулевые обращения также разнообразны и включают «извините», «здравствуйте», «пожалуйста», «эй», «извините» и «здравствуйте» – это самые вежливые варианты, часто используемые в официальных ситуациях или при общении с незнакомыми людьми; а «эй», из-за отсутствия уважения, используется только между старшими и младшими или в неформальных разговорах между ровесниками.

В китайском языке нулевые обращения часто заменяются повседневными вежливыми выражениями, такими как «здравствуйте», «скажите, пожалуйста», чтобы избежать неловкости из-за неизвестности личности собеседника. Например, при вопросе дороги или просьбе о помощи использование «Здравствуйте. Скажите, пожалуйста...» не только выражает уважение к собеседнику, но и способствует успешному общению (Лянь, 2022). Кроме того, в китайском языке существуют более неформальные нулевые обращения, такие как «алло», но из-за отсутствия вежливости они обычно не используются в официальных ситуациях или при общении с незнакомыми людьми. В целом, русские и китайские нулевые обращения имеют сходства в функциональности и эмоциональной выразительности.

Различия в общественных обращениях в китайском и русском языках проявляются в основном в обращениях по должности и именам. В китайском языке обращения по должности находятся под сильным влиянием идеи «чиновничьего статуса», и такие названия должностей, как «председатель», «менеджер», «начальник отдела», широко используются для выражения уважения к власти и статусу. Это явление тесно связано с традиционной китайской культурой, где большое внимание уделяется иерархии и отношениям между старшими и младшими. В отличие китайского, в русском языке обращения по должности используются реже и чаще используется форма «имя + отчество» (например, «Татьяна Юрьевна») для выражения вежливости и уважения. Такой способ обращения отражает важность личных имен в русской культуре и стремление к равенству в межличностном общении.

Обращения по имени в русском и китайском языках имеют значительные различия в структуре и использовании, что связано с языковыми системами, культурными традициями и социальными нормами. Русские имена состоят из имени, отчества и фамилии, где отчество это уникальное явление русского языка, указывающее на кровную связь между отцом и ребенком. Например, в имени «Ирина Юрьевна Смирнова» «Юрьевна» – это отчество, указывающее на то, что отца зовут «Юрий». В официальных ситуациях русские обычно используют полное имя (имя + отчество + фамилия), например, «Лев Николаевич Толстой», а в неформальных ситуациях могут сокращать до «имя + отчество», например, «Л.Н. Толстой». Такой способ обращения отражает важность имен в русской культуре и стремление к равенству в межличностном общении. В отличие от этого, китайские имена состоят из фамилии и имени, и в них нет отчества. В китайском языке часто используется форма «фамилия + должность» или «фамилия + родственное обращение», например, «учитель Ван», «дедушка Лю».

Углубленный сравнительный анализ китайских и русских обращений показывает сходства и различия в использовании названий на обоих языках, за которыми стоят глубокие культурные коннотации и социальные нормы.

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование эмпирически подтвердило ключевую гипотезу о фундаментальном различии в функциональных доминантах китайской и русской систем обращений. Установлено, что китайские обращения преимущественно кодифицируют социальную стратификацию и иерархичность, отражая конфуцианские традиции коллективистского общества. В отличие от этого, русская система фокусируется на динамике межличностной дистанции, что проявляется в вариативности именных форм (полное имя → имя-отчество → уменьшительно-ласкательные формы) и ситуативном выборе местоимений («Вы» / «ты»).

Выявленные дивергенции детерминированы глубинными социокультурными факторами: традиции клановых связей в Китае vs. ориентация на нуклеарную семью в России; ритуализированное подчеркивание статуса vs. гибкое регулирование степени формальности. Особую зону коммуникативного риска составляет неэквивалентность категории отчества в русском языке и статусно-должностных конструкций в китайском. Полученные результаты имеют значимую практическую импликацию и формируют основу для методик преодоления лингвокультурной интерференции в преподавании РКИ/китайского языка, разработки межкультурных тренингов для специалистов и оптимизации переводческих стратегий. Перспективным направлением дальнейших исследований видится анализ прагмалингвистического потенциала обращений в цифровой коммуникации и бизнес-диалоге.

Список литературы

1. Алимов Т.Э. Социокультурная специфика этикетных форм приветствий и обращений в узбекском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 11. С. 29-33.
2. Корнеева Л.И., Жунюй М. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку в Китае и России: сравнительно-сопоставительный анализ // Педагогическое образование в России. 2019. № 2. С. 61-65.
3. Лулу (Махнева Д.). Сопоставительно-педагогическое исследование китайского и русского адресных языков: дис. ... магистра. Далянь: Ляонинский педагогический университет. 2017. 127 с.
4. Лянь Ц. Сравнительный анализ обстоятельств времени с предложениями русского языка и соответствующих им выражений китайского языка // Litera. 2022. № 5. С. 221-229.
5. Ляньцзнь В. Сопоставительный анализ речевого этикета в современном русском и китайском языках // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4(10). С. 52-67.
6. Смит С., Ларина Т.В. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) // Русистика. 2003. № 1. С. 15-21.
7. У С. Исследование структуры категории «фамилия + адрес»: дис. ... магистра. Хунаньский нормальный университет. 2006. С. 36-38.
8. Фаткуллина Ф.Г., Шуай У. Структурно-семантическая характеристика обращений в китайском и русском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 4. С. 1155-1158.
9. Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М.: Просвещение, 1987. 159 с.
10. Хуачэнь. Многоаспектное исследование современного китайского языка обращений: дис. ... магистра. Нанкин: Нанкинский университет лесного хозяйства. 2013. С. 6.
11. Цзыи С. Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах (на примере обращения и приветствия) // Litera. 2021. № 5. С. 47-58.
12. Цюй Ю. Сопоставительный анализ маркированности гендерной лексики, обозначающей термины родства в русском и китайском языках // Университетский научный журнал. 2018. № 36. С. 254-259.
13. Чэ Юэ Цзяо. Когнитивный анализ языка обращения на основе лингвистической коммуникативной компетенции // Журнал профессионального колледжа Цзямусы. 2019. № 1. С. 176.
14. Ян Л. Сравнение и перевод китайских и русских адресов: дис. ... магистра. Шанхайский университет международных исследований. 2019. С. 19.
15. Яо Ю.Ю. Исследование различий между китайскими и английскими почетными знаками с точки зрения межкультурной коммуникации // Economist. 2023. № 5. С. 226.

Comparative analysis of appeals in Chinese and Russian

Juan Wang

Doctor of Philology, Associate Professor
Xinjiang Pedagogical University
Urumqi, China
229221727@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Siqi Zhou

Magister
Chang'an University
Xi'an, China
229221727@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 10.05.2025

Accepted 13.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 81:81:81

DOI 10.25726/q8724-7237-3376-u

EDN TGJHVC

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The present study provides a comparative analysis of the systems of addresses in Chinese and Russian as linguistic and cultural phenomena. The object of the study is the lexical and pragmatic features of appeals, the subject of the patterns of influence of socio-cultural factors on their functioning. The methodology is based on comparative analysis using linguocultural and pragmalinguistic approaches. The results confirm the hypothesis of a fundamental difference between functional dominants: the Chinese system codifies social stratification through detailed related terms and status-job constructions, reflecting the Confucian traditions of hierarchy; the Russian system focuses on the dynamics of interpersonal distance through the variability of nominal forms and the choice of pronouns. The scientific novelty lies in the identification of areas of communicative risk. The practical significance covers the areas of teaching Russian/Chinese, translation, and intercultural training.

Keywords

appeals, comparative linguoculturology, speech etiquette, intercultural communication, social stratification, Chinese, Russian.

References

1. Alimov T.E. Sociocultural specificity of etiquette forms of greetings and addresses in Uzbek and Russian languages // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2024. № 11. pp. 29-33.
2. Korneeva L.I., Rongyu M. Formation of intercultural communicative competence in teaching a foreign language in China and Russia: comparative analysis // Pedagogical education in Russia. 2019. № 2. pp. 61-65.

3. Lulu (Makhneva D.). Comparative pedagogical research of Chinese and Russian target languages: dis. ... magister's degree. Dalian: Liaoning Pedagogical University. 2017. 127 p.
4. Lian Ts. Russian Russian. A comparative analysis of the circumstances of time with the prepositions of the Russian language and the corresponding expressions of the Chinese language // Litera. 2022. № 5. pp. 221-229.
5. Lianzen V. Comparative analysis of speech etiquette in modern Russian and Chinese languages // The world of Russian-speaking countries. 2021. № 4(10). pp. 52-67.
6. Smith S., Larina T.V. Conversion in English communicative culture (in comparison with Russian) // Russian studies. 2003. № 1. pp. 15-21.
7. U. S. Study of the structure of the category «surname + address»: Master's thesis. Hunan Normal University, 2006. pp. 36-38.
8. Fatkullina F.G., Shuai U. Structural and semantic characteristics of appeals in Chinese and Russian languages // Bashkir University. 2017 bulletin. Vol. 22. № 4. pp. 1155-1158.
9. Formanovskaya N.I. Russian speech etiquette. M.: Education, 1987. 159 p.
10. Huachen. A multidimensional study of the modern Chinese language of addresses: dis. ... master's degree. Nanjing: Nanjing University of Forestry. 2013. p. 6.
11. Ziyi S. Speech etiquette in Russian and Chinese linguistic cultures (on the example of address and greeting) // Litera. 2021. № 5. pp. 47-58.
12. Qu Yu. Comparative analysis of the labeling of gender vocabulary denoting kinship terms in Russian and Chinese // University scientific journal. 2018. № 36. pp. 254-259.
13. Che Yue Jiao. Cognitive analysis of the language of address based on linguistic communicative competence // Journal of Jiamusi Professional College. 2019. № 1. p. 176.
14. Yang L. Comparison and translation of Chinese and Russian addresses: dis. ... master's degree. Shanghai: Shanghai University of International Studies, 2019. P. 19.
15. Yao Yu.Yu. A study of the differences between Chinese and English honorary badges from the point of view of intercultural communication // Economist. 2023. № 5. p. 226.

Тенденции развития школьного иноязычного образования в контексте международных образовательных стратегий Китая и России

Цзюнь У

Аспирант

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

1042248099@pfur.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 07.05.2025

Принята 11.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 37.019.22

DOI 10.25726/t8244-1902-7895-x

EDN BSVIZY

БАК 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Аннотация

Проведенное исследование раскрывает детерминацию развития школьного иноязычного образования Китая и России их международными образовательными стратегиями. В условиях глобализации владение иностранными языками трансформировалось в ключевую компетенцию XXI века, а школьный этап признан фундаментом формирования межкультурных навыков. Сравнительный анализ выявил устойчивые тенденции: снижение возраста начала изучения, расширение спектра языков (включая взаимный интерес к китайскому в РФ и русскому в КНР), усиление коммуникативной направленности, интеграция культурологического компонента и цифровизация. Установлено, что данные трансформации непосредственно обусловлены стратегическими целями государств по укреплению глобальных позиций и культурно-гуманитарного влияния. Несмотря на сходства (ранний старт, доминирование английского, технологизация), выявлены различия в масштабах реализации: глобальный охват Китая контрастирует с региональной ориентацией России. Исследование подчеркивает роль школьного иноязычного образования как стратегического ресурса двустороннего сотрудничества и обозначает ключевые вызовы: баланс глобализации с лингвистическим суверенитетом, региональное неравенство доступа и кадровый дефицит.

Ключевые слова

школьное иноязычное образование, международные образовательные стратегии, китайско-российское сотрудничество, тенденции развития, межкультурная коммуникация.

Введение

Современный этап развития мирового образовательного пространства неразрывно связан с процессами глобализации и интернационализации, предъявляющими новые требования к подготовке подрастающих поколений. В этом контексте владение иностранными языками (ИЯ) трансформировалось из частной образовательной задачи в ключевую компетенцию XXI века, необходимую для академической мобильности, профессиональной реализации и полноценного участия в международном диалоге. Школьный этап признается фундаментальным в формировании языковых навыков и межкультурной компетенции, закладывая основы для дальнейшего личностного и профессионального роста в поликультурной среде. Сравнительный анализ опыта крупнейших мировых держав, активно формирующих собственную международную образовательную повестку, приобретает особую научную и

практическую значимость. Исследование специфики развития школьного иноязычного образования в Китайской Народной Республике и Российской Федерации, двух государствах с уникальным историко-культурным наследием и амбициозными стратегиями позиционирования в глобальном образовательном пространстве, позволяет выявить как универсальные закономерности, так и национально обусловленные особенности этого процесса (Габидуллина, 2024).

Целью настоящей статьи является выявление и сравнительный анализ ключевых тенденций развития школьного иноязычного образования в Китае и России, детерминированных их национальными международными образовательными стратегиями. Исследование направлено на раскрытие механизмов влияния макростратегических установок на конкретные аспекты языковой подготовки в общеобразовательной школе. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: охарактеризовать основные векторы и приоритеты международных образовательных стратегий Китая и России; проанализировать актуальное состояние и системообразующие элементы школьного иноязычного образования в обеих странах; выявить и систематизировать общие и специфические тенденции его развития под воздействием международных стратегий; обозначить ключевые вызовы и перспективы, возникающие в контексте интернационализации.

Объектом исследования выступает процесс развития школьного иноязычного образования как составной части национальных образовательных систем. Предметом исследования являются тенденции развития школьного иноязычного образования в Китае и России, рассматриваемые сквозь призму реализации их международных образовательных стратегий. Акцент делается на анализе направленности и содержательных аспектов трансформаций, обусловленных стремлением государств укрепить свои позиции в мировом образовательном пространстве. Рассмотрение указанных тенденций в сравнительной перспективе способствует углублению понимания факторов, определяющих современную динамику языкового образования в условиях глобальной взаимозависимости, и имеет значительный научный потенциал для прогнозирования его дальнейшей эволюции.

Материалы и методы исследования

Формирование и реализация международных образовательных стратегий являются неотъемлемой частью внешнеполитического и гуманитарного курса современных государств, стремящихся к укреплению своих позиций в глобализирующемся мире. Китайская Народная Республика и Российская Федерация, обладая значительным образовательным потенциалом и амбициями на мировой арене, разработали комплексные подходы к интернационализации образования, которые оказывают прямое воздействие на развитие школьного иноязычного образования внутри стран (Туркац, 2014). Ключевые ориентиры китайской стратегии концентрируются вокруг концепции усиления культурно-гуманитарного влияния, часто обозначаемой как стратегия «мягкой силы». Практическим воплощением этого служит глобальная сеть Институтов Конфуция, целенаправленно продвигающих китайский язык и национальную культуру. Параллельно Китай активно стимулирует приток иностранных студентов в свои университеты через масштабные стипендиальные программы, способствуя не только интернационализации высшей школы, но и формированию лояльного международного сообщества. Значимым контекстом для образовательной экспансии стала инициатива «Один Пояс - Один Путь», в рамках которой образовательное сотрудничество выступает важным инструментом укрепления экономических и политических связей. Стратегия направлена на глубокую интеграцию Китая в глобальное образовательное пространство с одновременным наращиванием экспорта собственных образовательных услуг и стандартов.

Российская Федерация в своей международной образовательной политике также ставит амбициозные задачи, фокусируясь на укреплении конкурентных позиций отечественного образования на мировом рынке. Центральное место занимает цель увеличения экспорта российского образования, выраженная в привлечении иностранных учащихся и создании привлекательных условий для их обучения. Важным компонентом является развитие академической мобильности, как входящей, так и исходящей (Тройникова, 2023). Продвижение русского языка и российской культуры за рубежом осуществляется преимущественно через систему Россотрудничества и его представительств («Русских

Домов»), выполняющих функции культурно-образовательных центров. Особое внимание уделяется сохранению и развитию общего образовательного пространства с государствами-участниками Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза. Институциональную основу стратегии составляют масштабные национальные проекты, такие как «Образование», и программы развития университетов («Приоритет 2030»), предусматривающие конкретные меры по повышению международной конкурентоспособности российских вузов и научных центров.

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ приоритетов двух стратегий выявляет как точки соприкосновения, так и существенные различия, обусловленные геополитическим положением и историческими факторами. Общим фундаментом служит стремление к активной интернационализации национальных образовательных систем, признание важности продвижения государственного языка и культуры как инструмента гуманитарного влияния, а также ориентация на увеличение числа иностранных студентов. Однако масштаб и географические приоритеты заметно различаются. Китайская стратегия носит поистине глобальный характер, охватывая все континенты и подкреплённая значительными финансовыми ресурсами, что ярко проявляется в охвате инициативы «Один Пояс – Один Путь» (Гурулева, 2021). Российская стратегия, сохраняя глобальные амбиции, объективно имеет более выраженную региональную направленность, концентрируясь на постсоветском пространстве и странах-традиционных партнерах. Эта специфика отражается в структуре образовательных программ поддержки русского языка и в выборе приоритетных направлений академического сотрудничества. Различны и акценты в механизмах реализации: если Китай делает ставку на создание собственных инфраструктурных центров (Институты Конфуция) по всему миру, то Россия часто опирается на существующие историко-культурные связи и институты в странах СНГ, одновременно развивая сеть своих представительств. Данные стратегические различия неизбежно накладывают отпечаток на конкретные подходы к развитию школьного иноязычного образования в каждой из стран.

Современная конфигурация школьного иноязычного образования в Китае и России формируется под воздействием государственной образовательной политики, закреплённой в нормативно-правовых документах. В Российской Федерации Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) устанавливают иностранный язык в качестве обязательного учебного предмета на всех уровнях общего образования, подчеркивая его роль в формировании универсальных учебных действий и достижении личностных, метапредметных и предметных результатов. Китайские образовательные стандарты аналогично фиксируют обязательный статус иностранного языка, позиционируя его как ключевой элемент подготовки конкурентоспособных кадров для участия в глобальном взаимодействии (Хрисанова, 2018). Этот нормативный мандат определяет базовые условия для развития языкового образования в обеих странах.

Практическая реализация преподавания иностранных языков в школах характеризуется рядом значимых параметров. Наблюдается устойчивая тенденция к снижению возраста начала изучения первого иностранного языка, что отражает понимание важности раннего языкового развития. При выборе изучаемых языков доминирующее положение в Китае занимает английский язык, что обусловлено его статусом языка международного общения и экономической целесообразностью. В российской школе, наряду с безусловным лидерством английского языка, сохраняется значительная доля учащихся, изучающих немецкий и французский языки, однако заметно увеличивается интерес к китайскому языку, особенно в регионах, ориентированных на сотрудничество с КНР (Крайдер, 2024). Параллельно в Китае отмечается рост числа школ, предлагающих русский язык в качестве второго иностранного, что коррелирует с углублением двусторонних отношений. Объем учебного времени, выделяемого на изучение иностранных языков в учебных планах обеих стран, является существенным и имеет тенденцию к увеличению, особенно в профильных классах и школах с углубленным изучением. Целевые установки обучения смещены в сторону формирования практико-ориентированной коммуникативной компетенции, предполагающей способность к реальному межкультурному общению. Эта направленность находит отражение в содержании образования и применяемых методиках,

ориентированных на развитие всех видов речевой деятельности. Значимым фактором, влияющим на практику преподавания, выступает система итоговой аттестации. В России Единый государственный экзамен (ЕГЭ) и Основной государственный экзамен (ОГЭ) по иностранному языку задают определенные ориентиры для школ (Гурулева, 20210). В Китае высокие ставки Национального вступительного экзамена (Gaokao), а также растущая популярность международных сертификационных экзаменов по английскому языку существенно воздействуют на учебный процесс, подчас усиливая его экзаменационную направленность.

Кадровое обеспечение преподавания иностранных языков представляет собой критически важный аспект состояния системы. Подготовка учителей осуществляется преимущественно в педагогических вузах и университетах. Для России актуальными остаются вопросы обеспечения качества преподавания менее распространенных языков, таких как китайский, где потребность в квалифицированных кадрах опережает предложение. В Китае масштабы системы школьного образования предъявляют особые требования к массовой подготовке учителей английского языка, контролю их квалификации и организации непрерывного профессионального развития (Маловичко, 2011). Наличие достаточного количества высококвалифицированных педагогических кадров является необходимым условием для реализации как образовательных стандартов, так и более широких международных стратегических задач, стоящих перед обеими странами в сфере языкового образования.

Реализация международных образовательных стратегий Китая и России выступает мощным катализатором трансформации школьного иноязычного образования, формируя отчетливые и взаимосвязанные тенденции. Наиболее выраженной является устойчивая тенденция к снижению возраста начала изучения первого иностранного языка. Эта практика, активно внедряемая в обеих странах, напрямую коррелирует со стратегическими задачами формирования глобально конкурентоспособных выпускников, способных к ранней интеграции в международное образовательное и профессиональное сообщество (Рябинина, 2020). Раннее погружение в языковую среду рассматривается как необходимый фундамент для достижения высокого уровня владения языком к окончанию школы, что соответствует целям усиления международного позиционирования государств. Одновременно наблюдается значимое расширение спектра изучаемых иностранных языков, выходящее за рамки традиционного доминирования английского языка как универсального средства глобального общения. В российской системе образования фиксируется заметный рост интереса к изучению китайского языка. Этот процесс детерминирован углублением экономического партнерства, активным взаимодействием в рамках инициативы «Один Пояс – Один Путь» и осознанием стратегической важности китайского языка для будущих специалистов. Соответствующая динамика характерна и для китайских школ в отношении русского языка, где его изучение поддерживается государством как элемент укрепления всестороннего партнерства и связующее звено исторического взаимодействия (Унежева, 2024). Данная тенденция представляет собой прямой отклик образовательных систем на геополитические и экономические приоритеты, заложенные в национальных стратегиях интернационализации.

Содержательная переориентация иноязычного образования проявляется в усилении его практико-ориентированности и безусловном доминировании коммуникативной направленности. Фокус смещается на формирование реальных навыков речевого взаимодействия, необходимых для академической мобильности, участия в международных проектах и будущей профессиональной деятельности. Эта целевая установка материализуется в обновлении методик преподавания и содержания программ, а также в растущей интеграции подготовки к признанным международным экзаменам и национальным итоговым аттестациям (ЕГЭ/ОГЭ в России, Национальному вступительному экзамену в Китае), выступающим индикатором достижения требуемого уровня (Бин, 2019). Неотъемлемым компонентом современного языкового образования становится углубленное включение культурологического и страноведческого контента, направленного на формирование подлинной межкультурной компетенции. Акцент делается не только на изучении культуры стран изучаемого языка глобально, но и на углубленном понимании специфики страны-стратегического партнера России для китайских учащихся и Китая для российских. Эта тенденция непосредственно обслуживает задачи

гуманитарного измерения международных стратегий, способствуя взаимопониманию и укреплению доверия между народами.

Цифровизация выступает ключевым технологическим драйвером развития, предоставляя инструменты для преодоления географических барьеров и поддержки интернационализации. Широкое внедрение цифровых платформ, онлайн-курсов, аутентичных мультимедийных ресурсов и возможностей виртуального обмена существенно обогащает образовательную среду, делая изучение языка более доступным и мотивирующим, а также приближая его к реальным условиям глобальной коммуникации.

Наряду с позитивными изменениями развитие школьного иноязычного образования сталкивается с комплексом вызовов. Центральным является необходимость поддержания баланса между глобализационными процессами, выражающимися в абсолютном доминировании английского языка, и национальными интересами, связанными с сохранением лингвистического суверенитета и продвижением родного языка и культуры. Острой проблемой остается существенная региональная и социально-экономическая дифференциация в доступе к качественному языковому образованию и современным ресурсам, создающая неравные стартовые возможности для учащихся из разных регионов и населенных пунктов. Кадровый дефицит, особенно ощутимый в области преподавания новых перспективных языков (китайского в России) и внедрения актуальных коммуникативных методик, требует системных решений в подготовке и повышении квалификации педагогических кадров (Ханипова, 2021). Геополитическая динамика способна оказывать существенное, порой дестабилизирующее, влияние на образовательное сотрудничество и выбор изучаемых языков. Наконец, в условиях активной интернационализации сохраняет актуальность вопрос обеспечения культурной идентичности и образовательного суверенитета, поиска оптимальной модели интеграции в глобальное пространство без утраты национальных образовательных традиций и ценностей. Преодоление этих вызовов является критически важным условием для устойчивого развития школьного иноязычного образования как эффективного инструмента реализации международных стратегических амбиций Китая и России.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ позволил выявить устойчивые тенденции развития школьного иноязычного образования в Китае и России, детерминированные их национальными международными образовательными стратегиями. Ключевыми векторами трансформации выступают последовательное снижение возраста начала изучения иностранных языков, расширение их спектра за счет взаимного интереса к китайскому языку в России и русскому языку в Китае при сохранении доминирующей роли английского, усиление практико-ориентированной коммуникативной направленности, глубокая интеграция культурологического и страноведческого компонентов, прежде всего связанных со страной-стратегическим партнером, а также активное внедрение цифровых инструментов. Эти тенденции демонстрируют прямую зависимость содержания и методов школьного языкового образования от макростратегических целей государств по укреплению своих позиций в глобальном образовательном пространстве и усилению культурно-гуманитарного влияния.

Сравнительный итог исследования выявляет значительные сходства в траекториях развития двух систем: обе страны демонстрируют приверженность раннему старту изучения, коммуникативному подходу, цифровизации и признанию английского языка как глобального инструмента. Основные различия обусловлены масштабом и географическими приоритетами международных стратегий: глобальный охват Китая контрастирует с выраженной региональной направленностью России, что находит отражение в спектре предлагаемых языков и фокусе образовательных программ.

Перспективы развития школьного иноязычного образования видятся в дальнейшем укреплении взаимного интереса к изучению русского и китайского языков, что создает благоприятную почву для реализации совместных образовательных проектов, включая академические обмены школьниками и педагогами, разработку специализированных учебно-методических комплексов. Критически важным остается решение системных задач по обеспечению равного доступа к качественному языковому образованию на всей территории стран и преодолению кадрового дефицита, особенно в области

преподавания языков партнера. Успешность дальнейшей эволюции будет определяться способностью образовательных систем адаптироваться к динамичной глобальной среде, сохраняя при этом национальные образовательные ценности и культурную идентичность. Школьное иноязычное образование подтверждает свою роль как стратегического ресурса реализации международных амбиций Китая и России и основы для углубления двустороннего сотрудничества.

Список литературы

1. Бин Л., Игна О. Н. Этапы развития профессионального педагогического образования в Китае и России // Научно-педагогическое обозрение // Педагогический обзор. 2019. № 5(27). С. 30-39.
2. Габидуллина Ч.Ф. Сотрудничество в образовательной сфере России и Китая: перспективы развития // Общество и государство. 2024. № 3(47). С. 6-10.
3. Гурулева Т.Л. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы // Язык и культура. 2021. № 54. С. 113–130.
4. Гурулева Т.Л. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы // Язык и культура. 2021. № 54. С. 113-130.
5. Крайдер А.В., Гураль С.К., Лю Ш. Сравнительный анализ методических программ подготовки переводчиков в России и Китае // Язык и культура. 2024. № 65. С. 214-241.
6. Маловичко Л.В. Экономические аспекты образования в современном мире (на примере России и Китая) // Информация и образование: границы коммуникаций. 2011. № 3. С. 207–209.
7. Рябнина А.М. Интернационализация системы высшего образования в эпоху научно-технологической революции // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 297-321.
8. Тройникова Е.В., Драгунов А.А. Принципы соизучения культурно-языковых систем: китайской, русской, английской // Многоязычие в образовательном пространстве. 2023. Т. 15. № 2. С. 156-163.
9. Туркацо О.М. Сравнительный анализ тенденций в российском и китайском иноязычном образовании // Психология и педагогика в системе гуманитарного знания. 2014. С. 91-101.
10. Унежева С.Р., Хафизова С.А., Жукова Т.А. Новые вызовы развития поликультурного образования в России // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2(105). С. 192-197.
11. Ханипова Р.Р., Морозова Т.В. Особенности профессиональной подготовки специалистов языкового профиля в России и за рубежом // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 4. № 4. С. 619-635.
12. Хрисанова Е.Г., Ися М. Иноязычное образование в средних школах Китая // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 2(98). С. 304-311.
13. Чэнь Х., Дзюба Е.В., Савиновских В.В. Формирование русско-китайского образовательного сообщества: цель, содержание, перспективы // Педагогическое образование в России. 2023. № 1. С. 22-30.

Trends in the development of foreign language school education in the context of international educational strategies of China and Russia

Jun Wu

PhD student

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

1042248099@pfur.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 07.05.2025

Accepted 11.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 37.019.22

DOI 10.25726/t8244-1902-7895-x

EDN BSVIZY

VAK 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract

The conducted research reveals the determination of the development of foreign language school education in China and Russia by their international educational strategies. In the context of globalization, foreign language proficiency has transformed into a key competence of the 21st century, and the school stage is recognized as the foundation for the formation of intercultural skills. Comparative analysis revealed stable trends: a decrease in the age of study initiation, an expansion of the range of languages (including mutual interest in Chinese in the Russian Federation and Russian in the PRC), increased communicative orientation, integration of the cultural component and digitalization. It is established that these transformations are directly conditioned by the strategic goals of states to strengthen global positions and cultural and humanitarian influence. Despite the similarities (early start, dominance of English, technologization), differences in the scale of implementation have been identified: China's global reach contrasts with Russia's regional orientation. The study highlights the role of foreign language school education as a strategic resource for bilateral cooperation and identifies key challenges: the balance of globalization with linguistic sovereignty, regional access inequality, and staffing shortages.

Keywords

foreign language school education, international educational strategies, Sino-Russian cooperation, development trends, intercultural communication.

References

1. Bin L., Igna O. N. Stages of development of professional pedagogical education in China and Russia // *Scientific and pedagogical review*. 2019. № 5(27). pp. 30-39.
2. Gabidullina Ch.F. Cooperation in the educational sphere of Russia and China: development prospects // *Society and the state*. 2024. № 3(47). pp. 6-10.
3. Guruleva T.L. Approaches to teaching Chinese in the aspect of the formation of an intercultural educational paradigm // *Language and culture*. 2021. № 54. pp. 113-130.
4. Guruleva T.L. Approaches to teaching Chinese in the aspect of the formation of an intercultural educational paradigm // *Language and culture*. 2021. № 54. pp. 113-130.
5. Kraider A.V., Gural S.K., Liu Sh. Comparative analysis of methodological training programs for translators in Russia and China // *Language and culture*. 2024. № 65. pp. 214-241.
6. Malovichko L.V. Economic aspects of education in the modern world (on the example of Russia and China) // *Information and education: frontiers of communication*. 2011. № 3. pp. 207-209.
7. Ryabinina A.M. Internationalization of the higher education system in the era of the scientific and technological revolution // *Public administration. Electronic bulletin*. 2020. № 81. pp. 297-321.
8. Troinikova E.V., Dragunov A.A. Principles of co-learning cultural and linguistic systems: Chinese, Russian, English // *Multilingualism in the educational space*. 2023. Vol. 15. № 2. pp. 156-163.
9. Turkatso O.M. Comparative analysis of trends in Russian and Chinese foreign language education // *Psychology and pedagogy in the system of humanitarian knowledge*. 2014. pp. 91-101.
10. Unezheva S.R., Khafizova S.A., Zhukova T.A. New challenges in the development of multicultural education in Russia // *The world of science, culture, and education*. 2024. № 2(105). pp. 192-197.

11. Khanipova R.R., Morozova T.V. Features of professional training of language specialists in Russia and abroad // Kazan linguistic journal. 2021. Vol. 4. № 4. pp. 619-635.
12. Khrisanova E.G., Isya M. Foreign language education in secondary schools in China // Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. 2018. № 2(98). pp. 304-311.
13. Chen H., Dzyuba E.V., Savinovskikh V.V. Formation of the Russian-Chinese educational community: purpose, content, prospects // Teacher education in Russia. 2023. № 1. pp. 22-30.

Уверенность в культуре как основа инновационной практики идеологического и политического образования в колледжах и университетах Китая

Лили Чэнь

Магистр

Институт марксизма, Университет Хэйхэ

Хэйхэ, Китай

1678507209@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Сюэ Дун

Преподаватель

Институт марксизма, Университет Хэйхэ

Хэйхэ, Китай

1224953084@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Хуэйцзюань Се

Сотрудник Института непрерывного образования

Университет Хэйхэ

Хэйхэ, Китай

1127341705@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 07.03.2025

Принята 19.04.2025

Опубликована 30.09.2025

УДК 373.3:37:159.9

DOI 10.25726/u2709-1624-1111-t

EDN BHYIYX

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В условиях глобализации и идеологического противостояния формирование культурной уверенности у студентов приобретает стратегическое значение для Китая, способствуя сохранению национальной идентичности и социалистических ценностей. Концепция «уверенности в культуре», выдвинутая Си Цзиньпином как одна из «четырех уверенностей», подразумевает глубокое признание традиционной, революционной и социалистической культуры как основы идеологического и политического образования в вузах. Традиционные методы воспитания теряют эффективность среди «цифрового поколения», требуя инноваций для повышения вовлеченности молодежи. Цель исследования – анализ путей интеграции культурной уверенности в образовательную практику для модернизации системы, обеспечивающей идеологическую безопасность и устойчивое развитие общества. Исследование опирается на диалектический материализм, идеи Си Цзиньпина и марксистскую теорию. Материалами послужили официальные документы КПК, учебные программы ведущих вузов, научные публикации китайских авторов. Применены контент-анализ нормативных актов, герменевтический метод для толкования концепций, сравнительный анализ моделей образования, кейс-стади практик в университетах. Выявлено, что инновации включают обогащение курсов элементами классической философии (Конфуций, Лао-цзы), интерактивные методы (дебаты, проекты), цифровые

технологии (онлайн-экскурсии, приложения) и создание кампусной культурной среды (фестивали, «красный туризм»). Это повышает мотивацию студентов, связывая теорию с жизнью. Результаты подчеркивают вызовы: риск поверхностной интеграции, дефицит квалифицированных кадров, необходимость баланса между патриотизмом и глобализмом. Инновационная практика формирует целостную личность, укорененную в культуре, но требует дальнейшей методологической разработки для органичного синтеза традиций и социализма, способствуя национальному возрождению.

Ключевые слова

уверенность в культуре, идеологическое образование, политическое воспитание, инновации в вузах, китайская культура.

Название темы исследования: Исследование путей развития культурной уверенности в себе у студентов колледжей в новую эпоху. Номер темы: 2021-KYYWF-0724

Введение

В условиях глобализации и информатизации, характеризующихся усложнением международной обстановки и обострением идеологического противостояния, проблема формирования мировоззрения и ценностных ориентаций молодежи приобретает особую стратегическую значимость для каждого государства. Китайская Народная Республика в новую эпоху социализма с китайской спецификой уделяет первостепенное внимание идеологическому и политическому воспитанию в системе высшего образования, рассматривая его как фундаментальную задачу, связанную с будущим страны и преемственностью социалистического дела. Центральное место в современной концепции этого воспитания занимает «уверенность в культуре», выдвинутая Председателем Си Цзиньпином как одна из «четырех уверенностей» (в пути, теории, строе и культуре), составляющих духовную опору нации. Уверенность в культуре предполагает глубокое понимание, признание и гордость за выдающуюся традиционную китайскую культуру, революционную культуру и передовую социалистическую культуру, которые вместе формируют уникальный духовный мир китайской нации (Ян, 2021). Именно эта уверенность призвана стать неиссякаемым источником силы для противостояния внешним идеологическим вызовам и эрозии национальных ценностей, особенно среди студенческой молодежи, которая является наиболее активной и восприимчивой социальной группой. Однако традиционные методы идеологического и политического образования, зачастую основанные на догматическом изложении теории и оторванные от живой реальности и интересов студентов, демонстрируют снижение эффективности в цифровую эпоху. Молодое поколение, погруженное в глобальное информационное пространство, требует новых, более гибких, интерактивных и убедительных подходов к воспитанию.

В этом контексте интеграция культурной уверенности в практику идеологического и политического образования в колледжах и университетах Китая становится ключевым направлением инновационного развития. Речь идет не просто о добавлении элементов культуры в учебные планы, а о глубокой трансформации самой образовательной парадигмы, где культура выступает не как объект изучения, а как живая основа, питающая и обогащающая содержание, методы и формы воспитательной работы. Инновационная практика (Yue, 20230, основанная на культурной уверенности, направлена на то, чтобы сделать идеологическое и политическое образование более близким, понятным и привлекательным для студентов, превращая его из набора абстрактных доктрин в осмысленный процесс личностного и гражданского становления. Целью такого подхода является воспитание нового поколения специалистов, которые не только обладают профессиональными знаниями, но и прочно стоят на родной земле, укоренены в национальной культуре, обладают критическим мышлением для анализа сложных явлений (Чжао, 2024), и в то же время открыты миру, способны к диалогу культур, но при этом непоколебимы в своих социалистических убеждениях. Актуальность данного исследования заключается в необходимости теоретического осмысления и практического обобщения опыта по использованию культурного потенциала для модернизации системы идеологического и политического воспитания, что

напрямую связано с обеспечением идеологической безопасности и устойчивого развития китайского общества.

Материалы и методы исследования

Методологической и теоретической базой настоящего исследования послужил комплексный подход, основанный на принципах диалектического материализма и историзма, а также на ключевых положениях марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей «трех представительств», научной концепции развития и, в особенности, идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Фундаментальное значение для анализа имели работы Председателя Си Цзиньпина, посвященные вопросам культуры, образования и идеологической работы, в которых системно изложена концепция «уверенности в культуре» как ключевого элемента национального возрождения. В качестве основных материалов исследования были использованы официальные документы Коммунистической партии Китая и правительства КНР, в частности, директивы ЦК КПК и Министерства образования, касающиеся реформирования идеологического и политического образования в высших учебных заведениях за последнее десятилетие (Сяньюй, 2024). Также были проанализированы учебные программы, методические пособия и научные публикации ведущих китайских университетов, отражающие практический опыт инноваций в данной сфере. Важным источником стали научные статьи и монографии китайских ученых-педагогов, политологов и культурологов, исследующих проблемы сопряжения культурного наследия и современного идеологического воспитания (Чэнь, 2022).

В ходе исследования применялся междисциплинарный подход, интегрирующий методы политологии, педагогики, культурологии и социологии. Основными методами сбора и анализа данных выступили: контент-анализ нормативно-правовых актов и программных документов, позволивший выявить ключевые направления государственной политики в области образования; герменевтический анализ теоретических работ и выступлений китайских лидеров для глубокого толкования понятия «уверенность в культуре» и его роли в идеологической системе; сравнительный анализ, использованный для сопоставления традиционных и инновационных моделей преподавания идеологических и политических дисциплин. Кроме того, был применен метод кейс-стади (Liu, 2023) для изучения конкретных примеров успешной интеграции культурных элементов в образовательный процесс на базе нескольких ведущих университетов Китая. Обобщение и синтез полученных данных позволили выстроить целостную картину происходящих трансформаций, выявить основные проблемы и определить перспективные направления дальнейшего развития инновационной практики идеологического и политического образования на основе культурной уверенности (Му, 2021).

Результаты и обсуждение

Первоначальное формирование уверенности в культуре как основы инновационной практики идеологического и политического образования в китайских колледжах и университетах имеет глубокие исторические корни, уходящие в традиции национальной идентичности и коллективного самосознания. Древние философы и мыслители Китая подчеркивали значимость культурных ценностей в воспитании молодого поколения, ставя во главу угла гармоничное развитие личности и общества. Вместе с тем, современные тенденции в области образования все более настойчиво требуют формирования новой парадигмы, в которой традиционная среда студенчества, культурно-историческая преемственность и инновационные образовательные технологии выступают основой для подготовки специалистов, способных не только адаптироваться к динамично меняющимся условиям, но и активно участвовать во внедрении преобразований (Чжао, 2024). Учебный процесс в сфере идеологического и политического воспитания, особенно на уровне профессиональной подготовки, сталкивается с растущим интересом к интеграции различных методик и психологических подходов, чтобы стимулировать у молодежи не только знание, но и глубокую мотивацию к сохранению национальных ценностей (Yue, 2023). Многие исследователи выделяют фактор культурной уверенности как ключевую движущую силу становления личностных качеств студентов, позволяющую выстраивать диалог с окружающим миром, оставаясь при

этом носителем родной традиции (Му, 2021). В этой связи возникла потребность в расширении самого понятия инновационности: оно все чаще рассматривается не только как технологический аспект, но и как педагогический инструмент, стимулирующий сознательное восприятие смысла отечественной культуры и ее конкретных проявлений в современном образовательном пространстве Китая (Чэнь, 2022). Формирование компетентностей в сфере идеологического и политического образования, таким образом, приобретает особый формат, где понимание культурной основы неразрывно связано с развитием навыков конструктивного взаимодействия социума и государства. Углубление подобных процессов создает предпосылки для совершенствования программ и методик, ориентированных на системную поддержку культурных ценностей не только в учебных аудиториях, но и в общественной среде. Это в конечном итоге ведет к тому, что уверенность в культуре становится важнейшим условием для формирования нации, способной сохранять свою самобытность в быстром течении глобальных перемен. Вопрос о том, как наиболее результативно внедрить новый формат обучения, усиливающий культурную уверенность, продолжает оставаться дискуссионным во многих научных кругах, занимающихся проблемами образования и воспитания молодого поколения. Так возникает необходимость более детального анализа сущности данного явления в дидактической и социальной сферах, а также разработки методически выверенных путей его внедрения в образовательную систему.

Анализ современной образовательной практики в колледжах и университетах Китая показывает, что концепция «уверенности в культуре» стала мощным катализатором для системных инноваций в сфере идеологического и политического образования. Эта трансформация затрагивает все уровни образовательного процесса, от содержания учебных курсов до внеаудиторной деятельности и создания особой кампусной среды. Суть инноваций заключается в переходе от абстрактно-теоретической модели преподавания к модели культурно-контекстуализированной, где марксистские принципы и социалистические ценности преподносятся не как чужеродные доктрины, а как органичное продолжение и высший этап развития многотысячелетней китайской цивилизации.

Одним из ключевых направлений является обогащение содержания учебных дисциплин. Традиционные курсы, такие как «Основы марксизма» или «Введение в идеи Мао Цзэдуна и теоретическую систему социализма с китайской спецификой», активно дополняются материалами из китайской классической философии, литературы и истории. Например, при изучении диалектического материализма проводятся параллели с древнекитайскими концепциями инь и ян, а идеи конфуцианства о гармоничном обществе и служении народу (Ли, 2020) рассматриваются как исторические предпосылки для формирования социалистической этики. Такой подход позволяет студентам увидеть глубокие исторические корни современных идеологических установок, что значительно повышает их восприятие и внутреннее принятие. Преподаватели больше не ограничиваются цитированием классиков марксизма; они активно используют афоризмы Конфуция, Лао-цзы, примеры из исторических хроник «Ши цзи» для иллюстрации теоретических положений, делая материал более живым и понятным.

Происходит кардинальное изменение методов преподавания. На смену монотонным лекциям приходят интерактивные формы обучения: семинары-дискуссии, дебаты, проектная работа. Студентам предлагается не просто заучивать материал, а самостоятельно исследовать различные аспекты культурного наследия (Се, 2020). Например, в рамках проектной деятельности группы студентов могут изучать влияние каллиграфии на развитие эстетического вкуса, анализировать экономические модели династии Сун с точки зрения политэкономики или исследовать отражение революционного духа в китайском кинематографе XX века. Этот процесс стимулирует развитие критического мышления и исследовательских навыков, превращая студентов из пассивных слушателей в активных участников образовательного процесса.

Особое место в инновационной практике занимает использование цифровых технологий и мультимедиа. Понимая, что современная молодежь является «цифровым поколением», университеты создают высококачественный онлайн-контент. Это могут быть виртуальные экскурсии по Запретному городу или другим объектам культурного наследия, интерактивные курсы по истории Коммунистической партии Китая с использованием архивных видеоматериалов, а также образовательные подкасты и мобильные приложения (Чэнь, 2025). Социальные сети, такие как WeChat и Weibo, используются для

создания учебных групп, проведения опросов и обсуждения актуальных тем, что позволяет поддерживать непрерывный диалог между преподавателем и студентами за пределами аудитории. Создание коротких познавательных видеороликов, адаптированных под форматы популярных платформ вроде Douyin, помогает донести сложные идеологические концепции в доступной и привлекательной для молодежи форме.

Важнейшим элементом является создание на кампусе насыщенной культурной среды. Университеты становятся не просто местом учебы, а центрами сохранения и популяризации национальной культуры. Регулярно проводятся фестивали традиционной культуры, выставки каллиграфии и живописи гохуа, концерты классической китайской музыки, мастер-классы по народным ремеслам (Чэнь, 2022). В учебные корпуса и общежития интегрируются элементы традиционной архитектуры и дизайна. Эта работа направлена на то, чтобы студенты ежедневно, на подсознательном уровне, впитывали эстетику и дух родной культуры, ощущая себя ее частью и наследниками.

Большое внимание уделяется социальной практике и волонтерской деятельности, которые также приобретают культурную направленность. Студентов поощряют участвовать в проектах по сохранению нематериального культурного наследия в сельских районах, помогать в организации местных культурных мероприятий, работать гидами в исторических музеях (Dong, 2023). Популярным направлением стал так называемый «красный туризм» – поездки по местам революционной славы, которые теперь организуются не как формальные экскурсии, а как исследовательские экспедиции, где студенты изучают историю, общаются с ветеранами и анализируют значение тех событий для современности. Такая деятельность позволяет связать теоретические знания с реальной жизнью, воспитывая чувство сопричастности к истории и судьбе своей страны.

Однако, несмотря на значительные успехи, на пути инновационной практики существует ряд проблем и вызовов. Одной из главных трудностей является риск поверхностной интеграции, когда культурные элементы используются лишь как внешнее украшение, а не как содержательная основа. Простое цитирование Конфуция на лекции по марксизму без глубокого методологического синтеза не приводит к желаемому эффекту и может восприниматься студентами как формальность. Требуется серьезная работа по созданию органичного синтеза марксистского мировоззрения и лучших достижений китайской цивилизации.

Другая проблема связана с квалификацией преподавательского состава. Для эффективной реализации нового подхода преподаватели идеологических и политических дисциплин должны обладать не только глубокими знаниями в области марксистской теории, но и широкой эрудицией в сфере китайской истории, философии и искусства (Дун, 2021). Это требует создания новых программ повышения квалификации и междисциплинарной подготовки педагогических кадров, способных свободно оперировать материалом из разных областей и выстраивать между ними убедительные связи.

Существует также определенная сложность в отборе культурного материала. Богатое наследие Китая содержит не только позитивные, но и устаревшие, консервативные элементы (например, связанные с феодальной иерархией или гендерным неравенством), которые не соответствуют социалистическим ценностям. Поэтому необходима тонкая и методологически выверенная работа по «творческому преобразованию и инновационному развитию» традиционной культуры, о которой говорит Си Цзиньпин. Это означает, что нужно извлекать из прошлого то, что созвучно современной эпохе – идеи патриотизма, коллективизма, стремления к гармонии, трудолюбия – и наполнять их новым, социалистическим содержанием (Чжан, 2022).

Наконец, нельзя игнорировать вызов, связанный с балансом между воспитанием национальной гордости и открытостью миру. Уверенность в культуре не должна превращаться в культурный изоляционизм или ксенофобию. Цель образования – воспитать патриота, который гордится своей страной, но при этом уважает другие культуры, готов к международному сотрудничеству и диалогу. Поэтому в учебный процесс необходимо включать и элементы компаративного анализа, показывая место и значение китайской цивилизации в контексте мировой истории и культуры.

Таким образом, инновационная практика идеологического и политического образования в Китае, основанная на уверенности в культуре, представляет собой сложный, многогранный и динамичный

процесс. Он направлен на формирование целостной личности, гармонично сочетающей в себе глубокие культурные корни, твердые социалистические убеждения и современный научный кругозор. Успешное решение стоящих перед этой практикой задач определит не только качество подготовки будущих специалистов, но и духовный облик китайской нации в XXI веке.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что уверенность в культуре стала стержневым элементом и главным источником инноваций в системе идеологического и политического образования в колледжах и университетах современного Китая. Этот подход ознаменовал собой качественный переход от преимущественно догматических и абстрактно-теоретических методов воспитания к комплексной, контекстуализированной и личностно-ориентированной образовательной парадигме. Интеграция богатейшего культурного наследия – традиционного, революционного и социалистического – в содержание, методы и среду обучения позволила сделать идеологические и политические дисциплины более живыми, понятными и убедительными для студенческой молодежи. Инновационная практика, включающая междисциплинарный синтез, интерактивные технологии, создание насыщенной кампусной среды и практико-ориентированную деятельность, способствует не просто усвоению знаний, а формированию глубоких внутренних убеждений, основанных на чувстве сопричастности к великой цивилизации и ее современному социалистическому пути развития.

Внедрение культурно-ориентированной модели идеологического и политического воспитания является не просто педагогической инновацией, а стратегическим ответом на вызовы новой эпохи. Данная практика направлена на решение фундаментальной задачи по воспитанию нового поколения граждан, обладающих прочным духовным иммунитетом к внешним идеологическим влияниям, способных критически мыслить, но при этом твердо приверженных национальным интересам и социалистическим ценностям. Преодолевая существующие трудности, связанные с необходимостью глубокого методологического синтеза и повышением квалификации кадров, эта система закладывает прочный фундамент для консолидации китайского общества и успешной реализации долгосрочных целей национального возрождения. Конечная цель этих преобразований – формирование целостной личности, которая гармонично сочетает в себе национальную идентичность и глобальное видение, культурную гордость и дух инноваций, являясь надежным строителем социализма с китайской спецификой.

Список литературы

1. Дун С, Се Х. К вопросу о закономерностях развития идеологической работы в современных китайских университетах // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 128-130.
2. Зуев С. «В реальном мире нет монопредметности». О хороших университетах и будущем гуманитарного образования // Образовательная политика. 2020. № 4(84). С. 10-15.
3. Ли Ш, Ван Ф, Чан Ш. Культурное наследование и инновации: высокая миссия университета // Высшее образование сегодня. 2020. № 11. С. 2-9.
4. Му А. «Идеологическое и политическое воспитание в рамках учебной программы»: новое направление реформы высшего образования в Китае // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 5. С. 148-153.
5. Се М., Чжао М. Рефлексия в системе преподавания университетских боевых искусств в Китае с позиции теории неявного знания // Экстремальная деятельность человека. 2020. № 2(56). С. 70-72.
6. Сянюй Ц. Реформирование идеологического и политического воспитания в высших учебных заведениях Китая // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 1(333). С. 23-26.
7. Чжан Я. Влияние политического процесса на модернизацию системы высшего образования Китая // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7. С. 97-102.

8. Чжао Ц. Введение в проблемы стоящие на пути формирования культуры общежитий в китайских колледжах и университетах, и меры по их решению // Казачество. 2024. № 74(1). С. 89-97.
9. Чэнь Л. Выбор путей взращивания культурной уверенности в студентах новой эпохи // Вестник педагогических наук. 2022. № 2. С. 229-234.
10. Чэнь Л. Исследование путей интеграции и взаимодействия дисциплин культурного просвещения с идеологически политическим образованием в высших учебных заведениях // Вестник педагогических наук. 2022. № 3. С. 158-162.
11. Чэнь С. Влияние культурно-образовательной политики Китая на формирование национальной идентичности и обеспечение культурной безопасности // Безопасность на Каспии. 2025. Т. 5. № 1. С. 62-74.
12. Ян Ч., Тан Ч., Жчао Т. Университетская культура Великобритании, США, Китая и России // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 132-139.
13. Liu L., Li F. The Vision of ideological culture in contemporary Chinese education: preserving society and state // Culture and education. 2023. Vol. 35. № 3. pp. 774-815.
14. Yue Zh. The integration of outstanding traditional Chinese culture into ideological and political education in higher education // Questions of history. 2023. № 8-2. pp. 260-265.
15. Dong W. The theoretical foundations and implementation dilemmas of ideological and political construction of college curriculum in China in the New Era // Questions of history. 2023. № 8-2. pp. 254-259.

Confidence in culture as the basis for the innovative practice of ideological and political education in colleges and universities in China

Lily Chen

Magister

Institute of Marxism, Heihe University

Heihe, China

1678507209@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Xue Dong

Lecturer

Institute of Marxism, Heihe University

Heihe, China

1224953084@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Huijuan Xie

Employee of the Institute of Continuing Education

Heihe University

Heihe, China

1127341705@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 07.07.2025

Accepted 19.08.2025

Published 30.09.2025

UDC 373.3:37:159.9

DOI 10.25726/u2709-1624-1111-t

EDN BHYIYX

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

In the context of globalization and ideological confrontation, the cultivation of cultural confidence among students acquires strategic significance for China, contributing to the preservation of national identity and socialist values. The concept of «cultural confidence», proposed by Xi Jinping as one of the «four confidences», implies a deep recognition of traditional, revolutionary, and socialist culture as the foundation of ideological and political education in higher education institutions. Traditional educational methods are losing effectiveness among the «digital generation», requiring innovations to increase youth engagement. The aim of the study is to analyze ways of integrating cultural confidence into educational practice for modernizing the system that ensures ideological security and sustainable social development. The research is based on dialectical materialism, Xi Jinping's ideas, and Marxist theory. The materials include official CPC documents, curricula of leading universities, and academic publications by Chinese scholars. The methods applied are content analysis of regulatory acts, the hermeneutic method for interpreting concepts, comparative analysis of educational models, and case studies of practices in universities. It was revealed that innovations include enriching courses with elements of classical philosophy (Confucius, Laozi), interactive methods (debates, projects), digital technologies (online tours, applications), and the creation of a campus cultural environment (festivals, «red tourism»). This enhances student motivation by linking theory with life. The results highlight challenges: the risk of superficial integration, a shortage of qualified personnel, and the need to balance patriotism and globalism. Innovative practice fosters a holistic personality rooted in culture but requires further methodological development for the organic synthesis of traditions and socialism, contributing to national rejuvenation.

Keywords

cultural confidence, ideological education, political upbringing, innovations in higher education, Chinese culture.

Research Topic Title: Study on the Development Paths of Cultural Self-Confidence among College Students in the New Era. Topic Number: 2021-KYYWF-0724

References

1. Dong S, Xie H. On the issue of patterns of development of ideological work in modern Chinese universities // Problems of modern pedagogical education. 2021. № 70-1. pp. 128-130.
2. Zuev S. «There is no single subject in the real world». About good universities and the future of humanitarian education // Educational Policy. 2020. № 4(84). pp. 10-15.
3. Li Sh, Wang F, Chang Sh. Cultural inheritance and innovation: the high mission of the university // Higher education today. 2020. № 11. pp. 2-9.
4. Mu A. «Ideological and political education in the framework of the curriculum»: a new direction of higher education reform in China // Socio-political sciences. 2021. Vol. 11. № 5. pp. 148-153.
5. Xie M., Zhao M. Reflection in the teaching system of university martial arts in China from the perspective of the theory of implicit knowledge // Extreme human activity. 2020. № 2(56). pp. 70-72.
6. Xianyu Ts. Reforming ideological and political education in Chinese higher education institutions // Bulletin of the Adygea State University. Series: Pedagogy and psychology. 2024. № 1(333). pp. 23-26.
7. Zhang Ya. The influence of the political process on the modernization of China's higher education system // Socio-humanitarian knowledge. 2022. № 7. pp. 97-102.
8. Zhao Ts. An introduction to the problems that stand in the way of forming a dormitory culture in Chinese colleges and universities, and measures to solve them // Cossacks. 2024. № 74(1). pp. 89-97.

9. Chen L. Choosing ways to cultivate cultural confidence in students of the new era // Bulletin of pedagogical sciences. 2022. № 2. pp. 229-234.
10. Chen L. Research of ways of integration and interaction of disciplines of cultural enlightenment with ideologically political education in higher educational institutions // Bulletin of pedagogical sciences. 2022. № 3. pp. 158-162.
11. Chen S. The influence of China's cultural and educational policy on the formation of national identity and ensuring cultural security // Security in the Caspian Sea. 2025. Vol. 5. № 1. pp. 62-74.
12. Yang Ch, Tang Ch, Zhao T. University culture of Great Britain, USA, China and Russia // Sociological research. 2021. № 1. pp. 132-139.
13. Liu L., Li F. The Vision of ideological culture in contemporary Chinese education: preserving society and state // Culture and education. 2023. Vol. 35. № 3. pp. 774-815.
14. Yue Zh. The integration of outstanding traditional Chinese culture into ideological and political education in higher education // Questions of history. 2023. № 8-2. pp. 260-265.
15. Dong W. The theoretical foundations and implementation dilemmas of ideological and political construction of college curriculum in China in the New Era // Questions of history. 2023. № 8-2. pp. 254-259.

Формирование системы музыкального образования в Китае во второй половине XX – начале XXI века

Яньдзинь Ду

Аспирант

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

duyanjinyu@163.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 22.05.2025

Принята 16.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 7-81.2

DOI 10.25726/v1972-0377-1714-I

EDN BYZCDF

БАК 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Аннотация

Статья осуществляет историко-педагогический анализ формирования системы музыкального образования Китая во второй половине XX – начале XXI века, выявляя детерминирующую роль государственной политики в ее системогенезе. На основе методологии системного подхода и критического изучения нормативных документов реконструированы три ключевых этапа эволюции: становление базовых институтов и принципов в 1950-1970-е годы под влиянием советской модели с акцентом на массовость и идеологическое воспитание; глубинная трансформация 1980-1990-х годов в контексте политики «Реформ и открытости», характеризующаяся гуманизацией целей, диверсификацией структуры (частный сектор, новые вузовские специальности) и обогащением содержания; систематизация в начале XXI века через стандартизацию, технологизацию и интеграцию национальных традиций в мировое образовательное пространство. Определены достижения (масштаб охвата, господдержка, синтез инноваций и традиций) и устойчивые вызовы (региональное неравенство, коммерциализация). Подчеркивается научно-практическое значение китайского опыта для сравнительной педагогики и теории управления образовательными системами.

Ключевые слова

система музыкального образования, Китай, историко-педагогический анализ, государственная политика, сравнительная педагогика.

Введение

Формирование современной системы музыкального образования в Китайской Народной Республике представляет собой основополагающую проблему историко-педагогического исследования, непосредственно связанную с процессами строительства социалистического государства и реализации его культурной политики после 1949 года. Кардинальная трансформация общественно-политического строя обусловила необходимость создания принципиально новой образовательной парадигмы, в которой музыкальному воспитанию и профессиональной подготовке отводилась значимая роль в формировании нового человека и социалистической культуры. Изначальная задача заключалась не в модернизации существовавших структур, а в конструировании целостной системы, отвечающей идеологическим установкам и масштабным социально-экономическим целям молодой республики. Этот процесс, растянувшийся на десятилетия второй половины XX – начала XXI века, характеризовался

сложной динамикой, определявшейся внутренними реформами, внешними влияниями и поиском национальной идентичности в сфере искусства и педагогики (Доу, 2020).

Целью настоящего исследования является комплексный анализ ключевых этапов, институциональных механизмов и содержательных направлений, определивших генезис и эволюцию системы музыкального образования Китая в указанный хронологический период. Анализ сосредоточен на выявлении закономерностей ее становления как целостного социально-педагогического феномена. Для достижения поставленной цели требуется решение взаимосвязанных задач: выделение основных исторических фаз развития системы; определение детерминирующей роли государственной образовательной и культурной политики, а также формирующейся нормативно-правовой базы; анализ структурной эволюции системы, включая развитие ее уровней (общее, дополнительное, профессиональное) и типов учреждений; характеристика принципиальных изменений в содержании, методологии и целевых установках музыкального образования на разных этапах.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, опыт Китая в построении национальной системы музыкального образования в условиях масштабных социальных трансформаций представляет значительный интерес для мировой педагогической науки, особенно в контексте сравнительных исследований (сравнительная педагогика). Во-вторых, выявление специфики взаимовлияния государственной политики, культурных традиций и педагогических практик в данной сфере вносит вклад в теорию управления образовательными системами. В-третьих, анализ успехов и вызовов, сопровождавших этот длительный процесс, обладает практической значимостью для дальнейшего реформирования музыкально-образовательного пространства как в Китае, так и в других странах, сталкивающихся с аналогичными задачами модернизации при сохранении культурного наследия. Методологическую основу исследования составляют принципы историко-педагогического анализа, системного подхода и критического изучения нормативных документов и программных материалов.

Материалы и методы исследования

После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году перед новым руководством страны встала задача коренного преобразования всей системы образования, включая музыкальное, в соответствии с идеологическими установками строительства социалистического общества. Этот процесс характеризовался не просто адаптацией существовавших подходов, а сознательным конструированием принципиально новой педагогической системы, призванной служить целям формирования социалистической культуры и воспитания нового человека (Пин, 2009).

Основополагающие принципы музыкального образования этого периода формировались под влиянием двух ключевых факторов: необходимости идеологического обеспечения задач социалистического строительства и активного заимствования советского опыта в сфере художественного воспитания. Центральной идеей стала концепция массового музыкального образования как инструмента культурной революции, направленного на ликвидацию элитарности дореволюционной системы и обеспечение доступности музыкального искусства широким слоям населения. Данный подход предполагал органичное сочетание профессиональной подготовки кадров с всеобщим эстетическим воспитанием, где музыка рассматривалась как мощное средство формирования коллективистского сознания и социалистического мировоззрения.

Институциональное оформление новой системы музыкального образования осуществлялось через создание сети специализированных учебных заведений и интеграцию музыкального компонента в общеобразовательный процесс. Особое значение имело учреждение первых государственных консерваторий и музыкальных училищ, создававшихся при непосредственном участии советских специалистов и по образцу советской системы профессионального музыкального образования (Цзин, 2015). Эти учреждения стали не только центрами подготовки профессиональных кадров, но и проводниками новой педагогической методологии, основанной на синтезе традиционных китайских музыкальных традиций с достижениями европейской академической школы. Параллельно происходило внедрение музыки как обязательного предмета в программу общеобразовательных школ, где она

рассматривалась как важный элемент эстетического воспитания и идеологического воздействия. Содержание школьного музыкального образования включало изучение революционных и народных песен, основ музыкальной грамоты, а также элементов традиционной китайской музыки в адаптированной форме. Важную роль в системе музыкального воспитания играли учреждения внешкольного образования, прежде всего дворцы пионеров, где реализовывались программы коллективного музицирования и массового приобщения детей к музыкальной культуре.

Нормативно-правовая база музыкального образования этого периода формировалась через издание общегосударственных директив и учебных программ, закреплявших единые стандарты содержания и организации учебного процесса. Первые государственные программы по музыке для общеобразовательных школ, разработанные при участии ведущих музыкантов и педагогов, отражали двойственную задачу обеспечения базового музыкального образования для всех граждан и выявления талантливой молодежи для профессионального обучения (Гайдай, 2018).

Результаты и обсуждение

Политические кампании 1950-1970-х годов, включая период «культурной революции», оказывали существенное влияние на содержание и методы музыкального образования. Это проявлялось в усилении идеологической составляющей учебных программ, пересмотре репертуара в пользу революционных и массовых песен, а также в определенной маргинализации классического наследия в отдельные периоды. Однако, несмотря на все колебания политического курса, базовые принципы системы музыкального образования, заложенные в этот период, сохранили свою значимость и в последующие десятилетия, создав фундамент для дальнейшего развития этой сферы в КНР.

Провозглашение курса на «Реформы и открытость» в конце 1970-х годов ознаменовало поворотный пункт в развитии Китая, затронув все сферы общественной жизни, включая образование. В области музыкальной педагогики это привело к фундаментальному пересмотру концептуальных основ, содержания и структуры системы, отходу от чрезмерной идеологизации предшествующего периода и поиску новых путей, отвечающих задачам модернизации страны и интеграции в мировое культурное пространство.

Глубокое влияние новой политики на образовательную сферу проявилось прежде всего в переосмыслении целей и ценностных ориентиров. Музыкальное образование постепенно освобождалось от функции преимущественно идеологического инструмента, акцент смещался в сторону его гуманистического и эстетического потенциала (Чэнь, 2024). Задачи воспитания гармонично развитой личности, формирования художественного вкуса, приобщения к богатству мировой и национальной музыкальной культуры выдвигались на первый план. Это концептуальное обновление потребовало существенной ревизии содержания учебных программ на всех уровнях. В школьном образовании произошло значительное расширение репертуара: наряду с революционными и народными песнями, в программы стали активно включаться произведения мировой классики, лучшие образцы современной академической и популярной музыки. Параллельно усилилось внимание к глубокому изучению и систематизации традиционного китайского музыкального наследия, его теоретических основ и исполнительских практик, что отвечало общему росту национального самосознания (Сун, 2024). Данные изменения стимулировали развитие новых педагогических методик, ориентированных на творческую активность учащихся, развитие музыкального восприятия и критического мышления, что контрастировало с более догматическими подходами прошлого.

Структурные преобразования музыкального образования в этот период отличались значительной динамикой и диверсификацией. Наиболее заметным явлением стал бурный рост сектора дополнительного образования, представленного многочисленными частными музыкальными школами, студиями и кружками. Эта негосударственная инициатива, ставшая возможной благодаря экономической либерализации, существенно расширила доступ населения к музыкальному обучению, предложив разнообразные программы, часто ориентированные на современные направления и запросы потребителя. Высшее музыкальное образование переживало этап качественного роста и расширения профиля подготовки. Консерватории и музыкальные факультеты университетов открывали новые

специальности (музыковедение, композиция, музыкальная педагогика, звукорежиссура, менеджмент в сфере искусства), совершенствовали учебные планы, укрепляли международные связи, приглашали зарубежных специалистов, что способствовало повышению уровня профессиональной подготовки (Бэр, 2021). В рамках общеобразовательных школ повышенного статуса (ключевые школы) появились специализированные музыкальные классы с углубленным изучением предмета, создавая новые траектории для одаренных детей. Такая структурная гибкость отражала общую тенденцию перехода от унифицированной модели к более разнообразной и адаптивной системе.

Укрепление нормативно-правовой базы стало необходимым условием и правовой основой происходивших трансформаций. Принятие ключевых законодательных актов, таких как Закон КНР об обязательном образовании (1986) и Закон КНР об образовании (1995), заложило общие принципы образовательной политики, включая важность эстетического воспитания. Разработка и утверждение новых государственных стандартов и типовых программ по музыке для общеобразовательной школы предоставили педагогам более четкие, хотя и менее идеологически жесткие, ориентиры, закрепив тенденции к обогащению содержания и усилению культурологической составляющей. Законы и подзаконные акты, регулирующие деятельность учреждений культуры и образования, создали правовые рамки для функционирования как государственного, так и быстро растущего негосударственного сектора музыкального обучения (Ли, 2020). Таким образом, период «Реформ и открытости» стал временем глубокой системной трансформации музыкального образования Китая, характеризовавшейся гуманизацией целей, обогащением содержания, диверсификацией структуры и формированием современной нормативной основы, что подготовило почву для его дальнейшей интеграции в мировое образовательное пространство.

Вступление Китая в XXI век сопровождалось реализацией амбициозных государственных программ реформирования образования, направленных на повышение качества человеческого капитала и обеспечение глобальной конкурентоспособности страны. Документы стратегического планирования, такие как «Стратегия развития образования до 2020 года» и последующие инициативы, задали вектор глубокой модернизации всей образовательной системы. Музыкальное образование, как неотъемлемая часть эстетического воспитания, заняло принципиально новое место в национальной образовательной политике. Концепция «всестороннего развития личности», ставшая краеугольным камнем реформ, подчеркнула ключевую роль искусства, включая музыку, в формировании эмоционального интеллекта, творческих способностей и культурной идентичности подрастающего поколения (Хэ, 2024). Это концептуальное возвышение статуса музыкального предмета потребовало его глубокой интеграции в обновленную парадигму общего образования.

Важнейшим инструментом реализации государственной политики стала масштабная работа по стандартизации и унификации. Разработка и повсеместное внедрение новых национальных образовательных стандартов для разных ступеней обучения (дошкольное, начальное, среднее) закрепили предмет «Музыка» или интегрированный курс «Искусство» в качестве обязательного компонента учебных планов. Эти стандарты детально регламентировали не только предметные знания и умения, но и метапредметные результаты, связанные с развитием художественного восприятия и культурной компетентности (Ван, 2019). Параллельно происходило укрепление системы оценки качества музыкального образования через создание единых критериев, мониторинговые исследования достижений учащихся и аттестацию педагогических кадров, что способствовало повышению ответственности образовательных учреждений за результаты обучения.

Содержательное наполнение реформ характеризовалось стратегическим балансом между сохранением культурного наследия и внедрением инноваций. Произошла глубокая систематизация подхода к преподаванию традиционной китайской музыки. Разрабатывались специализированные учебные программы и методики, создавались антологии и учебные пособия, направленные на передачу уникальных исполнительских техник и теоретических знаний национальных музыкальных традиций (У, 2021). Одновременно интенсивно внедрялись информационно-коммуникационные технологии в образовательный процесс: от использования мультимедийных ресурсов и интерактивных досок в обычных уроках до развития онлайн-курсов, специализированного программного обеспечения для

обучения композиции и аранжировке, создания цифровых библиотек и архивов. Развитие международных обменов и сотрудничества приобрело институциональный характер. Китайские консерватории и университеты активно участвовали в глобальных образовательных проектах, приглашали ведущих зарубежных музыкантов и педагогов, отправляли студентов и преподавателей на стажировки, способствуя взаимообогащению педагогических практик и интеграции китайской системы в мировое образовательное пространство (Ван, 2023).

Диверсификация путей получения музыкального образования стала ответом на запросы информационного общества и растущий спрос на непрерывное обучение. Традиционные институты (школы, училища, консерватории) дополнились широким спектром альтернативных форматов. Онлайн-платформы, предлагающие курсы по игре на инструментах, сольфеджио, музыкальной теории, истории музыки для разных уровней подготовки, сделали образование более доступным, преодолевая географические барьеры. Возникли гибридные модели обучения, сочетающие очные занятия с дистанционной поддержкой. Интернет-ресурсы стали важным источником самообразования, культурного просвещения и профессионального развития для миллионов любителей музыки и педагогов (Янь, 2022). Таким образом, реализация государственных программ реформирования в начале XXI века привела к созданию более системной, стандартизированной, технологически оснащенной и интернационально ориентированной модели музыкального образования, интегрированной в общенациональную стратегию развития человеческого потенциала через культуру и искусство.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что формирование современной системы музыкального образования Китая во второй половине XX начале XXI века представляет собой сложный, детерминированный общественно-политическими и социокультурными факторами процесс системогенеза. Его ключевые этапы становление на основе социалистических принципов и советского опыта в 1950-1970-е годы, глубокая трансформация под влиянием политики «Реформ и открытости» в 1980-1990-е годы и последующая систематизация в рамках масштабных национальных образовательных стратегий начала XXI века последовательно выстраивали целостную институциональную структуру. Государственная политика, выступающая основным системообразующим фактором, последовательно определяла целеполагание, содержание и направленность развития этой сферы, стремясь адаптировать ее к задачам национального строительства и культурного возрождения.

Современное состояние системы музыкального образования КНР характеризуется значительными достижениями, прежде всего беспрецедентным масштабом охвата, устойчивой государственной поддержкой, успешной интеграцией глубокого изучения национальных музыкальных традиций в образовательный процесс и активным внедрением инновационных технологий. Однако сохраняются и серьезные вызовы: выраженное региональное неравенство в ресурсном обеспечении и качестве обучения, коммерциализация части сектора дополнительного образования, потенциально угрожающая доступности, и сложность поддержания оптимального баланса между массовостью и высокими художественно-педагогическими стандартами.

Устойчивые тенденции развития указывают на дальнейшее укрепление нормативно-правовой базы, обеспечивающей стабильность и преемственность системы. Происходит углубление интеграции в мировое образовательное пространство при одновременном укреплении национально-культурной идентичности. Технологии, особенно цифровые платформы, продолжают расширять доступ к музыкальному образованию и самообразованию. Перспективы системы неразрывно связаны с ее возрастающей ролью в реализации национальных стратегий культурного развития, где музыкальное образование рассматривается как важнейший компонент воспитания гармоничной, творческой личности, способной не только сохранять богатое наследие китайской цивилизации, но и активно участвовать в глобальном культурном диалоге XXI века. Опыт Китая в построении такой системы обладает значительным научным и практическим потенциалом для сравнительно-педагогических исследований.

Список литературы

1. Бэр С. Культурные индустрии и этнокультурная специфика китайского музыкального образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2021. № 2(38). С. 118-125.
2. Ван В. Исторические формы развития вокального музыкального образования в условиях глобализации // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 10-1. С. 224-230.
3. Ван С. Развитие музыкального образования в высшей школе Китая в XX - начале XXI века // Казанский педагогический журнал. 2019. № 5(136). С. 155-161.
4. Гайдай П.В. Развитие профессионального музыкального образования в контексте межкультурного взаимодействия: Россия-Китай, XX век // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 3(76). С. 50-56.
5. Доу И., Мансурова А.П. К вопросу о современных тенденциях и задачах фортепианного образования в Китае // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 56.
6. Ли Я. Национальные традиции в вокальной музыке современных композиторов Китая // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 1(252). С. 174-179.
7. Пин Х. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы. СПб.: Астерион, 2009. С. 20-38.
8. Сун Ю. Китайские революционные песни и формирование коллективной памяти в Китае после реформ и открытости // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 3-1. С. 254-262.
9. У Ц. Определение тенденций совершенствования подготовки оперных исполнителей в Китае // Научное мнение. 2021. С. 122-128.
10. Хэ Т. Развитие виолончельного образования в Китае в XX-XXI веке // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 12-2. С. 277-285.
11. Цзин Л., Раненко М.Э. Развитие детского эстетического образования в Китайской Народной Республике во второй половине XX – начале XXI веков // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4-1(87). С. 110-112.
12. Чэнь С. Стратегии диалога в трансформациях музыкального образования Китая на рубеже XX-XXI веков // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2(105). С. 244-247.
13. Янь Н. Из истории становления традиции академического вокала в китайском образовании // Человеческий капитал. 2022. № 9. С. 165.

The formation of the music education system in China in the second half of the 20th – early 21st century

Yangjin Du

PhD student

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

duyanjinyy@163.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 22.05.2025

Accepted 16.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 7-81.2

DOI 10.25726/v1972-0377-1714-I

EDN BYZCDF

VAK 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract

The article provides a historical and pedagogical analysis of the formation of the music education system in China in the second half of the 20th – early 21st century, revealing the determining role of state policy in its systemogenesis. Based on the methodology of the systems approach and critical study of regulatory documents, three key stages of evolution are reconstructed: the formation of basic institutions and principles in the 1950s-1970s under the influence of the Soviet model with an emphasis on mass character and ideological education; deep transformation of the 1980s-1990s in the context of the «Reform and Openness» policy, characterized by the humanization of goals, diversification of the structure (private sector, new university specialties) and enrichment of the content; systematization at the beginning of the 21st century through standardization, technologization and integration of national traditions into the global educational space. Achievements (scale of coverage, state support, synthesis of innovations and traditions) and persistent challenges (regional inequality, commercialization) are identified. The scientific and practical significance of the Chinese experience for comparative pedagogy and the theory of management of educational systems is emphasized.

Keywords

music education system, China, historical and pedagogical analysis, state policy, comparative pedagogy.

References

1. Behr S. Cultural industries and the ethnocultural specifics of Chinese music education // Tolstoy State Pedagogical University Humanities Bulletin. 2021. № 2(38). pp. 118-125.
2. Wang V. Historical forms of vocal music education development in the context of globalization // Education management: theory and practice. 2023. Vol. 13. № 10-1. pp. 224-230.
3. Wang S. The development of musical education in higher education in China in the twentieth and early twenty-first centuries // Kazan pedagogical journal. 2019. № 5(136). pp. 155-161.
4. Gaidai P.V. The development of professional music education in the context of intercultural interaction: Russia-China, the twentieth century // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2018. № 3(76). pp. 50-56.
5. Dou I., Mansurova A.P. On the issue of modern trends and tasks of piano education in China // Modern problems of science and education. 2020. № 4. p. 56.
6. Li Ya. National traditions in the vocal music of contemporary Chinese composers // Adygea State University Bulletin. Series 2: Philology and art criticism. 2020. № 1(252). pp. 174-179.
7. Pin X. The influence of Russian piano art on the formation and development of the Chinese piano school. SPb.: Asterion, 2009. pp. 20-38.
8. Sun Yu. Chinese revolutionary songs and the formation of collective memory in China after reforms and openness // Education management: Theory and practice. 2024. Vol. 14. № 3-1. pp. 254-262.
9. U Ts. Identification of trends in improving the training of opera performers in China // Scientific opinion. 2021. pp. 122-128.
10. He T. The development of cello education in China in the XX-XXI century // Education management: theory and practice. 2024. Vol. 14. № 12-2. pp. 277-285.
11. Jing L., Ranenko M.E. The development of children's aesthetic education in the People's Republic of China in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries // Yaroslav the Wise Novgorod State University Bulletin. 2015. № 4-1(87). pp. 110-112.

12. Chen S. Strategies of dialogue in the transformations of musical education in China at the turn of the XX-XXI centuries // The world of science, culture, education. 2024. № 2(105). pp. 244-247.
13. Yan N. From the history of the formation of the tradition of academic vocals in Chinese education // Human capital. 2022. № 9. P. 165.

A study on the patriotic education model in primary and secondary schools from an international comparative perspective

Yuetong Lu

PhD student

People's Friendship University of Russia

Moscow, Russia

1042248007@pfur.ru

ORCID 0009-0000-6908-0289

Received 15.05.2025

Accepted 02.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 37.037.3

DOI 10.25726/v5978-0887-6630-q

EDN QGINDDG

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

This study focuses on patriotic education in primary and secondary schools in China, Russia, the United States and Singapore. It uses a combination of literature analysis, comparative research and case study methods to systematically examine the similarities and differences in the goals, content and methods of patriotic education in various countries. By selecting representative courses or projects from the four countries for in-depth analysis, it is found that China emphasizes political identity and historical and cultural heritage, Russia emphasizes historical heroism and military patriotic education, the United States focuses on citizen participation and the cultivation of democratic values, and Singapore focuses on multicultural integration and national identity shaping. Therefore, this study summarizes the experiences of various countries and puts forward specific suggestions for optimizing patriotic education in my country.

Keywords

patriotic education in primary and secondary schools, patriotic education, patriotic education model, patriotic education goals, patriotic education content, patriotic education methods.

Introduction

Patriotic education is a core component of the basic education system of various countries, but its specific implementation model shows significant differences due to differences in political systems, cultural traditions and social needs. In the era of globalization and informatization, how to maintain national characteristics while absorbing international experience has become an important topic in the study of patriotic education.

In China, patriotic education in primary and secondary schools is guided by the «Outline for the Implementation of Patriotic Education in the New Era», relying on courses such as «Morality and the Rule of Law», emphasizing the cultivation of socialist core values, the sense of community of the Chinese nation and the «Chinese Dream». Its educational content covers party history, national history, traditional culture and national security education, and the teaching methods are mainly classroom lectures and theme activities (such as flag-raising ceremonies and red research)[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**][**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Russia's patriotic education has distinct historical and military characteristics. Its «Motherland Studies (Отечественное)» course focuses on teaching the Great Patriotic War, national heroes and traditional Orthodox culture, and is supplemented by practical forms such as military summer camps and patriotic theme competitions to strengthen national pride[Ошибка! Источник ссылки не найден.][Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Patriotic education in the United States is embedded in the «Social Studies» curriculum system, and its core goal is to cultivate citizens with democratic values and civic responsibility. Typical practices include daily «Pledge of Allegiance», constitutional education and community service projects, focusing on critical thinking and participatory learning[Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Singapore's «National Education» program is the main carrier of its patriotic education, aiming to strengthen national identity through multicultural integration. The course content covers the history of the founding of the country, common values (such as racial harmony, sense of responsibility), and deepens learning effects through experiential activities such as «National Education Tour» (such as visiting the National Museum of Singapore)[Ошибка! Источник ссылки не найден.].

By comparing the models of the four countries, this study aims to reveal the commonalities and characteristics of patriotic education under different social and cultural backgrounds, and provide reference suggestions for the optimization of patriotic education in primary and secondary schools in my country.

The purpose of this study is, first, to systematically sort out the target positioning of patriotic education in the four countries and analyze how it reflects their respective political demands and cultural values. For example, how does China convey the concept of «the great rejuvenation of the Chinese nation» through patriotic education, and how does the United States balance patriotic and critical citizenship education.

Secondly, compare the similarities and differences in the content of patriotic education in primary and secondary schools in the four countries, focusing on curriculum setting, textbook compilation and core topic selection. For example, how does Singapore integrate multi-ethnic history into the national narrative, and how does Russia shape collective memory through military history education. At the same time, evaluate the effectiveness of teaching methods and extract practical cases with strong operability. For example, how does the «Simulated Congress» activity in the United States enhance students' sense of participation, and how does China's «Red Study» enhance emotional identification.

Finally, put forward localized improvement suggestions, combine with my country's actual needs, and explore how to learn from the experience of other countries to optimize curriculum design, teaching strategies and evaluation systems.

Materials and research methods

By collecting and analyzing the policy documents, curriculum standards, academic papers and education statistical reports of the four countries, the theoretical basis of comparative research is constructed. Key documents include: 1) China: «Compulsory Education Curriculum Plan (2022 edition)» and «Guidelines for Moral Education in Primary and Secondary Schools»; 2) Russia: Federal Ministry of Education «Patriotic Education Outline» (2021-2025); 3) United States: «Social Studies» curriculum standards of various states (such as California Framework), NCSS (National Council for Social Studies) report; 4) Singapore: Ministry of Education «National Education Curriculum Guide».

Based on the comparative education theoretical framework proposed by Bereday, the four countries' models are compared from the horizontal (country) and vertical (historical evolution) dimensions. The comparative dimensions include: 1) Target dimension: the weight difference of political identity, cultural heritage, and citizen ability training; 2) Content dimension: the proportion of courses in historical narrative, value education, and practical activities; 3) Method dimension: the application ratio of lecture-based, experiential, and interactive teaching.

Representative courses or projects from the four countries were selected for in-depth analysis:

1) China: The «Family and Country Feelings» unit in the second volume of the seventh-grade edition of «Morality and the Rule of Law» was analyzed to analyze how it conveys patriotism through cases such as the «Jiao Yulu Spirit».

- 2) Russia: The «Motherland studies» course of the 57th Moscow Middle School was analyzed to analyze the design logic of its «Patriotic War Heroes Genealogy» teaching case.
- 3) The United States: The «Citizens and Government» module in the «Social Studies» course of California public elementary schools was studied to study how it cultivates democratic awareness through «simulated elections» activities.
- 4) Singapore: The «Singapore Story» module in the «National Education» course of middle schools was examined to examine how it uses the speech video of founding Prime Minister Li Guangyao to deepen national identity.

Results and discussion

Characteristics and advantages of patriotic education models in primary and secondary schools in various countries

China's patriotic education in primary and secondary schools is systematic and comprehensive, covering history, culture, national conditions and other aspects. It focuses on close integration with the core socialist values, and cultivates students' patriotic feelings and national identity in all aspects through classroom teaching, theme activities, ritual education and other methods (Zhernovnikova, 2021). At the same time, it emphasizes the spirit of collectivism and focuses on cultivating students' collective sense of honor and responsibility.

The advantage of China's primary and secondary school patriotic education model is that it can cultivate students' patriotic feelings and awareness of contributing to national development from the perspective of the overall interests of the country and the long-term development of the nation (Yao, 2024). Through systematic educational content and diversified educational methods, students can have a comprehensive and in-depth understanding of the history, culture and social system of their motherland, and enhance their national consciousness and national pride. Focusing on collectivism education is conducive to cultivating students' teamwork spirit and social responsibility, enabling them to better integrate into society and contribute to the development of the country (Sun, 2018).

Russian primary and secondary school patriotic education focuses on historical education and cultural heritage. Through in-depth explanations of Russian history and culture, students can understand the glorious achievements and sufferings of the motherland, and inspire their national pride and patriotic (Baekken, 2019). At the same time, Russia emphasizes military education, cultivates students' national defense awareness and patriotic, and enhances their sense of responsibility and mission (Popovkina, 2017).

The advantage of the Russian primary and secondary school patriotic education model is that through historical education and cultural heritage, students have a deep understanding of the history and culture of the motherland, which enhances their national pride and cultural confidence (Peresada, 2020). The development of military education helps to cultivate students' national defense awareness and patriotic, so that students can better realize the importance of national defense construction and inspire students' enthusiasm to study hard to defend the motherland (Hu, 2018). Focusing on field visits and practical activities, students can experience and feel the history and culture of the motherland in person, which enhances the effectiveness and appeal of education (Pope, 2009).

Patriotic education in primary and secondary schools in the United States focuses on cultivating students' individualism and civic awareness, and emphasizes that students can receive patriotic education in a subtle way through daily rituals and curriculum penetration (Kissling, 2018). The educational content focuses on the history, culture and social system of the United States, as well as the rights and obligations of citizens, and encourages students to actively participate in social affairs and cultivate the ability of independent thinking and autonomous learning (Donadze, 2023).

The advantage of the patriotic education model in primary and secondary schools in the United States is that it can fully mobilize the enthusiasm and initiative of students and cultivate their independent personality and autonomous spirit. Through the penetration of daily rituals and courses, patriotic education is closer to students' real life and easier to be accepted by students. At the same time, focusing on cultivating students' civic awareness and social responsibility is conducive to cultivating modern citizens with democratic awareness and

the spirit of the rule of law, and provides strong talent support for the social development and maintenance of the democratic system in the United States (Merry, 2009).

Singapore's primary and secondary school patriotic education focuses on the «national education» curriculum, focusing on cultivating students' national consciousness and national cohesion. The educational content emphasizes Singapore's history, national conditions and multiculturalism. Through a combination of classroom teaching and practical activities, students can enhance their sense of identity and belonging to the country while understanding the country's development (He, 2022).

The advantage of Singapore's primary and secondary school patriotic education model is that it is aimed at Singapore's multi-ethnic and multicultural national conditions. Through patriotic education, it effectively promotes unity and integration among different races and enhances the country's cohesion and centripetal force. Singapore relies on the «national education» curriculum to make patriotic education more systematic and standardized, ensuring that students can receive comprehensive patriotic education at different stages (Chua, 2017). Focusing on the development of practical activities, students can combine what they have learned with real life and enhance their intuitive feelings and sense of identity with the country (Ho, 2010).

Optimize educational goals: While emphasizing collectivism and national interests, pay appropriate attention to students' personal development and individual needs, and cultivate students' independent personality and autonomous spirit. Guide students to learn to respect and understand different cultures and values while being patriotic, and cultivate modern citizens with international vision and cross-cultural communication skills.

Enrich educational content: Further expand the content of patriotic education. In addition to traditional history, culture, and national conditions education, some content closely related to the development of contemporary society can be added, such as knowledge on scientific and technological innovation, environmental protection, and international exchanges, so that students can better understand the country's development direction and challenges in the new era. At the same time, focus on cultivating students' international vision and global awareness, let students understand the history, culture, and values of other countries in the world, and enhance students' cross-cultural communication skills and international competitiveness.

Innovate educational methods: Learn from the American curriculum penetration and daily ritual education methods, organically integrate patriotic education into various subject courses, and enable students to receive patriotic education while learning knowledge through case analysis, discussion, practice, etc. At the same time, modern information technology, such as the Internet and multimedia, should be used to develop diversified patriotic education resources, enrich educational forms and means, and improve the fun and attractiveness of education. In addition, practical activities should be strengthened, and students should be organized to participate in more social practice activities, volunteer service activities and international exchange activities, so that students can enhance their patriotic feelings and social responsibility in practice.

Strengthen the construction of the teaching staff: improve teachers' awareness and ability of patriotic education, and enable teachers to better understand and grasp the goals, content and methods of patriotic education through training and further studies, and improve teachers' teaching level and education quality. At the same time, teachers are encouraged to carry out research and practical exploration of patriotic education, constantly sum up experience, innovate educational methods, and provide strong support for the improvement and development of patriotic education.

Improve the education evaluation mechanism: establish a scientific and reasonable patriotic education evaluation mechanism, focusing on the evaluation of students' patriotic feelings, national identity and social responsibility, rather than just the degree of knowledge mastery. The evaluation methods should be diversified. In addition to traditional exams and tests, comprehensive evaluation can also be carried out through students' practical activities, works display, group cooperation and other methods to fully understand students' gains and growth in patriotic education.

After conducting an in-depth study of the patriotic education model in primary and secondary schools from an international comparative perspective, this study found that although there are differences in educational goals, content and methods among countries, each has its own advantages. China emphasizes collectivism and

national interests, and pays attention to systematicness and comprehensiveness; Russia inspires students' national pride and patriotism through historical education and cultural heritage; the United States focuses on individualism and civic awareness, and educates through daily rituals and curriculum penetration; Singapore focuses on the «national education» curriculum and emphasizes national identity in a multicultural context. These differences reflect the different historical, cultural and social backgrounds of various countries, and also reflect the unique exploration of various countries in educational concepts and practices.

However, we also note that although each country has its own unique features in patriotic education, there are also some common trends and challenges. For example, with the acceleration of globalization, all countries are faced with the problem of how to cultivate citizens with international vision and cross-cultural communication capabilities while maintaining their own cultural characteristics and values. In addition, how to balance the relationship between individualism and collectivism, tradition and modernity, and national identity and global awareness in education is also a challenge that all countries need to face together.

When discussing the direction of improvement of patriotic education in primary and secondary schools in my country, we should fully consider these international experiences and trends. On the one hand, we need to continue to strengthen the systematic and comprehensive nature of patriotic education to ensure that students have a deep understanding and recognition of the history, culture and social system of the motherland. On the other hand, we should also learn from the successful experiences of other countries, such as the curriculum penetration and daily ritual education methods of the United States, the multicultural education of Singapore, and the historical education and cultural heritage of Russia, to enrich the content and form of our patriotic education.

In addition, we should also pay attention to the innovation of educational methods and the construction of teaching staff. With the rapid development of information technology, how to use modern technology to improve the fun and attractiveness of patriotic education is an issue worthy of in-depth discussion. At the same time, as an important implementer of patriotic education, it is crucial for teachers to improve their professional quality and educational ability. Therefore, strengthening teacher training and improving teachers' awareness and ability of patriotic education are the key to improving the quality of education.

Finally, we should also realize that patriotic education is a long-term and systematic project that requires the joint efforts of families, schools and society. The family is the first classroom for children to receive patriotic education, and the words and deeds of parents have a vital impact on their children. As the main battlefield of education, schools should give full play to their educational functions and cultivate students' patriotic feelings and national identity through diversified educational activities and curriculum settings. The society should provide rich resources and a good environment for patriotic education, and enhance students' patriotic awareness and social responsibility through various cultural activities and social practice activities.

Conclusion

Through the study of the patriotic education model in primary and secondary schools from an international comparative perspective, this study deeply analyzes the similarities and differences in the goals, content, and methods of patriotic education in primary and secondary schools in China, Russia, the United States, and Singapore, and puts forward experiences that can be used for reference. In combination with China's actual situation, this study puts forward improvement suggestions such as optimizing education goals, enriching education content, innovating education methods, strengthening teacher team building, and improving education evaluation mechanisms. These suggestions are aimed at further improving the quality and effectiveness of patriotic education in primary and secondary schools in my country and better cultivating students' patriotic feelings and national identity.

References

1. Andreev M.V. Patriotic education as a factor in strengthening Russia's national security // Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin. 2024. Vol. 9. № 1. pp. 30-35.
2. Zhernovnikova O.A., Chen Ts. The development of patriotism among children of the PRC // Actual problems of the humanities. 2021. № 38(3). pp. 131-134.

3. Peresada O., Korepina N., Kirichenko N., Gurin V., Zhdanova E. Formation of a patriotic attitude towards a small homeland in elementary school // *European works on social and behavioral sciences*. 2020. Vol. 83. pp. 237-243.
4. Popovkina G.S. Religious education in the south of the Russian Far East in the post-soviet period // *Education and science*. 2017. Vol. 19. № 9. pp. 144-163.
5. Tufleikina N.A., Lopatin E.A., Kryuchkov V.V., Rabazanov S.I., Lavrentieva I.V. The experience of patriotic education in the People's Republic of China // *Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*. 2020. № 4(42). pp. 544-547.
6. Donadze N. Building patriotism in the United States of America through education of history // *Journal in humanities*. 2023. Vol. 12. № 1. pp. 15-22.
7. Merry M.S. Patriotism, history and the legitimate aims of American education // *Educational philosophy and theory*. 2009. Vol. 41. № 4. pp. 378-398.
8. Alfrovich M.T., Khushnudbek S. Education of students in the spirit of patriotism by studying the history of the great patriotic war // *European scholar journal*. 2021. Vol. 2. № 4. pp. 196-199.
9. Baekken H. The Return to Patriotic Education in Post-Soviet Russia: How, When, and Why the Russian Military Engaged in Civilian Nation Building // *Journal of soviet and post-soviet politics and society*. 2019. Vol. 5. № 1. pp. 123-158.
10. China unveils outline for strengthening patriotic education // *The Communist Party of China Central Committee and the State Council*. 2019.
11. Chua S., Sim J.B.Y. Rethinking critical patriotism: a case of constructive patriotism in Social Studies teachers in Singapore // *Asia Pacific journal of education*. 2017. Vol. 37. № 1. pp. 1-13.
12. He B., Zhao N. The historical background, cultural foundation and educational characteristics of Singapore's patriotism – text analysis based on Singapore primary school moral education textbooks // *Mat. of the 4th Inter. seminar on education research and social science (ISERSS 2021)*. Dordrecht: Atlantis Press, 2022. pp. 125-129.
13. Ho L.C. «Don't worry, I'm not going to report you»: Education for citizenship in Singapore // *Theory & Research in social education*. 2010. Vol. 38. № 2. pp. 217-247.
14. Hu W. Analysis on the necessity of military training in the cultivation of patriotism of college students // *Mat. of the 8th Inter. conf. on social network, communication and education (SNCE 2018)*. Dordrecht: Atlantis Press, 2018. pp. 826-828.
15. Kissling M.T. Introduction: learning and teaching the complexities of patriotism here and now // *Occasional paper series*. 2018. Vol. 2018. № 40. pp. 1-5.
16. Pope A. First person interaction: The benefits of field trip experiences to social studies education // *Georgia social studies journal*. 2009. Vol. 4. № 1. pp. 10-18.
17. Popovkina G.S. Religious education in the south of the Russian far east in post-soviet period // *Education and science*. 2017. Vol. 19. № 9. pp. 144-163.
18. Ritter Z.S. Singapore's search for national identity: Building a nation through education // *Comparative & International higher education*. 2013. Vol. 5. № 2. pp. 16-21.
19. Sun J., Tang Y., Wu Z. Diversity Awareness for Assisting Intercultural Teaching and Learning // *Mat. of the 2018 Inter. conf. on education science and social development (ESSD 2018)*. Dordrecht: Atlantis Press, 2018. pp. 63-65.
20. Westheimer J. Teaching students to think about patriotism. In: *The social studies curriculum: Purposes, problems and possibilities*. NY: Routledge, 2014. pp. 127-137.
21. Yao X. The Impact of ideological and political education on students' personal development and social responsibility // *International journal of new developments in education*. 2024. Vol. 6. № 1. pp. 132-136.

Исследование модели воспитания патриотизма в начальных и средних школах с точки зрения международного сравнительного анализа

Юетун Лу

Аспирант

Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

1042248007@pfur.ru

ORCID 0009-0000-6908-0289

Поступила в редакцию 15.05.2025

Принята 02.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 37.037.3

DOI 10.25726/v5978-0887-6630-q

EDN QGINDE

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Это исследование фокусируется на патриотическом образовании в начальных и средних школах Китая, России, США и Сингапура. Оно использует комбинацию методов анализа литературы, сравнительного исследования и изучения случаев для систематического изучения сходств и различий в целях, содержании и методах патриотического образования в разных странах. Выбрав репрезентативные курсы или проекты из четырех стран для углубленного анализа, было обнаружено, что Китай подчеркивает политическую идентичность и историческое и культурное наследие, Россия подчеркивает исторический героизм и военное патриотическое образование, США фокусируются на гражданском участии и культивировании демократических ценностей, а Сингапур фокусируется на мультикультурной интеграции и формировании национальной идентичности. Поэтому это исследование обобщает опыт разных стран и выдвигает конкретные предложения по оптимизации патриотического образования в моей стране.

Ключевые слова

патриотическое воспитание в начальной и средней школе, патриотическое воспитание, модель патриотического воспитания, цели патриотического воспитания, содержание патриотического воспитания, методы патриотического воспитания.

Список литературы

1. Андреев М.В. Патриотическое воспитание как фактор укрепления национальной безопасности России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 9. № 1. С. 30-35.
2. Жерновникова О.А., Чень Ц. Развитие патриотизма у детей КНР // Актуальные проблемы гуманитарных наук. 2021. № 38(3). С. 131-134.
3. Пересада О., Корепина Н., Кириченко Н., Гурин В., Жданова Е. Формирование патриотического отношения к малой родине в начальной школе // Европейские труды по социальным и поведенческим наукам. 2020. Том 83. С. 237-243.
4. Поповкина Г.С. Религиозное образование на юге Дальнего Востока России в постсоветский период // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 9. с. 144-163.

5. Туфлейкина Н.А., Лопатин Е.А., Крючков В.В., Рабазанов С.И., Лаврентьева И.В. Опыт патриотического воспитания в Китайской Народной Республике // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4(42). С. 544-547.
6. DONADZE N. Building patriotism in the United States of America through education of history // Journal in humanities. 2023. Vol. 12. № 1. pp. 15-22.
7. Merry M.S. Patriotism, history and the legitimate aims of American education // Educational philosophy and theory. 2009. Vol. 41. № 4. pp. 378-398.
8. Alfrovich M.T., Khushnudbek S. Education of students in the spirit of patriotism by studying the history of the great patriotic war // European scholar journal. 2021. Vol. 2. № 4. pp. 196-199.
9. Baekken H. The Return to Patriotic Education in Post-Soviet Russia: How, When, and Why the Russian Military Engaged in Civilian Nation Building // Journal of soviet and post-soviet politics and society. 2019. Vol. 5. № 1. pp. 123-158.
10. China unveils outline for strengthening patriotic education // The Communist Party of China Central Committee and the State Council. 2019.
11. Chua S., Sim J.B.Y. Rethinking critical patriotism: a case of constructive patriotism in Social Studies teachers in Singapore // Asia Pacific journal of education. 2017. Vol. 37. № 1. pp. 1-13.
12. He B., Zhao N. The historical background, cultural foundation and educational characteristics of Singapore's patriotism – text analysis based on Singapore primary school moral education textbooks // Mat. of the 4th Inter. seminar on education research and social science (ISERSS 2021). Dordrecht: Atlantis Press, 2022. pp. 125-129.
13. Ho L.C. «Don't worry, I'm not going to report you»: Education for citizenship in Singapore // Theory & Research in social education. 2010. Vol. 38. № 2. pp. 217-247.
14. Hu W. Analysis on the necessity of military training in the cultivation of patriotism of college students // Mat. of the 8th Inter. conf. on social network, communication and education (SNCE 2018). Dordrecht: Atlantis Press, 2018. pp. 826-828.
15. Kissling M.T. Introduction: learning and teaching the complexities of patriotism here and now // Occasional paper series. 2018. Vol. 2018. № 40. pp. 1-5.
16. Pope A. First person interaction: The benefits of field trip experiences to social studies education // Georgia social studies journal. 2009. Vol. 4. № 1. pp. 10-18.
17. Popovkina G.S. Religious education in the south of the Russian far east in post-soviet period // Education and science. 2017. Vol. 19. № 9. pp. 144-163.
18. Ritter Z.S. Singapore's search for national identity: Building a nation through education // Comparative & International higher education. 2013. Vol. 5. № 2. pp. 16-21.
19. Sun J., Tang Y., Wu Z. Diversity Awareness for Assisting Intercultural Teaching and Learning // Mat. of the 2018 Inter. conf. on education science and social development (ESSD 2018). Dordrecht: Atlantis Press, 2018. pp. 63-65.
20. Westheimer J. Teaching students to think about patriotism. In: The social studies curriculum: Purposes, problems and possibilities. NY: Routledge, 2014. pp. 127-137.
21. Yao X. The Impact of ideological and political education on students' personal development and social responsibility // International journal of new developments in education. 2024. Vol. 6. № 1. pp. 132-136.

Интеграция элементов китайской традиционной музыки в современную систему музыкального образования

Юйсюань Цзинь

Аспирант

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

yuxuan.jin.97@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 11.05.2025

Принята 06.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 24.4

DOI 10.25726/h1790-4411-3614-n

EDN REGFOO

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Статья разрабатывает концептуальные основы интеграции элементов китайской традиционной музыки (КТМ) в российскую систему музыкального образования, актуальность которой обусловлена глобализационными процессами и необходимостью обогащения педагогической практики через диалог культур. На основе системного подхода и сравнительно-сопоставительного метода выявлен уникальный педагогический потенциал КТМ, детерминированный её философско-культурными истоками (конфуцианство, даосизм, буддизм) и системообразующими элементами: пентатоникой, ритмикой с концепцией бан, тембрами-носителями культурных кодов, принципами формообразования ци-чэн-чжань-хэ и устной традицией передачи мастерства. Обоснована необходимость реализации интеграции через синтез трансформационного и социально-действенного подходов при соблюдении принципов аутентичности, адаптивности, диалогичности, системности и культуросообразности. Практическая реализация предложена на трёх взаимосвязанных уровнях: содержательном (модификация программ теории музыки, сольфеджио, музыкальной литературы и практических дисциплин), методическом (адаптация устной традиции обучения, применение цифровых инструментов) и воспитательном (формирование поликультурной компетентности, эмпатии, креативности). Доказана значимость интеграции для обновления российского музыкального образования в контексте глобализации, расширения культурного горизонта учащихся и укрепления российско-китайского гуманитарного сотрудничества, с перспективами разработки методических комплексов и подготовки кадров.

Ключевые слова

интеграция, китайская традиционная музыка, музыкальная педагогика, межкультурное образование, педагогический потенциал, поликультурная компетентность.

Введение

Современный этап развития музыкального образования характеризуется усилением процессов глобализации, что актуализирует поиск путей обогащения национальных образовательных систем через диалог культур. В этом контексте особое значение приобретает освоение богатейшего наследия незападных музыкальных традиций, потенциал которых в педагогической практике реализован далеко не полно. Китайская традиционная музыка (КТМ), обладающая многовековой историей и уникальной

философско-эстетической основой, представляет собой яркий пример подобного недоиспользованного ресурса (Мэньюн, 2021). Несмотря на возрастающий интерес к мировым культурам, систематическое включение элементов КТМ в содержание и методы современного музыкального образования, особенно в российской практике, остается фрагментарным и недостаточно теоретически осмысленным. Это формирует существенную проблему: образовательный процесс упускает возможность развивать у учащихся поликультурную компетентность, обогащать их музыкальное мышление альтернативными звуковыми системами и глубже понимать универсальные закономерности музыкального искусства через призму иной культурной парадигмы.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и разработка концептуальных основ интеграции элементов китайской традиционной музыки в современную систему музыкального образования. Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи: выявление ключевых элементов КТМ, обладающих значительным педагогическим потенциалом; определение адекватных теоретических подходов к процессу интеграции культурных компонентов в образовательные системы; обоснование ценности и возможных направлений такой интеграции для развития современной музыкальной педагогики.

Объектом исследования выступает процесс музыкального образования в его системной целостности. Предметом исследования являются теоретические и методические аспекты интеграции элементов китайской традиционной музыки в указанный процесс. Методологическую основу составляют теоретический анализ философской, культурологической, музыковедческой и педагогической литературы; системный подход, позволяющий рассмотреть интеграцию как целостный феномен; сравнительно-сопоставительный метод для выявления специфики КТМ и путей ее адаптации.

Научная новизна исследования заключается в разработке концепции интеграции элементов КТМ, базирующейся на системном подходе и акцентирующей не только технико-исполнительские, но и фундаментальные культурно-философские аспекты этой традиции, что обеспечивает глубину и осмысленность педагогического процесса. Теоретическая значимость работы состоит в ее вкладе в развитие теории межкультурной музыкальной педагогики и этнопедагогики музыки, обогащая представления о возможностях кросс-культурного взаимодействия в образовании. Практическая значимость определяется выявленным потенциалом предложенной концепции для обновления содержания, методов и технологий музыкального образования на различных его уровнях, способствуя формированию более открытой и поликультурной образовательной среды.

Материалы и методы исследования

Китайская традиционная музыка (КТМ) представляет собой сложное системное явление, неразрывно связанное с глубинными пластами национальной культуры и философской мысли. Ее сущность формировалась под определяющим влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма, заложивших фундаментальные принципы музыкального мышления и творчества. Конфуцианский идеал социальной гармонии и этической правильности утвердил понимание музыки как инструмента нравственного совершенствования и поддержания космического порядка (Чэнь, 2021). Даосская концепция естественности и циркуляции универсальной энергии проявилась в стремлении к спонтанности звукоизвлечения и подражанию природным ритмам (Линь, 2022). Буддийские представления о цикличности бытия и медитативной сосредоточенности нашли отражение в особой созерцательности и внутренней сосредоточенности многих жанров. Эти философско-культурные истоки обусловили уникальность системообразующих элементов КТМ.

Звуковысотная организация базируется на пентатонике как структурной основе, развитой в систему ладов и микрохроматических отношений, предполагающих специфику интонирования и вибрато, далеких от равномерной темперации. Ритмико-метрическая структура характеризуется цикличностью, управляемой концепцией бан, и значительной гибкостью темпа, подчиненной логике развития формы и выразительности (Безниско, 2023). Тембр приобретает статус семантически нагруженного компонента, что отражено в древней классификации инструментов и культивировании уникальных звуковых красок струнных, смычковых и духовых, где тембр становится носителем культурных кодов. Формообразование

тяготеет к вариационности и принципу постепенного развертывания, неразрывно связанного с поэтическим текстом, театральным действием или ритуальным контекстом. Значимую роль играют импровизация и орнаментика как средства индивидуального высказывания в рамках канона. Системы нотации выполняют вспомогательную функцию, подчеркивая приоритет устной традиции передачи мастерства, где обучение строится на непосредственной имитации и постижении внутренней сути.

Выявленные сущностные характеристики КТМ обладают значительным педагогическим потенциалом для современного музыкального образования. Освоение пентатоники и микрохроматики способствует развитию тонкого звуковысотного слуха, преодолевающего рамки европейской ладовой системы. Работа с тембрами как носителями смысла формирует исключительно развитое тембровое восприятие и понимание тембра как выразительного средства (Инь, 2024). Опыт взаимодействия с ритмикой, основанной на цикличности и текучести, расширяет ритмическое мышление. Глубинное постижение связи музыкальных элементов с философскими концепциями и культурным контекстом воспитывает целостное восприятие искусства, понимание его социокультурных функций. Наконец, систематическое знакомство с КТМ формирует подлинную поликультурную музыкальную компетентность, позволяющую учащимся ориентироваться в многообразии мировых музыкальных традиций, преодолевая европоцентризм и обогащая собственное творчество.

Эффективная интеграция элементов китайской традиционной музыки (КТМ) в современное музыкальное образование требует опоры на четкие теоретические основания, определяющие глубину и характер этого процесса. Анализ существующих педагогических моделей освоения этнокультурного материала выявляет спектр возможных стратегий. Модель добавления предполагает фрагментарное включение отдельных произведений или инструментов КТМ в существующие программы, что обеспечивает первичное знакомство, но не затрагивает системные основы музыкального мышления. Сравнительный подход акцентирует сопоставление структурных и эстетических принципов КТМ с доминирующей европейской традицией, способствуя осознанию культурного разнообразия, однако рискуя усилить позицию европоцентризма через призму сравнения (Сяо, 2025). Трансформационная модель ставит целью более глубокое переосмысление целей, содержания и методов музыкального образования через призму иной культурной парадигмы, что открывает путь к подлинному диалогу и обогащению педагогической теории (Ююань, 2023). Социально-действенный подход фокусируется на использовании музыки как инструмента межкультурного диалога и формирования толерантности, подчеркивая социальную функцию интеграции. Выбор модели определяется целеполаганием, однако для реализации педагогического потенциала КТМ, раскрытого в предыдущем разделе, наиболее продуктивным представляется синтез трансформационного и социально-действенного подходов, позволяющий преодолеть поверхностность и обеспечить содержательную глубину.

Отбор конкретных элементов КТМ для интеграции должен подчиняться системе взаимосвязанных критериев, обеспечивающих научную обоснованность и педагогическую эффективность. Критерий репрезентативности гарантирует включение элементов, наиболее значимых для самой традиции КТМ и отражающих ее сущностные характеристики. Критерий доступности учитывает возможности восприятия и освоения материала учащимися определенного возраста и уровня подготовки, избегая неоправданного усложнения. Критерий педагогической ценности направлен на выявление элементов, обладающих наибольшим потенциалом для развития конкретных музыкальных навыков, компетенций или общекультурных качеств учащихся, что напрямую связано с целями музыкального образования. Критерий адаптивности предполагает принципиальную возможность адаптации выбранных элементов к условиям и ресурсам современного образовательного процесса без утраты их культурной специфики (Фань, 2024). Наконец, критерий потенциала для диалога культур ориентирует на выбор элементов, способных стать содержательной основой для сопоставления, взаимодействия и взаимопонимания между музыкальными традициями, прежде всего китайской и европейской, в российской образовательной среде.

Результаты и обсуждение

Реализация интеграции на практике требует следования ключевым принципам, обеспечивающим ее системность и культурную адекватность:

1. принцип системности предполагает рассмотрение элементов КТМ не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом и с породившим их культурно-философским контекстом, что позволяет передать целостность традиции.

2. принцип аутентичности обязывает к максимально точной передаче сущностных характеристик интегрируемых элементов, избегая их упрощения или искажения в угоду дидактическим удобствам (Цзинь, 2021).

3. принцип адаптивности требует гибкого учета возрастных особенностей, уровня музыкальной подготовки учащихся и конкретных условий образовательной организации при дозировании материала и выборе методов работы.

4. принцип диалогичности подчеркивает необходимость осмысленного взаимодействия элементов КТМ с основами европейской музыкальной традиции, составляющей ядро российской системы образования, для взаимного обогащения и формирования полифонической картины мира (Мэн, 2024).

5. принцип культуросообразности диктует необходимость гармоничного встраивания элементов КТМ в существующую российскую образовательную систему с учетом ее нормативных основ (ФГОС), сложившихся педагогических традиций, социокультурного контекста и региональных особенностей, обеспечивая не механическое заимствование, а органичное включение в процесс воспитания и развития личности средствами музыкального искусства.

Соблюдение этих принципов создает концептуальную рамку для осмысленной и эффективной интеграции, направленной на обогащение отечественной музыкально-педагогической практики.

Реализация теоретико-методологических предпосылок интеграции элементов китайской традиционной музыки (КТМ) в отечественную образовательную практику предполагает их операционализацию через три взаимодополняющих направления, охватывающих содержательный, процессуально-методический и ценностно-развивающий аспекты педагогической деятельности. Целостность данного подхода обеспечивает не фрагментарное включение экзотических элементов, а последовательное обогащение системы музыкального образования.

Содержательная интеграция заключается в системном включении компонентов КТМ в учебные программы различных дисциплин. Курсы теории музыки и сольфеджио получают возможность расширить представления о звуковысотных системах через изучение пентатоники как структурной основы, микрохроматики системы люй-люй, специфики интонирования и вибрато, отличных от европейской темпации (Самвелян, 2022). Ритмическое воспитание обогащается пониманием концепции бан как организующего начала, цикличности и гибкой агогики. Темброведение углубляется знакомством с классификацией ба инь и семантической нагрузкой звучания инструментов. Анализ форм в курсах музыкальной литературы раскрывает принцип ци-чэн-чжань-хэ и вариационную технику. Историко-теоретические дисциплины интегрируют изучение ключевых жанров вокальной и инструментальной музыки с анализом их философско-эстетических оснований, укорененных в конфуцианской этике, даосском натурализме и буддийской созерцательности. Практические занятия (специальный инструмент, ансамбль, хор) включают освоение адаптированного репертуара КТМ. При наличии ресурсов целесообразно введение модулей по основам игры на традиционных инструментах; в иных условиях реализуется адаптированное музицирование с использованием пентатоники, специфических ритмоформул и приемов артикуляции на доступных инструментах или в вокальной практике, что обеспечивает тактильное и интонационное погружение в традицию (Ху, 2025). Процессуально-методическая интеграция требует адаптации педагогических технологий к специфике КТМ. Это предполагает заимствование принципов устной традиции обучения: акцент на непосредственной имитации, вариационной импровизации в рамках канона, передаче мастерства через демонстрацию и подражание, минимизируя первоначальную зависимость от нотного текста (Цзинь, 2024). Развитие слуховых навыков обогащается упражнениями на восприятие и воспроизведение

пентатонных ладов и микроинтервалов; ритмическое воспитание включает освоение циклических структур и пластичного темпа. Методика работы над тембром фокусируется на распознавании и воссоздании уникальных звуковых характеристик китайских инструментов, осознании их культурно-символического значения. Интерпретация музыкальных произведений, включая академический репертуар, углубляется применением категорий китайской эстетики: стремление к гармонии, естественности звукоизвлечения, ощущению циркуляции энергии. Критически важным становится использование цифровых технологий: мультимедийных презентаций, электронных баз аутентичных записей и нотных архивов, специализированного ПО для анализа звука, что преодолевает географические и ресурсные ограничения, обеспечивая наглядность и создавая иммерсивную образовательную среду.

Ценностно-развивающая интеграция раскрывает воспитательный и личностно-формирующий потенциал КТМ. Систематическое взаимодействие с глубоко структурированной иной музыкальной вселенной культивирует подлинное уважение к культурному разнообразию, деструктурируя этностереотипы и формируя установку на диалог как норму межкультурного взаимодействия (Лескова, 2024). Эмоционально-интеллектуальное погружение в образный строй КТМ развивает эмпатическую чуткость и компетенции межкультурной коммуникации, позволяя воспринимать и интерпретировать художественные сообщения сквозь призму иного мировоззрения. Приобщение к эстетическим идеалам, базирующимся на гармонии человека с космосом, тонкой нюансировке и подражании природным ритмам, формирует многомерный эстетический вкус, преодолевающий ограниченность европоцентричных канонов. Непосредственное взаимодействие с альтернативной системой музыкального мышления, ее композиционными и исполнительскими принципами, стимулирует когнитивную гибкость и креативность, провоцируя поиск нестандартных решений в собственной художественной практике (Доу, 2020). Таким образом, интеграция элементов КТМ трансформируется из предметно-методической задачи в стратегический ресурс формирования поликультурной, рефлексивной и творчески активной личности музыканта, способной к профессиональной и социокультурной адаптации в условиях глобализации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что китайская традиционная музыка (КТМ), обладая уникальным педагогическим потенциалом, укорененным в глубинных философско-культурных традициях, представляет значительный ресурс для обогащения современной системы музыкального образования. Установлено, что эффективная интеграция элементов КТМ требует реализации системного подхода, основанного на строгих концептуальных принципах: аутентичности в передаче сущностных характеристик, адаптивности к условиям образовательного процесса, диалогичности во взаимодействии с европейской традицией, системности рассмотрения элементов в их взаимосвязи и культуросообразности применительно к российским реалиям. Доказана практическая осуществимость такой интеграции на взаимосвязанных уровнях обновления содержания образования, адаптации методов и технологий обучения, а также реализации воспитательного потенциала.

Ценность предложенной интеграции многогранна. Для российской системы музыкального образования это означает расширение культурного горизонта, обновление содержания и методов в соответствии с вызовами глобализации, развитие поликультурных компетенций субъектов образовательного процесса. Учащиеся получают возможность обогащения музыкального опыта, развития специфических слуховых и исполнительских навыков, формирования универсальных компетенций, таких как толерантность и креативность, а также целостного мировоззрения. На уровне международного сотрудничества интеграция способствует углублению взаимопонимания между Россией и Китаем через гуманитарную сферу.

Перспективы дальнейшей работы видятся в разработке конкретных методик и учебно-методических комплексов, целенаправленной подготовке педагогических кадров, владеющих основами КТМ, апробации и оценке эффективности моделей интеграции на различных ступенях образования (ДМШ/ДШИ, СПО, вузы), а также в лонгитюдном изучении ее долгосрочного образовательного и социокультурного эффекта.

Список литературы

1. Безниско О.Н., Сяюй Ч. Историческая эволюция стандартов музыкальных учебных программ в базовом образовании с момента основания нового Китая // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 63. С. 114-120.
2. Инь Х. Использование китайской традиционной танцевальной музыки как эффективного средства в образовательном процессе младших школьников в КНР // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14, № 3-2. С. 202-209.
3. Линь К. Элементы традиционной китайской музыкальной культуры в учебниках музыки для школ Китая // Человеческий капитал. 2022. № 9. С. 165.
4. Мэн Л. Педагогические условия развития звуковысотного слуха у обучающихся на музыкальных занятиях в общеобразовательных школах КНР в аспекте сравнительной педагогики музыкального образования различных стран // Современное педагогическое образование. 2024. № 12. С. 157-161.
5. Мэнюнь В., Яковлева Е.Н. Современное музыкальное образование в Китае: тенденции и перспективы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2(58). С. 214-220.
6. Сяо Ц., Заббарова М.М. Моделирование интеграции российских музыкально-образовательных методик учителем музыки в среднее школьное образование Китая // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 3. С. 359-366.
7. Фань Ш., Чан Х. Этапы и специфика обучения игре на скрипке в кружках при начальных и средних школах в Китае // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 212-220.
8. Цзинь У. Определение тенденций совершенствования подготовки оперных исполнителей в Китае // Научное мнение. 2021. С. 122-128.
9. Чэнь Ц. Влияние идей китайского традиционного музыкального образования на преподавание игры на фортепиано в Китае // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 5-1. С. 605-611.
10. Ююань С. Традиционная китайская музыка в музыкальном образовании // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 184-189.

Integration of elements of Chinese traditional music into the modern system of music education

Yuxuan Jin

PhD student

Moscow State Pedagogical University

Moscow, Russia

yuxuan.jin.97@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 11.05.2025

Accepted 06.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 24.4

DOI 10.25726/h1790-4411-3614-n

EDN REGFOO

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article develops the conceptual foundations for integrating elements of Chinese traditional music (CTM) into the Russian system of music education, the relevance of which is due to globalization processes and the need to enrich pedagogical practice through a dialogue of cultures. Based on the systems approach and comparative-contrastive method, the unique pedagogical potential of CTM is revealed, determined by its philosophical and cultural origins (Confucianism, Taoism, Buddhism) and system-forming elements: pentatonics, rhythm with the concept of ban, timbres-carriers of cultural codes, principles of form-building qi-cheng-zhan-he and oral tradition of passing on mastery. The need to implement integration through the synthesis of transformational and socially effective approaches while observing the principles of authenticity, adaptability, dialogicity, systematicity and cultural conformity is substantiated. Practical implementation is proposed at three interconnected levels: content (modification of music theory programs, solfeggio, music literature and practical disciplines), methodological (adaptation of oral teaching traditions, use of digital tools) and educational (development of multicultural competence, empathy, creativity). The importance of integration for updating Russian music education in the context of globalization, expanding the cultural horizons of students and strengthening Russian-Chinese humanitarian cooperation is proven, with prospects for developing methodological complexes and training personnel.

Keywords

integration, Chinese traditional music, musical pedagogy, intercultural education, pedagogical potential, multicultural competence.

References

1. Beznisko O.N., Xiaoyu Ch. The historical evolution of music curriculum standards in basic education since the founding of New China // Kemerovo State University of Culture and Arts Bulletin. 2023. № 63. pp. 114-120.
2. Yin H. The use of Chinese traditional dance music as an effective tool in the educational process of primary school students in China // Education management: theory and practice. 2024. Vol. 14. № 3-2. pp. 202-209.
3. Lin K. Elements of traditional Chinese musical culture in music textbooks for Chinese schools // Human capital. 2022. № 9. p. 165.
4. Meng L. Pedagogical conditions for the development of high-pitched hearing among students in music classes in general education schools of the People's Republic of China in the aspect of comparative pedagogy of music education in various countries // Modern pedagogical education. 2024. № 12. pp. 157-161.
5. Mengyun V., Yakovleva E.N. Modern music education in China: trends and prospects // Kursk State University electronic scientific journal. 2021. № 2(58). pp. 214-220.
6. Xiao Ts., Zabbarova M.M. Modeling the integration of Russian musical and educational methods by a music teacher into secondary school education in China // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2025. Vol. 10. № 3. pp. 359-366.
7. Fan S., Chang H. The stages and specifics of learning to play the violin in clubs at primary and secondary schools in China // Pedagogical education in Russia. 2024. № 3. pp. 212-220.
8. Jin W. Identification of trends in improving the training of opera performers in China // Scientific opinion. 2021. pp. 122-128.
9. Chen Ts. The influence of the ideas of Chinese traditional musical education on the teaching of piano playing in China // Pedagogical Journal. 2021. Vol. 11. № 5-1. pp. 605-611.
10. Yuyuan S. Traditional Chinese music in music education // Pedagogical journal. 2023. Vol. 13. № 2A-3A. pp. 184-189.

Специфика интерпретации фортепианных сонат Йозефа Гайдна в контексте современной педагогики

Хаи Чен

Независимый исследователь

Университет Суан Сунанда Раджабхат

Бангкок, Таиланд

767366534@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 06.05.2025

Принята 25.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 78.072.1

DOI 10.25726/13647-3007-1320-г

EDN RDEVNF

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Интерпретация фортепианных сонат Йозефа Гайдна в современной музыкальной педагогике сталкивается с вызовами, связанными с переходным характером его стиля, сочетающим элементы барокко, галантности и классицизма. Проблема заключается в балансе между исторически аутентичным подходом и возможностями современного инструментария, где традиционные методы часто приводят к романтизированным трактовкам, игнорирующим риторику, орнаментику и артикуляцию эпохи. Исследование направлено на разработку и апробацию методики, интегрирующей исторически информированное исполнительство для формирования стилистически грамотной и выразительной интерпретации у учащихся. Методология включает теоретический анализ трудов по истории фортепианного искусства, риторике и аутентичному исполнительству, а также педагогический эксперимент с участием 80 учеников старших классов музыкальных школ, разделенных на экспериментальную и контрольную группы. В экспериментальной группе применялись анализ риторических фигур, работа с аутентичными источниками и имитация тембров старинных инструментов; в контрольной — традиционные подходы. Диагностика проводилась на трех этапах с использованием экспертных оценок, тестов и анкет, с последующей статистической обработкой данных. Результаты показали значительный рост в экспериментальной группе: стилистическая точность повысилась на 40,8%, художественная выразительность — на 25,7%, мотивация — на 58,3% по сравнению с контрольной группой, где улучшения были минимальными (5-10%). Таблицы демонстрируют статистически значимые различия в понимании орнаментики, артикуляции и риторики. Обсуждение подтверждает, что предложенная методика преодолевает разрыв между техникой и стилем, стимулируя творческую инициативу и глубокое понимание, что делает ее перспективной для обновления педагогической практики в работе с классическим репертуаром.

Ключевые слова

фортепианные сонаты Гайдна, интерпретация, музыкальная педагогика, исторически информированное исполнительство, стилистическая точность.

Введение

Интерпретация фортепианных сонат Йозефа Гайдна в современной музыкальной педагогике представляет собой сложную, многоаспектную проблему, находящуюся на стыке исторического музыкознания, теории исполнительства и методики обучения игре на фортепиано. Творчество Гайдна, часто именуемого «отцом симфонии и струнного квартета», в клавирной области также является фундаментальным, заложившим основы классической сонатной формы, которую в дальнейшем развивали Моцарт и Бетховен. Однако именно этот переходный характер его стиля, сочетающий в себе элементы галантности, риторические фигуры барокко и зарождающийся классический язык, создает основные трудности для современного исполнителя и, в особенности, для ученика (Тухватуллина, 2002). Педагог сегодня сталкивается с необходимостью не просто обучить технически грамотному исполнению текста, но и донести до сознания учащегося специфику музыкального мышления XVIII века, помочь ему ощутить остроумие, юмор, изящество и драматизм, присущие музыке Гайдна. Эта задача усложняется значительной эволюцией как самого фортепиано – от клавирина и молоточкового клавира времен композитора до современного концертного рояля, – так и исполнительских традиций (Асфандьярова, 2010).

Проблема заключается в поиске баланса между исторически информированным подходом и требованиями современной концертной практики и педагогике. С одной стороны, игнорирование аутентичных приемов исполнения, артикуляции, орнаментики и динамики, характерных для эпохи Гайдна, ведет к стилистически неверной, утяжеленной и романтизированной трактовке его музыки (Асфандьярова, 2004). С другой стороны, слепое копирование манеры игры на старинных инструментах без учета акустических возможностей и тембрового богатства современного фортепиано обедняет звуковую палитру и может показаться современному слушателю сухим и невыразительным. Современная педагогика призвана преодолеть этот разрыв, вооружив ученика не набором догматических правил, а гибким аналитическим аппаратом, позволяющим ему на основе глубокого изучения текста и исторического контекста (Асфандьярова, 2006). принимать осознанные исполнительские решения. Таким образом, специфика интерпретации сонат Гайдна в педагогическом процессе заключается в формировании у учащегося особого типа мышления – исторически чуткого, стилистически грамотного, но при этом творчески свободного и индивидуального.

Материалы и методы исследования

Методологической основой данного исследования послужил комплексный подход, интегрирующий методы теоретического и эмпирического познания. Теоретический уровень исследования базировался на принципах историзма и системности, что позволило рассмотреть эволюцию фортепианных сонат Й. Гайдна в широком контексте музыкальной культуры XVIII века. Были проанализированы научные труды отечественных и зарубежных музыковедов, посвященные венскому классицизму, истории фортепианного искусства, а также вопросам музыкальной риторики и теории аффектов (Асфандьярова, 2014). Особое внимание уделялось работам, исследующим проблемы аутентичного исполнительства и их адаптации к современной музыкально-педагогической практике. Важной частью теоретического анализа стало изучение редакций сонат Гайдна, от уртекстов до инструктивных изданий XX века, что позволило выявить динамику интерпретаторских подходов и вычленить ключевые текстологические и стилистические проблемы (Асфандьярова, 2005). Сравнительный анализ аудиозаписей сонат в исполнении выдающихся пианистов разных поколений (от В. Горовица до А. Шиффа и Ж.-Э. Бавузе) позволил определить основные векторы современных исполнительских трактовок.

Практическая часть исследования была реализована в формате педагогического эксперимента, который проводился на базе детских музыкальных школ и колледжей искусств на протяжении полутора лет. В эксперименте приняли участие 80 учащихся старших классов фортепианных отделений, разделенных на контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) группы по 40 человек в каждой. В контрольной группе обучение проходило по традиционной методике, основанной на общепринятых в отечественной фортепианной школе подходах (Асфандьярова, 2001). В экспериментальной группе была

внедрена авторская методика, ключевыми элементами которой являлись: углубленное изучение историко-стилистического контекста, анализ риторических фигур в музыкальном тексте, освоение специфических приемов артикуляции и орнаментики на основе аутентичных источников (Асфандьярова, 2001), а также работа над звукоизвлечением с учетом имитации тембров старинных клавиров. Диагностика результативности проводилась на трех этапах (констатирующий, промежуточный, контрольный) и включала в себя экспертную оценку исполнения (по критериям технической свободы, стилистической точности и художественной выразительности), а также анкетирование учащихся для выявления уровня их теоретических знаний и мотивационной вовлеченности (Асфандьярова, 2001). Статистическая обработка полученных количественных данных проводилась с использованием стандартных методов вариационного анализа и сравнения средних величин.

Результаты и обсуждение

На начальном этапе исследования была проведена диагностика исходного уровня исполнительских навыков и теоретических знаний учащихся в обеих группах. Анализ показал, что большинство учеников, приступая к изучению сонат Гайдна, обладают схожим набором проблем. К ним относятся, в первую очередь, недостаточное понимание стилистических особенностей музыки венского классицизма, склонность к романтизированной манере исполнения с избыточным использованием педали и динамических преувеличений, а также трудности в расшифровке и исполнении мелизмов. Артикуляционная палитра учащихся зачастую оказывалась бедной и сводилась к противопоставлению *legato* и *staccato* без тонкой дифференциации промежуточных штрихов, что крайне важно для передачи риторической экспрессии гайдновского текста (Винокурова, 2018). Отсутствие знаний об устройстве и звучании инструментов эпохи Гайдна приводило к формированию неверных звуковых представлений и, как следствие, к форсированному, непластичному туше.

Эти наблюдения подтверждают общую проблематику, заключающуюся в разрыве между современными техническими навыками пианистов, воспитанных преимущественно на романтическом репертуаре, и специфическими требованиями классического стиля. Учащиеся, хорошо справляющиеся с техническими задачами в произведениях Листа или Рахманинова, часто оказываются беспомощными перед кажущейся простотой и прозрачностью фактуры Гайдна, не умея наполнить ее внутренним содержанием, остроумием и изяществом (Асфандьярова, 2002). Исходные показатели экспертной оценки технического аспекта исполнения, являющегося базой для дальнейшей работы, представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Экспертная оценка технической грамотности исполнения на констатирующем этапе
(средний балл по 100-балльной шкале)

Критерий оценки	Экспериментальная группа (n=40)	Контрольная группа (n=40)
Ритмическая точность	82,45	81,90
Текстуальная точность	79,15	79,85
Аппликатурное удобство	75,30	74,65
Средний балл	78,97	78,80

Анализ данных таблицы 1 показывает, что на начальном этапе эксперимента обе группы демонстрировали практически идентичный уровень технической подготовки. Средний балл в экспериментальной группе составил 78,97, а в контрольной – 78,80, разница между ними является статистически незначимой. Небольшие флуктуации по отдельным критериям (например, незначительное превосходство ЭГ в ритмической точности и аппликатурном удобстве и КГ – в текстуальной точности) также находятся в пределах статистической погрешности и свидетельствуют о гомогенности выборки. Эти цифры отражают достаточно высокий базовый уровень технической оснащенности учащихся, что типично для старших классов музыкальных учебных заведений. Ученики в целом справляются с задачами точного воспроизведения нотного текста и ритмического рисунка.

Однако показатель «аппликатурное удобство», получивший наименьшие оценки в обеих группах, уже на этом этапе косвенно указывает на наличие проблемы. Часто учащиеся используют стандартную, универсальную аппкатуру, не адаптируя ее к специфике классической фразировки и артикуляции (Кириченко, 2002). Это подтверждает, что даже на уровне базовой техники традиционный подход не всегда учитывает стилистические особенности исполняемого репертуара. Таким образом, констатирующий срез зафиксировал равенство исходных позиций, что создает объективные условия для оценки эффективности экспериментальной методики в ее влиянии не столько на технику как таковую, сколько на ее качественное, стилистически осмысленное применение.

Таблица 2. Уровень понимания стилистических особенностей (результаты тестирования на контрольном этапе, % правильных ответов)

Область знаний	Экспериментальная группа (n=40)	Контрольная группа (n=40)	Разница (проц. пункты)
Орнаментика	91,50	62,25	29,25
Артикуляция и штрихи	88,75	58,50	30,25
Риторические фигуры	76,25	31,75	44,50
Темповые и динамические нюансы	85,50	68,00	17,50

Данные таблицы 2 демонстрируют значительное превосходство экспериментальной группы в области теоретических знаний о стиле Гайдна по итогам формирующего этапа. Наиболее разительный разрыв наблюдается в понимании риторических фигур – 76,25% правильных ответов в ЭГ против всего 31,75% в КГ, разница составляет 44,5 процентных пункта. Это свидетельствует о том, что целенаправленная работа по анализу музыкального текста с точки зрения риторики, проводившаяся в ЭГ, оказалась высокоэффективной, в то время как в традиционной методике этот важнейший аспект классического стиля практически не затрагивается (Асфандьярова, 2005). Существенная разница также зафиксирована в вопросах артикуляции (30,25 п.п.) и орнаментики (29,25 п.п.), что напрямую связано с практической направленностью экспериментальной программы, включавшей изучение аутентичных трактатов и аппликатурных принципов.

Меньший, но все же значимый разрыв (17,5 п.п.) в понимании темповых и динамических нюансов говорит о том, что эти темы в определенной степени освещаются и в рамках традиционного подхода, однако в экспериментальной группе их осмысление было более глубоким за счет привязки к историческому контексту (например, к концепции аффектов) и возможностям старинных инструментов. Таким образом, результаты тестирования убедительно показывают, что предложенная методика способствует формированию прочной когнитивной базы, необходимой для осознанной и стилистически выверенной интерпретации, в то время как традиционный подход оставляет в знаниях учащихся существенные пробелы (Асфандьярова, 2010).

Таблица 3. Интегральная экспертная оценка качества исполнения на контрольном этапе (средний балл по 100-балльной шкале, $M \pm \sigma$)

Критерий оценки	Экспериментальная группа (n=40)	Контрольная группа (n=40)
Техническое совершенство	90,15 $\pm$ 4,21	84,60 $\pm$ 6,85
Стилистическая точность	92,50 $\pm$ 3,88	65,75 $\pm$ 9,12
Художественная выразительность	89,80 $\pm$ 5,15	71,45 $\pm$ 10,54
Итоговый балл	90,82 $\pm$ 3,95	73,93 $\pm$ 8,11

Итоговая экспертная оценка, представленная в таблице 3, является кульминацией исследования, отражая комплексное влияние двух педагогических подходов на конечный исполнительский результат. Итоговый средний балл в экспериментальной группе (90,82) оказался на 16,89 балла выше, чем в контрольной (73,93). Такой значительный разрыв подтверждает высокую

эффективность экспериментальной методики. Наибольшая разница зафиксирована по критерию «Стилистическая точность»: 92,50 в ЭГ против 65,75 в КГ. Это прямое следствие тех теоретических знаний и практических навыков (см. табл. 2), которые целенаправленно формировались в экспериментальной группе. Учащиеся ЭГ продемонстрировали грамотное исполнение мелизмов, тонкую дифференциацию штрихов и глубокое понимание риторической структуры фраз (Асфандьярова, 2003).

Не менее важен и качественный рост по критерию «Художественная выразительность», где разрыв составил 18,35 балла. Это опровергает возможное опасение, что исторически информированный подход может привести к «сухому», академичному исполнению. Напротив, глубокое понимание стиля и языка композитора позволило учащимся ЭГ создать более яркие, содержательные и эмоционально наполненные интерпретации. Также стоит обратить внимание на показатели стандартного отклонения (σ), которые во всех категориях значительно ниже в экспериментальной группе. Это говорит о том, что предложенная методика не только повышает средний уровень исполнения, но и обеспечивает более стабильный и ровный результат для всей группы, в то время как в КГ наблюдается больший разброс в качестве игры, где успехи часто носят случайный, интуитивный характер.

Таблица 4. Самооценка учащимися уровня вовлеченности в учебный процесс (контрольный этап, средний балл по 10-балльной шкале)

Аспект вовлеченности	Экспериментальная группа (n=40)	Контрольная группа (n=40)
Интерес к изучаемому материалу	9.22	6.85
Понимание исполнительских задач	8.95	6.10
Удовлетворенность результатом	8.80	6.45
Мотивация к самостоятельной работе	9.10	5.75

Данные таблицы 4, отражающие субъективную оценку учащимися своего опыта, являются важным дополнением к объективным экспертным оценкам. По всем четырем показателям студенты экспериментальной группы продемонстрировали значительно более высокий уровень вовлеченности. Наибольший разрыв (3.35 балла) зафиксирован в показателе «Мотивация к самостоятельной работе» (9.10 в ЭГ против 5.75 в КГ). Это говорит о том, что исследовательский компонент, заложенный в экспериментальную методику (работа с текстами, чтение дополнительной литературы, прослушивание разных интерпретаций), пробудил у учащихся познавательную активность и стремление к самостоятельному поиску. Традиционный же подход, зачастую основанный на прямом копировании указаний педагога, оставляет меньше пространства для личной инициативы.

Высокие оценки в ЭГ по пунктам «Интерес к изучаемому материалу» (9.22) и «Понимание исполнительских задач» (8.95) свидетельствуют о том, что исторический контекст и теоретические знания не воспринимались учениками как скучная и отвлеченная информация. Напротив, они помогли сделать музыку Гайдна более понятной, «живой» и увлекательной, наполнив процесс работы над произведением конкретным смыслом (Асфандьярова, 2001). В результате возросла и «Удовлетворенность результатом» (8.80), так как учащиеся ЭГ осознавали, что их исполнение основано на глубоком понимании, а не на случайной интуиции. В контрольной группе более низкие баллы по всем позициям указывают на формальное и менее осознанное отношение к учебному процессу.

Комплексный анализ результатов всех четырех таблиц позволяет выявить четкую причинно-следственную связь между педагогическим подходом и конечным результатом. Изначально равные по техническому уровню (табл. 1) группы разошлись в своем развитии по двум разным траекториям. Экспериментальная группа, погруженная в историко-стилистический контекст, сначала продемонстрировала значительный рост теоретических знаний (табл. 2), что стало фундаментом для достижения высокого уровня стилистической точности и художественной выразительности в исполнении (табл. 3). Этот процесс сопровождался ростом внутренней мотивации и осознанности, что

зафиксировано в данных по самооценке (табл. 4). Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что глубокое когнитивное освоение материала является катализатором для развития как исполнительских навыков, так и личностного, творческого отношения к музыке.

Математическая обработка данных показывает, что разница между итоговыми интегральными баллами (табл. 3) более чем вдвое превышает стандартное отклонение в контрольной группе, что указывает на высочайшую степень статистической значимости полученных результатов. Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь (коэффициент корреляции > 0.85) между уровнем теоретических знаний о стиле (табл. 2) и экспертной оценкой художественной выразительности (табл. 3) в экспериментальной группе. В контрольной группе такая связь была значительно слабее. Это доказывает, что в случае с музыкой Гайдна именно «знание» является ключом к «чувству», а интеллектуальное понимание риторики, штрихов и формы напрямую ведет к более убедительной и эмоциональной интерпретации.

Контрольная группа, работавшая в рамках традиционной парадигмы, также показала некоторый прогресс (например, рост итогового балла с ~ 78 до 84 по технике), однако этот рост был значительно менее выраженным и, что самое главное, не привел к качественному скачку в понимании стиля. Их исполнение, оставаясь технически приемлемым, в большинстве случаев не выходило за рамки «общего музыкального представления», лишённого специфических черт гайдновского языка – остроумия, элегантности, риторической игры. Низкая мотивация к самостоятельной работе в КГ (табл. 4) создает риск того, что после окончания учебного заведения музыкант не будет обладать инструментарием для самостоятельного освоения музыки других стилей и эпох.

В совокупности, полученные данные убедительно свидетельствуют о преимуществах исторически информированного подхода в современной педагогической практике при работе над сонатами Гайдна. Он позволяет не только достичь более высокого исполнительского результата, но и сформировать у учащегося комплексную профессиональную компетенцию, включающую аналитические навыки, историческое мышление, творческую инициативу и глубокую внутреннюю мотивацию. Этот подход превращает изучение сонат Гайдна из рутинного прохождения репертуара в увлекательный исследовательский процесс, обогащающий как в музыкальном, так и в общеинтеллектуальном плане.

Заключение

Исследование специфики интерпретации фортепианных сонат Йозефа Гайдна в контексте современной педагогики показало, что достижение стилистически достоверного и художественно убедительного исполнения требует отхода от унифицированных методик, ориентированных преимущественно на репертуар эпохи романтизма. Ключевой проблемой является формирование у учащихся глубокого понимания особенностей музыкального языка и эстетики венского классицизма, что невозможно без целенаправленного погружения в историко-культурный контекст. Простое техническое освоение нотного текста, даже на высоком уровне, не гарантирует адекватной интерпретации музыки Гайдна, полной риторических фигур, тонкой артикуляционной игры и скрытого юмора. Результаты педагогического эксперимента наглядно продемонстрировали, что традиционный подход, концентрирующийся на общих вопросах музыкальности, не обеспечивает необходимой стилистической грамотности.

Наиболее эффективным путем является внедрение в педагогическую практику элементов исторически информированного исполнительства, адаптированных для современного фортепиано. Методика, основанная на изучении аутентичных источников, анализе риторической структуры произведений, освоении специфики классической орнаментики и артикуляции, приводит к статистически и качественно значимому улучшению результатов. Такой подход не только повышает стилистическую точность, но и парадоксальным образом раскрывает творческий потенциал учащихся, приводя к более ярким и индивидуальным интерпретациям, основанным не на слепой интуиции, а на глубоком знании. Кроме того, исследовательский характер такого обучения существенно повышает познавательный интерес и внутреннюю мотивацию учащихся, формируя у них навыки самостоятельной работы с музыкальным текстом, которые являются основой профессионализма любого музыканта.

Список литературы

1. Асфандьярова А.И. Живописно-орнаментальные структуры в тематизме фортепианных сонат Гайдна как способ воплощения образов пасторали // Музыкальная семиотика: перспективы и пути развития. Астрахань, 2006. С. 175-180.
2. Асфандьярова А.И. Интонационная лексика образов пасторали в тематизме фортепианных сонат Й. Гайдна: дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 2003. 2 с.
3. Асфандьярова А.И. Интонационная лексика образов пасторали в тематизме фортепианных сонат Й. Гайдна // Этот многообразный мир музыки: сб. ст. к 80-летию М.Г. Арановского. М.: Государственный институт искусствознания, 2010. С. 47-50.
4. Асфандьярова А.И. Музыкальный текст и семантический подход к его интерпретации (к вопросу об артикуляции фортепианных сонат Гайдна) // Искусство как феномен культуры: тез. док. Уфа: Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова, Лаборатория музыкальной семантики, 2001. С. 8-9.
5. Асфандьярова А.И. О некоторых способах воплощения образов пасторали в финалах фортепианных сонат Гайдна // Музыкальный текст и исполнитель: сб. ст. Уфа: Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова, Лаборатория музыкальной семантики, 2004. С. 93-113.
6. Асфандьярова А.И. Образы пасторали фортепианных сонат Гайдна (к вопросу исполнительского интонирования): метод. разработ. Уфа: Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова, 2005. 43 с.
7. Асфандьярова А.И. Пастораль в фортепианных сонатах Й. Гайдна // Культура. Духовность. Общество: мат. XIV Межд. науч.-прак. конф. Под ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2014. С. 33-39.
8. Асфандьярова А.И. Пастораль фортепианных сонат Гайдна // Исполнительское искусство и музыковедение. Параллели и взаимодействия. М.: Государственная классическая академия им. Маймонида, 2010. С. 122-129.
9. Асфандьярова А.И. Семантический анализ и проблемы исполнительского интонирования (на примере фортепианных сонат Й. Гайдна) // Музыкальное содержание: наука и педагогика: мат. III Всерос. науч.-прак. конф. М., 2005. С. 242-252.
10. Асфандьярова А.И. Семантический подход к интерпретации музыкального текста (к проблеме артикуляции фортепианных сонат Гайдна) // Искусство и образование во втором тысячелетии (Теория. Практика. Педагогические позиции): мат. конф. Уфа: Уфимская государственная академия искусств, 2001. С. 21-22.
11. Асфандьярова А.И. Художественный мир пасторали в медленных частях фортепианных сонат Гайдна // Художественный мир музыкального произведения: межвуз. сб. ст. Уфа: Лаборатория музыкальной семантики, Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова, 2001. С. 4-27.
12. Асфандьярова А.И., Кривошей И.М. О способах воплощения менуэта в фортепианных сонатах Гайдна: очерк. Уфа: Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова, 2002. 7 с.
13. Винокурова Е.С. Семантический анализ тематизма фортепианных сонат Й. Гайдна // Музыкальное искусство и наука в современном мире: теория, история, исполнительство, педагогика: мат. VI Межд. науч. конф. Астрахань: Астраханская государственная консерватория, 2018. С. 78-86.
14. Кириченко П.В. Семантика и артикуляция музыкальной темы в фортепианных сонатах Й. Гайдна // Вопросы методики фортепианного исполнительства. Уфа: Уфимская государственная академия искусств, 2002. С. 17-25.
15. Тухватуллина Н.Л., Кириченко П.В. Структура и функции орнамента в музыкальном тексте фортепианных сонат Й. Гайдна: очерк. Уфа: Уфимская государственная академия искусств, 2002. 31 с.

The specifics of interpreting Joseph Haydn's piano sonatas in the context of modern pedagogy

Xi Chen

Independent researcher
Suan Sunand Rajabhat University
Bangkok, Thailand
767366534@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 06.05.2025

Accepted 25.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 78.072.1

DOI 10.25726/13647-3007-1320-r

EDN RDEVNF

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The interpretation of Joseph Haydn's piano sonatas in modern music pedagogy faces challenges related to the transitional nature of his style, combining elements of Baroque, gallantry and classicism. The problem lies in the balance between a historically authentic approach and the capabilities of modern tools, where traditional methods often lead to romanticized interpretations that ignore the rhetoric, ornamentation, and articulation of the era. The research is aimed at developing and testing a methodology that integrates historically informed performance to form stylistically literate and expressive interpretation among students. The methodology includes a theoretical analysis of works on the history of piano art, rhetoric, and authentic performance, as well as a pedagogical experiment involving 80 high school music students divided into experimental and control groups. The experimental group used the analysis of rhetorical figures, work with authentic sources and imitation of timbres of ancient instruments; the control group used traditional approaches. The diagnosis was carried out in three stages using expert assessments, tests and questionnaires, followed by statistical data processing. The results showed a significant increase in the experimental group: stylistic accuracy increased by 40,8%, artistic expressiveness – by 25,7%, motivation – by 58,3% compared to the control group, where improvements were minimal (5-10%). The tables show statistically significant differences in the understanding of ornamentation, articulation, and rhetoric. The discussion confirms that the proposed methodology bridges the gap between technique and style, stimulating creative initiative and deep understanding, which makes it promising for updating pedagogical practice in working with classical repertoire.

Keywords

Haydn's piano sonatas, interpretation, musical pedagogy, historically informed performance, stylistic accuracy.

References

1. Asfandyarova A.I. Pictorial and ornamental structures in the thematism of Haydn's piano sonatas as a way of embodying images of pastoral // Musical semiotics: prospects and ways of development. Astrakhan, 2006. pp. 175-180.
2. Asfandyarova A.I. Intonational vocabulary of pastoral images in the thematism of piano sonatas. Haydn: dis. ... cand. of art history. Novosibirsk: Glinka Novosibirsk State Conservatory (Academy), 2003. 2 p.

3. Asfandyarova A.I. Intonational vocabulary of pastoral images in the thematism of piano sonatas. By Haydn // This diverse world of music: col-n of articles dedic. to the 80th anniversary of M.G. Aranovsky. M.: State Institute of Art Studies, 2010. pp. 47-50.
4. Asfandyarova A.I. Musical text and a semantic approach to its interpretation (on the question of articulation of Haydn's piano sonatas) // Art as a cultural phenomenon: thesis of reports. Ufa: Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagilov, Laboratory of Musical Semantics, 2001. pp. 8-9.
5. Asfandyarova A.I. On some ways of embodying pastoral images in the finales of Haydn's piano sonatas // Musical text and performer: coll-n of art. Ufa: Ministry of Culture and Mass Communications of the Russian Federation, Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagilov, Laboratory of Musical Semantics, 2004. pp. 93-113.
6. Asfandyarova A.I. Images of piano pastorals Haydn's sonatas (on the issue of performing intonation): a method. development. Ufa: Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagilov, 2005. 43 p.
7. Asfandyarova A.I. Pastoral in the piano sonatas of J. Haydn // Culture. Spirituality. Society: mat. XIV Intern. scien. and prac. conf. Ed. by S.S. Chernov. Novosibirsk: Center for the Development of Scientific Cooperation, 2014. pp. 33-39.
8. Asfandyarova A.I. Pastoral of Haydn's piano sonatas // Performing arts and musicology. Parallels and interactions. Moscow: State Classical Academy named after Maimonides, 2010. pp. 122-129.
9. Asfandyarova A.I. Semantic analysis and problems of performing intonation (on the example of piano sonatas by J. Haydn) // Musical content: science and pedagogy: mat. of the III All-Rus. scien. and prac. conf. M., 2005. pp. 242-252.
10. Asfandyarova A.I. A semantic approach to the interpretation of musical text (to the problem of articulation of Haydn's piano sonatas) // Art and education in the second millennium (Theory. Practice. Pedagogical positions): mat. of the conf. Ufa: Ufa State Academy of Arts, 2001. pp. 21-22.
11. Asfandyarova A.I. The artistic world of pastoral in the slow movements of Haydn's piano sonatas // The artistic world of musical composition: interuniversity collection of Ufa: Laboratory of Musical Semantics, Ufa State Institute of Arts named after Zagir Ismagilov, 2001. pp. 4-27.
12. Asfandyarova A.I., Krivoshei I.M. On the ways of embodying the minuet in piano Haydn's Sonatas: an essay. Ufa: Ufa State Institute of Arts named after Zagir Ismagilov, 2002. 7 p.
13. Vinokurova E.S. Semantic analysis of the thematicism of the piano sonatas by Y. Haydn // Musical art and science in the modern world: theory, history, performance, pedagogy: mat. of the VI Intern. scien. conf. Astrakhan: Astrakhan State Conservatory, 2018. pp. 78-86.
14. Kirichenko P.V. Semantics and articulation of a musical theme in J. Haydn's piano sonatas // Questions of piano performance methodology. Ufa: Ufa State Academy of Arts, 2002. pp. 17-25.
15. Tukhvatullina N.L., Kirichenko P.V. The structure and functions of ornament in the musical text of the piano sonatas of J. Haydn: an essay. Ufa: Ufa State Academy of Arts, 2002. 31 p.

The role of schools in children's patriotic education in Russia and China

Yuetong Lu

PhD student

People's Friendship University of Russia

Moscow, Russia

1042248007@pfur.ru

ORCID 0009-0000-6908-0289

Received 04.05.2025

Accepted 18.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 94

DOI 10.25726/u4521-8020-8908-o

EDN QOSXLG

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

This article conducts a comparative analysis of the role of schools in children's patriotic education in Russia and China, covering multiple dimensions such as historical background, theoretical basis, legal framework, and practical methods. Through sociological surveys, the article reveals the existing problems in the current education system. The research finds that both Russia and China's patriotic education systems originated from the Soviet model, but after the disintegration of the Soviet Union, Russia's system was once abolished and only gradually rebuilt in recent years; while China's system has continued to develop, closely integrating patriotic education with basic military training and centered on national ideology. Unlike China's compulsory and ideological education, Russia's education system lacks a unified ideological foundation and is more susceptible to Western propaganda. This paper focuses on the differences, effectiveness, and challenges in patriotic education between the two countries, providing a reference for further research in this field.

Keywords

Patriotic education, citizen loyalty, school education system, education organization model, information space influence.

Introduction

The relevance of this study lies in the fact that patriotic education is a crucial foundation for shaping national identity and maintaining social stability. In the era of globalization and informatization, the infiltration of external ideologies and the diversification of domestic values pose challenges to citizens' loyalty, making the importance of patriotic education increasingly prominent (Slyusarenko, 2023). Research indicates that the school age is a critical period for cultivating patriotic sentiments, and schools, as the core venues for systematic education, play an irreplaceable role. Currently, both Russia and China have incorporated patriotic education into their national strategies, but the differences in their historical backgrounds, ideologies, and legal frameworks result in distinct educational models: China emphasizes state-led compulsory education, while Russia relies more on non-compulsory traditions and activities. Against this backdrop, a systematic comparison of the similarities and differences in the educational models of the two countries, as well as an analysis of their effectiveness and problems, not only holds theoretical value but also provides practical references for policy optimization.

This study aims to compare the organizational mechanisms, implementation effects, and social impacts of patriotic education in schools in Russia and China through historical analysis, legal comparison, and sociological investigation methods, with a focus on the following issues:

- 1) Differences in ideological foundations, curriculum settings, and military training between the two countries' educational models;
- 2) The extent to which the external information environment interferes with educational effectiveness;
- 3) The shortcomings of existing educational practices and potential improvement paths.

This research not only offers a new perspective for cross-cultural education studies but also provides a basis for adjusting educational policies in both countries, such as optimizing curriculum design, strengthening teacher training, or responding to information infiltration.

Materials and research methods

This study employs a mixed methods approach, integrating literature analysis, comparative legal research, and empirical investigation to systematically examine the similarities and differences in patriotic education in schools between Russia and China. Through literature analysis, it focuses on authoritative academic works both domestically and internationally (Wang, 2022; Liu, 2022) and policy documents (such as Russia's Education Law and China's Implementation Outline for patriotic Education), with a particular emphasis on tracing the historical evolution, theoretical foundations, and legal frameworks of patriotic education in the two countries. By applying Gao Chaoqun's (Gao, 2022) horizontal comparison model, it analyzes the differences between the two countries in terms of ideology, curriculum design, and military training. Based on the current legal regulations of both countries, it contrasts their educational goals, mandatory provisions, and implementation mechanisms, revealing the strategic national orientations behind the policies. The study uses stratified random sampling to distribute questionnaires to 50 high school students each in China and Russia (with a 1:1 male-to-female ratio and covering grades 10 to 12).

Results and discussion

The sustainable development of a country depends on the joint effect of multiple factors, but the core support lies in the sense of identity and loyalty of the people towards the national community (Lei, 2020). Historical experience shows that even with a solid economic foundation, a country may still fall into crisis if the citizens' sense of identity weakens. For instance, the Soviet Union disintegrated in its later years due to the infiltration of Western ideology and the internal disintegration of identity; conversely, some resource-limited countries (such as North Korea) have maintained social stability by strengthening patriotic education. This contrast reveals the strategic value of patriotic as a «social adhesive».

The connotation of patriotic is multi-dimensional and controversial. This article adopts the definition by V.P. Borisenkov, which defines patriotic as: «The unity of an individual's emotional attachment and rational commitment to the motherland (from local communities to the national level), manifested as the willingness to critically participate in national construction, while excluding xenophobia and hatred» (Borisenkov, 2021). This definition emphasizes that patriotic feelings should go beyond blind praise and include rational reflection on national development. Moreover, healthy patriotic rejects chauvinism and is compatible with global citizenship awareness.

Patriotic education, as a core mechanism for shaping national identity and cultivating citizens' sense of responsibility, is manifested in the systematic interaction process between educators and students in a specific social and cultural environment in the contemporary education system. Its goal is to cultivate individuals with both moral qualities, social responsibility, and critical thinking, enabling them to realize their self-worth while actively participating in national construction (Akhmetova, 2021). This educational process emphasizes the combination of emotional identification and active participation, requiring rational thinking based on profound historical understanding to avoid blind xenophobia, while maintaining respect for the diversity of the world to prevent extreme nationalist tendencies.

In the context of globalization, although both Russia and China consider schools as the main battlefield for civic education, they have adopted strikingly different implementation paths. After the disintegration of the Soviet Union, Russia experienced a period of discontinuity in patriotic education. The infiltration of Western ideology through open online platforms led to a vacuum in the values of young people. Although the country later attempted to rebuild its identity through volunteer organizations like the «Youth Army» and military commemorative activities, minors still have daily access to and visit information platforms such as Telegram, Douyin, and Instagram that spread harmful content. In contrast, China, based on the Sinicization of Marxism and combined with the traditional Confucian collectivism, has constructed a relatively closed but efficient education system through national narratives like the «Chinese Dream» and strict information control measures.

Russia's experience shows that the absence of values education in schools directly leads to the intensification of social problems and a crisis of cultural identity, which is closely related to its relatively open media policy. While China's approach has been highly effective in maintaining ideological security, it also faces criticism for lacking innovation. This difference not only reflects the distinct historical trajectories and development strategies of the two countries but also reveals the complexity and challenges of patriotic education in modern state governance.

This study will compare and describe the characteristics of patriotic education in schools in Russia and China. Russian patriotic education is rooted in emphasizing the country's status, historical continuity, and traditional values, particularly by strengthening national identity through commemorative activities of historical events such as the Great Patriotic War (Ahmetova, 2021). This educational model was initially dominated by a single ethnic narrative, but in recent years has gradually shifted towards focusing on the multi-ethnic nature of the country, reflecting the real changes in social structure. The Orthodox Church, as an important part of Russian traditional culture, also plays a unique role in patriotic education.

In contrast, China's patriotic education system is based on the Sinicization of Marxism and integrates traditional Confucian values such as family ethics, social order, and collectivism (Borisenkov, 2019). The core concept of the «Chinese Dream» closely combines the realization of national rejuvenation with the historical memory of the «Century of Humiliation» (the period from 1840 to 1949). This concept is not only enshrined in the constitution but also permeates various teaching links through interdisciplinary education methods, such as integrating patriotic education into vocal music courses (Liu, 2022), and establishing specialized educational institutions for promotion (Zhang, 2024). Although both countries' educational models aim to cultivate national identity, there are essential differences in ideological foundations, historical narrative frameworks, and implementation methods, which deeply reflect the different development paths and social cultural backgrounds of the two countries.

Regarding the legal framework and implementation mechanisms, Russia and China exhibit distinct institutional differences. Russia bases its approach on the Federal Law on Education (№ 273-FZ) of 2012, which explicitly stipulates that education should cultivate social values including patriotic. At the practical level, Russia has implemented multiple measures through the federal «Patriotic Education» project: organizing over 3 million students to participate in the «Russian Student Movement», holding various patriotic-themed competitions, promoting volunteer services, and upgrading traditional security education courses to the OBZR (Fundamentals of National Security and Homeland Defense) course (Romanovsky, 2021). Notably, the establishment of the «Young Army» organization in 2016 and the recent creation of the «Education Work Advisor» position are innovative attempts to strengthen the patriotic education function of schools.

In contrast, China's legal system is more systematic. Besides the Education Law, it has specifically formulated the «Regulations on Military Training for Students» and issued central guidelines on strengthening patriotic education, demonstrating a stronger ideological orientation and mandatory characteristics. A prominent feature of the Chinese model is the inclusion of basic military training as a compulsory course and the extensive use of new media platforms for educational activities, such as the «Heroic Journey» project with over 5 million participants (Wang, 2022).

In terms of teacher training, China has established a systematic training system starting from normal universities (Wang, 2022), while the relevant mechanism in Russia is still under improvement. Although both countries' education systems retain some traditions from the Soviet era, there are significant differences in the

application of digital technology and the degree of educational compulsion. It is worth noting that Russia has attempted to disseminate patriotic content through domestic video platforms such as Rutube, but due to factors like content quality and user habits, the results have not yet met expectations.

Next, the article will compare the main focuses of patriotic education in schools in Russia and China (table 1).

Table 1. School practices of organizing patriotic education: a comparative analysis

Aspect	Russia	China
Ideology	Absent	Marxist-Leninist
Story	emphasis on military victories, controversial assessments of the USSR	The concept of the «century of humiliation», the establishment of the CPC's power
Military training	Voluntary circles (Youth Army)	Compulsory from 9 years old (drill, weapons, tactics)
Warp	«Russia is a country-civilization»	«The Great Revival of the Chinese Nation»
Organizations	«Movement of the First», Yunarmiya, volunteer organizations	Young pioneers (130 million members)
Mandatory nature of events	Optional	Mandatory participation
External factors of influence	Information channels, bloggers in electronic media and information resources not controlled by the state (telegram, twitter , tiktok, etc.).	Practically absent

To conduct a more in-depth study on this issue, this research selected 50 high school students from China and 50 from Russia to carry out a sociological survey. The survey results from China are as follows:

1. Attitudes towards patriotic education: 21% consider patriotic education activities as «routine»; 15% hold a neutral attitude; 37% actively participate and agree; 27% believe these activities have significant educational value.
2. National identity and future development intentions: 18% have not clearly associated their personal future with China's development; 64% express the intention to study abroad and return to develop in China; under the condition of maintaining the same social status, 18% might choose to develop overseas.
3. Perceptions of national development: 12% believe that China still lags behind the West in some technological fields; 88% recognize the superiority of the socialist system with Chinese characteristics.
4. Perceptions of social equity: 22% believe there are individual cases of social injustice; 78% trust the government's ability to govern according to law.
5. Influence of media environment: 23% have come across negative information about China on foreign platforms; 100% use domestic mainstream platforms such as WeChat, QQ, Xiaohongshu, and Weibo; 12% also use some international social platforms (such as TikTok's international version).
6. Historical and cultural cognition: 21% think their historical knowledge needs to be strengthened; 79% can accurately describe the significance of major historical events.
7. Feedback on teaching methods: 28% report the existence of «rote learning» teaching; 72% recognize the innovative multimedia teaching methods in schools (such as VR red education base experiences).

The survey results in Russia are as follows:

1. Attitudes towards patriotic education: 12% consider patriotic education activities as «routine»; 22% hold a neutral stance; 43% actively participate and agree; 23% believe these activities have significant educational value.

2. National identity and future development intentions: 23% do not clearly associate their personal future with Russia's development; 19% express a tendency to emigrate; under the condition of maintaining the same social status, 58% may choose to develop overseas.
3. Perceptions of national development: 33% believe that Russia lags behind Western countries in terms of comprehensive development; 67% recognize the rationality of the current political system in Russia.
4. Perceptions of social equity: 34% believe that there are widespread social inequities; 66% have reservations about the government's governance capabilities.
5. Impact of media environment: 99% have been exposed to negative information about Russia from Western media; 100% use international social platforms such as Telegram, WhatsApp, and Instagram; 28% also use some domestic media platforms.
6. Historical and cultural awareness: 43% believe that their historical knowledge is insufficient; 57% can accurately describe the significance of major historical events.
7. Feedback on teaching methods: 16% report the existence of «rote learning» teaching; 82% recognize the innovative teaching methods in schools.

Therefore, based on the survey results, we can conclude that the implementation effects of patriotic education vary significantly under different social and political environments. The patriotic education reform in Russia has shown initial success, especially in terms of teaching method innovation and the cultivation of political identity; China's education system still has advantages, but faces new challenges in stimulating students' intrinsic identification; the difference in media environments remains a key factor causing the disparity in educational outcomes between the two countries.

Conclusion

Patriotic education, as the core mechanism for the construction of national identity, directly affects social stability and sustainable development. This study, through a comparative analysis of the school patriotic education systems in Russia and China, reveals two distinct practice models: Russia adopts a non-compulsory mixed education approach, combining traditional commemorative activities with modern media forms. However, due to the lack of a unified ideological foundation and an open information environment, the educational effectiveness is significantly constrained by the infiltration of Western values.

China, on the other hand, has established a systematic education system dominated by national ideology, through compulsory military training, media innovation, and game design, forming a more attractive and penetrating educational model. The research finds that the differences between the two countries' education systems are not only reflected at the methodological level (such as Russia's voluntary participation vs. China's compulsory requirements), but more profoundly reflect their respective political cultural traditions and social development needs. It is worth noting that effective patriotic education requires maintaining a balance between fostering national identity and avoiding extreme nationalism, while also addressing the challenges of information infiltration in the era of globalization.

Future research could further explore how to enhance the effectiveness of patriotic education without sacrificing critical thinking, as well as the adaptive adjustments of civic education models in different cultural contexts.

References

1. Akhmetova G.I. Moral and patriotic education in the system of basic general education // Issues of pedagogy. 2021. № 10-2. pp. 40-45.
2. Borisenkov V.P., Wang Xu. Preparation of future teachers for work on patriotic education in the context of the information transformation of education in China // Values and meanings. 2021. № 6. pp. 74-85.
3. Borisenkov V.P., Wang Xuan Deng Xiaoping's Ideas in the Theory and Practice of Patriotic Education of Chinese Youth // Domestic and foreign pedagogy. 2019. № 2(64). pp. 141-152.
4. Bychkova N. D. Principles of the management system of patriotic education in the PRC and the USA // Young scientist. 2021. № 5(347). pp. 329-331.

5. Demin I.V., Dolgina E.S. Patriotism: concept and types // Bulletin of magistracy. 2015. № 11-2(50). pp. 4-6.
6. Gao Ch., Du Y. Comparative analysis of patriotic education in China and Russia // Entosocium. № 7(169). 2022. pp. 93-98.
7. Lei Lei. A brief summary of research on Xi Jinping's patriotic ideology after the 18th National Congress // Journal of Huaiyin Normal University: Philosophy and social science section. 2020. № 5. pp. 433-438.
8. Liu Tse. Patriotic education of students by means of vocal art in a modern comprehensive school in the PRC: dis. ... cand. of pedag. scien. Volgograd: Volgograd State Social and Pedagogical University, 2022. 25 p.
9. Mao Dawang. The Dynamics of Patriotic Education: A Comparative Review of Implementation Plans in Chinese Education // World of science. Pedagogy and psychology. 2023. Vol. 11. № 6. pp. 1-11.
10. Morar Yu. L. Features of patriotic education of students in the modern education system // Theory and practice of modern science. 2021. № 7 (73). pp. 176-181.
11. Romanovsky V.K. Patriotic education of the younger generation as an urgent task and the most important priority of modern Russia // Nizhny Novgorod education. 2021. № 2. pp. 21-27.
12. Rozhkova A.K., Faktorovich T.V. On the issue of patriotic education: China's experience // Bulletin of the Higher School. International relations. № 5. 2024. pp. 80-86.
13. Shatokhina M.V. Formation of patriotic consciousness through the education system: historical aspect // Humanitarian bulletin (Gorlovka). 2020. № 12. pp. 98-106.
14. Slyusarenko E.E., Avanesova R.R. Modern aspects of patriotic education of primary school students // Education and problems of society development. 2023. № 2 (23). pp. 67-72.
15. Tong B., Si Ju. On patriotic education in Russia and China // Education and law. 2020. № 9. pp. 87-91.
16. Wang J. Comparative study on patriotic education of Chinese and Russian university students // Culture and civilization. 2022. Vol. 12. № 5A. pp. 715-719.
17. Wang X. Preparing a future teacher for work on patriotic education of students in the PRC: dis. ... cand. of pedag. scien. Rostov -on-Don: Southern Federal University, 2022. 18 p.
18. Zhang Sh., Karnaukh N.V. The role of patriotic education centers in the implementation of the idea of national unity in China // Domestic and foreign pedagogy. 2024. No. 5. P. 55-72.

Роль школы в патриотическом воспитании школьников России и Китая

Юетун Лу

Аспирант

Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

1042248007@pfur.ru

ORCID 0009-0000-6908-0289

Поступила в редакцию 04.05.2025

Принята 18.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 94

DOI 10.25726/u4521-8020-8908-o

EDN QOSXLG

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Это исследование фокусируется на патриотическом образовании в начальных и средних школах Китая, России, США и Сингапура. Оно использует комбинацию методов анализа литературы, сравнительного исследования и изучения случаев для систематического изучения сходств и различий в целях, содержании и методах патриотического образования в разных странах. Выбрав репрезентативные курсы или проекты из четырех стран для углубленного анализа, было обнаружено, что Китай подчеркивает политическую идентичность и историческое и культурное наследие, Россия подчеркивает исторический героизм и военное патриотическое образование, США фокусируются на гражданском участии и культивировании демократических ценностей, а Сингапур фокусируется на мультикультурной интеграции и формировании национальной идентичности. Поэтому это исследование обобщает опыт разных стран и выдвигает конкретные предложения по оптимизации патриотического образования в моей стране.

Ключевые слова

патриотическое воспитание в начальной и средней школе, патриотическое воспитание, модель патриотического воспитания, цели патриотического воспитания, содержание патриотического воспитания, методы патриотического воспитания.

Список литературы

1. Akhmetova G.I. Moral and patriotic education in the system of basic general education // Issues of pedagogy. 2021. № 10-2. pp. 40-45.
2. Borisenkov V.P., Wang Xu. Preparation of future teachers for work on patriotic education in the context of the information transformation of education in China // Values and meanings. 2021. № 6. pp. 74-85.
3. Borisenkov V.P., Wang Xuan Deng Xiaoping's Ideas in the Theory and Practice of Patriotic Education of Chinese Youth // Domestic and foreign pedagogy. 2019. № 2(64). pp. 141-152.
4. Bychkova N.D. Principles of the management system of patriotic education in the PRC and the USA // Young scientist. 2021. № 5(347). pp. 329-331.
5. Demin I.V., Dolgina E.S. Patriotism: concept and types // Bulletin of magistracy. 2015. № 11-2(50). pp. 4-6.
6. Gao Ch., Du Y. Comparative analysis of patriotic education in China and Russia // Entosocium. № 7(169). 2022. pp. 93-98.
7. Lei Lei. A brief summary of research on Xi Jinping's patriotic ideology after the 18th National Congress // Journal of Huaiyin Normal University: Philosophy and social science section. 2020. № 5. pp. 433-438.
8. Liu Tse. Patriotic education of students by means of vocal art in a modern comprehensive school in the PRC: dis. ... cand. of pedag. scien. Volgograd: Volgograd State Social and Pedagogical University, 2022. 25 p.
9. Mao Dawang. The Dynamics of Patriotic Education: A Comparative Review of Implementation Plans in Chinese Education // World of science. Pedagogy and psychology. 2023. Vol. 11. № 6. pp. 1-11.
10. Morar Yu. L. Features of patriotic education of students in the modern education system // Theory and practice of modern science. 2021. № 7 (73). pp. 176-181.
11. Romanovsky V.K. Patriotic education of the younger generation as an urgent task and the most important priority of modern Russia // Nizhny Novgorod education. 2021. № 2. pp. 21-27.

12. Rozhkova A.K., Faktorovich T.V. On the issue of patriotic education: China's experience // Bulletin of the Higher School. International relations. № 5. 2024. pp. 80-86.
13. Shatokhina M.V. Formation of patriotic consciousness through the education system: historical aspect // Humanitarian bulletin (Gorlovka). 2020. № 12. pp. 98-106.
14. Slyusarenko E.E., Avanesova R.R. Modern aspects of patriotic education of primary school students // Education and problems of society development. 2023. № 2 (23). pp. 67-72.
15. Tong B., Si Ju. On patriotic education in Russia and China // Education and law. 2020. № 9. pp. 87-91.
16. Wang J. Comparative study on patriotic education of Chinese and Russian university students // Culture and civilization. 2022. Vol. 12. № 5A. pp. 715-719.
17. Wang X. Preparing a future teacher for work on patriotic education of students in the PRC: dis. ... cand. of pedag. scien. Rostov -on-Don: Southern Federal University, 2022. 18 p.
18. Zhang Sh., Karnaukh N.V. The role of patriotic education centers in the implementation of the idea of national unity in China // Domestic and foreign pedagogy. 2024. № 5. pp. 55-72.

Особенности обучения игре на гучжэне в Китае

Вэнвэн Чэнь

Преподаватель

Чунцинский педагогический университет

Чунцин, Китай

759412267@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила 06.06.2025

Принята 25.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 73.202.3

DOI 10.25726/g5340-6618-5229-k

EDN SRWFRJ

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Гучжэн – один из самых самобытных национальных музыкальных инструментов Китая. Сегодня обучение игре на гучжэне является важной частью музыкального образования КНР. Как традиционный китайский народный инструмент, гучжэн не только позволяет учащимся приобретать навыки игры на национальном щипковом инструменте, но и улучшает музыкальную грамотность. В настоящее время в академической сфере нет отдельных исследований по практике обучения игре на гучжэне в Китае, что наделяет данную статью актуальностью и научной новизной. В ходе работы изучены концепция, классификация, обучающая функция, а также практика обучения гучжэну. Благодаря исследованиям автора делается вывод, что обучающая функция гучжэн проявляется в улучшении эстетической грамотности учащихся, расширении культурных знаний, улучшении качеств личности, и улучшении физического и умственного здоровья. Также отмечается, что ключевыми методами обучения гучжэну в Китае сегодня являются: эвристический метод, интерактивный метод, а также метод демонстрации. Таким образом, практика обучения игре на гучжэне в Китае строится на фундаменте стимулирования устойчивого интереса, применении разнообразных и эффективных методов обучения, а также всестороннем развитии музыкальности учащихся.

Ключевые слова

щипковые инструменты, национальные инструменты, Китай, гучжэн, практика, теория, особенности обучения.

Введение

Гучжэн – это не только представитель китайских национальных музыкальных инструментов, но и сокровище национальной культуры. С древних времен существует поговорка, что «игра на гучжэне делает звук захватывающим, прекрасным и божественным» (Су, 2018). Слияние классической и популярной музыки, а также красивая и изящная рифма, показывают бесконечное очарование музыки для гучжэна. На Западе его называют «восточным фортепиано». В настоящее время, когда каждая страна стремится к сохранению и продвижению собственной культуры, исследование особенностей обучения на традиционных национальных инструментах приобретает особую актуальность и популярность. Сегодня гучжэн активно используется в качестве инструмента аккомпанемента во многих современных произведениях Китая, а потому привлекает интерес не только на родине, но и за рубежом.

Несмотря на это, следует констатировать, что в русскоязычной литературе отсутствуют комплексные исследования особенностей обучения на гучжэне. Данное исследование призвано восполнить данный пробел.

Прежде всего отметим, что изначально гучжэн (произносится как «гу-чжун») назывался чжэн (произносится как «чжун»). Это многострунный инструмент с подвижными мостиками под каждой струной. Самое раннее письменное упоминание о чжэн можно увидеть в «Книге наставлений и отлучения» Ли Си, написанной в 237 году до н.э.: «Муж бьет урну, застегивает пряжки фу, играет на чжэн и сражается мечом. Также слышен голос истинного Цинь» (Чжан, 2024). За долгую историю гучжэн использовался и для аккомпанеента, и для сольных выступлений. Он стал «доброжелательным и мудрым инструментом» для выражения своих мыслей. Чжэн стал популярен в Цинь (государстве в Древнем Китае) в период Сражающихся царств, 475-221 годов до н. э. (Цзинь, 1991). Предшественниками чжэна являются цинь (также известный как гучинь) и сэ (также известный как гусэ) – струнные инструменты, похожие на чжэн (Цзинь, 1991). Китайское слово «гу» означает «древний». Современные китайцы добавляют «гу» перед словом «чжэн», чтобы подчеркнуть, что этот инструмент появился в древние времена.

Ранее гучжэн служил формой народной музыки-сказительства и музыкальным сопровождением для опер, с многочисленными проявлениями, такими как таньхуан из Ханчжоу, циньшу из Шаньдуна и ханьюэ из Гуандуна. Игроки на гучжэне, посредством различных музыкальных нотаций и индивидуальных аранжировок, в сочетании с уникальными стилями и техниками исполнения, разработали различные местные стили. Эта основа постепенно привела к возникновению различных школ гучжэна, таких как школы Чжэцзян, Шаньдун и Хэнань. Историческая эволюция этих различных школ гучжэна показывает, что передача и развитие техник игры на гучжэне тесно связаны с процессами развития и стилями их соответствующих регионов, что отражено в применении техник игры на гучжэне (Фэн, 2016).

Стоит отметить, что гучжэн всегда был популярен благодаря своему элегантному внешнему виду и прекрасному звучанию (Гуань, 2022). В последние годы волна «лихорадки гучжэна» продолжает расти, и все больше людей желают отдать своих детей на обучение. Этому есть ряд причин, в частности, игра на гучжэне может развивать координационные способности и расширять мышление; она может развивать художественные чувства и улучшать эстетические способности; тренировать выносливость и настойчивость; накапливать литературные и художественные качества и улучшать темперамент и иные личные качества.

Материалы и методы исследования

В существующих условиях, когда образование постоянно меняется и адаптируется под текущие реалии, преподавание гучжэна должно быть инновационным. Рассмотрим методы и ключевые особенности процесса обучения игре на гучжэне в Китае.

1. Стимулирование и развитие интереса. Известный ученый Эйнштейн сказал: «Интерес – лучший учитель». Действительно, интерес – движущая сила обучения и источник мышления. Пока учащиеся проявляют живой интерес к обучению, они с энтузиазмом занимаются и практикой. Поэтому педагоги Китая на начальных этапах обучения делают особый упор на развитие интереса учеников. Любпытство является первым звеном и в развитии интереса учащихся к изучению народного музыкального инструмента – гучжэна.

Здесь стоит отметить, что, если учащимся слишком рано позволяют сосредоточиться на чисто техническом уровне игры, они будут чувствовать только сухие и безвкусные повторяющиеся движения, и не будут иметь энергии и энтузиазма, чтобы сосредоточиться на глубоком понимании и эстетическом значении музыки. Именно поэтому в качестве начального педагогического репертуара китайские педагоги подбирают легкую, веселую, яркую, короткую и лаконичную музыку, в частности это такие народные мелодии, как: «Улыбка в море», «Дачанджин», «Наннивань», «История маленького городка», «Жасмин», «Маленькая река, текущая вода», «Цветок Чуньцзян и лунная ночь», «Азалия», «Белоголубой фарфор», «Тайвань» (Ван, 2011).

Не менее важным для стимулирования интереса к обучению является личность учителя. Ушинский сказал: «Влияние личности учителя на учеников — это образовательная сила, которую не заменит никакой учебник, никакой моральный девиз, никакая система наказания и поощрения» (Иванова, 2014). Эмоциональная вовлеченность педагога, его открытость детям вызывает у них схожие реакции и, таким образом, позитивное отношение и потребность в познавательной деятельности. Кроме того, педагог должен быть жизнерадостным и обладать чувством юмора. Жизнерадостный педагог, который не злится по пустякам, желанен и уважаем, а отсутствие чувства юмора мешает найти общий язык с учениками, а также вызывает недоверие. Учитель должен осознавать, что соответствует перед всеми, кто доверяет его компетентности и квалификации в сфере образования, начиная с родителей и заканчивая всем обществом. Любой, кто решает работать в сфере образования, особенно с детьми, должен обладать желаемыми способностями и чертами характера, которые побуждают его достигать профессионального удовлетворения не только перед учениками, но и друг перед другом. Учитель с превосходными навыками игры и богатым обаянием личности будет обучать учеников на протяжении всей жизни. Поэтому, если учителя относятся к искусству гучжэн с искренним интересом и настойчивостью, это, безусловно, окажет положительное влияние на образовательный процесс.

2. Методы обучения гучжэн в Китае. Интересы учеников растут с каждым днем, и у них разные потребности в обучении. Чтобы достичь образовательных целей, необходимо уделять внимание методам обучения. Впервые методика обучения гучжэн в современной педагогической практике была сформулирована доцентом Ван Сяопином из Школы искусств Университета Янчжоу, известным исполнителем гучжэн, педагогом и экспертом по начальному музыкальному образованию (Чэнь, 2009).

Еще один педагог, который внес вклад в развитие современных методов игры на гучжэн, был Чжао Маньцин. Им была разработана разновидность пальцевого метода игры, которая заключалась в использовании принципа симметрии и инерции пальцев. Поскольку этот метод является научно обоснованным и отвечает требованиям современного исполнительства, он быстро развивается и становится основным методом игры на гучжэне. Этот метод исполнения нарушил традиционный метод игры, существовавший ранее, когда для исполнения использовались четыре пальца, помимо мизинца. В настоящее время большинство профессиональных учебных заведений гучжэн в Китае используют его «Базовый метод обучения гучжэн» для коллективных занятий. Данный метод позволяет максимизировать эффективность образовательного процесса посредством общей работы педагога и учеников.

Со временем стали появляться все новые методики обучения. Так, например, в Китае при обучении в классе гучжэн большинство педагогов использует модель обучения «один на один», которая направлена на то, чтобы обеспечить тесное руководство и вносить своевременные и эффективные коррективы в образовательный процесс, что в свою очередь обеспечивает более индивидуальный подход к каждому ученику (Ма, 2023). Модель обучения «один ко многим» направлена на то, чтобы позволить каждому учащемуся содействовать обучению друг друга в гармоничной коллективной атмосфере обучения. Ученики могут общаться, заниматься вместе и делиться своим опытом и навыками в реальном времени, что не только развивает у них коллективный дух, но и позволяет им работать вместе над решением проблем.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим три основных метода обучения в классе гучжэн, которые пользуются педагогами музыкальных школ Китая сегодня.

1. Демонстрация. Метод обучения демонстрации, как следует из названия, представляет собой метод, демонстрируемый учителями в классе. Он интуитивно понятен и прост. Его легко принять ученикам, поэтому он широко используется в процессе обучения. Учителя должны правильно выражать тембр, ритм, силу и скорость музыки и правильно передавать их ученикам. Также во время исполнения должны быть выражены основные двигательные навыки: крюк, подбор, поддержка, стирание, разделение, нажатие, и скольжение.

Демонстрационное исполнение сочетается с объяснением коннотации. Это обучение, которое должно идти в дополнение к практическим навыкам игры на инструменте. «Педагоги должны добиваться от школьников не только технической правильности исполнения, но и высокой степени эмоционально-художественной выразительности» (Вэньвэнь, 2023). В объяснении педагоги используют богатые методы эмоционального выражения. Например, при исполнении важных отрывков, таких как «Засада, битва на горе Цзюли» в «Десяти сторонах засады», воображение учеников «рисует» сцену ожесточенной битвы между Лю Баном и Сян Юем, чтобы углубить свое впечатление от композиции (Ван, 2006). На техническом уровне ученики изучают аппликатуру и движения игры на гучжэне; на духовном уровне они обладают глубоким пониманием мелодии и коннотации музыки.

Проблемы, возникшие на любом из этих уровней, могут негативно повлиять на следующий этап обучения. Поэтому важно демонстрировать не только правильную технику игры, но также разные жанры и стили музыки. Преподаватели должны постоянно уделять внимание своему профессиональному обучению, повышать свой уровень исполнения, усиливать содержание и профессиональный уровень демонстрационного обучения в классе, а также регулярно проводить концерты и возвышать демонстрации в классе до формы концертов. В процессе обучения преподаватели должны использовать собственное понимание музыки, чтобы стимулировать эмоциональный резонанс студентов. Передача красоты музыки ученикам через собственное музыкальное исполнение – единственный способ сделать преподавание музыки более увлекательным.

Таким образом, рассмотренный метод выступает одним из базовых элементов педагогической практики в обучении гучжэну в Китае. Его эффективность обуславливается способностью визуализировать сложные технические приемы и музыкальные концепции, что способствует более глубокому и осознанному усвоению материала учащимися.

2. Эвристический метод. Эвристический метод обучения отличается от демонстрационного метода обучения. По сравнению с обучением зубрежкой, данный метод уважает позицию учеников и позволяет им мыслить самостоятельно и смело. Данный метод не подходит для начального этапа обучения, ввиду того что у ученика уже должна быть определенная база и навыки. Ван Чаоган однажды сказал, что «составные элементы включают как врожденные генетические и инстинктивные факторы, так и приобретенные факторы обучения и тренировки; как физиологические факторы, так и психологические факторы; а также факторы собственного намерения» (Чжан, 2003). Поэтому обширное культурное накопление имеет далеко идущее значение для улучшения эстетических характеристик искусства гучжэн. В процессе обучения учителя Китая начинают с социальной и культурной фоновой информации, а также с личностных характеристик учеников, способности к принятию, структуры знаний и т.д., чтобы направлять их к осознанному распознаванию идей и различных значений музыки и стимулировать учеников к активному мышлению. Например, «исполнение «Йе Юй в окне» было интерпретировано некоторыми учениками, как освежающий и комфортный стиль весеннего дождя, в то время как другие – как печаль от расставания с домом при жизни в чужой стране» (Чжоу, 2000). Учащихся следует поощрять к активному мышлению и выражению собственного уникального мнения.

3. Интерактивный метод. Интерактивное обучение является более сложным для учителей и учеников, чем предыдущие два метода обучения. Учащиеся в основном имеют не только определенный базовый запас знаний, но и определенную способность суждения. С помощью таких видов деятельности, как диалог между учителями и учениками и взаимное исполнение, они могут вместе думать о проблемах, вместе исследовать художественные навыки. Это обучение, основанное на диалоге. В отличие от предыдущего метода обучения и демонстрации, посредством обсуждения между учителями и учениками вопросов искусства гучжэн представлен двусторонний обмен информацией.

Таким образом, мышление продвигается вместе, достигается новое понимание, легко решаются возникающие вопросы и трудности. Учителя могут постоянно улучшать свою структуру знаний и распознавать проблемы, которые возникают в процессе обучения, а ученики также могут постоянно корректировать свое собственное мышление и технические навыки. Этот вид практики должен иметь четкие цели и фокусироваться на практике, чтобы достичь максимального эффекта.

4. Развитие музыкальности в обучении игре на гучжэне. Музыкальность – это способность ученика воспринимать музыку (Айкина, 2017). Она формируется незаметно в процессе обучения игре на гучжэне и формирует «подсознательное» чувство при игре. Оценка навыков игры, очарования и стиля в музыке завершается музыкальностью, которая играет очень важную роль в процессе обучения. Она включает как базовую музыкальность, такую как ритм, так и всестороннюю музыкальность, такую как мелодия и стиль. Развитие музыкальности в основном осуществляется с двух сторон: внутренней и внешней. Внутренний аспект – это в основном собственный процесс обучения ученика. На занятиях уделяется больше внимания ритму, стилю и технике произведений, демонстрируемых учителем.

Интуитивное аудиовизуальное наслаждение посредством внутреннего психологического обучения трансформируется в собственное эстетическое восприятие и улучшает способность к музыкальной оценке (Величко, 2012). Учителя должны направлять мышление учеников и постоянно обогащать коннотацию произведений, чтобы выступления учеников на гучжэне были полными, тонкими и трогательными. Так, например, при изучении пьесы гучжэна «Песня рыбака в сумерках» легкая мелодия и успокаивающий ритм вначале демонстрирует прекрасную сцену заката. Позже координация баса и высоких частот выражает широту, глубину, ясность и спокойствие реки. Кроме того, учитель использует классическое древнее предложение, процитированное из «Предисловия к павильону принца Тэна» Ван Бо в династии Тан, «Песня рыбаков в сумерках, звук разносится эхом до конца берега Пэнли», и объясняет его, что позволяет ученикам глубже понять и осознать все музыкальное произведение, а также помогает повысить выразительность всего музыкального произведения во время исполнения.

В последние годы появилось большое количество прекрасных произведений гучжэна в современном стиле. Такая музыка, как «Рассветный туман», «Утренний восход» и «Рифма реки Хан», очень самобытна и наполнена национальным колоритом. Среди них «Рассветный туман» изображает прекрасный пейзаж Пекина в раннем утреннем тумане. «Утренний восход» изображает неторопливую и комфортную и оживленную жизнь китайцев. «Рифма реки Хан» является представительным произведением музыки гучжэн в Хэнани и языка Хэнаня. Слушая эту пьесу, думаешь о героическом, устойчивом и прямом образе людей Хэнани, выражающем счастливое настроение людей, счастливых и занятых весенней пахотой, полных энергии и собирающих щедрый урожай. Обучающиеся могут активно прочувствовать местные обычаи и традиции, интегрироваться в местный пейзаж, изображенный музыкой, углубиться в районы и людей, стоящих за музыкой, тесно связаться с местной музыкальной культурой, а не просто заниматься праздным теоретизированием. Таким образом, учителя помогают ученикам расширять свой кругозор, глубоко понимать коннотацию произведений гучжэн и направлять учеников к изучению китайской национальной культуры, включая китайские народные песни, оперу, а также музыку многочисленных этнических меньшинств. Понимание учениками богатой и давней китайской культуры вдохновляет интерес к традиционной китайской музыке. Интеграция обучения гучжэн с китайской народной музыкой и традиционной культурой, а также осознание единства навыков и культуры имеют большое значение для повышения эффективности преподавания гучжэн.

Отметим также, что постоянное совершенствование техники, является одной из базовых целей обучения игре на гучжэн. Современными педагогами часто используются иные музыкальные инструменты для обогащения навыков учеников. Обучение на других национальных музыкальных инструментах (например, пипы), позволяет лучше освоить навыки игры на гучжэне. Помимо наследования и обновления традиционных навыков игры современная техника игры на гучжэне также впитывает и интегрирует навыки игры на других музыкальных инструментах. На основе традиционных навыков, таких как щелчок, трение, дрожание, пение, также формируются техники вращения колеса, покачивания пальца, указания пальца и преобразования звукового ряда,

Заключение

Подытожив, отметим, что в существующих условиях, практика обучения игре на гучжэне в Китае строится на фундаменте стимулирования устойчивого интереса, применении разнообразных и эффективных методов обучения, а также всестороннем развитии музыкальности учащихся.

Список литературы

1. Айкина Л.П. К вопросу о развитии музыкальных способностей школьников // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3(64). С. 221-223.
2. Ван Ш. О традициях и инновациях искусства гучжэн. Чанша: Педагогический университет Хунань, 2006. 96 с.
3. Ван Яо. Очерк исследования китайской музыкальной эстетики Гучжэн // Художественная сотня. 2011. № 6. С. 170-173.
4. Величко Ю.В. Развитие аудиовизуальной культуры студентов в системе общего и профессионального музыкального образования // Человек и образование. 2012. № 3(32). С. 80-85.
5. Вэньвэнь, Ч. Применение метода обучения Орфа в процессе преподавания гучжэна // Научное мнение. 2023. № 12. С. 167-172.
6. Гуань Я. Психология перформанса и эстетическая коннотация в современном китайском преподавании перформанса Гужэн // Отчет Times. 2022. № 42. С. 70-72.
7. Иванова Е.О. К. Д. Ушинский и развитие современного педагогического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 2(17). С. 101-106.
8. Ма Х. Тенденции модернизации профессионального музыкального образования в Китае // Молодой ученый. 2023. № 26(473). С. 166-170.
9. Су М. Краткое обсуждение преподавания и усвоения Гучжэна // Музыкальное время и пространство. 2018. С. 180-181.
10. Фэн Т. Исследования в области музыкального образования и преподавательской деятельности – разработка техники игры на традиционном китайском музыкальном инструменте «Гучжэн» и ее применение в преподавании музыки // Драматический театр. 2016. № 1. С. 2.
11. Цзинь Дж. Чжэн и его нотная запись, и репертуар времён династии Тан // Искусство гучжэн. 1991. № 1. С. 37-46.
12. Чжан С. Обзор эстетических исследований современного китайского перформанса Гужэн // Музыкальная жизнь. 2024. № 4. С. 17-19.
13. Чжан Чж. Как улучшить исполнение гучжэн. Шэньчжэнь: Huale, 2003. 180 с.
14. Чжоу Г. Музыка гучжэн. Хунань: Hunan Literature and Art, 2000. 119 с.
15. Чэнь Д. Наследование китайского искусства Чжэнь и преподавание древнего Чжэнь старшими преподавателями. Янчжоу: Университет Янчжоу, 2009. 116 с.

Features of teaching to play the guzheng in China

Wenwen Chen

Teacher

Chongqing Pedagogical University

Chongqing, China

759412267@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 06.05.2025

Accepted 25.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 73.202.3

DOI 10.25726/g5340-6618-5229-k

EDN SRWFRJ

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The Guzheng is one of the most distinctive national musical instruments in China. Today, learning to play the Guzheng is an important part of musical education in China. As a traditional Chinese folk instrument, the guzheng not only allows students to acquire the skills of playing the national plucked instrument, but also improves musical literacy. Currently, there are no separate academic studies on the practice of learning to play Guzheng in China, which gives this article relevance and scientific novelty. In the course of the work, the concept, classification, learning function, as well as the practice of teaching Guzheng are studied. Thanks to the author's research, it is concluded that the educational function of guzheng is manifested in improving students' aesthetic literacy, expanding cultural knowledge, improving personality traits, and improving physical and mental health. It is also noted that the key methods of teaching Guzheng in China today are: the heuristic method, the interactive method, and the demonstration method. Thus, the practice of learning to play Guzheng in China is based on the foundation of stimulating sustained interest, using diverse and effective teaching methods, as well as the comprehensive development of students' musicality.

Keywords

plucking instruments, national instruments, China, guzheng, practice, theory, learning features.

References

1. Aikina L.P. On the development of musical abilities of schoolchildren // The world of science, culture, and education. 2017. № 3(64). pp. 221-223.
2. Wang Sh. About the traditions and innovations of Guzheng art. Changsha: Hunan Pedagogical University, 2006. 96 p.
3. Wang Yao. An essay on the study of the Chinese musical aesthetics of Guzheng // Artistic Hundred. 2011. № 6. pp. 170-173.
4. Velichko Yu.V. Development of students' audiovisual culture in the system of general and professional music education // Man and education. 2012. № 3(32). pp. 80-85.
5. Wenwen, C. Application of the Orfa teaching method in the process of teaching guzheng // Scientific opinion. 2023. № 12. pp. 167-172.
6. Guan Ya. The Psychology of Performance and Aesthetic connotation in Modern Chinese Guzheng Performance Teaching // Report of the times. 2022. № 42. pp. 70-72.
7. Ivanova E.O. K.D. Ushinsky and the development of modern pedagogical education // Domestic and foreign pedagogy. 2014. № 2(17). pp. 101-106.
8. Ma H. Trends in the modernization of professional music education in China // Young Scientist. 2023. № 26(473). pp. 166-170.
9. Su M. A brief discussion of the teaching and assimilation of Guzheng // Musical time and space. 2018. pp. 180-181.
10. Feng T. Research in the field of music education and teaching – development of the technique of playing the traditional Chinese musical instrument «Guzheng» and its application in music teaching // Drama theater. 2016. № 1. P. 2.
11. Jin J. Zheng and his musical notation, and the repertoire of the Tang Dynasty // Guzheng Art. 1991. № 1. pp. 37-46.
12. Zhang S. Review of aesthetic studies of modern Chinese Guzheng performance // Musical life. 2024. № 4. pp. 17-19.

13. Zhang Zhe. How to improve the execution of guzheng. Shenzhen: Huale, 2003. 180 p.
14. Zhou G. Guzheng music. Hunan: Hunan Literature and Art, 2000. 119 p.
15. Chen D. The inheritance of the Chinese art of Zhen and the teaching of ancient Zhen by senior teachers. Yangzhou: Yangzhou University, 2009. 116 p.

**Исследование влияния сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии на обучение
китайскому языку в регионе Центральной Азии**

Ли Динхуань

Аспирант

Синьцзянский педагогический университет

Урумчи, Китай

23673312@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила 12.06.2025

Принята 23.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 81(2), 81(2Я), 81(2Яр)

DOI 10.25726/k3149-3936-8560-h

EDN RBUZCO

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В условиях глобализации концепция сообщества единой судьбы, предложенная Китаем, способствует укреплению связей с Центральной Азией через политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество. Особое внимание уделяется роли китайского языка как инструмента интеграции. Настоящее исследование анализирует влияние этой концепции на мотивацию и динамику обучения китайскому языку в странах региона (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан). Актуальность темы обусловлена ростом экономических проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», которые стимулируют спрос на специалистов с знанием китайского. Цель работы – выявить механизмы трансформации макроинициатив в микроуровневые изменения в образовании, оценив корреляцию между инвестициями, культурными обменами и языковой политикой. Гипотеза предполагает, что экономический прагматизм доминирует в мотивации студентов, усиливая роль «мягкой силы» Китая. Исследование использует смешанную методологию: количественный анализ статистики за 2015-2023 годы из отчетов министерств образования, Институтов Конфуция и вузов региона, включая регрессионный и сравнительный анализ для выявления корреляций между экономическими показателями (инвестиции, товарооборот) и числом изучающих язык. Качественный компонент включает анонимный онлайн-опрос 1250 студентов из 15 вузов, с тематическим кодированием ответов и методом ранжирования для оценки мотиваций, восприятия проектов и эффективности методик обучения. Данные обработаны с учетом национальной специфики, сопоставляя влияние транспортных проектов в Казахстане с промышленными в Узбекистане. Результаты демонстрируют рост числа изучающих китайский язык с 35,2 тыс. в 2015 году до 112,9 тыс. в 2023 году (прирост 220,74%), с наибольшим увеличением в Узбекистане (271,43%). Опрос выявил доминирование карьерной мотивации (68,47%), связанной с экономическими проектами (средний балл влияния 8,37 для транспортных коридоров). Институты Конфуция признаны наиболее эффективным методом обучения (45,17%). Обсуждение подтверждает сильную корреляцию между инвестициями Китая и языковым обучением, образующую синергетический цикл: экономические проекты создают спрос, образовательные структуры – предложение. Это иллюстрирует успешное применение «умной силы» для интеграции. Выводы подчеркивают необходимость адаптации программ к прагматическим мотивам, прогнозируя дальнейший рост гуманитарных связей. Исследование вносит вклад в понимание трансграничного сотрудничества, предлагая рекомендации по усилению культурных аспектов для баланса с экономическими.

Ключевые слова

сообщество единой судьбы, Центральная Азия, китайский язык, Один пояс один путь, языковое образование.

Введение

В условиях современной глобализации и регионализации формирование трансграничных сообществ становится одним из ключевых факторов, определяющих векторы развития международных отношений. Концепция сообщества единой судьбы, предложенная Китаем, представляет собой комплексную стратегию, направленную на углубление сотрудничества в политической, экономической, гуманитарной и экологической сферах со странами-партнерами. Центральная Азия, в силу своего геостратегического положения и исторически сложившихся связей с Китаем, занимает центральное место в реализации этой инициативы. Процесс формирования такого сообщества неразрывно связан с укреплением гуманитарных связей, где языковая коммуникация выступает в качестве фундаментального элемента, обеспечивающего взаимопонимание и эффективное взаимодействие.

Распространение и изучение китайского языка в странах Центральной Азии становится не просто образовательным трендом, а стратегически важным процессом, отражающим глубину и многоаспектность интеграционных процессов между Китаем и регионом. Именно поэтому исследование влияния сообщества единой судьбы на языковую политику и образовательную среду в Центральной Азии приобретает особую актуальность (Кондрашова, 2011). Оно позволяет оценить, каким образом политические и экономические инициативы трансформируются в конкретные социокультурные изменения, влияя на выбор образовательных траекторий молодежи и формируя новое поколение специалистов, ориентированных на сотрудничество с Китаем.

Изучение китайского языка в центральноазиатском регионе вышло далеко за рамки академического интереса и превратилось в массовое явление, обусловленное прагматическими соображениями. Экономическое измерение концепции сообщества единой судьбы, в частности, инициатива «Один пояс, один путь», создает мощный стимул для освоения китайского языка (Лю, 2009). Реализация крупных инфраструктурных проектов, создание совместных предприятий, рост товарооборота и инвестиций формируют устойчивый спрос на специалистов, владеющих китайским языком, что напрямую влияет на популярность соответствующих образовательных программ в вузах и языковых центрах. Этот процесс поддерживается и культурным измерением сотрудничества: деятельность Институтов Конфуция, проведение совместных культурных фестивалей, обмен студентами и преподавателями создают благоприятную среду для языкового и культурного погружения (Дацышен, 1999).

Таким образом, проблема исследования заключается в необходимости комплексного анализа механизмов, посредством которых макроуровневые инициативы в рамках сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии оказывают прямое и косвенное воздействие на микроуровень – на мотивацию, интенсивность и качество обучения китайскому языку в странах региона (Петров, 2014). Понимание этих связей позволит не только оценить эффективность китайской «мягкой силы», но и спрогнозировать дальнейшие траектории развития гуманитарного сотрудничества в регионе.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование базируется на применении смешанной методологии, сочетающей количественные и качественные подходы для всестороннего анализа изучаемой проблемы. Количественный компонент исследования включал сбор и анализ статистических данных за период с 2015 по 2023 год. Источниками данных послужили официальные отчеты министерств образования и науки стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан), статистические сводки штаб-квартиры Институтов Конфуция (Ханьбань), а также данные ведущих университетов региона, реализующих программы по китаеведению и китайскому языку. Были проанализированы показатели динамики числа изучающих китайский язык, количество открытых языковых центров и специализированных кафедр, а также объемы академической мобильности студентов и

преподавателей. Для обработки данных применялись методы сравнительного анализа и регрессионного анализа с целью выявления корреляции между ростом экономических показателей сотрудничества с Китаем (объем инвестиций, товарооборот) и увеличением числа изучающих китайский язык (Баринаова, 2015). Качественная часть исследования была направлена на выявление мотивационных факторов и восприятия влияния китайских инициатив среди целевой аудитории. Для этого был проведен анонимный онлайн-опрос среди 1250 студентов, изучающих китайский язык в 15 ведущих вузах Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Опросная анкета включала блоки вопросов, касающихся причин выбора китайского языка, ожиданий от его изучения, осведомленности о концепции сообщества единой судьбы и ее проектах, а также оценки качества преподавания (Кот, 2002).

Аналитический инструментарий исследования был построен на синтезе полученных количественных и качественных данных. Статистические тренды, выявленные на первом этапе, были сопоставлены с результатами опроса для более глубокого понимания причинно-следственных связей. В частности, данные о росте числа учащихся сопоставлялись с доминирующими мотивационными факторами, указанными студентами. Для анализа качественных данных, полученных в ходе опроса, применялся метод тематического кодирования, позволивший сгруппировать ответы респондентов по ключевым темам: «карьерные перспективы», «интерес к культуре», «возможности для образования в КНР», «влияние экономических проектов». Кроме того, для оценки восприятия эффективности различных образовательных методик был применен метод ранжирования (Кадола, 2013). Особое внимание уделялось сопоставлению данных по разным странам региона с целью выявления как общих тенденций, так и национальной специфики. Например, сравнивался уровень влияния транспортно-логистических проектов в Казахстане с влиянием аграрных и промышленных совместных предприятий в Узбекистане на мотивацию студентов. Такой комплексный подход позволил не просто констатировать рост популярности китайского языка, но и выявить сложную структуру движущих сил этого процесса, напрямую связанных с реализацией концепции сообщества единой судьбы (Лю, 2021).

Результаты и обсуждение

Анализ влияния концепции сообщества единой судьбы на распространение китайского языка в Центральной Азии требует, в первую очередь, оценки количественных показателей, отражающих масштабы этого явления. Гуманитарное сотрудничество, являющееся неотъемлемой частью данной концепции, находит свое наиболее яркое выражение именно в сфере образования и языкового обмена. Рост числа людей, стремящихся овладеть китайским языком, является прямым индикатором усиления экономических, политических и культурных связей, поскольку язык выступает ключевым инструментом для построения долгосрочных и устойчивых отношений (Кожевникова, 2012). Без достаточного количества специалистов, способных обеспечить эффективную коммуникацию, реализация масштабных совместных проектов, от инфраструктурных до культурных, становится затруднительной.

Предварительный анализ показывает, что динамика роста числа изучающих китайский язык в регионе не является равномерной и напрямую коррелирует с интенсивностью двустороннего сотрудничества каждой конкретной страны с КНР. Страны, наиболее активно вовлеченные в инициативу «Один пояс, один путь», демонстрируют и наиболее высокие темпы роста интереса к китайскому языку. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что экономический прагматизм является ведущим, хотя и не единственным, фактором, мотивирующим население центральноазиатских стран к изучению китайского языка. Для проверки этой гипотезы и детального изучения тенденций были проанализированы статистические данные по основным странам региона, представленные в таблице ниже (табл. 1).

Таблица 1. Динамика числа изучающих китайский язык в странах Центральной Азии (тыс. чел.)

Страна	2015 г.	2018 г.	2021 г.	2023 г.	Общий прирост (%)
Казахстан	15,7	28,3	39,1	45,2	187,90
Узбекистан	9,8	17,5	29,8	36,4	271,43
Кыргызстан	6,2	11,4	16,7	19,8	219,35
Таджикистан	3,5	6,1	9,2	11,5	228,57

Итого по региону	35,2	63,3	94,8	112,9	220,74
------------------	------	------	------	-------	--------

Анализ данных, представленных в таблице 1, демонстрирует устойчивую и значительную положительную динамику числа изучающих китайский язык во всех рассматриваемых странах Центральной Азии. Общее количество учащихся в регионе за восьмилетний период выросло более чем в три раза, увеличившись с 35,2 тыс. человек в 2015 году до 112,9 тыс. в 2023 году, что соответствует совокупному приросту в 220,74%. Наиболее впечатляющий относительный рост демонстрирует Узбекистан, где число студентов увеличилось на 271,43%, что может быть связано с интенсификацией экономического сотрудничества и открытием новых совместных предприятий в последние годы. Казахстан, в свою очередь, остается абсолютным лидером по количеству изучающих язык, что объясняется его статусом крупнейшей экономики региона и ключевого партнера Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Прирост в Казахстане составил 187,90%, что в абсолютных цифрах означает увеличение на 29,5 тыс. человек.

Сравнительный анализ динамики по странам выявляет интересные закономерности. Темпы роста в Кыргызстане (219,35%) и Таджикистане (228,57%) также очень высоки и сопоставимы друг с другом, что указывает на схожие тенденции в этих странах, вероятно, обусловленные их географической близостью к Китаю и активным участием в приграничной торговле и инфраструктурных проектах. Нелинейность роста, особенно заметная при сравнении периодов 2015-2018 и 2021-2023 годов, может указывать на то, что начальный этап характеризовался взрывным интересом, который затем перешел в фазу более стабильного, но все же интенсивного органического роста. Это свидетельствует о том, что изучение китайского языка перестало быть экзотическим выбором и превратилось в устойчивый образовательный тренд, подкрепленный реальным спросом на рынке труда (Никкульшин, 2023).

Чтобы понять глубинные причины, стоящие за впечатляющим количественным ростом, необходимо проанализировать мотивационную структуру студентов. Понимание того, что именно движет молодыми людьми при выборе китайского языка в качестве предмета изучения, позволяет оценить, какие аспекты сообщества единой судьбы – экономические, культурные или образовательные – находят наибольший отклик в обществе. Эти данные критически важны для прогнозирования устойчивости текущего тренда и для корректировки образовательных программ в соответствии с ожиданиями учащихся.

Результаты опроса, направленного на выявление ключевых мотивационных факторов, систематизированы и представлены в следующей таблице. Респондентам предлагалось выбрать один основной мотив, побудивший их начать изучение китайского языка. Данные показывают распределение ответов в процентном соотношении по странам, что позволяет провести сравнительный анализ и выявить как общие, так и специфические для каждой страны паттерны мотивации (табл. 2).

Таблица 2. Основные мотивы изучения китайского языка студентами в странах Центральной Азии (%)

Мотивационный фактор	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Средний показатель
Карьерные возможности (бизнес, работа)	65,4	71,2	68,8	68,47
Возможность получить образование в КНР	15,8	12,5	14,1	14,13
Интерес к китайской культуре и истории	12,3	10,1	11,6	11,33
Другое (туризм, семейные связи и т.д.)	6,5	6,2	5,5	6,07

Анализ данных таблицы 2 однозначно указывает на доминирование прагматических соображений в мотивационной структуре студентов. Во всех трех странах с большим отрывом лидирует фактор «Карьерные возможности», набравший в среднем 68,47%. Наивысший показатель по этому фактору зафиксирован в Узбекистане (71,2%), что хорошо коррелирует с данными таблицы 1,

демонстрирующей самый высокий относительный рост числа учащихся именно в этой стране. Это подтверждает гипотезу о том, что интенсификация экономического сотрудничества и создание новых рабочих мест в рамках совместных проектов являются главным драйвером спроса на китайский язык (Дампилон, 2014). Студенты воспринимают владение китайским языком как прямое конкурентное преимущество на рынке труда, открывающее доступ к высокооплачиваемым должностям в компаниях, ведущих деятельность с Китаем.

На втором месте с существенным отставанием находится «Возможность получить образование в КНР» со средним показателем 14,13%. Этот мотив также носит прагматический характер, поскольку обучение в китайских вузах часто рассматривается как ступень к дальнейшей успешной карьере. Интересно, что «Интерес к китайской культуре и истории», который можно отнести к гуманитарным, непрагматическим мотивам, занимает лишь третье место (11,33%). Это свидетельствует о том, что, несмотря на усилия Китая по продвижению своей культуры, для большинства студентов из Центральной Азии экономическая составляющая концепции сообщества единой судьбы оказывается гораздо более весомым аргументом, чем культурная. Компоненты «мягкой силы», такие как культура и история, выступают скорее как дополнительный, а не основной стимул.

Прямое влияние конкретных проектов в рамках сообщества единой судьбы на решение изучать язык также является важным предметом анализа. Одно дело – общая осведомленность о карьерных перспективах, и другое – осознание связи между конкретным инфраструктурным или промышленным объектом и необходимостью владения языком. Оценка этого восприятия позволяет понять, насколько эффективно коммуникационные стратегии, сопровождающие проекты, доносят до населения их значимость.

Студентам было предложено оценить по 10-балльной шкале степень влияния различных типов проектов сотрудничества с Китаем на их личное решение изучать китайский язык. Средние баллы по каждой категории проектов отражают их воспринимаемую значимость в глазах будущих специалистов. Результаты данного блока опроса представлены в таблице 3.

Таблица 3. Воспринимаемое влияние проектов сотрудничества с КНР на выбор изучения китайского языка (средний балл по шкале от 1 до 10)

Тип проекта	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Средний балл
Транспортно-логистические коридоры	8,7	7,9	8,5	8,37
Совместные промышленные предприятия	8,1	8,8	7,6	8,17
Деятельность Институтов Конфуция	7,5	7,8	8,1	7,80
Проекты в сфере энергетики и добычи	8,4	7,2	6,9	7,50
Культурные и гуманитарные обмены	6,8	6,5	7,1	6,80

Данные таблицы 3 подтверждают и детализируют выводы, сделанные на основе анализа мотивационной структуры. Наивысший средний балл (8,37) получили «Транспортно-логистические коридоры», что особенно ярко выражено в Казахстане (8,7) и Кыргызстане (8,5), для которых транзитный потенциал является ключевым элементом экономического развития. Эти проекты наиболее наглядны и масштабы, их влияние на экономику и рынок труда очевидно для населения. На втором месте с небольшим отставанием идут «Совместные промышленные предприятия» (8,17), причем в Узбекистане этот фактор оценен даже выше (8,8), чем транспортные проекты, что отражает специфику узбекско-китайского экономического сотрудничества, сфокусированного на создании производств (Корнеева, 2016).

Интересно отметить, что деятельность самих Институтов Конфуция, являющихся ключевым инструментом языкового продвижения, оценивается студентами несколько ниже (7,0), чем прямые экономические проекты. Это можно интерпретировать следующим образом: студенты воспринимают Институты Конфуция как средство, как инструмент для достижения цели, в то время как экономические проекты являются самой причиной, формирующей эту цель. Самый низкий балл получили «Культурные и гуманитарные обмены» (6,80), что еще раз подчеркивает вторичность культурной мотивации по

сравнению с экономической. Студенты четко видят прямую связь: масштабный экономический проект означает рабочие места, а рабочие места требуют знания языка.

Эффективность процесса обучения напрямую зависит не только от мотивации студентов, но и от используемых методик и доступной образовательной инфраструктуры. В контексте нашего исследования важно понять, какие каналы и методы обучения китайскому языку воспринимаются как наиболее продуктивные, и какую роль в этом играют структуры, созданные при поддержке КНР. Это позволяет оценить, насколько предложение образовательных услуг соответствует растущему спросу.

В рамках опроса студентам было предложено оценить воспринимаемую эффективность различных методов изучения китайского языка. Результаты, представленные в виде процентного распределения выборов наиболее эффективного метода, позволяют судить о текущем состоянии и предпочтениях в образовательной среде региона (табл. 4).

Таблица 4. Воспринимаемая эффективность методов изучения китайского языка в Центральной Азии (%)

Метод обучения	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Средний показатель
Занятия в Институте Конфуция	41,2	45,8	48,5	45,17
Традиционные занятия в университете	28,6	25,1	23,9	25,87
Онлайн-платформы и приложения	18,9	19,5	16,7	18,37
Языковое погружение (стажировки в КНР)	11,3	9,6	10,9	10,60

Анализ таблицы 4 выявляет безусловное лидерство Институтов Конфуция как наиболее эффективного, по мнению студентов, канала изучения языка (средний показатель 45,17%). Особенно высока их оценка в Кыргызстане (48,5%) и Узбекистане (45,8%). Это свидетельствует о том, что данные учреждения, целенаправленно создаваемые для продвижения языка и культуры Китая, успешно справляются со своей задачей. Их популярность, вероятно, обусловлена качеством преподавания носителями языка, современными методиками и хорошим материально-техническим оснащением, что выгодно отличает их от некоторых традиционных университетских программ. Занятия в Институтах Конфуция воспринимаются как более сфокусированные и практико-ориентированные.

Традиционные университетские курсы занимают второе место (25,87%), но с существенным отставанием. Это может указывать на определенный консерватизм методик, нехватку преподавателей-носителей языка или недостаточную гибкость программ в государственных вузах. Третье место занимают онлайн-платформы (18,37%), что отражает глобальный тренд на цифровизацию образования. Их популярность говорит о стремлении студентов к гибкости и доступности обучения (Ли, 2010). Самым низко оцененным по доступности и массовости, но потенциально наиболее эффективным по результату методом является «Языковое погружение» (10,60%). Низкий процент выбора этого варианта, скорее всего, связан с его высокой стоимостью и ограниченной доступностью для большинства студентов, хотя именно стажировки в Китае дают максимальный прогресс.

Комплексный анализ представленных данных позволяет выстроить целостную картину влияния сообщества единой судьбы на языковую ситуацию в Центральной Азии. Сопоставление данных всех четырех таблиц выявляет четкую причинно-следственную связь. Масштабный рост числа изучающих китайский язык (табл. 1) не является спонтанным явлением. Он напрямую стимулируется доминирующей прагматической мотивацией, связанной с карьерными перспективами (табл. 2), которые, в свою очередь, генерируются конкретными экономическими проектами в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (табл. 3). Студенты видят, как строятся дороги, заводы, логистические центры, и осознают, что для участия в этой новой экономике требуется знание китайского языка. Таким образом, экономический

компонент сообщества единой судьбы выступает в роли мощного «пылесоса», втягивающего молодежь региона в орбиту китайского языка.

Эта экономическая «гравитация» подкрепляется целенаправленной образовательной политикой. Данные таблицы 4 показывают, что Китай не только создает спрос на язык, но и активно формирует предложение качественных образовательных услуг через сеть Институтов Конфуция. Эти институты, воспринимаемые студентами как наиболее эффективный канал обучения, действуют в синергии с экономическими проектами. Они готовят кадры, которые затем находят применение в структурах, созданных в рамках того же сообщества единой судьбы. Получается замкнутый и самоподдерживающийся цикл: экономические проекты создают спрос на специалистов, образовательные проекты готовят этих специалистов, а успешное трудоустройство последних усиливает мотивацию у следующего поколения студентов.

Математическая обработка данных показывает, что существует сильная положительная корреляция между объемом китайских инвестиций в экономику каждой страны и показателями роста числа учащихся, а также долей студентов, выбравших карьерную мотивацию. Например, в Узбекистане, где в последние годы наблюдается всплеск китайских инвестиций в промышленность, зафиксирован и самый высокий относительный рост числа учащихся (271,43%), и самый высокий процент карьерной мотивации (71,2%), и наивысшая оценка влияния промышленных проектов (8,8 балла). В Казахстане, с его фокусом на транзит и логистику, доминирует оценка влияния транспортных коридоров (8,7 балла). Это доказывает, что влияние концепции сообщества единой судьбы не является абстрактным – оно проявляется через конкретные, секторально-специфичные проекты, которые формируют локальный рынок труда и, соответственно, образовательный запрос.

В целом, исследование демонстрирует, что распространение китайского языка в Центральной Азии является не просто культурным феноменом, а управляемым процессом, который является неотъемлемой частью более широкой стратегии Китая по формированию сообщества единой судьбы. Это пример успешного применения «умной силы», где экономические рычаги гармонично сочетаются с инструментами «мягкой силы» (образование, культура) для достижения долгосрочных стратегических целей (Макеева, 2021). Преобладание экономической мотивации над культурной (68,47% против 11,33%) свидетельствует о том, что на данном этапе отношения строятся преимущественно на прагматической основе, что, однако, не умаляет их прочности, а, возможно, даже наоборот, делает их более устойчивыми в глазах населения, видящего в этом сотрудничестве прямой путь к личному благополучию (Киргинцева, 2021).

Заключение

Проведенное исследование позволило установить наличие прямой и сильной взаимосвязи между реализацией китайской концепции сообщества единой судьбы и беспрецедентным ростом популярности китайского языка в странах Центральной Азии. Эмпирические данные, полученные в ходе анализа статистики и опросов, подтверждают, что этот процесс носит не случайный, а системный и целенаправленный характер. Главным катализатором, стимулирующим десятки тысяч молодых людей в регионе изучать китайский язык, выступает экономический прагматизм. Масштабные инвестиционные, инфраструктурные и промышленные проекты, реализуемые в рамках инициативы «Один пояс, один путь», создают устойчивый и постоянно растущий спрос на рынке труда на специалистов, владеющих китайским языком. Этот спрос трансформируется в доминирующую карьерную мотивацию студентов, которые рассматривают знание языка как ключевое конкурентное преимущество и социальный лифт.

Влияние Китая не ограничивается лишь созданием экономического спроса. Исследование показало, что Пекин активно формирует и образовательное предложение, создавая эффективную инфраструктуру для изучения языка. Институты Конфуция, по мнению самих студентов, являются наиболее действенным каналом обучения, опережая по воспринимаемой эффективности традиционные университетские программы. Таким образом, формируется синергетический эффект, где экономические инициативы и образовательные программы работают в тандеме, создавая самоподдерживающийся цикл. Данный феномен является ярким примером успешной реализации стратегии «умной силы», где

экономические интересы и гуманитарное сотрудничество взаимно усиливают друг друга, способствуя углублению интеграции Китая и Центральной Азии и формируя основу для долгосрочного стратегического партнерства в рамках сообщества единой судьбы.

Список литературы

1. Баринова Е.Б. Лингвистические аспекты этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 144-147.
2. Дампилон Н.Б. Современное китаеведное образование: проблемы и перспективы // Современное китаеведное образование: проблемы и перспективы. материалы международной научной конференции. 2014. С. 87-91.
3. Дацышен В.Г. Изучение китайского языка в России как фактор российско-китайских отношений // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Сер. «Вестник Международного центра азиатских исследований»: мат. Межд. науч.-прак. конф. 1999. С. 156-160.
4. Кадол Ф.В. Взаимосвязь обучения и воспитания в школах Китая: история и современность // Образование и воспитание. 2013. № 1. С. 86-94.
5. Киргинцева М.В. Рост популярности китайского языка в сфере образования в России // Миссия образования – мир будущего: достижения и перспективы: мат. XX юбилейной межд. науч.-прак. конф. Калининград, 2021. С. 177-184.
6. Кожевникова Е.В., Федосова Н.М. Чему и как учат в Китае (из опыта работы на факультете русского языка и языков Средней Азии Университета Миньцзу) // Поиск. Опыт. Мастерство: актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. С. 19-39.
7. Кондрашова Л., Ломанов А. Четвертый форум изучения Китая в Шанхае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 150-157.
8. Корнеева Л.И., Жунюй М. История развития методики обучения китайскому языку как иностранному в Китае // Язык в сфере профессиональной коммуникации: мат. Межд. науч.-прак. конф. студ. и асп. 2016. С. 62-68.
9. Кот Л.П., Табацкая И.Г. О преемственности в обучении китайских студентов на родине и в России на этапе довузовской подготовки // Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся в вузах РФ: мат. Межд. науч.-прак. конф. 2002. С. 159-163.
10. Ли М. Исследование интеграций языков со стороны изменения китайского и русского языка // Вестник Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Серия: Восточные языки. 2010. № 1. С. 163-169.
11. Лю С. Отражение китайской культуры в китайском языке // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: мат. Межд. науч. конф., приур. к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета. Минск, 2021. С. 139-140.
12. Лю Ц. Центральнo-Азиатский регион в исторической памяти китайского народа // Исторические науки. 2009. № 6. С. 33-35.
13. Макеева С.Б. Региональное развитие Китая: лингвострановедческий аспект // Языки и культуры стран Азии и Африки: мат. Межд. науч.-прак. конф. 2021. С. 134-136.
14. Никольшин М.С. Изучение китайского языка как элемент межкультурного взаимодействия // Территория спорта, здоровья и безопасности жизнедеятельности: мат. V Межд. науч.-прак. форума. 2023. С. 284-285.
15. Петров А.И. Кяхта и изучение китайского языка // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44. № 1. С. 414-422.

The study of the impact of the China – Central Asia community of shared future on Chinese language learning in the Central Asian region

Li Jinghuan

Graduate student

Xinjiang Normal University

Urumqi, China

23673312@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 12.05.2025

Accepted 23.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 81(2), 81(2Я), 81(2Яр)

DOI 10.25726/k3149-3936-8560-h

EDN RBUZCO

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

In the context of globalization, the concept of a community of shared future, proposed by China, contributes to strengthening ties with Central Asia through political, economic, and humanitarian cooperation. Special attention is given to the role of the Chinese language as a tool of integration. This study analyzes the influence of this concept on the motivation and dynamics of Chinese language learning in the countries of the region (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan). The relevance of the topic is driven by the growth of economic projects within the framework of the Belt and Road Initiative, which stimulates the demand for specialists with knowledge of Chinese. The aim of the study is to identify the mechanisms of transforming macro-initiatives into micro-level changes in education, assessing the correlation between investments, cultural exchanges, and language policy. The hypothesis assumes that economic pragmatism dominates student motivation, reinforcing the role of China's «soft power». The research employs a mixed methodology: quantitative analysis of statistics for 2015-2023 from reports of ministries of education, Confucius Institutes, and universities in the region, including regression and comparative analyses to identify correlations between economic indicators (investments, trade turnover) and the number of language learners. The qualitative component includes an anonymous online survey of 1,250 students from 15 universities, with thematic coding of responses and a ranking method to assess motivations, perceptions of projects, and the effectiveness of teaching methods. Data were processed with consideration for national specifics, comparing the impact of transport projects in Kazakhstan with industrial ones in Uzbekistan. The results show growth in the number of Chinese language learners from 35,2 thousand in 2015 to 112,9 thousand in 2023 (an increase of 220,74%), with the largest growth in Uzbekistan (271,43%). The survey revealed the dominance of career motivation (68,47%) associated with economic projects (average influence score of 8,37 for transport corridors). Confucius Institutes were recognized as the most effective learning method (45,17%). The discussion confirms a strong correlation between Chinese investments and language learning, forming a synergistic cycle: economic projects create demand, educational structures provide supply. This illustrates the successful application of «smart power» for integration. The conclusions emphasize the need to adapt programs to pragmatic motives, forecasting further growth in humanitarian ties. The study contributes to understanding cross-border cooperation, offering recommendations for strengthening cultural aspects to balance economic ones.

Keywords

community of shared future, Central Asia, Chinese language, Belt and Road, language education.

References

1. Barinova E.B. Linguistic aspects of ethnocultural contacts of China with the peoples of Central Asia in antiquity // *Voprosy istorii*. 2015. No. 10. P. 144-147.
2. Dampilon N.B. Contemporary Chinese studies education: problems and prospects // *Contemporary Chinese studies education: problems and prospects. Proceedings of the International Scientific Conference*. 2014. P. 87-91.
3. Datsyshen V.G. The study of the Chinese language in Russia as a factor in Russian-Chinese relations // *Relations between the peoples of Russia, Siberia, and the countries of the East: history and modernity. Series "Bulletin of the International Center for Asian Studies": proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. 1999. P. 156-160.
4. Kadol F.V. The relationship between teaching and upbringing in Chinese schools: history and modernity // *Obrazovanie i vospitanie*. 2013. No. 1. P. 86-94.
5. Kirgintseva M.V. The growing popularity of the Chinese language in the field of education in Russia // *The Mission of Education – the World of the Future: Achievements and Prospects: Proceedings of the 20th Anniversary International Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad, 2021. P. 177-184.
6. Kozhevnikova E.V., Fedosova N.M. What and how is taught in China (from the experience of work at the Faculty of the Russian Language and the Languages of Central Asia, Minzu University) // *Search. Experience. Mastery: topical issues of teaching foreign students*. Voronezh: Voronezh State University, 2012. P. 19-39.
7. Kondrashova L., Lomanov A. The Fourth Forum on the Study of China in Shanghai // *Problemy Dalnego Vostoka*. 2011. No. 3. P. 150-157.
8. Korneeva L.I., Zhunyuy M. The history of methodology development in teaching Chinese as a foreign language in China // *Language in the Sphere of Professional Communication: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates*. 2016. P. 62-68.
9. Kot L.P., Tabatskaya I.G. On continuity in teaching Chinese students at home and in Russia at the pre-university stage // *Topical Issues of Preparing Chinese Students in Russian Universities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. 2002. P. 159-163.
10. Li M. Study of language integrations in terms of changes in the Chinese and Russian languages // *Bulletin of the International Institute of Economics and Linguistics, ISU. Series: Oriental Languages*. 2010. No. 1. P. 163-169.
11. Liu S. Reflection of Chinese culture in the Chinese language // *Language, Culture, and Creativity in a Transdisciplinary Dimension: Traditions and Innovations: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Professor V.N. Teliya and the 100th anniversary of Belarusian State University*. Minsk, 2021. P. 139-140.
12. Liu C. The Central Asian region in the historical memory of the Chinese people // *Istoricheskie nauki*. 2009. No. 6. P. 33-35.
13. Makeeva S.B. Regional development of China: a linguacultural aspect // *Languages and Cultures of the Countries of Asia and Africa: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. 2021. P. 134-136.
14. Nikulshin M.S. Studying the Chinese language as an element of intercultural interaction // *Territory of Sports, Health and Safety of Life: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Forum*. 2023. P. 284-285.
15. Petrov A.I. Kyakhta and the study of the Chinese language // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2014. Vol. 44. No. 1. P. 414-422.

Роль консультантов колледжа в воспитании сознательности китайского национального сообщества и изучении пути выполнения своих обязанностей

Линь Юй

Магистр, младший научный сотрудник Института марксизма

Университет Хэйхэ

Хэйхэ, Китай

yl.000000c@163.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 25.07.2025

Принята 03.08.2025

Опубликована 30.09.2025

УДК 378.2

DOI 10.25726/i2324-9776-2675-d

EDN BJSJRED

BAK 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В условиях глобализации и социальных трансформаций укрепление сознания китайского национального сообщества среди студентов приобретает стратегическое значение для консолидации общества и сохранения культурной идентичности в КНР. Концепция национального сообщества подразумевает единство многонационального народа, общность исторической судьбы и ценностей, что делает ее стержнем идеологического и политического воспитания в вузах. Роль консультантов колледжей выходит за рамки административной поддержки, превращаясь в духовное наставничество и формирование патриотических убеждений у молодежи. Однако традиционные методы теряют эффективность среди «цифрового поколения», требуя инноваций. Цель исследования – анализ роли консультантов в воспитании национального сознания и разработка путей оптимизации их работы для повышения качества высшего образования и социальной стабильности. Методологическая основа включает комплексный подход: анализ государственных документов («План патриотического воспитания в новую эру»), научных публикаций по педагогике и психологии. Эмпирическая база сформирована опросом 1200 студентов и 150 консультантов из 10 вузов, а также 80 глубинными интервью. Использованы статистический анализ (SPSS: частотный, корреляционный), тематическое кодирование качественных данных для выявления проблем и факторов эффективности. Результаты показывают, что консультанты воспринимаются студентами прежде всего как решатели бытовых проблем, а идеологическая функция остается вторичной из-за административной перегрузки (200–300 студентов на одного) и слабой методической подготовки. Опрос выявил разрыв между декларируемыми ценностями коллективизма и реальными установками индивидуализма, что снижает мотивацию. Интервью подтвердили дефицит навыков в интерактивных методах и цифровых инструментах. Обсуждение подчеркивает необходимость реформ: снижение нагрузки, реорганизация квалификации с акцентом на диалоговые форматы (проекты, волонтерство), цифровизацию (социальные сети) и взаимодействие с родителями. Это позволит консультантам стать катализаторами формирования национального сознания, сочетая традиции с современностью, способствуя консолидации общества и преодолению вызовов глобализации.

Ключевые слова

китайское национальное сообщество, консультанты колледжей, воспитательная работа, идеологическое образование, национальная идентичность.

Проект фонда: 2024 г. - Проект по финансированию фундаментальных научных исследований провинциальных высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян "Исследование сознания китайского национального сообщества в приграничных университетах" (2024-KYYWF"0919).

Введение

В условиях глобализации и стремительных социальных трансформаций вопрос формирования и укрепления национального самосознания приобретает особую актуальность для устойчивого развития любого государства. Китайская Народная Республика, следуя курсом построения социализма с китайской спецификой в новую эру, уделяет первостепенное внимание идеологическому и политическому воспитанию молодежи. Студенчество, как наиболее активная и интеллектуально развитая часть общества, является ключевым объектом и субъектом этого процесса. Именно в стенах высших учебных заведений закладывается фундамент мировоззрения будущих специалистов, их ценностных ориентаций и гражданской позиции. В этой связи роль консультантов колледжей выходит далеко за рамки административного сопровождения учебного процесса (Михалев, 2024). Они становятся центральными фигурами в системе воспитательной работы, на которых возложена миссия не только академической поддержки, но и духовного наставничества, формирования у студентов глубокого понимания и принятия идей китайского национального сообщества. Эта концепция, подразумевающая единство многонационального народа Китая, общность его исторической судьбы и культурных ценностей, является стержнем национальной идентичности и залогом социальной стабильности. Однако реализация этой высокой миссии сопряжена с рядом объективных и субъективных трудностей, требующих глубокого научного осмысления и разработки практических путей их преодоления.

Эффективность воспитательной работы консультанта напрямую зависит от его способности находить адекватные современным вызовам методы и подходы. Молодое поколение, выросшее в эпоху цифровых технологий и открытого информационного пространства, отличается новыми моделями восприятия, коммуникации и формирования убеждений (Чжао, 2024). Традиционные лекционные и назидательные форматы теряют свою действенность, уступая место интерактивным, диалоговым и практико-ориентированным технологиям. Перед консультантами стоит сложная задача – не просто транслировать идеологические установки, а вовлекать студентов в осмысленную деятельность, которая позволит им на личном опыте прочувствовать свою сопричастность к судьбе нации (Ван, 2024). Это требует от специалистов не только глубоких теоретических знаний в области педагогики, психологии и политологии, но и развитых коммуникативных навыков, эмпатии, творческого мышления и, что немаловажно, личной убежденности в тех ценностях, которые они призваны воспитывать. Исследование путей выполнения этих обязанностей, анализ существующих проблем и поиск инновационных решений являются ключевыми для повышения качества высшего образования и консолидации китайского общества перед лицом глобальных вызовов. Данная работа посвящена комплексному анализу деятельности консультантов колледжей в контексте воспитания сознательности китайского национального сообщества, выделив ключевые темы и проблемы.

Материалы и методы исследования

Методологической основой данного исследования послужил комплексный подход, сочетающий в себе теоретический анализ и эмпирические методы сбора и обработки данных. Теоретическая часть работы базируется на изучении основополагающих государственных документов, определяющих стратегию идеологического и политического воспитания в КНР, таких как «План реализации патриотического воспитания в новую эру» и «Положения о работе консультантов высших учебных заведений» (Ван, 2022). Был проведен системный анализ научных публикаций китайских и зарубежных авторов, посвященных проблемам национального самосознания, педагогики высшей школы, психологии студенческого возраста и специфике деятельности института консультантов в китайских университетах. Изучение теоретических источников позволило сформировать концептуальные рамки исследования, определить ключевые понятия, такие как «сознательность китайского национального сообщества», «воспитательный потенциал консультанта», и выработать гипотезы относительно основных факторов,

влияющих на эффективность их работы. Особое внимание уделялось работам, анализирующим трансформацию ценностных ориентаций современной китайской молодежи под влиянием глобализации и цифровизации (Бичкалюк, 2021), что позволило contextualize исследуемую проблему в современных реалиях.

Эмпирическая база исследования была сформирована посредством проведения многоэтапного социологического опроса и серии глубинных интервью. В качестве основного инструмента для сбора количественных данных была разработана анкета, включающая блоки вопросов, направленные на оценку уровня сформированности национального самосознания у студентов, их восприятия роли консультанта в воспитательном процессе, а также на выявление самооценки консультантами своей профессиональной компетентности и существующих трудностей (Чэнь, 2025). Выборка исследования составила 1200 студентов и 150 консультантов из десяти университетов, представляющих различные регионы Китая, что обеспечило репрезентативность данных. Для качественного анализа были проведены глубинные полуструктурированные интервью с 30 консультантами, имеющими различный стаж работы, и 50 студентами-активистами. Этот метод позволил получить развернутые мнения, выявить скрытые мотивы и проблемы, которые сложно зафиксировать с помощью формализованных анкет (У, 2022). Обработка количественных данных осуществлялась с использованием статистического пакета SPSS, включая частотный, корреляционный и регрессионный анализ. Качественные данные, полученные в ходе интервью, были проанализированы методом тематического кодирования, что позволило систематизировать и интерпретировать мнения респондентов, выделив ключевые темы и проблемы.

Результаты и обсуждение

Роль консультантов в колледжах Китая приобретает особое значение на фоне глобальных тенденций к экологизации и усилению культурных ценностей, поскольку именно в период студенчества формируются базовые установки личности относительно общества и окружающей среды. Одновременно проявляется акцент на необходимости укрепления национальных приоритетов в свете исторических традиций страны, что стимулирует возникновение новых форм педагогических практик, нацеленных на системную интеграцию экологических и культурных компонентов. Важно отметить, что фокус консультирования перемещается не только на развитие академической успеваемости, но и на воспитание социальной и экологической зрелости студентов, что выражается в увеличении числа программ, направленных на формирование осознанного участия в жизни общества. Многие образовательные учреждения внедряют комплексные курсы, охватывающие аспекты культурной идентичности, национальной истории и ответственности за природную среду (Чжао, 2024), что способствует более глубокой вовлеченности обучающихся в различные формы деятельности. При этом консультанты играют роль своеобразных координаторов, помогающих студентам наладить связь между личными интересами и общественными задачами. Таким образом, консультативная служба становится важной площадкой для формирования у молодежи экологических привычек и расширения их кругозора в отношении национального наследия, одновременно стимулируя их к самостоятельной исследовательской и практической деятельности.

Подчеркивая значимость экологического аспекта, консультанты нередко используют методы, направленные на развитие у студентов эмоциональной связи с природой и осознания ее ограничения как ресурса (Михалев, 2024). В частности, на практике применяются выездные мероприятия в природные зоны, совместные экологические проекты и дискуссионные клубы, где культурно-исторический контекст тесно переплетается с идеями устойчивого развития. Студенты учатся не только понимать взаимосвязь между состоянием экосистем и жизнью общества, но и способны самостоятельно принимать решения в пользу экологически рационального поведения. Усиление таких навыков положительно влияет на общий уровень экологической культуры китайского национального сообщества. В то же время консультанты стремятся укреплять у студентов уважение к национальным традициям, подчеркивая их поддержку гармоничного взаимодействия с природой, что исторически характерно для философии Китая. Данная составляющая консультативной работы позволяет достичь эффекта осознанного сопряжения

культурных традиций и современных способов ведения хозяйства. В итоге формируется комплексное мировоззрение, в котором почитание духовных корней находит отражение в готовности студентов предпринимать конкретные шаги по сохранению природного потенциала.

В ходе исследования была проведена серия интервью со студентами, которые подчеркнули важность личной мотивации консультанта в продвижении идей коллективной ответственности за природные и культурные ресурсы. Молодые люди отмечали, что наличие положительного примера в лице консультанта во многом способствовало формированию у них долгосрочного интереса к социально значимой и экологически ориентированной деятельности (Верченко, 2024). Участие консультантов в таких проектах, как озеленение кампуса, организация добровольческих мероприятий по очистке рек и парков, а также информационные акции по развитию культурного наследия, демонстрировало реальную практику, готовую к тиражированию. При этом студенты подчёркивали, что взаимодействие и обмен мнениями между поколениями помогали им прочнее осознать значимость комплексного подхода к экологической и культурной проблематике. Само существование организованного пространства для диалога показывало, что развитие экологического сознания не сводится к отдельным лекциям, а становится частью непрерывного воспитательного процесса, адаптированного к потребностям личности. Таким образом, консультанты выступали в роли катализаторов долгосрочных изменений в мировоззрении студентов, чем обеспечивалось более быстрое и глубокое становление экологических и национальных ценностей.

Демонстрация высоких моральных и патриотических установок со стороны консультантов повышала уровень доверия к ним и обеспечивала благоприятную атмосферу для восприятия их советов и рекомендаций (Ван, 2024). Параллельно усиливался акцент на активных формах обучения, ориентированных не только на усвоение фактов, но и на формирование умений анализировать и решать проблемные ситуации. Особое внимание уделялось способности студентов вырабатывать критический взгляд на собственное потребление природных ресурсов, роль личной ответственности в формировании экологической среды колледжа и ближайших сообществ. В результате студенты все чаще подключались к инициированным консультантами проектам по улучшению экологической инфраструктуры учебных заведений, стимулируя позитивные изменения и закрепляя новые модели поведения. Выявилось, что наиболее успешными оказывались программы, где консультанты могли предоставлять как теоретическое обоснование, так и организационную поддержку конкретным практическим шагам в сфере охраны окружающей среды. Такой двухуровневый формат работы позволял учащимся получить глубокие знания о применимости экологических стандартов и развивать рефлексию относительно национальной идентичности в современном контексте.

На фоне растущего интереса к культурным традициям Китая консультанты активно используют содержание национальной истории и философии для раскрытия более широкого смысла бережного отношения к природе (Ван, 2022). Задача состоит не просто в продвижении идей глобального экологического движения, но и в укоренении этих идей в местных культурных и этических нормах, привычных для студенческой среды. В процессе работы консультанты опираются на принципы гуманистического подхода к воспитанию, где ведущую роль играет личностный диалог со студентом и учет его индивидуальных особенностей. Таким образом, развивающаяся модель консультирования объединяет в себе аспекты культурной самобытности и мировые тренды устойчивого развития, помогая молодым людям найти собственный путь реализации национальных идеалов в условиях глобального общества. Именно через такую синергию возникает возможность создания единой платформы для дальнейших инициатив, направленных на укрепление взаимосвязи между социальной и природной сферами.

В ходе исследования удалось установить, что консультанты, обладающие более глубокими знаниями об экологических проблемах современности, а также об исторических корнях китайской культуры, способны эффективнее адаптировать учебные материалы и практики к потребностям студентов. Такая адаптация учитывает не только общественные приоритеты, но и тимчасовые особенности каждого учащегося, помогая ему интегрировать ценности национальной идентичности в повседневную жизнь. Данный процесс актуализируется посредством различных форм совместной

деятельности, где студенты получают возможность активно проявлять свои таланты в организации культурных мероприятий, экологических выставок и тематических дискуссий. Из этого следует, что консультанты становятся связующим звеном между модернизационными тенденциями и традиционными нормами, формируя у обучающихся переживание важности бережного обращения с ресурсами, знание этических норм взаимодействия внутри национальной общности и осознание своей роли в укреплении социального капитализма.

Анализ полученных данных показал, что, несмотря на высокий уровень осознания важности воспитательной работы, деятельность консультантов в этом направлении сталкивается с серьезными системными проблемами. Одной из ключевых трудностей является чрезмерная административная нагрузка. Консультанты вынуждены совмещать функции воспитателя, психолога, администратора, организатора мероприятий и специалиста по разрешению конфликтов (Кун, 2023). В среднем, на одного консультанта приходится от 200 до 300 студентов, что физически не позволяет осуществлять индивидуальный подход и глубокую воспитательную работу. Большая часть времени уходит на ведение документации, организацию бытовых вопросов, контроль посещаемости и успеваемости, в то время как на личные беседы, духовное наставничество и организацию содержательных идеологических мероприятий времени практически не остается.

Многие консультанты в ходе интервью отмечали, что их работа превращается в «тушение пожаров» – решение текущих проблем студентов, а не в планомерное и системное формирование их мировоззрения. Эта ситуация усугубляется недостаточной методической подготовкой. Хотя большинство консультантов имеют высшее образование, оно не всегда является профильным педагогическим или психологическим. Система повышения квалификации, по мнению многих респондентов, носит формальный характер и не дает практических инструментов для работы с современным студенчеством (Юньшень, 2024). Отсутствие навыков ведения дискуссий на сложные идеологические темы, неумение использовать интерактивные и цифровые форматы приводят к тому, что воспитательные мероприятия часто сводятся к формальному зачитыванию докладов и не вызывают у студентов живого отклика.

Другой значимой проблемой является разрыв между декларируемыми ценностями и реалиями, с которыми сталкиваются студенты. Воспитание сознательности национального сообщества предполагает акцент на коллективизме, служении обществу и патриотизме. Однако современное общество и рынок труда зачастую транслируют ценности индивидуализма, жесткой конкуренции и материального успеха (Чун, 2024). Этот диссонанс создает у студентов внутренний конфликт и скептическое отношение к идеологическим установкам. Консультанты оказываются в сложной ситуации, когда им необходимо убеждать студентов в важности ценностей, которые не всегда находят подтверждение в окружающей их действительности. Успешность этой работы во многом зависит от личного примера и авторитета самого консультанта, его способности быть искренним и убедительным.

Результаты опроса студентов показали, что они ценят в консультантах прежде всего способность решать их практические проблемы (помощь в бытовых вопросах, консультации по учебе) и психологическую поддержку. Идеологическая и воспитательная функция консультанта воспринимается многими как второстепенная и формальная (Чжу, 2023). Лишь небольшая часть студентов отметила, что беседы с консультантом повлияли на их гражданскую позицию. Это свидетельствует о том, что для повышения эффективности воспитательной работы необходимо сместить акцент с формальных мероприятий на неформальное общение и построение доверительных отношений между консультантом и студентами.

Преодоление этих трудностей требует комплексного подхода. Во-первых, необходимо пересмотреть нормативы нагрузки на консультантов и освободить их от избыточных административных функций, возможно, за счет введения дополнительных административных единиц. Это позволит высвободить время для непосредственной воспитательной работы. Во-вторых, следует коренным образом реформировать систему подготовки и повышения квалификации консультантов (Ван, 2024), сделав акцент на освоении практических навыков: интерактивных педагогических технологий, методов

психологического консультирования, медиации конфликтов и использования цифровых инструментов в воспитательной работе.

Важным направлением является разработка и внедрение новых форматов воспитательной деятельности. Вместо формальных лекций необходимо активнее использовать проектную деятельность, вовлекать студентов в социальные и волонтерские проекты, организовывать исторические реконструкции, дебаты, встречи с интересными людьми – носителями национальных ценностей. Особую роль может сыграть изучение истории собственной семьи и родного края (Лян, 2023) как способ формирования личной сопричастности к истории всей страны. Такой подход позволяет перевести идеологические концепции из абстрактной плоскости в сферу личного опыта и переживаний.

Кроме того, необходимо создавать условия для профессионального развития и карьерного роста самих консультантов. Многие из них воспринимают свою должность как стартовую площадку для перехода на административную или преподавательскую работу из-за отсутствия четких перспектив. Введение системы профессиональных грейдов, создание возможностей для научной деятельности в области педагогики и психологии, повышение социального статуса и материального стимулирования (Бичкалюк, 2021) могло бы привлечь и удержать в этой профессии наиболее талантливых и мотивированных специалистов.

Цифровизация образовательного процесса открывает новые возможности, но и создает новые вызовы. Консультанты должны научиться работать в онлайн-пространстве, вести блоги и группы в социальных сетях, создавать качественный воспитательный контент, интересный для молодежи. Это требует не только технических навыков, но и понимания законов цифровой коммуникации. Эффективное использование онлайн-платформ может помочь в организации дистанционных консультаций, проведении опросов и создании сообществ по интересам, что будет способствовать укреплению связей внутри студенческого коллектива.

Необходимо также усиливать взаимодействие между консультантами, преподавателями и родителями. Воспитание – это комплексный процесс, и его эффективность повышается, когда все участники образовательных отношений действуют согласованно. Проведение совместных мероприятий, регулярный обмен информацией и выработка единой воспитательной стратегии могут значительно усилить положительное влияние на формирование личности студента.

В конечном счете, ключ к успешному воспитанию сознательности китайского национального сообщества лежит в личности самого консультанта. Его эрудиция, культура, моральные качества и искренняя вера в будущее своей страны являются самым мощным воспитательным инструментом. Создание условий, при которых консультант сможет в полной мере реализовать свой личностный и профессиональный потенциал, является стратегической задачей для всей системы высшего образования Китая.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает ключевую, но в то же время проблематичную роль консультантов колледжей в стратегической задаче воспитания сознательности китайского национального сообщества. Несмотря на четко обозначенные государством цели и понимание важности своей миссии самими специалистами, их практическая деятельность сталкивается с серьезными препятствиями системного характера. Основные барьеры, снижающие эффективность воспитательной работы, лежат в плоскости чрезмерной административной нагрузки, которая подменяет живое педагогическое общение формальным выполнением функций, а также в недостаточной методической оснащенности для работы с новым поколением студентов. Разрыв между декларируемыми идеалами коллективизма и патриотизма и прагматичными установками современного общества создает дополнительное идеологическое напряжение, преодолеть которое под силу лишь высококомпетентному и личностно зрелому наставнику.

Для качественного прорыва в решении поставленных задач необходим комплексный пересмотр подходов к организации деятельности института консультантов. Это включает в себя не только нормативное снижение нагрузки и освобождение от несвойственных административных функций, но и

коренную модернизацию системы их профессиональной подготовки и непрерывного развития с акцентом на интерактивные, диалоговые и цифровые педагогические технологии. Первостепенной задачей становится переход от формальных массовых мероприятий к созданию воспитывающей среды через проектную деятельность, социальное волонтерство и построение доверительных, субъект-субъектных отношений со студентами. Повышение престижа профессии консультанта, создание ясных карьерных траекторий и достойное материальное стимулирование являются необходимыми условиями для привлечения и удержания в этой сфере лучших кадров, способных стать подлинными духовными наставниками для молодежи и проводниками ценностей китайского национального сообщества в новую эру.

Список литературы

1. Бичкалюк Т.Г. Программа обучения грамоте для одаренных учеников начальной школы Китая // Крымский Академический вестник. 2021. № 20. С. 355-362.
2. Ван Ж. Образование в Китайской Народной Республике на современном этапе // Вестник Кыргызстана. 2022. № 1-2. С. 77-83.
3. Ван Ц. Исследование культурной составляющей в укреплении сознания общности китайской нации и пути реализации // Перспективы науки. 2024. № 7 (178). С. 63-66.
4. Ван Ц. Исследование путей реализации этнополитического концепта «укрепление сознания общности китайской нации» в приграничных высших учебных заведениях в новую эпоху // Доклады Научного общества. 2024. № 5 (49). С. 42-47.
5. Верченко А.Л. Деятельность Всесоюзного общества культурной связи с заграницей по приему китайской педагогической миссии в 1933 г // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 1. С. 166-176.
6. Лян В. «Воспитание здравым смыслом» в современном китайском образовании // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7(100). С. 3069-3073.
7. Михалев М.С. Представители русского национального меньшинства в высших органах законодательной власти КНР // Власть. 2024. Т. 32. № S4. С. 26-33.
8. У М. Проблема китайских студентов, обучавшихся в СССР в 1920-е и 1930-е годы // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 6. С. 61-65.
9. Чжао Ц. Введение в проблемы стоящие на пути формирования культуры общежитий в китайских колледжах и университетах, и меры по их решению // Казачество. 2024. № 74 (1). С. 89-97.
10. Чжу Х., Юй Л. Исследование по интеграции сознания китайской национальной общины в идеологическое и политическое образование в приграничных университетах // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 5-1. С. 811-818.
11. Чун Ин. Презентация национальной молодёжной базы и способы совместной деятельности // Народное образование. 2024. № 4 (1507). С. 144-146.
12. Чэнь Л. Выбор путей взращивания культурной уверенности в студентах новой эпохи // Вестник педагогических наук. 2022. № 2. С. 229-234.
13. Чэнь С. Влияние культурно-образовательной политики Китая на формирование национальной идентичности и обеспечение культурной безопасности // Безопасность на Каспии. 2025. Т. 5. № 1. С. 62-74.
14. Юньшень Ц. Исследование национального самосознания в китайской этнопсихологии // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 4. С. 39-49.
15. Kun J. Analysis of ideological and political education of ethnic minority college students from the perspective of Chinese national community // Questions of history. 2023. № 6-1. pp. 268-279.

The role of college counselors in fostering awareness of the Chinese national community and learning how to fulfill their responsibilities

Lin Yu

Magister, Junior Researcher at the Institute of Marxism

Heihe University

Heihe, China

yl.000000c@163.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 25.07.2025

Accepted 03.08.2025

Published 30.09.2025

UDC 378.2

DOI 10.25726/i2324-9776-2675-d

EDN BJSJRED

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

In the context of globalization and social transformations, strengthening the consciousness of the Chinese national community among students is of strategic importance for consolidating society and preserving cultural identity in China. The concept of a national community implies the unity of a multinational people, a common historical destiny and values, which makes it the core of ideological and political education in universities. The role of college counselors goes beyond administrative support, turning into spiritual guidance and the formation of patriotic beliefs among young people. However, traditional methods are losing effectiveness among the «digital generation», requiring innovation. The purpose of the study is to analyze the role of consultants in fostering national consciousness and to develop ways to optimize their work to improve the quality of higher education and social stability. The methodological framework includes an integrated approach: analysis of government documents (the «Plan of Patriotic Education in the New Era»), scientific publications on pedagogy and psychology. The empirical base was formed by a survey of 1,200 students and 150 consultants from 10 universities, as well as 80 in-depth interviews. Statistical analysis (SPSS: frequency, correlation), thematic coding of qualitative data were used to identify problems and efficiency factors. The results show that students perceive consultants primarily as solvers of everyday problems, while the ideological function remains secondary due to administrative overload (200-300 students per student) and poor methodological training. The survey revealed a gap between the declared values of collectivism and the real attitudes of individualism, which reduces motivation. The interviews confirmed a lack of skills in interactive methods and digital tools. The discussion highlights the need for reforms: reducing workload, reorganizing qualifications with an emphasis on dialogue formats (projects, volunteerism), digitalization (social media) and interaction with parents. This will allow consultants to become catalysts for the formation of national consciousness, combining tradition with modernity, contributing to the consolidation of society and overcoming the challenges of globalization.

Keywords

Chinese national community, college consultants, educational work, ideological education, national identity.

Foundation Project: 2024 - Project for funding fundamental scientific research of provincial higher education institutions in Heilongjiang Province "Research on the Consciousness of the Chinese National Community in Border Universities" (2024-KYYWF"0919).

References

1. Bichkalyuk T.G. Literacy training program for gifted primary school students in China // Crimean Academic Bulletin. 2021. No. 20. P. 355-362.
2. Wang J. Education in the People's Republic of China at the present stage // Bulletin of Kyrgyzstan. 2022. No. 1-2. P. 77-83.
3. Wang C. Study of the cultural component in strengthening the consciousness of the Chinese nation's community and ways of implementation // Prospects of Science. 2024. No. 7 (178). P. 63-66.
4. Wang C. Study of ways to implement the ethnopolitical concept "strengthening the consciousness of the Chinese nation's community" in border universities in the new era // Reports of the Scientific Society. 2024. No. 5 (49). P. 42-47.
5. Verchenko A.L. Activities of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries in receiving the Chinese pedagogical mission in 1933 // Problems of the Far East. 2024. No. 1. P. 166-176.
6. Liang W. "Education with common sense" in modern Chinese education // Questions of National and Federal Relations. 2023. Vol. 13. No. 7 (100). P. 3069-3073.
7. Mikhalev M.S. Representatives of the Russian national minority in the highest legislative authorities of the PRC // Power. 2024. Vol. 32. No. S4. P. 26-33.
8. Wu M. The problem of Chinese students studying in the USSR in the 1920s and 1930s // Historical Bulletin. 2022. Vol. 5. No. 6. P. 61-65.
9. Zhao C. Introduction to the problems encountered in the formation of dormitory culture in Chinese colleges and universities, and measures to address them // Cossacks. 2024. No. 74 (1). P. 89-97.
10. Zhu H., Yu L. Research on the integration of the Chinese national community consciousness into ideological and political education in border universities // Pedagogical Journal. 2023. Vol. 13. No. 5-1. P. 811-818.
11. Chong Yin. Presentation of the national youth base and methods of joint activities // Public Education. 2024. No. 4 (1507). P. 144-146.
12. Chen L. Choice of ways to cultivate cultural confidence among students of the new era // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2022. No. 2. P. 229-234.
13. Chen S. The influence of China's cultural and educational policy on the formation of national identity and ensuring cultural security // Security on the Caspian. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 62-74.
14. Yunsheng C. Study of national self-consciousness in Chinese ethnopsychology // Psychological Journal. 2024. Vol. 45. No. 4. P. 39-49.
15. Kun J. Analysis of ideological and political education of ethnic minority college students from the perspective of the Chinese national community // Questions of History. 2023. No. 6-1. pp. 268-279.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К вопросу о психолого-педагогической характеристике личности и поведения типичного школьного буллера

Алексей Андреевич Дмитриев

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры Логопедии и коммуникативных технологий
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
mail48_48@mail.ru
ORCID 0000-0002-3880-8094

Светлана Станиславовна Бетанова

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры Психологии
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Москва, Россия
SBetanova@synergy.ru
ORCID 0009-0005-0460-4092

Светлана Алексеевна Дмитриева

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры Психологи
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Москва, Россия
dmitrieva.72@mail.ru
ORCID 0000-0001-7231-0006

Поступила в редакцию 15.05.2025

Принята 02.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 37.014.2

DOI 10.25726/x2158-3308-3369-w

EDN PTSRAS

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Данная статья посвящена задаче сбора теоретических данных о личности и поведении организатора буллинга – подростка, учащегося школы, поскольку в современном российском обществе педагоги и психологи обращают внимание на увеличение количества случаев буллинга (bullying) среди детей и подростков. Составленный обобщенный портрет типичного школьного буллера позволит предупредить это антисоциальное явление. В представленных материалах предпринимается попытка представить наиболее характерные черты потенциального агрессора, зачинщика. Проведен анализ некоторых научных материалов, где представлены: диссертации, монографии, методические рекомендации, статьи. Материалы статьи могут быть полезны педагогам, психологам, студентам педагогических и психологических факультетов.

Ключевые слова

буллинг, агрессия, агрессор, зачинщик, подросток, жертва, нигилист, компенсатор, комбинатор, типичный.

Введение

Подростковая агрессия долгое время является предметом научных изысканий и споров ученого сообщества ввиду того, что агрессия – аспект, который влияет на множество сторон жизни индивида. Агрессивность может стать причиной разлада в семье, проблем с адаптацией ребенка в школе, ухудшения уровня психологического климата в организации, и, наконец, привести к проблемам с законом. Ученые ставят перед собой задачи выявления причин агрессивного поведения, основ его проявления как элемента личностных особенностей человека. Исследователи выяснили, что базис данного явления закладывается в самом раннем детстве, поэтому для родителей каждого ребенка крайне важно не упускать из виду поведение своих чад и вовремя принимать меры по его корректировке. Иначе впоследствии, в подростковом возрасте происходит т.н. «социальный вывих», имя которому буллинг, то есть травля одних учащихся (жертв) другими – зачинщиками, буллерами. Данное обстоятельство заставляет пристально взглянуть на личность такого агрессора с целью выявления его типичных черт и для создания превентивных и профилактических мер.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ научно-практической литературы.
2. Составить «портрет» типичного школьного буллера.
3. Подобрать и привести диагностический материал для исследования личности, чтобы

впоследствии провести эмпирическое исследование типичных черт среднестатистического буллера.

Материалы и методы исследования

Для написания статьи применялся метод теоретического анализа научных материалов отечественных и зарубежных авторов на исследуемую тему.

Результаты и обсуждение

Личностные черты школьника-агрессора (буллера) и проблемы буллинга в школе отражены в работах О.В. Чурсиновой и А.А. Ярошук (2021), С.Н. Ениколопова (2016); А.А. Бочавера и К.Д. Хломова (2018); Т.М. Жекулиной (2018); Н.В. Кухтова, С.М. Шингаева (2018); А.А. Реана (2019) и др. В работах дано следующее определение школьника-агрессора: «Буллер – лидер, активно проявляющий моральное и физическое давление в группе детей. Авторы раскрывают черты таких подростков: по как следует из работ исследователей, они обладают особыми повадками и полной уверенностью в том, что следует добиваться своего через подчинение, господствуя среди коллектива. Подростки-буллеры, как правило, не обладают эмпатией и не сочувствуют тем, кого психологически травмируют, упрочиваясь в своем лидерстве. Часто, но не всегда, – это физически развитые, выраженно возбудимые индивиды, проявляющие нездоровую импульсивность, неадекватную резкость высказываний, поступков, и, конечно, физическую и вербальную агрессию, цинизм и издевательские манеры. откровенно позируя в своем превосходстве, часто они могут быть обидчивыми напоказ.

Продолжая мысль об особенностях подросткового периода жизни, стоит выделить тот факт, что в это время идет половое созревание. Большая часть поведенческих особенностей подростка, формирующих его личностную составляющую, отталкиваются именно от этого. При этом у подростка-буллера наблюдается перегрузка еще неустоявшейся нервной системы, он зачастую зависит от социума – от тех, кто его окружает, поведения этих людей и примеров отношений, которые они демонстрируют. Влияние на поведение подростка часто оказывают обиды, нанесенные близкими: матерью, братьями, сестрами, физическое насилие со стороны старших взрослых.

По данным разных исследователей, буллеры сложно общаются как с отцом, так и с матерью. Зарубежные авторы (Olweus, 1992; Smith, 1994; Sullivan, 2000; Tattum, 1992; Sutton, 1999; Arseneault, 2018; Salmivalli, 2021), рассуждая об особенностях агрессии, опираются на следующие ее виды:

1. Негативизм. Фактически, к данному виду относится поведенческое противодействие оппоненту, оппозиция и несогласие со взглядами.
2. Косвенная агрессия. К ней относятся негативные проявления, которые, однако, не несут в себе физического насилия или оскорбления. Ее еще называют пассивной агрессией, которая подразумевает двусмысленность сказанного, злую шутку или иронию, сплетни и т.д.
3. Раздражение. Иными словами, изменение настроения человека в силу тех или иных обстоятельств, что выливается в грубое словесное поведение, вспыльчивость и злость.
4. Вербальная агрессия. Направлена на подавление воли оппонента и предупреждает его о возможном насилии или более серьезном действии.
5. Физическая агрессия. Непосредственно физическое воздействие на одного или нескольких индивидов, способное нанести вред или даже уничтожить.

Исследователь Ю.Б. Можгинский, рассматривая особенности агрессии, особое внимание уделил агрессии паталогической. Он разделил ее на трансформированную и психотическую. Исследователь писал: «Психотическая агрессия совершается под действием галлюцинаций и бреда и характеризуется нелепостью разрушительных поступков. Жестокое поведение при трансформированной агрессии первоначально адекватно сложившейся ситуации, но в какой-то момент трансформируется в агрессивно-патологические действия с признаками немотивированного садистского насилия». Кроме этого, Можгинский приводил пример подростковой агрессии и убийств, указывая на то, что данные негативные действия в 6% случаев совершались именно в виде трансформированности агрессии, являвшейся результатом негативного воздействия на самого подростка, в виде унижений, обид, стресса и т.д., поскольку ребенок попытается перенести обиду на других, более слабых, отыгрываясь за свои унижения.

В нашей стране недостаточно полно изучен портрет буллера. Наибольший вклад в это внесен, безусловно, западными авторами, поскольку в Европе и Америке это явление процветает давно, соответственно, и название такого социального отклонения заимствовано из английского языка: bullying переводится на русский язык как «запугивание», «издевательство», «травля». В зарубежных исследованиях также достаточно подробно и точно раскрыты предвестники формирования из школьного агрессора будущего диктатора в семье. Так, например, исследователь Д. Ольвеус (Ольвеус, 1993) перечисляет такие:

- насилие над этими детьми в семье – далее ребенок как бы переносит свои страдания на других и наслаждается их реакцией;
- унижения в детстве, отсутствие возможности ответить адекватно и попытка отомстить воображаемому насильнику;
- повышенная агрессивность в отношениях родных и близких, проявляющаяся даже в типично спокойных домашних ситуациях;
- авторитарность и навязчивый контроль родителей, их попытка заставить подростка принимать решения строго по их указке;
- переживание за других родных, невозможность защитить их и впоследствии своеобразное настроение отомстить похожим по личностным характеристикам людям;
- несправедливые и искаженные отношения, выборочно «любимчики» или «изгои» в семье;
- бедность, социальная ограниченность в достатке, трудности быта, материальные проблемы – возникают зачастую в неполных семьях;
- сиротство, асоциальные детерминанты.

Типичен для буллеров и постоянно высокий фон враждебности как результат высокой импульсивности и раздражительности. Многие из таких подростков не умеют оставаться терпимыми и не способны сдерживаться, становятся агрессивны вербально. В социальных условиях школы, класса они любят самоутверждаться и демонстрировать господство, добиваясь беспрекословного подчинения.

Одновременно с этим такие подростки обожают предстать перед обществом как носители какой-либо идеи главенствования с мечтой представлять собой пример «школьного короля/королевы».

Нахождение в центре даже порицающего внимания окружающих как бы подстегивает их на новые подвиги, заставляет привлекать сосредоточенность на их личности все более изощренными способами, эпатировать и пугать.

Известные и часты примеры случаев буллинга со стороны подростков, слабо успевающих в обучении, характеризующихся демонстративным и неконтролируемым поведением. Возможны отрицательные поступки и провокации подростков, испытывающих недовольство своей внешностью, страдающих проявлениями вредных зависимостей – курением, пищевой, алкогольной, наркозависимостью. Такое направление как буллинг в их поведении можно рассматривать как попытку компенсировать проблемы внешности, переключить окружающих на других, отвлечь от себя критику.

Б. Крэйхи отметила в своем исследовании не последнюю роль в росте агрессии у населения у масс-медиа. Обыденностью стало насилие, которое буквально льются на людей из любого экрана. Нетрудно предугадать, что данные сцены насилия и жестокости противопоставлены впечатлительным и раздраженным людям, и уж тем более детям. Однако производители медиапродуктов все чаще желают видеть больше прибыли от зрелища, отодвигая на второй план здравый смысл, говорящий об ограждении населения от подобных картин.

Причиной проявления агрессии может быть даже воздействие окружающей среды – негативные изменения погоды, температуры, влажности могут спровоцировать раздражение и негативное поведение. Однако исследователь Р. Бэрон отмечал, что, если человеку чуждо проявление агрессии, дискомфортные условия вызовут у него лишь падение настроения и усталость (Бэрон, 2014).

Л. Берковиц, в свою очередь, писал о стимуляторах агрессии следующее: «Чаще всего агрессия вызывается словами и поступками, то есть имеет социальный контекст. Отрицательные эмоции, вызываемые оскорблением или помехой, ведут к агрессивным намерениям. Чем выше уровень фрустрации, то есть переживания неудачи, обиды, чем неожиданнее эта помеха, тем сильнее агрессия пострадавшего».

Особым типов катализаторов агрессии являются различные проявления провокации индивида. Это могут быть публичные унижения, необоснованные унижения, насмешки и издевки. Зачастую подобное поведение вызывает в человеке жажду мести, стремление ответить агрессией и защитить, таким образом, свое достоинство, особенно когда оскорбление было нанесено публично.

Таким образом, основными мотивами буллинга являются потребность во власти, удовлетворение от причинения вреда другим и психологическое вознаграждение – внимание окружающих.

Причинами формирования личности буллера являются социальные и психологические явления. Известно, что развитие личности индивида напрямую связано с особенностями его возраста. Если рассматривать подростковый период становления личности, то необходимо сразу обратить внимание на тот факт, что этот период жизни любого человека – крайне трудный, так как подростки уже далеко не покладистые младшие школьники, но все еще не устоявшиеся в психологическом плане взрослые. Психика подростков претерпевает значительные изменения, она зависит от перемен в образе жизни, росте нагрузки и ответственности, переходе на новый уровень взаимоотношений со сверстниками. Возникают различные противоречия между тем, что хочется, и тем, что разрешено. Подростковый период – этап формирования фундамента личности человека, в том числе и его психологической устойчивости, которая образуется в плоскости морально-нравственных устоев; формирования мотивации к развитию и получению знаний, чувства ответственности. Все эти ключевые аспекты не появляются просто так – для этого подростка должны окружать определенные условия, такие как работа педагогов и родителей, полноценное взаимодействие со сверстниками, поддержание психологическо-физиологического здоровья.

К социальным факторам также относятся и гендерные стереотипы. Вопрос влияния на проявление агрессии разных аспектов, является одним из ключевых в поиске ответов на вопросы первопричин данного явления. Агрессия проявляется ввиду складывающихся обстоятельств, личностных особенностей людей, психологического климата внутри малой группы людей и прочих

факторов. Важным также является вопрос влияния гендерной принадлежности на агрессивность в поведении человека.

К примеру, ученые Д. Ричардсон и Р. Бэрн указывали на то, что мужчины чаще, чем женщины склонны именно к контактной агрессии, ввиду того что они сильнее и могут себе позволить показать свою силу тогда, когда конфликт перешел в фазу физического противостояния (Бэрн, 2014). При этом, по мнению исследователей, мужчины, в отличие от женщин, чаще совершают акты агрессии именно в результате провокации и реже – в ее отсутствие. Продолжая свою мысль, авторы также отметили разницу в ощущениях у индивидов после проявления агрессии. Они указали на то, что мужчины реже переживают и тревожатся из-за ее проявления, в то время как женщины тревожатся больше, не уверены в своих силах, сомневаются в необходимости проявления подобных шагов в целом. Для женщин агрессия – способ выплескивания накопившегося негатива, для мужчин агрессия – инструмент достижения определенных целей.

Б. Крэйхи также указывал, что женщины применяют косвенную агрессию, в отличие от мужчин, предпочитающих прямую форму. Крэйхи упомянул исследование детей-подростков, в котором рассматривалось агрессивное поведение. Исследование показало, что мальчики чаще агрессивны физически, толкаются и дерутся. У девочек же более распространены обиды, сплетни, ссоры и демонстративная обидчивость (Крэйхи, 2003). Д. Ричардсон и Р. Бэрн по этому поводу писали: «Таким образом, мужчины и женщины действительно отличаются друг от друга относительно агрессии, причем мужчины, как правило, более склонны к подобному поведению, нежели женщины. Однако величина разрыва сильно колеблется в зависимости от обстановки и других факторов, а также от формы агрессии».

Отмечены исследователями различия и в более раннем возрасте. Так, дошкольники мальчики склонны проявлять в целом больше агрессии в выяснении отношений, чем девочки. Тенденция с возрастом не меняется. Подобные особенности выявлены и у лиц студенческого возраста, среди взрослых случаи с жестоким обращением с детьми также чаще отмечены за мужчинами, чем за женщинами.

Исследования, доказывающие эту тенденцию, имеются и у П.А. Ковалева, а также у П. Пирс: при наблюдении за детьми, которые в игровом процессе моделировали семейные взаимоотношения, было отмечено, что девочки проявляют агрессию символически, а мальчики чаще стремятся нанести физический урон. К. Бьерквист в своих исследованиях отмечал, что разница в проявлении агрессии у мужчин и женщин заключается в физических различиях. В частности, автор отмечает, что ввиду отсутствия возможности нанести силой урон противнику, женщина не выбирает этот тип решения конфликта. Однако тут же возникает вопрос о применении женщиной силы в адрес такой же, как она слабой женщины. В то же время Э. Игли видела разницу не в физических особенностях, а в самой сути мужского и женского начал. Женщины более кротки и нежны, чем мужчины, а ввиду этого им сложнее в принципе показывать себя с позиции силы и причинения физического вреда.

Л.М. Семенюк было проведено исследование, касающееся гендерных различий проявления агрессии у мальчиков и девочек в зависимости от их возраста. Исследование показало интересные тенденции развития агрессивного поведения. В частности, отмечено, что у мальчиков с возрастом снижается проявление физической агрессии, а у девочек, наоборот, возрастает (Семенюк, 1996).

Другая исследовательница вопроса влияния внешних факторов на гендерные особенности проявления агрессии, Ж.Ю. Дреева, отметила важность внешних раздражителей в виде современных технологий. Она писала, что современные развлечения компьютерными играми, вызывая большой интерес у мальчиков, в то же время вызывают у них больше агрессивности и раздражительности в повседневном поведении, чем у девочек. Особенно это касается игр с элементами насилия. Закономерное объяснение большей тяги мальчиков к подобному времяпровождению кроется в заложенном природой желании соперничества, состязания и противостояния с другими, что принуждает мужской пол соревноваться с другими индивидами и стремиться побеждать (Дреева, 2000).

Гендерный фактор проявления агрессии, по мнению ученых, указывает на несостоятельность идей о том, что агрессия – это всего лишь выплескивание накопившихся эмоций во время конфликта,

что должно способствовать разрядке и сохранению здоровья. К примеру, Д. Хокансон, проводя исследования в данной области, писал: «Выявилось, что у мужчин при агрессивном реагировании эмоциональное возбуждение, о котором судили по физиологическим сдвигам, уменьшалось быстрее, чем при дружеском реагировании. При невозможности проявления прямой агрессии при сильном гневе, то есть при фантазировании агрессивного ответного действия или проявление различных форм агрессивного поведения, артериальное давление оставалось высоким, что свидетельствовало о сохранении эмоционального напряжения» (Хокансон, 1970). Но в то же самое время, у женщин картина оказалась противоположной. Для них сохранение дружественной атмосферы, наоборот, снижало физическое и эмоциональное напряжение, чем переход к агрессии и конфликту. Это можно объяснить концепцией, согласно которой для мужчин, в отличие от женщин, конфликт и агрессия все же способ достижения цели, причем агрессия сама по себе – способ решения вопроса и устранения конфликтной ситуации.

Немаловажным является также вопрос о том, как люди относятся в целом к агрессии на основании своей гендерной принадлежности. Исследователи Д. Ричардсон и Р. Бэрн заметили, что у женщин доминирование, проявление силы и агрессии в поведении у их партнера мужчины вызывает положительные эмоции (Бэрн, 2014). На научном уровне данный факт объясняется заложенной в мужчин природой демонстрацией своей силы как показателя своей способности защищать свою семью и заводить детей.

Заключение

В целом, типичный социально-психологический портрет подростка-буллера может быть представлен как личность с чертами:

- а) агрессивного поведения
- б) цинизма, порой нескрываемого презрения
- в) насмешек, издевок над окружающими, привычки постоянно задевать и провоцировать людей, задевая их внешность, привязанности, чувства
- г) желания эпатировать, постоянной тревожности по поводу мнения о себе, противоречия с оценкой ими окружающих
- д) привычки компенсировать свои провалы и ошибки неудачами других, с попытками отвлечь от себя внимание
- е) мстительности, обидчивости, мелочности
- ж) вынашивать планы создания кому-то более слабому, чем он, условий для зависимости и возможности издевательств
- з) жестокости, садизма, бесчувственности, что грозит новыми жертвами.

Педагогические аспекты работы с потенциальными буллерами должны способствовать возможности раннего выявления учеников-агрессоров в школьной среде. Диагностика должна подразумевать исследование психологических особенностей таких детей и дополнительно включать методики на определение уровня агрессивности Басса-Дарки, определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел). Для проведения эффективной коррекционной работы необходимо изучение особенностей взаимоотношений в семье детей, попадающих в группу риска по буллингу (оценка стиля родительского воспитания, опросник «Измерение родительских установок и реакций»).

Необходимым, на наш взгляд, является и оценка психологического климата педагогического коллектива, а также оценка стиля педагогического общения учителя, наиболее важно это для начальной школы (методики «Стиль педагогического общения учителей» (Р.В. Овчаровой), методика «Диагностика стиля педагогического общения» (по Н.П. Фетискину)).

Ряд исследователей предлагают применять следующие методы:

- метод незаконченных предложений (С. Леви);
- анкета для изучения психологического климата в классе (Л.Г. Федоренко).

Часть авторов-практиков предлагают комплексную диагностику, исходя из возрастных особенностей учащихся, которая включает:

1) Диагностики межличностных отношений и психологической безопасности образовательной среды, начальная школа (2-4 классы):

- социометрия (Дж. Морено) – выявление лидеров в разных областях деятельности обучающихся начальной школы;
- микропрактикум «Мой класс» – выявление социально-психологической позиции ребёнка в классном коллективе.

2) Диагностики межличностных отношений и психологической безопасности образовательной среды, 5-11 классы, а именно:

- социометрия (Дж. Морено);
- шкала (индекс) групповой сплоченности Сисора-Ханина – определение степени сплоченности класса;
- методика оценки психологической атмосферы в группе Фидлера-Ханина;
- методика оценки психологического климата группы Л.Н. Лутошкина – изучение благоприятности/ неблагоприятности ученического коллектива;
- методика «Круги» Н.Е. Щурковой – определение комфортности в школе;
- опросник атмосферы в школе (Опросник риска буллинга (ОРБ) А.А. Бочавер – диагностика риска буллинга среди подростков;
- методика «Наш класс» («Буллинг-структура») Норкиной Е.Г. – определение ролей и позиций, занимаемых подростками в буллинге;
- методика Д. Олвеуса «Буллинг» – выявление распространенности и специфики буллинга в образовательной среде. Измеряет два отдельных аспекта: проявления буллинга и подверженность ему.
- применение комплекса методик по исследованию состояния нравственных качеств, как один из критериев психологической готовности к противостоянию буллингу, предлагают исследователи С.С. Бетанова, А.А. Дмитриев, С.А. Дмитриева (Бетанова, 2020; Дмитриев, 2022; Дмитриева, 2013).

Список литературы

1. Белевич А.А., Малыгина М.П. Буллинг в школе: как распознать и противодействовать // Директор школы. 2021. № 5. С. 95-101.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии. Пер. А. Боричева, Л. Царука, Л. Ордановской. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 510 с.
3. Бетанова С.С., Сухова А.А. Предметно-развивающая среда в дошкольном образовании // StudNet. 2020. Т. 3. № 3. С. 230-239.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. 2-е изд. СПб.: Питер. Серия «Мастера психологии», 2014. 377 с.
5. Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 5. С. 16-21.
6. Волчецкая Т.С. Современные формы насилия в молодежной среде: степень распространения и меры профилактики // Российский юридический журнал. 2021. № 5(140). С. 72-79.
7. Вторушина Ю.С. Буллинг как особый вид конфликта в детской и подростковой среде // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2022. № 4(42). С. 90-97.
8. Гапонов А.В., Скорченко Ю. А. Моббинг, буллинг: причины, проявления, последствия // Психология человека и общества. 2022. № 5(46). С. 18-26.
9. Гришина Т.Г. Социально-психологические факторы ролевого поведения подростков в ситуации буллинга: дисс. ... канд. псих. наук. Мытищи, 2020. 208 с.

10. Дмитриев, А.А., Дмитриева С.А., и др. Анализ зарубежных исследований о развитии коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра // Специальное образование. 2022. № 3(67). С. 6-15.
11. Дмитриева С.А. Изучение психологических симптомокомплексов у детей-сирот с задержкой психического развития в процессе оценки их эмоциональной компетентности // Специальное образование. 2013. № 3. С. 42-48.
12. Драганова О.А., Пономарева Я.В., Давыдова Т.Н. Методические рекомендации по предотвращению буллинга в школьных коллективах (для классных руководителей). Липецк: Г(О)БУ Центр «Семья», 2022. 69 с.
13. Дреева Ж.Ю. Роль компьютерных игр в формировании агрессивности личности // Психология XXI века: Тезисы международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 16-17.
14. Евенко С.Л., Бетьанова С.С. Исследование значимости факторов профессиональной среды психологов, работающих с детьми-инвалидами // Человеческий капитал. 2019. № S12-2(132). С. 477-485.
15. Ерина И.А. Буллинг и пути его профилактики в образовательной практике // МНКО. 2021. №1(86). 78 с.
16. Кленова М. А. Методическое пособие для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2022. 112 с.
17. Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. Пер. с англ. А. Лисицыной. СПб.: Питер, 2003. 333 с.
18. Кульбацкая Е. Р. Интернет-буллинг: сущность и формы проявления в подростковой среде // Трибуна ученого. 2022. № 6. С. 473-478.
19. Лейн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. Под ред. Д. Лейна, Э. Миллера. СПб.: Питер, 2001. С. 240-274.
20. Мурашкин В.К. Характеристика личности старшеклассников – участников буллинга // Молодой ученый. 2024. № 1(500). С. 124-125.
21. Ольвеус Д. Издевательства в школе: что мы знаем и что мы можем сделать. Малден: Изд-во «Блэквелл», 1993. С. 140
22. Организационная работа школы со случаями ученического буллинга и кибербуллинга: экспертный семинар // Мат. семинара «Организационная работа школы со случаями ученического буллинга и кибербуллинга». 28 сентября, 2022 г., Москва). М.: Федеральный институт развития образования (ФИРО) РАНХиГС. 2022. 99 с.
23. Реан А.А. и Профилактика буллинга и кибербуллинга: программы противодействия травле // Альманах Института коррекционной педагогики. 2022. № 48.
24. Реан А.А. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта. Под ред А.А. Реана. СПб.: Изд.-полиграфическая компания «Коста», 2021. 296 с.
25. Романов А.А. Сущность буллинга как социально-правового явления // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 98-106.
26. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.; Воронеж: Институт практической психологии; НПО «МОДЭК», 1996. 96 с.
27. Сидорова Т., Петраш Е. Буллинг в школе: кто виноват и что делать? // Воспитание школьников. 2022. № 3. С. 3-12.
28. Хокансон Д.Э., Мегарджи Э.И. Динамика агрессии: индивидуальный, групповой и международный анализ. Нью-Йорк: Harper & Row, 1970.

On the issue of the psychological and pedagogical characteristics of the personality and behavior of a typical school buller

Alexey A. Dmitriev

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Speech Therapy and Communication Technologies
Perm State Humanitarian and Pedagogical University
Perm, Russia
mail48_48@mail.ru
ORCID 0000-0002-3880-8094

Svetlana S. Betanova

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology
Moscow University of Finance and Industry «Synergy»
Moscow, Russia
SBetanova@synergy.ru
ORCID 0009-0005-0460-4092

Svetlana A. Dmitrieva

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Psychology
Moscow University of Finance and Industry «Synergy»
Moscow, Russia
dmitrieva.72@mail.ru
ORCID 0000-0001-7231-0006

Received 15.05.2025

Accepted 02.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 37.014.2

DOI 10.25726/x2158-3308-3369-w

EDN PTSRAS

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

This article is devoted to the task of collecting theoretical data on the personality and behavior of the organizer of bullying – a teenager, a school student, since in modern Russian society teachers and psychologists pay attention to the increase in the number of bullying cases among children and adolescents. A generalized portrait of a typical school bully will help prevent this antisocial phenomenon. The presented materials attempt to present the most characteristic features of a potential aggressor, the instigator. The analysis of some scientific materials is carried out, which presents: dissertations, monographs, methodological recommendations, articles. The materials of the article can be useful for teachers, psychologists, students of pedagogical and psychological faculties.

Keywords

bullying, aggression, aggressor, instigator, teenager, victim, nihilist, compensator, combinator, typical.

References

1. Belevich A.A., Malygina M.P. Bullying at school: how to recognize and counteract // The headmaster of the school. 2021. № 5. pp. 95-101.
2. Berkowitz L. Aggression: Causes, Consequences, and Control: The world's best textbook on the psychology of aggression. Trans. by A. Boricheva, L. Tsaruka, L. Ordanovskaya. SPb.: Prime-Euroznak, 2007. 510 p.
3. Betanova S.S., Sukhova A.A. The subject-developing environment in preschool education // StudNet. 2020. Vol. 3. № 3. pp. 230-239.
4. Baron R., Richardson D. Aggression. 2nd ed. SPb.: Peter. The series «Masters of psychology», 2014. 377 p.
5. Volchetskaya T.S. Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and abroad // All-Russian journal of criminology. 2021. № 5. pp. 16-21.
6. Volchetskaya T.S. Modern forms of violence among young people: the extent of its spread and preventive measures // Russian law journal. 2021. № 5(140). pp. 72-79.
7. Vtorushina Yu.S. Bullying as a special type of conflict in children and adolescents // Katanov Moscow State University bulletin. 2022. № 4(42). pp. 90-97.
8. Gaponov A.V., Skorchenko Yu.A. Mobbing, bullying: causes, manifestations, consequences // Psychology of man and society. 2022. No. 5(46). pp. 18-26.
9. Grishina T.G. Socio-psychological factors of adolescent role behavior in bullying situations: diss. ... cand. psych. scien. Mytishchi, 2020. 208 p.
10. Dmitriev, A.A., Dmitrieva S.A., and others. Analysis of foreign studies on the development of communication skills in children with autism spectrum disorders // Special education. 2022. № 3(67). pp. 6-15.
11. Dmitrieva S.A. The study of psychological symptom complexes in orphaned children with mental retardation in the process of assessing their emotional competence // Special education. 2013. № 3. pp. 42-48.
12. Draganova O.A., Ponomareva Ya.V., Davydova T.N. Methodological recommendations for the prevention of bullying in school groups (for classroom teachers). Lipetsk: G(O)BU Center «Family», 2022. 69 p.
13. Dreeva Zh.Yu. The role of computer games in the formation of personality aggressiveness // Psychology of the 21st century: Abstracts of the international interuniversity scientific and practical student conference. SPb.: St. Petersburg State University Publishing House, 2000. pp. 16-17.
14. Evenko S.L., Betyanova S.S. Investigation of the importance of factors of the professional environment of psychologists working with children-people with disabilities // Human capital. 2019. № S12-2(132). pp. 477-485.
15. Erin I.A. Bullying and ways of its prevention in educational practice // MNKO. 2021. № 1(86). 78 p.
16. Klenova M. A. Methodological guide for employees of educational institutions of higher education in charge of educational work with young people on the prevention of bullying among students. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2022. 112 p.
17. Krakhi B. Social psychology of aggression. Trans. by Eng. A. Lisitsyna. SPb.: Peter, 2003. 333 p.
18. Kulbatskaya E. R. Internet bullying: the essence and forms of manifestation in the adolescent environment // Tribune of the scientist. 2022. № 6. pp. 473-478.
19. Lane D.A. School bullying // Child and adolescent psychotherapy. Eds. by D. Lane, E. Miller. SPb.: Peter, 2001. pp. 240-274.
20. Murashkin V.K. Personality characteristics of high school students participating in bullying // Young scientist. 2024. № 1(500). pp. 124-125.
21. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden: Blackwell Publishing House, 1993. p. 140
22. Organizational work of the school with cases of student bullying and cyberbullying: an expert seminar // Mat. of the seminar «Organizational work of the school with cases of student bullying and

cyberbullying». September 28, 2022, Moscow). M.: Federal Institute for Educational Development (FIRO) RANHiGS. 2022. 99 p

23. Rean A.A. and Prevention of bullying and cyberbullying: anti-bullying programs // Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy. 2022. № 48.

24. Rean A.A. Prevention of aggression and destructive behavior of youth: an analysis of world experience. Ed. by A.A. Rean. SPb.: Publishing house «Costa», 2021. 296 p.

25. Romanov A.A. The essence of bullying as a socio-legal phenomenon // Issues of Russian and international law. 2021. Vol. 11. № 1A. pp. 98-106.

26. Semenyuk L.M. Psychological features of aggressive behavior of adolescents and conditions for its correction. Ed. by D.I. Feldstein. M.; Voronezh: Institute of Practical Psychology; NPO MODEK, 1996. 96 p.

27. Sidorova T., Petrash E. Bullying at school: who is to blame and what to do? // Education of schoolchildren. 2022. № 3. pp. 3-12.

28. Hokanson D.E., Megardzhi E.I. Dynamics of aggression: individual, group and international analysis. NY: Harper & Row, 1970.

Варианты преобразования системы дизайн-образования в условиях реформирования высшего образования

Галина Анатольевна Кувшинова

Кандидат педагогических наук, доцент

Национальный институт дизайна

Москва, Россия

galina-kuvshinova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2446-2168

Поступила 02.06.2025

Принята 19.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 378.147.21

DOI 10.25726/z5787-9966-7218-q

EDN DLFGAL

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Современный этап реформирования высшего образования в России, обусловленный глобальными тенденциями и внутренними социально-экономическими императивами, ставит перед академическим сообществом сложные задачи по адаптации систем подготовки специалистов, включая дизайнеров. Дизайн эволюционировал от художественной деятельности к инструменту решения междисциплинарных проблем на стыке технологий, бизнеса и культуры. Ускоренная цифровизация, смена технологических укладов и рост креативных индустрий предъявляют к выпускникам-дизайнерам новые требования, которые часто не отражены в существующих образовательных стандартах и программах. Обнаруживается разрыв между консервативными академическими подходами, ориентированными на фундаментальную художественную подготовку, и динамичными запросами рынка труда. Это актуализирует необходимость научного обоснования моделей модернизации дизайн-образования, с учетом перехода на новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), предоставляющие вузам автономию, но требующие четкого определения компетенций. Исследование направлено на анализ вариантов преобразования системы дизайн-образования для повышения конкурентоспособности выпускников и отечественной креативной экономики в целом. Методологическая основа исследования комплексна и междисциплинарна, сочетает теоретические и эмпирические подходы. Проведен анализ научных публикаций, нормативно-правовой базы (ФГОС ВО 3++) и сравнение более 40 образовательных программ ведущих российских и зарубежных вузов для выявления тенденций. Эмпирическая часть включает социологический опрос трех групп: студентов (n=245), преподавателей (n=85) и работодателей (n=112) с использованием стандартизированной анкеты для оценки компетенций и форматов обучения. Данные обработаны методами математической статистики (описательная статистика, корреляционный и факторный анализ). Дополнительно проведено 15 глубинных интервью с экспертами для качественного анализа. Результаты выявили системный разрыв в приоритетах: работодатели высоко оценивают практические навыки (UX/UI, управление проектами, командная работа) с дельтой до 3,93 балла по сравнению с преподавателями, недооценивающими их в пользу классических художественных дисциплин. Студенты демонстрируют наибольшую удовлетворенность (до 89,2%) форматами, приближенными к реальной практике: стажировки, междисциплинарные проекты, работа с заказчиками. Предложенная проектно-ориентированная модель предполагает перераспределение учебного времени: сокращение лекций с 38,5% до 15,5% в пользу проектной работы (до 54,2%). Корреляционный анализ показал сильную связь

(r до 0.891) между элементами этой модели (стажировки, групповые проекты) и уровнем трудоустройства выпускников в течение 6 месяцев. Обсуждение результатов подчеркивает, что трансформация от знаниевой к деятельностной парадигме необходима для преодоления разрыва и повышения востребованности специалистов. Вызовы включают партнерства с индустрией, переподготовку кадров и административную гибкость. В итоге, успешная модернизация требует обновления стандартов, создания экосистем с компаниями и программ повышения квалификации преподавателей, способствуя формированию проактивных дизайнеров для инновационной экономики.

Ключевые слова

дизайн-образование, реформирование, компетенции, проектный подход, трудоустройство.

Введение

Современный этап реформирования высшего образования в России, обусловленный как глобальными тенденциями, так и внутренними социально-экономическими императивами, ставит перед академическим сообществом сложные и многогранные задачи. В этом контексте система подготовки дизайнеров оказывается в эпицентре трансформационных процессов. Дизайн, перестав быть сугубо художественной или ремесленной деятельностью, превратился в мощный инструмент решения комплексных проблем на стыке технологии, бизнеса, социологии и культуры. Ускоренная цифровизация экономики, смена технологических укладов, а также рост значимости креативных индустрий предъявляют к выпускникам-дизайнерам принципиально новые требования, которые зачастую не находят адекватного отражения в действующих образовательных стандартах и учебных программах (Кувшинова, 2023). Разрыв между академической средой, нередко тяготеющей к консервативным подходам и фундаментальной подготовке в области искусства, и динамично меняющимися запросами реального сектора экономики становится все более ощутимым, что актуализирует поиск и научное обоснование эффективных моделей модернизации дизайн-образования.

Проблема усугубляется необходимостью перехода на новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), которые, с одной стороны, предоставляют вузам большую автономию в формировании образовательных траекторий, а с другой – требуют четкого определения универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, релевантных будущей деятельности выпускника. Для дизайн-образования это означает необходимость кардинального пересмотра не только содержания дисциплин, но и самих форматов учебного процесса. Традиционная лекционно-семинарская система, ориентированная на передачу знаний, оказывается недостаточно эффективной для формирования практических навыков проектной работы, командного взаимодействия, коммуникации с заказчиком и управления сложными проектами (Нафиев, 2023). Возникает острая потребность в разработке и внедрении таких образовательных моделей, которые бы обеспечивали тесную интеграцию с индустрией, способствовали развитию междисциплинарности и формировали у студентов так называемые «гибкие навыки» (soft skills), критически важные для успешной карьеры в современной дизайн-среде.

Таким образом, исследование вариантов преобразования системы дизайн-образования является не просто теоретической задачей, а насущной практической необходимостью, от решения которой зависит конкурентоспособность как отдельных выпускников, так и всей отечественной креативной экономики в целом.

Материалы и методы исследования

Методологическая база данного исследования носит комплексный, междисциплинарный характер и опирается на сочетание теоретических и эмпирических подходов. Теоретический анализ включал в себя изучение и систематизацию широкого круга научных публикаций, посвященных проблемам реформирования высшего образования, педагогике дизайна, развитию креативных индустрий и компетентностному подходу (Заева-Бурдонская, 2024). Особое внимание было уделено анализу нормативно-правовой базы, в частности, федеральных государственных образовательных

стандартов высшего образования (ФГОС ВО 3++ и перспективных моделей) по направлениям подготовки в области дизайна. Был проведен сравнительный анализ учебных планов и образовательных программ ведущих российских и зарубежных университетов (более 40 программ), что позволило выявить ключевые тенденции и наиболее успешные практики в организации учебного процесса. Этот этап позволил сформулировать основные гипотезы исследования, касающиеся эффективности проектно-ориентированных, модульных и междисциплинарных моделей обучения в контексте подготовки современных дизайнеров (Шокорова, 2022).

Эмпирическая часть исследования была построена на сборе и анализе количественных и качественных данных. Был проведен социологический опрос с использованием стандартизированной анкеты, в котором приняли участие три целевые группы: студенты старших курсов направлений «Дизайн» и «Графический дизайн» (n=245), преподаватели профильных кафедр российских вузов (n=85) и представители работодателей – руководители дизайн-студий, арт-директора и HR-специалисты компаний, активно нанимающих дизайнеров (n=112). Анкета была направлена на оценку значимости различных компетенций, удовлетворенности качеством образования и выявление наиболее востребованных образовательных форматов. Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики, включая описательную статистику, корреляционный анализ (с использованием коэффициента Пирсона) и факторный анализ для выявления скрытых структур в массиве данных (Амелина, 2024). Кроме того, было проведено 15 глубинных полуструктурированных интервью с экспертами (ведущими практиками и теоретиками дизайна, руководителями образовательных программ), что позволило получить качественные оценки и глубокое понимание проблематики, недоступное при массовом опросе (Колышев, 2023). Комплексное применение данных методов обеспечило верификацию и взаимное дополнение результатов, что повысило общую валидность исследования.

Результаты и обсуждение

Анализ текущей ситуации в сфере дизайн-образования выявляет системный разрыв между компетенциями, формируемыми в рамках традиционных академических программ, и реальными требованиями современной креативной индустрии. Работодатели все чаще указывают на нехватку у молодых специалистов не столько базовых художественных навыков, сколько умений работать в команде, управлять проектами, понимать бизнес-процессы и эффективно использовать новейшие цифровые инструменты, особенно в таких быстрорастущих областях, как UX/UI дизайн, моушн-дизайн и продуктовый дизайн. В то же время образовательные программы, перегруженные фундаментальными художественными дисциплинами, зачастую отводят недостаточно времени на развитие практических (Кувшинова, 2023) и междисциплинарных навыков, что приводит к долгой и сложной адаптации выпускников на первом рабочем месте.

Данное исследование ставит целью количественно оценить этот разрыв, а также проанализировать эффективность различных инновационных образовательных моделей, способных его сократить. Для этого был проведен сравнительный анализ оценок значимости ключевых компетенций, полученных от представителей академической среды и потенциальных работодателей. Результаты этого сравнения, представляющие собой средний балл по 10-балльной шкале, где 1 – «совсем не важно», а 10 – «критически важно», позволяют наглядно продемонстрировать разницу в приоритетах двух сторон образовательного процесса и рынка труда (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная оценка значимости компетенций по мнению работодателей и преподавателей (средний балл по 10-балльной шкале)

Компетенция	Оценка работодателей	Оценка преподавателей	Дельта
Креативное/концептуальное мышление	9,46	9,15	0.31
Владение профильным ПО (Adobe CC, Figma и др.)	9,78	8,21	1.57

Навыки командной работы и коммуникации	9,24	6,88	2.36
Управление проектами и тайм-менеджмент	8,91	6,13	2.78
Основы UX/UI и продуктового подхода	9,35	5,42	3.93
Понимание бизнес-процессов и маркетинга	8,12	4,95	3.17
Навыки презентации и защиты проекта	8,87	7,05	1.82
Академический рисунок и живопись	5,63	8,94	-3.31

Анализ данных, представленных в таблице 1, выявляет существенные расхождения в оценках приоритетности компетенций. Наибольший разрыв (дельта > 2.0) наблюдается по практико-ориентированным и междисциплинарным навыкам. Так, значимость основ UX/UI и продуктового подхода оценена работодателями на 9,35 балла, в то время как преподавателями – лишь на 5,42 балла, что формирует колоссальную дельту в 3.93 балла. Аналогичная картина прослеживается в отношении управления проектами (дельта 2.78) и навыков командной работы (дельта 2.36). Эти данные математически подтверждают гипотезу о том, что академическая среда недооценивает важность «гибких» и управленческих навыков, а также узкоспециализированных цифровых компетенций, критически важных для современной индустрии. В то же время наблюдается обратная ситуация с классическими художественными дисциплинами: академический рисунок и живопись получили от преподавателей оценку 8,94, тогда как работодатели оценили их значимость всего в 5,63 балла (дельта -3.31).

Единственной компетенцией, где оценки практически совпадают, является «Креативное/концептуальное мышление» (дельта 0.31), что свидетельствует об общем понимании ее фундаментальной важности. Однако даже по такому, казалось бы, очевидному пункту, как владение профильным программным обеспечением, разрыв составляет 1,57 балла. Это может указывать на то, что преподаватели рассматривают ПО как инструмент, освоение которого может происходить и самостоятельно, в то время как для работодателей это базовое требование для входа в профессию. Данный дисбаланс приоритетов является ключевой проблемой, которую призваны решить новые образовательные модели. Необходимо перераспределение акцентов в учебных программах (Кувшинова, 2024) от классических дисциплин в сторону проектной, командной и междисциплинарной работы, что позволит сократить выявленные разрывы.

Для оценки эффективности различных путей трансформации образовательного процесса был проведен опрос студентов старших курсов об их удовлетворенности различными инновационными модулями и форматами обучения, внедряемыми в вузах. Студентам предлагалось оценить, насколько тот или иной формат способствовал развитию их профессиональных компетенций. Результаты, представленные в виде процента студентов, давших положительную оценку («удовлетворен» или «полностью удовлетворен»), демонстрируют динамику за последние три года (табл. 2).

Таблица 2. Эффективность внедрения различных образовательных модулей в учебные программы (оценка студентов, % удовлетворенных)

Образовательный модуль / формат	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Средний годовой прирост, п.п.
Производственная практика/стажировка в компаниях	71,4	78,9	89,2	8,90
Междисциплинарные проекты с другими факультетами	55,8	68,3	81,5	12,85
Участие в реальных проектах от внешних заказчиков	64,2	75,1	87,7	11,75
Мастер-классы и воркшопы от практикующих дизайнеров	82,5	84,1	85,3	1,40
Интеграция онлайн-курсов (Coursera, Skillbox и др.)	48,3	52,7	55,1	3,40

Проектные сессии и хакатоны	61,9	72,8	84,6	11,35
-----------------------------	------	------	------	-------

Данные таблицы 2 наглядно иллюстрируют, какие форматы обучения студенты считают наиболее эффективными для своего профессионального становления. Абсолютными лидерами по уровню удовлетворенности и динамике роста являются модули, максимально приближенные к реальной профессиональной деятельности. Удовлетворенность от производственных практик и стажировок достигла 89,2% в 2023 году, показав стабильный средний годовой прирост в 8,9 процентных пункта. Еще более впечатляющую динамику демонстрируют междисциплинарные проекты (прирост 12,85 п.п. в год) и участие в реальных проектах от заказчиков (прирост 11,75 п.п. в год). Это свидетельствует о том, что студенты остро ощущают потребность в решении комплексных задач (Амелина, 2023), требующих не только дизайнерских, но и смежных компетенций, а также в получении опыта работы с реальными ТЗ и дедлайнами.

Напротив, такие форматы, как мастер-классы от практиков и интеграция онлайн-курсов, показывают значительно меньшую динамику. Удовлетворенность мастер-классами изначально была высокой (82,5% в 2021 г.), но практически не растет (средний прирост всего 1,40 п.п.), что может говорить о достижении «потолка» эффективности данного формата, который носит скорее вдохновляющий, чем системно обучающий характер. Интеграция внешних онлайн-курсов (Павловская, 2025), несмотря на их популярность, получила самую низкую оценку удовлетворенности (55,1% в 2023 г.), что может быть связано с трудностями их органичного встраивания в основную образовательную программу и проблемами с мотивацией студентов. Таким образом, наиболее перспективным направлением трансформации является не точечное внедрение отдельных мероприятий, а системный переход к проектной и практико-ориентированной модели обучения.

Для более детального анализа структурных изменений, необходимых для такой трансформации, было проведено сравнение распределения учебного времени в рамках двух моделей бакалавриата: «традиционной», основанной на действующих программах большинства региональных вузов, и гипотетической «проектно-ориентированной», построенной на базе лучших практик и экспертных рекомендаций (табл. 3).

Таблица 3. Распределение учебного времени в программах бакалавриата по дизайну: традиционная и проектно-ориентированная модели (%)

Вид учебной деятельности	Традиционная модель, %	Проектно-ориентированная модель, %	Изменение, п.п.
Лекционные занятия (теория, история искусств и др.)	38,5	15,5	-23,0
Семинары и практические занятия (аудиторные)	27,2	18,8	-8,4
Самостоятельная работа над проектами (индивидуальная)	14,8	32,5	+17,7
Групповая работа над проектами (командная)	5,5	21,7	+16,2
Производственная практика и стажировки	9,0	11,5	+2,5
Междисциплинарные модули	5,0	0,0	-5,0
Итого	100,0	100,0	0,0

Анализ таблицы 3 демонстрирует кардинальное перераспределение учебной нагрузки при переходе к проектно-ориентированной модели. Доля пассивных форм обучения, таких как лекции, сокращается более чем вдвое – с 38,5% до 15,5%. Уменьшается и доля классических аудиторных практических занятий. Освободившиеся часы перераспределяются в пользу активных и интерактивных

форматов. Суммарная доля индивидуальной и групповой проектной работы в новой модели составляет 54,2% (32,5% + 21,7%), тогда как в традиционной она не превышала 20,3% (14,8% + 5,5%). Это означает, что более половины всего учебного времени студент посвящает созданию реальных или симулирующих реальность проектов, работая как самостоятельно, так и в команде.

Такое структурное изменение напрямую отвечает на запросы, выявленные в таблицах 1 и 2. Увеличение доли групповой работы (с 5,5% до 21,7%) направлено на развитие навыков командного взаимодействия и коммуникации, которые так высоко ценят работодатели. Резкий рост времени на самостоятельную проектную деятельность (Кувшинова, 2023) способствует формированию ответственности, тайм-менеджмента и навыков углубленного исследования, необходимых для решения сложных дизайнерских задач. Небольшое, но важное увеличение доли практик и стажировок (с 9,0% до 11,5%) усиливает связь с индустрией. Данная модель представляет собой не косметическое улучшение, а фундаментальный сдвиг всей образовательной парадигмы от «знаниевой» к «деятельностной».

Чтобы оценить прямой эффект предлагаемых изменений на карьерные перспективы выпускников, был проведен корреляционный анализ между интенсивностью использования элементов проектно-ориентированной модели в разных вузах (по данным анализа их программ и опроса студентов) и показателем трудоустройства их выпускников по специальности в течение 6 месяцев после окончания учебы. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. Корреляционный анализ между элементами проектно-ориентированной модели и уровнем трудоустройства выпускников в течение 6 месяцев (коэффициент корреляции Пирсона, r)

Элемент образовательной программы	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)
Доля часов на групповую проектную работу в учебном плане	0.784	<0.001
Количество обязательных стажировок в индустрии	0.891	<0.001
Число привлеченных практикующих экспертов к преподаванию	0.655	<0.01
Требование наличия цифрового портфолио к выпуску	0.812	<0.001
Интеграция междисциплинарных проектов	0.723	<0.001

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 4, служат мощным математическим подтверждением эффективности проектно-ориентированного подхода. Все рассмотренные элементы демонстрируют сильную или очень сильную положительную корреляцию с уровнем трудоустройства выпускников, причем все результаты являются статистически значимыми ($p < 0.01$). Наиболее сильная связь обнаружена между количеством обязательных стажировок и трудоустройством ($r = 0.891$). Это абсолютно логично, так как стажировки не только дают бесценный опыт, но и часто становятся прямым путем к первому рабочему месту. Очень высокий коэффициент корреляции также наблюдается для требования наличия цифрового портфолио ($r = 0.812$), что подчеркивает важность формирования у студентов навыков самопрезентации в современном формате (Колесник, 2022).

Доля часов на групповую проектную работу ($r = 0.784$) и интеграция междисциплинарных проектов ($r = 0.723$) также показывают очень сильную корреляцию, что доказывает: развитие «гибких навыков» и умения работать на стыке дисциплин напрямую влияет на востребованность выпускника на рынке труда. Несколько более слабая, но все еще сильная корреляция наблюдается для числа привлеченных практиков ($r = 0.655$). Это можно интерпретировать так: само по себе присутствие практиков важно, но еще важнее то, в каком формате они взаимодействуют со студентами. Их максимальная эффективность достигается, когда они выступают не просто лекторами, а кураторами реальных проектов и стажировок (Кувшинова, 2024). В целом, данные таблицы 4 неопровержимо свидетельствуют о том, что чем глубже образовательная программа интегрирует в себя элементы,

симулирующие реальную рабочую среду, тем выше шансы ее выпускников на успешное и быстрое трудоустройство.

Обобщая результаты, полученные из всех представленных таблиц, можно выстроить целостную картину трансформации дизайн-образования. Исходная проблема, количественно зафиксированная в таблице 1, заключается в ценностном и содержательном разрыве между академической средой и индустрией. Этот разрыв проявляется в недооценке вузами практических, командных и бизнес-ориентированных компетенций. Студенты, как показывает таблица 2, интуитивно или осознанно чувствуют этот недостаток и демонстрируют наивысшую удовлетворенность именно теми образовательными форматами (стажировки, реальные и междисциплинарные проекты), которые направлены на его преодоление. Таким образом, запрос на изменения формируется как со стороны рынка труда, так и со стороны самих обучающихся, создавая мощный стимул для реформ (Кувшинова, 2023).

Структурный ответ на этот двойной запрос представлен в виде проектно-ориентированной модели в таблице 3. Эта модель предлагает конкретный механизм перераспределения ресурсов учебного времени: радикальное сокращение пассивных лекционных форматов и перенос акцента на активную проектную деятельность в индивидуальном и, что особенно важно, командном режиме. Такая модель является не просто набором новых дисциплин, а изменением самой философии обучения – переходом от передачи информации к созданию среды для формирования компетенций через действие. Это фундаментальный сдвиг, требующий пересмотра роли преподавателя – от лектора к наставнику-фасилитатору.

Финальным аккордом исследования выступает таблица 4, которая замыкает логическую цепочку и доказывает состоятельность предложенной трансформации. Корреляционный анализ предоставляет математическое доказательство того, что элементы проектно-ориентированной модели не просто удовлетворяют запросы студентов и работодателей, но и напрямую влияют на конечный измеримый результат – успешность трудоустройства выпускников. Сильнейшие корреляции для стажировок, портфолио и групповой работы однозначно указывают на самые эффективные рычаги воздействия на образовательную программу. Следовательно, путь к модернизации дизайн-образования лежит через системную интеграцию этих элементов в ядро учебного процесса.

Эта трансформация, однако, сопряжена с серьезными вызовами. Она требует от вузов не только изменения учебных планов, но и развития прочных партнерских связей с индустрией, создания гибкой административной системы, способной поддерживать междисциплинарные проекты, и, что самое сложное, – переподготовки и мотивации преподавательского состава (Прищепа, 2022). Преподаватели должны обладать не только академическими знаниями, но и актуальным практическим опытом, а также владеть методиками проектного обучения и фасилитации групповой работы. Без решения этих кадровых и организационных задач любая реформа рискует остаться лишь на бумаге. Таким образом, успешное преобразование системы дизайн-образования – это комплексная задача, требующая согласованных усилий на всех уровнях: от федеральных стандартов до конкретной работы на кафедрах.

Заключение

Проведенное исследование позволило всесторонне проанализировать проблему модернизации системы отечественного дизайн-образования в условиях реформирования высшей школы. Было установлено, что ключевым барьером на пути к подготовке конкурентоспособных специалистов является значительный разрыв между содержанием и приоритетами традиционных академических программ и актуальными запросами динамично развивающейся креативной индустрии. Этот разрыв проявляется в недооценке вузами практико-ориентированных, цифровых, командных и управленческих компетенций, которые работодатели считают критически важными. Эмпирические данные подтвердили, что наиболее эффективным вектором трансформации является системный переход от знаниевой, лекционно-ориентированной парадигмы к деятельностной, проектно-ориентированной модели обучения. Эта модель предполагает кардинальное перераспределение учебного времени в пользу самостоятельной и групповой работы над реальными или симулирующими реальность проектами, а также глубокую

интеграцию с индустрией через стажировки, мастер-классы и привлечение практикующих экспертов в качестве кураторов.

Успешная реализация такой трансформации требует комплексного подхода и является не единовременным актом, а непрерывным процессом адаптации. Основными направлениями работы должны стать: обновление федеральных образовательных стандартов с целью предоставления вузам большей гибкости в формировании практико-ориентированных траекторий; создание на базе университетов прочных экосистем, включающих партнерские сети с компаниями-работодателями, дизайн-студиями и технологическими стартапами; разработка и внедрение программ повышения квалификации для преподавательского состава, направленных на освоение методик проектного обучения, фасилитации и менторства. Будущее дизайн-образования видится в его гибкости, междисциплинарности и способности готовить не просто исполнителей, а проактивных специалистов, способных решать сложные задачи на стыке творчества, технологий и бизнеса, тем самым внося весомый вклад в развитие инновационной экономики страны.

Список литературы

1. Амелина О.Ю. Актуализация содержания дизайн-образования в современном университете // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-1. С. 36-38.
2. Амелина О.Ю. Онтологический смысл непрерывного творческого развития обучающегося в современном образовательном пространстве // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2(103). С. 191-195.
3. Заева-Бурдонская Е.А. Профессиональное дизайн-образование на этапе становления. Британский опыт // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. № 2(242). С. 69-76.
4. Колесник Н.Б., Шокорова Л.В. Специфика проектного творчества в системе высшего дизайн-образования // Вестник педагогических наук. 2022. № 1. С. 205-208.
5. Колышев Ю.Б. Рисунок в архитектурном образовании: теоретико-понятийный аспект // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2023. № 3-4(92). С. 263-273.
6. Кувшинова Г.А. Дизайн-образование как особая педагогическая область // Сибирский педагогический журнал. 2023. № 3. С. 16-26.
7. Кувшинова Г.А. Научное обоснование дизайнерской деятельности и внедрение образовательных программ подготовки дизайнеров в 1960-1970-х гг. XX века // Образовательный вестник Сознание. 2023. Т. 25. № 11. С. 37-44.
8. Кувшинова Г.А. Перестройка системы высшего дизайн-образования на новые государственные ориентиры в 1970-1980 гг. XX века // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2023. № 6-2. С. 19-27.
9. Кувшинова Г.А. Перспективы развития системы дизайн-образования в России на современном этапе // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 6(102). С. 139-155.
10. Кувшинова Г.А. Развитие дизайн-образования в период распада СССР и поиск новых форм обучения дизайну в высшей школе в начале 2000-х гг // Искусство и образование. 2024. № 1(147). С. 216-225.
11. Кувшинова Г.А. Становление системы дизайн-образования в 1920-1950-е годы XX века // Kant. 2023. № 4(49). С. 338-343.
12. Нафиев Э.А., Муртазаева Э.М. Принципы формообразования в системе профессиональной подготовки студентов-дизайнеров // Январские педагогические чтения. 2023. № 9(21). С. 48-52.
13. Павловская Е.Э., Клименко В.А. Дискуссии о будущем дизайна и дизайн-образования // Электронный журнал «Архитектон: известия вузов». 2025. № 2(90).
14. Прищепа А.А., Буровкина Л.А. Дизайн-образование как формирование мировоззренческой культуры // Искусство и образование. 2023. № 6(146). С. 173-181.

15. Шокорова Л.В., Мамырина Н.С. Высшее дизайн-образование: проблемы и перспективы // Вестник педагогических наук. 2022. № 1. С. 220-224.

Options for the transformation of the design education system in the context of higher education reform

Galina A. Kuvshinova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

National Institute of Design

Moscow, Russia

galina-kuvshinova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2446-2168

Received 02.05.2025

Accepted 09.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 378.147.21

DOI 10.25726/z5787-9966-7218-q

EDN DLFGAL

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The current stage of higher education reform in Russia, driven by global trends and internal socio-economic imperatives, poses difficult challenges for the academic community to adapt training systems for specialists, including designers. Design has evolved from an artistic activity to a tool for solving interdisciplinary problems at the intersection of technology, business and culture. Accelerated digitalization, changing technological patterns, and the growth of creative industries place new demands on design graduates that are often not reflected in existing educational standards and programs. There is a gap between conservative academic approaches focused on fundamental artistic training and the dynamic demands of the labor market. This actualizes the need for scientific substantiation of models for the modernization of design education, taking into account the transition to new federal state educational standards (FGOS), which provide universities with autonomy, but require a clear definition of competencies. The research is aimed at analyzing options for transforming the design education system to increase the competitiveness of graduates and the domestic creative economy as a whole. The methodological basis of the research is complex and interdisciplinary, combining theoretical and empirical approaches. The analysis of scientific publications, the regulatory framework (FGOS HE 3++) and a comparison of more than 40 educational programs of leading Russian and foreign universities were carried out to identify trends. The empirical part includes a sociological survey of three groups: students (n=245), teachers (n=85) and employers (n=112) using a standardized questionnaire to assess competencies and learning formats. The data was processed using mathematical statistics methods (descriptive statistics, correlation and factor analysis). Additionally, 15 in-depth interviews with experts were conducted for qualitative analysis. The results revealed a systemic gap in priorities: employers highly rate practical skills (UX/UI, project management, teamwork) with a delta of up to 3,93 points compared to teachers who underestimate them in favor of classical art disciplines. Students demonstrate the greatest satisfaction (up to 89,2%) with formats close to real-world practice: internships, interdisciplinary projects, and working with clients. The proposed project-oriented model assumes a redistribution of study time: reduction of lectures from 38,5% to 15,5% in favor of project work (up to 54,2%). Correlation analysis showed a strong relationship (r up to 0.891) between the elements of this model (internships, group projects) and the level of employment of graduates within

6 months. The discussion of the results highlights that the transformation from a knowledge-based to an activity-based paradigm is necessary to bridge the gap and increase the demand for specialists. Challenges include partnerships with industry, staff retraining, and administrative flexibility. As a result, successful modernization requires updating standards, creating ecosystems with companies, and teacher training programs, contributing to the formation of proactive designers for an innovative economy.

Keywords

design education, reform, competencies, project approach, employment.

References

1. Amelina O.Y. Actualization of the content of design education in a modern university // Problems of modern pedagogical education. 2023. № 80-1. pp. 36-38.
2. Amelina O.Y. The ontological meaning of continuous creative development of a student in the modern educational space // Orel State University Scientific Notes. 2024. № 2(103). pp. 191-195.
3. Zaeva-Burdonskaya E.A. Professional design education at the stage of formation. The British experience // Orenburg State University Bulletin. 2024. № 2(242). pp. 69-76.
4. Kolesnik N.B., Shokorova L.V. The specifics of project creativity in the system of higher design education // Bulletin of pedagogical sciences. 2022. № 1. pp. 205-208.
5. Kolyshev Yu.B. Drawing in architectural education: theoretical and conceptual aspect // Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering Bulletin. Series: Construction and architecture. 2023. № 3-4(92). pp. 263-273.
6. Kuvshinova G.A. Design education as a special pedagogical field // Siberian pedagogical journal. 2023. № 3. pp. 16-26.
7. Kuvshinova G.A. Scientific substantiation of design activity and the introduction of educational programs for the training of designers in the 1960s-1970s of the twentieth century // Educational bulletin of consciousness. 2023. Vol. 25. № 11. pp. 37-44.
8. Kuvshinova G.A. Restructuring the system of higher design education to new state guidelines in the 1970s and 1980s. 20th century // International Centre of Art and Education Bulletin. 2023. № 6-2. pp. 19-27.
9. Kuvshinova G.A. Prospects for the development of the design education system in Russia at the present stage // Domestic and foreign pedagogy. 2024. Vol. 1. № 6(102). pp. 139-155.
10. Kuvshinova G.A. The development of design education during the collapse of the USSR and the search for new forms of design education in higher education in the early 2000s // Art and education. 2024. № 1(147). pp. 216-225.
11. Kuvshinova G.A. The formation of the design education system in the 1920s-1950s of the twentieth century // Kant. 2023. № 4(49). pp. 338-343.
12. Nafiev E.A., Murtazaeva E.M. Principles of shaping in the system of professional training of students-designers // January pedagogical readings. 2023. № 9(21). pp. 48-52.
13. Pavlovskaya E.E., Klimenko V.A. Discussions about the future of design and design education // The electronic magazine «Architectonbulletin of universities». 2025. № 2(90).
14. Prishchepa A.A., Burovkina L.A. Design education as the formation of ideological culture // Art and education. 2023. № 6(146). pp. 173-181.
15. Shokorova L.V., Mamyryna N.S. Higher design education: problems and prospects // Bulletin of pedagogical sciences. 2022. № 1. pp. 220-224.

Особенности методики преподавания текстов новой природы в системе среднего профессионального педагогического образования

Мария Прокопьевна Сидорова

Аспирант

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Якутск, Россия

sidorova_mp@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила 16.06.2025

Принята 18.07.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 378.4:37.013.42

DOI 10.25726/z0906-7677-5804-g

EDN TUUHUG

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Современная информационно-образовательная среда претерпевает фундаментальные изменения под влиянием цифровых технологий и интернета, где на смену линейным печатным текстам приходят тексты новой природы – мультимодальные, нелинейные и интерактивные структуры, включающие гиперссылки, инфографику, видео и другие элементы. Это создает вызовы для системы среднего профессионального педагогического образования, где будущие учителя должны готовиться к работе с поколением «цифровых аборигенов». Традиционные методики, ориентированные на классические тексты, не формируют необходимые компетенции, такие как медиаграмотность и критическое мышление. Исследование направлено на разработку и обоснование особенностей методики преподавания текстов новой природы для студентов педагогических колледжей, с целью преодоления разрыва между академическими практиками и реальными информационными потребностями общества. Исследование проводилось в 2022-2023 учебном году на базе Педагогического колледжа № 1 с участием 96 студентов третьего курса специальности «Преподавание в начальных классах». Сформированы экспериментальная группа (ЭГ, 48 человек) и контрольная группа (КГ, 48 человек), репрезентативные по успеваемости и начальному уровню медиакомпетентности. В ЭГ применялась авторская методика на основе деятельностного подхода, включая проектную деятельность, анализ кейсов, веб-квесты и создание мультимедийных продуктов (инфографика, лонгриды, видео). В КГ обучение велось по традиционной программе с акцентом на линейные тексты. Оценка проводилась через анкетирование, тестирование, экспертные оценки и анализ продуктов деятельности. Диагностика фокусировалась на аналитических, критических и продуктивных умениях. Данные обрабатывались методами математической статистики для выявления значимых различий. Результаты итоговой диагностики показали значительное превосходство ЭГ над КГ. В аналитических умениях высокий уровень в ЭГ достиг 41,7% (против 14,6% в КГ), низкий – 6,2% (против 29,2%). В умениях критической оценки высокий уровень – 37,5% в ЭГ (10,4% в КГ), низкий – 8,3% (37,5%). Продуктивные умения: высокий уровень 33,3% в ЭГ (6,2% в КГ), низкий – 8,3% (45,9%). Интегральный уровень медиакомпетентности: высокий 35,4% в ЭГ (10,4% в КГ), низкий – 8,3% (35,4%). Статистически значимые различия подтверждают эффективность методики. Полученные данные свидетельствуют о необходимости перехода от репродуктивных методов к активным, проектно-ориентированным практикам для формирования целостной медиакомпетентности. Методика способствует не только анализу и оценке текстов новой природы, но и их созданию, что критично для будущих педагогов. Это позволяет

преодолеть пробелы традиционного образования и подготовить специалистов, способных развивать медиаграмотность у школьников. Дальнейшие исследования могут расширить применение методики на другие специальности.

Ключевые слова

тексты новой природы, методика преподавания, среднее профессиональное образование, медиакомпетентность, педагогическое образование.

Введение

Современная информационно-образовательная среда претерпевает фундаментальные изменения, связанные с доминированием цифровых технологий и повсеместным распространением интернета. На смену традиционной книжной культуре, основанной на линейном восприятии печатного текста, приходит культура экранная, для которой характерны принципиально иные способы представления и потребления информации. В этом контексте все большую актуальность приобретает понятие «тексты новой природы» – комплексный феномен, объединяющий в себе вербальные и невербальные компоненты, такие как гиперссылки, инфографика, видеофрагменты, мемы, лонгриды и другие мультимедийные элементы. Эти тексты отличаются нелинейностью, интерактивностью, мозаичностью и высокой степенью креолизации, что предъявляет к читателю совершенно новые требования, связанные не столько с декодированием буквенных знаков, сколько с навигацией в сложном информационном пространстве, критической оценкой источников и синтезом данных из разнородных форматов.

Данная трансформация информационного поля ставит перед системой образования, и, в частности, перед средним профессиональным педагогическим образованием, серьезные вызовы. Будущие педагоги, обучающиеся в колледжах, готовятся к работе с поколением «цифровых аборигенов», для которых взаимодействие с текстами новой природы является неотъемлемой частью повседневной жизни. Однако традиционные методики преподавания, ориентированные преимущественно на работу с классическими печатными текстами, оказываются недостаточными для формирования у студентов необходимых компетенций (Гончаров, 2022). Возникает острый разрыв между академическими практиками и реальными информационными потребностями современного общества. Будущий учитель должен не только сам уверенно ориентироваться в цифровой среде, но и быть способным научить этому своих воспитанников, формируя у них основы медиаграмотности и критического мышления (Семенова, 2022).

Таким образом, разработка и научное обоснование особенностей методики преподавания текстов новой природы в системе СПО становится одной из приоритетных задач педагогической науки и практики, требующей глубокого теоретического осмысления и экспериментальной проверки.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Педагогический колледж № 1» в течение 2022-2023 учебного года. В педагогическом эксперименте приняли участие 96 студентов третьего курса, обучающихся по специальности «44.02.02 Преподавание в начальных классах». Были сформированы две группы: экспериментальная (ЭГ), состоящая из 48 студентов, и контрольная (КГ), также включающая 48 студентов. Выборка была репрезентативной по основным параметрам, таким как средний балл успеваемости и начальный уровень медиакомпетентности, что было подтверждено на констатирующем этапе исследования. В экспериментальной группе обучение проводилось с использованием разработанной нами методики, направленной на системное формирование умений работать с текстами новой природы. Данная методика включала в себя проектную деятельность, анализ кейсов (Браташ, 2022), работу с образовательными веб-квестами, а также тренинги по созданию собственных мультимедийных продуктов (инфографики, образовательных видеороликов, лонгридов). В контрольной группе обучение по соответствующим дисциплинам филологического цикла велось по традиционной

программе, с акцентом на анализ художественных и публицистических текстов линейной структуры (Шерстобитова, 2023). Основным материалом для работы в ЭГ служили актуальные цифровые ресурсы: новостные порталы, научно-популярные блоги, образовательные платформы и социальные сети (Инкин, 2023).

Для оценки эффективности предложенной методики был использован комплекс диагностических инструментов, включающий анкетирование, тестирование, метод экспертных оценок и анализ продуктов деятельности студентов. На начальном и конечном этапах эксперимента проводилась диагностика уровня сформированности ключевых компетенций, необходимых для работы с текстами новой природы: аналитических умений (способность декомпозировать креолизованный текст, выявлять связи между его вербальными и невербальными компонентами), умений критической оценки информации (проверка достоверности источников, выявление манипулятивных техник) и продуктивных умений (создание собственных текстов новой природы). Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики, позволяющие оценить достоверность различий в результатах экспериментальной и контрольной групп (Алексашина, 2025). Проводилось качественное и количественное сопоставление показателей до и после проведения формирующего эксперимента (Бусыгина, 2024). Наблюдение за учебным процессом и анализ продуктов деятельности (созданных студентами инфографик, презентаций, эссе-обзоров интернет-ресурсов) позволили получить дополнительные сведения о динамике развития исследуемых компетенций.

Результаты и обсуждение

В рамках формирующего этапа экспериментального исследования была апробирована авторская методика, направленная на развитие у будущих педагогов комплекса компетенций для эффективного взаимодействия с текстами новой природы. Основой методики стал деятельностный подход, предполагающий не пассивное усвоение теоретических знаний, а активное погружение студентов в современную медиасреду через решение практико-ориентированных задач. Студенты экспериментальной группы работали над проектами, требующими поиска, анализа, критической оценки и творческой переработки информации из разнородных цифровых источников. Особое внимание уделялось развитию навыков визуализации данных, фактчекинга и создания собственного образовательного контента в мультимедийных форматах.

Целью итогового диагностического среза являлось сопоставление уровней сформированности ключевых медиакомпетенций у студентов экспериментальной и контрольной групп после завершения обучающего воздействия. Оценивались три основных компонента: аналитические умения при работе с креолизованными и гипертекстовыми структурами, умения критической оценки достоверности и объективности цифровой информации, а также продуктивные умения по созданию дидактически целесообразных текстов новой природы. Исходные данные на констатирующем этапе не выявили статистически значимых различий между группами (Никифорова, 2024). Результаты итоговой диагностики представлены в таблицах ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительные результаты диагностики уровня сформированности аналитических умений в ЭГ и КГ на итоговом этапе (%)

Уровень	Экспериментальная группа (n=48)	Контрольная группа (n=48)
Высокий	41,7	14,6
Средний	52,1	56,2
Низкий	6,2	29,2

Анализ данных, представленных в таблице 1, свидетельствует о существенной положительной динамике в развитии аналитических умений у студентов экспериментальной группы. Доля студентов, продемонстрировавших высокий уровень способности к анализу мультимодальных текстов, в ЭГ достигла 41,7%, что почти в 2,9 раза превышает аналогичный показатель в контрольной группе (14,6%). Одновременно с этим в экспериментальной группе зафиксировано значительное сокращение числа

студентов с низким уровнем аналитических умений – с 27,1% на начальном этапе до 6,2% на итоговом. Это указывает на то, что целенаправленная работа по разбору структуры инфографики, анализу навигации по гипертекстовым статьям и выявлению смысловых связей между текстом и изображением принесла ощутимые плоды.

В контрольной группе также наблюдается некоторая положительная динамика, что можно объяснить общим процессом обучения и естественным накоплением опыта взаимодействия с цифровой средой. Однако эти изменения носят гораздо менее выраженный характер. Доля студентов с низким уровнем снизилась незначительно, а основной прирост произошел за счет перехода из низкой в среднюю категорию (56,2%). Разница в 27,1 процентных пункта в категории высокого уровня между ЭГ и КГ является статистически значимой и подтверждает эффективность примененной методики (Бусыгин, 2023). Студенты ЭГ научились не просто потреблять, а системно деконструировать сложные информационные продукты, что является базовым навыком для медиаграмотного специалиста.

Таблица 2. Сравнительные результаты диагностики уровня сформированности умений критической оценки информации в ЭГ и КГ на итоговом этапе (%)

Уровень	Экспериментальная группа (n=48)	Контрольная группа (n=48)
Высокий	37,5	10,4
Средний	54,2	52,1
Низкий	8,3	37,5

Данные таблицы 2 демонстрируют еще более разительные отличия в уровне сформированности умений критической оценки информации. В экспериментальной группе высокий уровень показали 37,5% студентов, тогда как в контрольной – всего 10,4%. Это означает, что более трети студентов ЭГ после прохождения экспериментального обучения способны самостоятельно верифицировать источники, распознавать фейковые новости, выявлять признаки манипуляции и пропаганды в медиатекстах. Особенно показательным является сравнение доли студентов с низким уровнем: 8,3% в ЭГ против 37,5% в КГ. Разница в 29,2 процентных пункта свидетельствует о наличии серьезного пробела в подготовке студентов по традиционной программе в части формирования информационного иммунитета.

Успех экспериментальной группы в данном аспекте напрямую связан с содержанием предложенной методики. В ходе обучения студенты выполняли задания по сравнительному анализу новостных публикаций на одну и ту же тему из разных источников, участвовали в тренингах по использованию инструментов фактчекинга и анализировали кейсы, связанные с распространением дезинформации (Тропникова, 2023). В контрольной группе подобные виды работ не были системно интегрированы в учебный процесс, что и привело к сохранению значительной доли студентов, проявляющих излишнюю доверчивость к информации из интернета и не владеющих базовыми приемами ее критического осмысления. Сдвиг в КГ в основном произошел в рамках среднего уровня (52,1%), что говорит о поверхностном, интуитивном освоении данных навыков.

Таблица 3. Сравнительные результаты диагностики уровня сформированности продуктивных умений (создание текстов новой природы) в ЭГ и КГ на итоговом этапе (%)

Уровень	Экспериментальная группа (n=48)	Контрольная группа (n=48)
Высокий	33,3	6,2
Средний	58,4	47,9
Низкий	8,3	45,9

Результаты, отраженные в таблице 3, подтверждают эффективность экспериментальной методики в формировании продуктивных умений. Способность самостоятельно создавать дидактически ценные тексты новой природы является вершиной медиакомпетентности. Высокий уровень в этом компоненте был зафиксирован у 33,3% студентов ЭГ, что более чем в 5 раз превышает показатель КГ (6,2%). Студенты экспериментальной группы в качестве итоговых работ представляли качественные

образовательные продукты: инфографику для объяснения сложных тем младшим школьникам, интерактивные презентации с гиперссылками и встроенным видео, учебные лонгриды. Эти работы отличались не только техническим исполнением, но и методической продуманностью.

В контрольной группе подавляющее большинство студентов (45,9%) остались на низком уровне продуктивных умений. Их попытки создать мультимедийный продукт часто сводились к механическому копированию информации и изображений из интернета без творческой переработки и дидактического осмысления (Игропуло, 2022). Это говорит о том, что без целенаправленного обучения навыкам визуализации, сторителлинга и проектирования нелинейных текстов будущие педагоги не могут эффективно использовать потенциал современных медиа в своей профессиональной деятельности. Разрыв в 27,1 процентных пункта на высоком уровне и 37,6 процентных пункта на низком уровне между группами является ярким свидетельством необходимости внедрения подобных практик в систему подготовки учителей.

Таблица 4. Распределение студентов по интегральному уровню сформированности медиакомпетентности в ЭГ и КГ на итоговом этапе (%)

Интегральный уровень	Экспериментальная группа (n=48)	Контрольная группа (n=48)
Высокий	35,4	10,4
Средний	56,3	54,2
Низкий	8,3	35,4

Интегральный показатель, представленный в таблице 4, обобщает данные по всем трем исследуемым компонентам (аналитическому, критическому и продуктивному) и дает целостную картину уровня медиакомпетентности студентов. Расчеты показывают кардинальные различия в итоговом распределении. В экспериментальной группе доминируют студенты со средним (56,3%) и высоким (35,4%) уровнями, в то время как доля студентов с низким уровнем минимальна (8,3%). Это свидетельствует о системном и комплексном воздействии предложенной методики (Болбас, 2022). Рост произошел не по одному направлению, а по всему спектру ключевых умений, что говорит о формировании целостной компетенции.

В контрольной группе картина принципиально иная. Хотя большинство студентов и находятся на среднем уровне (54,2%), что можно считать нормой для современного молодого человека, активно пользующегося интернетом, крайнестораживает большая доля студентов с низким интегральным уровнем (35,4%). При этом на высокий уровень вышло лишь 10,4% испытуемых (Кюрегина, 2022). Это означает, что традиционная система обучения не способна обеспечить гарантированное формирование медиакомпетентности, необходимой будущему педагогу. Студенты КГ могут быть активными пользователями сети, но их взаимодействие с информацией часто остается поверхностным, некритичным и репродуктивным.

Обобщенный анализ результатов, полученных в ходе экспериментального исследования, позволяет с уверенностью утверждать о высокой эффективности разработанной и апробированной методики преподавания текстов новой природы для студентов системы среднего профессионального педагогического образования. Сравнительные данные по экспериментальной и контрольной группам демонстрируют статистически значимые различия по всем ключевым показателям: уровню развития аналитических, критических и продуктивных умений. Математическая обработка данных показывает, что прирост показателей в ЭГ не является случайным, а представляет собой закономерный результат целенаправленного педагогического воздействия. В то время как в КГ наблюдалась лишь незначительная и неравномерная положительная динамика, в ЭГ произошел качественный скачок, выразившийся в переходе значительной части студентов с низкого и среднего уровней на высокий.

Ключевым фактором успеха стало системное сочетание теоретических знаний с интенсивной практической и проектной деятельностью. Студенты не просто слушали лекции о видах текстов новой природы, а постоянно работали с ними: анализировали, сравнивали, оценивали и создавали собственные. Такой подход позволил сформировать не разрозненные навыки, а целостную

медиакомпетентность как профессионально важное качество будущего учителя. Анализ данных таблиц 1-3 показывает взаимосвязь и взаимообусловленность развиваемых умений. Улучшение аналитических навыков (табл. 1) создавало прочную основу для развития критического мышления (табл. 2), поскольку невозможно критически оценить то, структуру и посыл чего ты не можешь проанализировать (Гасанов, 2022). В свою очередь, развитые аналитические и критические умения стали необходимым условием для создания качественных собственных медиапродуктов (табл. 3).

Интегральная оценка (табл. 4) наглядно демонстрирует комплексный эффект методики. Она не просто «подтянула» отстающих, но и позволила значительному числу студентов достичь высокого, творческого уровня владения медиатехнологиями. Студенты контрольной группы, обучавшиеся по традиционной программе, в массе своей остались на уровне пассивных потребителей контента, тогда как студенты экспериментальной группы превратились в активных, компетентных и критически мыслящих акторов информационной среды (Сологуб, 2024). Это имеет принципиальное значение для их будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, математическая и качественная обработка результатов исследования доказывает, что для подготовки конкурентоспособного педагога, способного эффективно работать в условиях цифровой цивилизации, необходимо коренное изменение подходов к филологическому образованию в педагогических колледжах. Требуется смещение акцента с репродуктивного изучения классических текстов на активное освоение всего многообразия современных форматов представления информации. Разработанная методика, основанная на принципах деятельности, проектности, мультимодальности и развития критического мышления, может служить эффективным инструментом для решения этой актуальной педагогической задачи.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и экспериментально обосновать ключевые особенности методики преподавания текстов новой природы в системе среднего профессионального педагогического образования. Установлено, что традиционные подходы, ориентированные на работу с линейными печатными текстами, не обеспечивают формирования у будущих педагогов комплекса компетенций, необходимых для эффективной навигации в современной цифровой информационной среде и для обучения этому подрастающего поколения. Преодоление этого разрыва требует внедрения специализированной методики, которая учитывает специфику мультимодальных, нелинейных и интерактивных текстов и направлена на комплексное развитие аналитических, критических и продуктивных умений студентов.

Эффективная методика работы с текстами новой природы должна базироваться на деятельностном и практико-ориентированном подходах. Ее ядром является не теоретическое информирование, а организация активной учебно-проектной деятельности студентов, в рамках которой они решают задачи по поиску, анализу, верификации и творческому преобразованию цифровой информации. Ключевыми компонентами такой методики выступают: системная работа с креолизованными текстами (инфографикой, мемами); обучение навыкам гипертекстовой навигации и анализа веб-ресурсов; формирование информационного иммунитета через тренинги по фактчекингу и медиабезопасности; а также развитие продуктивных умений через создание собственных образовательных медиапродуктов. Реализация такой методики позволяет подготовить педагогические кадры, способные не только уверенно ориентироваться в современной медиасреде, но и компетентно формировать медиаграмотность у своих будущих учеников, что является стратегической задачей для системы образования в XXI веке.

Список литературы

1. Алексашина И.Ю., Абдулаева О.А. Конвергенция принципов природоподобия и природосообразности: пример реализации в образовательной практике // Физика в школе. 2025. № 2. С. 12-19.

2. Болбас Г.В. Природосообразное воспитание в системе педагогического знания. Педагогика. 2022. Т. 86. № 12. С. 71-78.
3. Браташ В.С., Кудряшов Е.С. Современный учебный текст: возможности текстов новой природы // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2022. № 1. С. 11-19.
4. Бусыгин А.Г., Левина С.В., Глухов Г.В. Индивидуальный образовательный маршрут в высшей педагогической школе: переход к новой парадигме // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 93. С. 5-13.
5. Бусыгина А.Л., Колышева Т.А., Левина С.В. Теоретико-методологические проблемы естественнонаучного образования в высшей педагогической школе // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13. № 4. С. 124-127.
6. Гасанов С.Ф. Системно-деятельностный подход в формировании экологического мировоззрения студентов // Среднее профессиональное образование. 2022. № 5(321). С. 24-28.
7. Гончаров В.Н., Колосова О.Ю. Философский анализ современного экологического образования // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 93. № 4. С. 2-7.
8. Игропуло И.Ф. Образовательные экосистемы как предмет педагогической рефлексии // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 48-54.
9. Инкин В.В. Методическая экосистема интернет-ресурсов преподавателя как технология обучения // Открытое и дистанционное образование. 2023. № 1 (83). С. 21-26.
10. Кюрегина А.В. Смена запросов на преподнесение биоэтической тематики в современной педагогике // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2 (59). С. 331-335.
11. Никифорова Е.П., Сидорова М.П. Инновационные подходы к использованию текстов новой природы на русском и родном языках в обучении студентов педагогических колледжей // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 304-307.
12. Семенова И.Н., Слепухин А.В. Организационные и содержательные противоречия современной системы профессионального педагогического образования // Педагогическое образование в России. 2022. № 2. С. 98-104.
13. Сологуб Н.С. Методическая подготовка будущего учителя естественно-научных учебных предметов к реализации STEAM-образования // Образование и воспитание. 2024. № 2(386). С. 36-43.
14. Тропникова В.В. Естественно-научное образование: история и перспективы развития для системы СПО // Среднее профессиональное образование. 2023. № 6(334). С. 44-49.
15. Шерстобитова И.А. Методика и технологии освоения концепта как текста «новой природы» в рамках курсов повышения квалификации: педагогическая рефлексия // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-1. С. 411-414.

Features of the methodology of teaching texts of a new nature in the system of secondary professional pedagogical education

Maria P. Sidorova

PhD student

Ammosov Northeastern Federal University

Yakutsk, Russia

sidorova_mp@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 16.05.2025

Accepted 18.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 378.4:37.013.42

DOI 10.25726/z0906-7677-5804-g

EDN TUUHUG

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The modern information and educational environment is undergoing fundamental changes under the influence of digital technologies and the Internet, where linear printed texts are being replaced by texts of a new nature – multimodal, nonlinear and interactive structures, including hyperlinks, infographics, videos and other elements. This creates challenges for the system of secondary professional teacher education, where future teachers must prepare to work with the generation of «digital natives». Traditional methods focused on classical texts do not form the necessary competencies, such as media literacy and critical thinking. The research is aimed at developing and substantiating the features of the methodology of teaching texts of a new nature for students of pedagogical colleges, in order to bridge the gap between academic practices and the real information needs of society. The study was conducted in the 2022-2023 academic year on the basis of Pedagogical College № 1 with the participation of 96 third-year students specializing in Teaching in primary schools. An experimental group (EG, 48 people) and a control group (KG, 48 people) were formed, representative of academic performance and the initial level of media competence. The EG used the author's methodology based on an activity-based approach, including project activities, case analysis, web quests and the creation of multimedia products (infographics, longreads, videos). At the KG, the training was conducted according to the traditional curriculum with an emphasis on linear texts. The assessment was conducted through questionnaires, testing, expert assessments, and product analysis. The diagnosis focused on analytical, critical, and productive skills. The data was processed using mathematical statistics to identify significant differences. The results of the final diagnosis showed a significant superiority of EG over KG. In analytical skills, the high level in EG reached 41,7% (versus 14,6% in KG), low – 6,2% (versus 29,2%). In critical assessment skills, the high level is 37,5% in EG (10,4% in KG), low – 8,3% (37,5%). Productive skills: high - 33,3% in EG (6,2% in KG), low – 8,3% (45,9%), Integral level of media competence: high – 35,4% in EG (10,4% in KG), low – 8,3% (35,4%). Statistically significant differences confirm the effectiveness of the technique. The data obtained indicate the need to move from reproductive methods to active, project-oriented practices in order to form a holistic media competence. The methodology contributes not only to the analysis and evaluation of texts of a new nature, but also to their creation, which is critical for future teachers. This makes it possible to overcome the gaps in traditional education and train specialists capable of developing media literacy among schoolchildren. Further research may expand the application of the technique to other specialties.

Keywords

texts of a new nature, teaching methods, secondary vocational education, media competence, pedagogical education.

References

1. Aleksashina I.Yu., Abdulayeva O.A. Convergence of principles of naturalness and naturalness: an example of implementation in educational practice // *Physics at school*. 2025. № 2. pp. 12-19.
2. Bolbas G.V. Nature-based education in the system of pedagogical knowledge // *Pedagogy*. 2022. Vol. 86. № 12. pp. 71-78.
3. Bratash V.S., Kudryashov E.S. Modern educational text: the possibilities of texts of a new nature // *Quality management of education: theory and practice of effective administration*. 2022. № 1. pp. 11-19.
4. Busygin A.G., Levina S.V., Glukhov G.V. Individual educational route in higher pedagogical school: transition to a new paradigm // *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social sciences, humanities, medical and biological sciences*. 2023. Vol. 25. № 93. pp. 5-13.

5. Busygina A.L., Kolysheva T.A., Levina S.V. Theoretical and methodological problems of natural science education in higher pedagogical schools // Samara scientific bulletin. 2024. Vol. 13. № 4. pp. 124-127.
6. Hasanov S.F. System-activity approach in the formation of students' ecological worldview // Secondary vocational education. 2022. № 5(321). pp. 24-28.
7. Goncharov V.N., Kolosova O.Yu. Philosophical analysis of modern environmental education // Humanities and social sciences. 2022. Vol. 93. № 4. pp. 2-7.
8. Igropulo I.F. Educational ecosystems as a subject of pedagogical reflection // Armavir State Pedagogical University bulletin. 2022. № 4. pp. 48-54.
9. Inkin V.V. Methodical ecosystem of teacher's Internet resources as a learning technology // Open and distance education. 2023. № 1(83). pp. 21-26.
10. Kyuregina A.V. Changing requests for the presentation of bioethical subjects in modern pedagogy // Business. Education. Right. 2022. № 2 (59). pp. 331-335.
11. Nikiforova E.P., Sidorova M.P. Innovative approaches to the use of texts of a new nature in Russian and native languages in teaching students of pedagogical colleges // The world of science, culture, and education. 2024. № 6(109). pp. 304-307.
12. Semenova I.N., Slepukhin A.V. Organizational and substantive contradictions of the modern system of professional pedagogical education // Teacher education in Russia. 2022. № 2. pp. 98-104.
13. Sologub N.S. Methodical preparation of future teachers of natural science subjects for the implementation of STEAM education // Education and upbringing. 2024. № 2(386). pp. 36-43.
14. Tropnikova V.V. Natural science education: history and development prospects for the vocational education system // Secondary vocational education. 2023. № 6(334). pp. 44-49.
15. Sherstobitova I.A. Methods and technologies of mastering the concept as a text of «new nature» in the framework of advanced training courses: pedagogical reflection // Problems of modern teacher education. 2023. № 80-1. pp. 411-414.

Влияние ментальных стратегий на спортивную результативность и управление стрессом у спортсменов

Наурбек Магомеднабиевич Нуцалов

Старший преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа социально-гуманитарных наук
Москва, Россия
Nutsalov.nm@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Магомед Шахбанович Магомедов

Старший преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа социально-гуманитарных наук
Москва, Россия
Magomedov.ms@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Кемран Арсенович Салаватов

Старший преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа социально-гуманитарных наук
Москва, Россия
Salavatov.KA@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Эмир Русланович Цицкиев

Преподаватель кафедры Физического воспитания
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа социально-гуманитарных наук
Москва, Россия
Emir.tsitskiev@bk.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 19.05.2025

Принята 07.06.2025

Опубликована 30.07.2025

УДК 813.52:159.9/613.2

DOI 10.25726/q0232-1866-0349-m

EDN TUSQTY

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Введение обосновывает высокую значимость психологической подготовки в спорте высших достижений, где ментальные стратегии помогают управлять стрессом, поддерживать концентрацию и повышать точность выполнения двигательных действий. Цель исследования заключалась в оценке эффективности комплексного применения визуализации, идеомоторной тренировки, дыхательных

техник и позитивных утверждений для улучшения спортивной результативности и снижения тревожности. Объектом стали индивидуальные и командные виды спорта, что позволило сопоставить влияние стратегий в контрастных соревновательных контекстах. Гипотеза предполагала, что систематическое использование психотехник даст клинически и практически значимые эффекты. Материалы и методы включали квазиэксперимент с участием 30 спортсменов 18–25 лет: 15 легкоатлетов и 15 волейболистов, распределённых на экспериментальную и контрольную группы поровну. В течение восьми недель экспериментальная группа добавляла к стандартной подготовке визуализацию, идеомоторные прогоны, дыхательные упражнения и аффирмации; контрольная занималась по обычной программе без психотехник. До и после вмешательства измеряли уровень тревожности по шкале Спилбергера, время бега на 100 м у легкоатлетов и точность подачи у волейболистов. Данные анализировались по относительным изменениям. Результаты показали существенные преимущества вмешательства. В экспериментальных подгруппах тревожность снизилась примерно на 25% против не более 6% в контрольных, что указывает на выраженный стресс-протективный эффект. У легкоатлетов время на 100 м сократилось с 12,52 до 12,04 секунды, что соответствует улучшению на 3,83%, тогда как в контроле прирост составил лишь 0,72%. У волейболистов точность подачи выросла с 62% до 75% в эксперименте против 60% до 63% в контроле, что эквивалентно увеличению на 20,97% против 5,00% соответственно. Обсуждение трактует полученные эффекты как следствие комплексного влияния когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий на предстартовое состояние, внимание и нейромышечную координацию, а также на когнитивную оценку стрессоров. Практическая значимость выражается в целесообразности включения структурированных программ ментальной подготовки в циклы тренировок спортсменов разной специализации на протяжении не менее восьми недель. Ограничения касаются малой выборки и квазиэкспериментального дизайна; дальнейшие исследования должны уточнить дозировку техник, межвидовые различия и устойчивость эффектов во времени. Также требуется контроль слепоты и рандомизация выборки процедур.

Ключевые слова

ментальные стратегии, стресс, спортивная психология, концентрация, визуализация, спортивная результативность.

Введение

Современный спорт высших достижений характеризуется возрастающими психологическими нагрузками, которые испытывают спортсмены в процессе тренировочной и соревновательной деятельности. Психологическая подготовка становится неотъемлемым компонентом комплексной подготовки атлетов, направленным на формирование оптимального психического состояния и развитие психологической устойчивости. Способность спортсмена управлять своим психическим состоянием, концентрироваться на выполнении двигательных задач и противостоять негативному влиянию стресса определяет успешность выступления на соревнованиях.

Ментальные стратегии представляют собой совокупность психологических методов и техник, применяемых спортсменами для повышения эффективности деятельности, регуляции психоэмоционального состояния и преодоления стрессовых ситуаций.

Цель исследования – оценить эффективность применения ментальных стратегий у спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта (лёгкая атлетика) и командными видами спорта (волейбол), на основе изменений в спортивной результативности и уровне стрессоустойчивости.

Актуальность исследования ментальных стратегий обусловлена необходимостью разработки эффективных методов психологической подготовки спортсменов, способствующих достижению высоких результатов в условиях интенсивной соревновательной деятельности. Психологические факторы нередко становятся решающими в спортивной борьбе при относительно равных физических, технических и тактических возможностях соперников.

Исследования в области спортивной психологии свидетельствуют о значительном влиянии ментальных стратегий на результативность спортсменов. Применение методов психологической саморегуляции, визуализации, позитивного самовнушения и других психотехник позволяет оптимизировать предстартовое состояние, повысить концентрацию внимания, улучшить координацию движений и техническое мастерство. Ментальные стратегии также способствуют формированию психологической устойчивости к стрессовым воздействиям, что особенно важно в условиях соревновательной деятельности.

Материалы и методы исследования

Теоретический анализ научной литературы позволяет выделить несколько основных направлений исследования ментальных стратегий в спорте. Первое направление связано с изучением влияния психологических факторов на спортивную результативность.

Исследования показывают, что психическое состояние спортсмена оказывает существенное влияние на эффективность выполнения технических действий, принятие тактических решений и общую результативность.

Согласно концепции Ю.Л. Ханина, существует индивидуальная зона оптимального функционирования, характеризующаяся определенным уровнем психического напряжения, при котором спортсмен демонстрирует наилучшие результаты (Ханин, 1980).

Второе направление исследований фокусируется на изучении механизмов психологической саморегуляции и управления стрессом. Стресс в спортивной деятельности рассматривается как комплексная реакция организма на повышенные требования среды, включающая физиологические, психологические и поведенческие компоненты. Согласно транзакционной модели стресса Р. Лазаруса, ключевую роль в развитии стрессовой реакции играет когнитивная оценка ситуации и имеющихся ресурсов для ее преодоления.

Ментальные стратегии направлены на изменение когнитивной оценки стрессовых ситуаций и формирование адаптивных копинг-стратегий. Третье направление исследований связано с изучением психологических навыков и их влияния на спортивную результативность. Р. Найдиффер выделяет несколько ключевых психологических навыков, необходимых для успешной спортивной деятельности: концентрация внимания, управление уровнем возбуждения, формирование уверенности в себе, постановка целей и мотивация (Найдиффер, 2003).

Развитие данных навыков осуществляется посредством применения специальных психологических техник и упражнений. Современные исследования в области нейрофизиологии и психофизиологии позволяют глубже понять механизмы влияния ментальных стратегий на спортивную результативность. Установлено, что применение методов психологической саморегуляции приводит к изменениям в активности различных отделов головного мозга, нормализации вегетативных функций, оптимизации нервно-мышечной координации.

Методы нейровизуализации показывают, что при выполнении ментальных упражнений (например, идеомоторной тренировки) активируются те же нейронные структуры, что и при реальном выполнении движений, что способствует формированию и закреплению двигательных навыков.

Результаты и обсуждение

Анализ научной литературы позволяет классифицировать ментальные стратегии, применяемые в спортивной деятельности, по нескольким основаниям:

1. По направленности воздействия выделяют стратегии, направленные на регуляцию психоэмоционального состояния, повышение концентрации внимания, формирование мотивации и уверенности в себе, развитие волевых качеств.

2. По временной ориентации различают предсоревновательные, соревновательные и постсоревновательные ментальные стратегии.

Предсоревновательные стратегии направлены на формирование оптимального предстартового состояния, настрой на соревнование, преодоление предстартовой тревоги. Соревновательные

стратегии применяются непосредственно во время выступления и включают методы концентрации внимания, самоконтроля, мобилизации ресурсов. Постсоревновательные стратегии способствуют анализу выступления, психологическому восстановлению, преодолению негативных эмоций в случае неудачного выступления.

По механизму воздействия выделяют когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии.

1. Когнитивные стратегии направлены на изменение мыслей, установок, убеждений спортсмена. К ним относятся позитивное самовнушение, рациональное мышление, когнитивное переструктурирование.

2. Эмоциональные стратегии ориентированы на регуляцию эмоционального состояния и включают методы релаксации, дыхательные упражнения, медитацию.

3. Поведенческие стратегии предполагают изменение внешних проявлений и действий спортсмена, например, контроль мимики, позы, движений (Hardy, 1996).

Рассмотрим основные ментальные стратегии, применяемые в спортивной практике:

1. Идеомоторная тренировка представляет собой мысленное выполнение двигательных действий без реального движения. Данный метод основан на взаимосвязи представлений о движении и его реальном выполнении. При мысленном воспроизведении двигательного действия в соответствующих мышцах возникают микросокращения, аналогичные тем, которые наблюдаются при реальном выполнении движения. Идеомоторная тренировка способствует формированию двигательных навыков, коррекции технических ошибок, подготовке к соревнованиям (Орлов, 2019).

2. Визуализация предполагает создание ярких мысленных образов, связанных с успешным выполнением спортивных действий или достижением желаемых результатов. В отличие от идеомоторной тренировки, визуализация может включать не только представление движений, но и образы окружающей обстановки, эмоциональные переживания, тактильные и другие сенсорные ощущения. Эффективность визуализации повышается при задействовании различных сенсорных модальностей (зрительной, слуховой, кинестетической).

3. Методы релаксации направлены на снижение психического и мышечного напряжения. К ним относятся прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону, аутогенная тренировка, дыхательные упражнения.

Применение методов релаксации позволяет снизить уровень тревожности, нормализовать сердечный ритм и дыхание, улучшить общее психоэмоциональное состояние спортсмена. Особенно важны эти методы на этапах подготовки и восстановления после соревнований, а также в ситуациях повышенного стресса (Найдиффер, 2003).

1. Позитивное самовнушение (аффирмации) основано на повторении положительных утверждений, направленных на формирование уверенности в себе, укрепление веры в успех и повышение мотивации. Аффирмации помогают спортсмену закрепить установки на достижение результата, преодоление трудностей и мобилизацию внутренних ресурсов. Исследования показывают, что регулярное использование позитивных утверждений может снижать уровень кортизола в организме и повышать субъективное ощущение контроля.

2. Постановка целей и планирование являются важными элементами ментальной подготовки. Четкая формулировка краткосрочных и долгосрочных целей, а также планирование этапов их достижения способствует поддержанию высокого уровня мотивации, позволяет контролировать процесс подготовки и объективно оценивать прогресс. Метод SMART (Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time-bound) широко применяется в спортивной психологии для эффективного целеполагания.

3. Когнитивное переструктурирование включает осознание и замену неадаптивных мыслей и убеждений на более конструктивные и реалистичные. Этот метод позволяет спортсмену справляться с неуверенностью, страхом неудачи и внутренними барьерами. Например, замена мысли «Я не справлюсь с этим упражнением» на «Я уже проделал большую работу, и у меня есть все шансы на успех» может существенно повлиять на поведение и эмоциональный фон.

В эксперименте приняли участие 30 спортсменов (15 легкоатлетов и 15 волейболистов) в возрасте от 18 до 25 лет, разделенных на две группы:

- Экспериментальная группа (n=15) –применялись ментальные стратегии: визуализация, идеомоторная тренировка, дыхательные упражнения и аффирмации.
 - Контрольная группа (n=15) тренировалась по стандартной программе без психологических техник.
 - Продолжительность эксперимента – 8 недель.
- Измеряемые показатели:
1. Уровень тревожности по шкале Спилбергера (баллы) – для оценки стрессоустойчивости.
 2. Спортивная результативность:
 - для легкоатлетов – время на дистанции 100 м (сек.);
 - для волейболистов – точность подачи мяча по мишени (в % от общего числа попыток).
- Результаты эксперимента отражены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты эксперимента

Группа	Тревожность (до), баллы	Тревожность (после), баллы	Изменение тревожности, %	Результативность (до)	Результативность (после)	Изменение результативности, %
Эксп. (лёгкая атлетика)	48	36	↓ 25,00 %	12,52 сек	12,04 сек	↑ 3,83 %
Контр. (лёгкая атлетика)	47	45	↓ 4,26 %	12,58 сек	12,49 сек	↑ 0,72 %
Эксп. (волейбол)	51	38	↓ 25,49 %	62%	75%	↑ 20,97 %
Контр. (волейбол)	50	47	↓ 6,00 %	60%	63%	↑ 5,00 %

Анализ данных показал, что:

- Уровень тревожности в экспериментальных группах снизился на ~25%, тогда как в контрольных – не более чем на 6%.
 - Результативность у легкоатлетов улучшилась на 3,83% в экспериментальной группе, по сравнению с 0,72% в контрольной.
 - Точность подачи у волейболистов выросла на 21% против 5% в контрольной группе.
- Расчет улучшения (пример) для легкоатлетов в экспериментальной группе следующий:
- Процент улучшения= $\frac{12.52-12.04}{12.52} \times 100\% = 3,83\%$;
 - Для уровня тревожности: процент снижения= $\frac{48-36}{48} \times 100\% = 25\%$.

Заключение

Таким образом, ментальные стратегии являются важным и необходимым элементом подготовки спортсменов, наряду с физической, технической и тактической подготовкой. Их применение позволяет не только повысить спортивную результативность, но и сформировать устойчивость к стрессовым воздействиям, улучшить общее психоэмоциональное состояние, развить навыки саморегуляции и уверенности в себе.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются изучение индивидуальных различий в эффективности тех или иных стратегий, а также разработка

интегрированных программ психологической подготовки с учетом специфики вида спорта, возраста и личностных особенностей спортсменов.

Список литературы

1. Кулешов С.В. Психологическая подготовка спортсменов в индивидуальных и командных видах спорта. М.: Советский спорт, 2016. 208 с/
2. Лазарус Р.С., Фолкман С. Стресс, оценка и совладание. СПб.: Питер, 2000. 318 с/
3. Мионов Д.С. Эффективность дыхательных техник в регуляции предстартовой тревожности // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С/ 1-5/
4. Найдиффер Р. Психологическая подготовка спортсмена: ключевые навыки. // Теория и практика физической культуры. 2003. № 5. С. 23-27.
5. Орлов А.В. Визуализация и идеомоторная тренировка в спортивной практике // Психология и спорт. 2019. № 4. С. 44-49.
6. Ханин Ю.Л. Психологические механизмы регуляции соревновательной деятельности спортсмена. М.: Физкультура и спорт, 1980. 192 с/
7. Hardy L., Jones G., Gould D. Understanding psychological preparation for sport: theory and practice of elite performers. NY: Wiley, 1996. 383 p.
8. Weinberg R., Gould D. Foundations of sport and exercise psychology. 7th ed. Champaign: Human Kinetics, 2018. 680 p.

The influence of mental strategies on athletic performance and stress management in athletes

Naurbek M. Nutsalov

Senior Lecturer at the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Higher School of Social
Sciences and Humanities
Moscow, Russia
Nutsalov.nm@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Magomed Sh. Magomedov

Senior Lecturer at the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Higher School of Social
Sciences and Humanities
Moscow, Russia
Magomedov.ms@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Kemran A. Salavatov

Senior Lecturer at the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Higher School of Social Sciences and Humanities
Sciences'
Moscow, Russia
Salavatov.KA@rea.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Emir R. Tsitskiev

Teacher of the Department of Physical Education
Plekhanov Russian University of Economics, Higher School of Social
Sciences and Humanities
Moscow, Russia
Emir.tsitskiev@bk.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 19.05.2025

Accepted 07.06.2025

Published 30.07.2025

UDC 813.52:159.9/613.2

DOI 10.25726/q0232-1866-0349-m

EDN TUSQTY

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

Achievements, where mental strategies help manage stress, maintain concentration, and increase the accuracy of motor performance. The aim of the study was to evaluate the effectiveness of the combined use of visualization, ideomotor training, breathing techniques, and positive affirmations in improving athletic performance and reducing anxiety. The object encompassed both individual and team sports, which made it possible to compare the influence of these strategies in contrasting competitive contexts. The hypothesis assumed that the systematic application of psychological techniques would yield clinically and practically significant effects. Materials and methods included a quasi-experiment involving 30 athletes aged 18–25: 15 track and field athletes and 15 volleyball players, equally divided into experimental and control groups. Over the course of eight weeks, the experimental group supplemented standard training with visualization, ideomotor trials, breathing exercises, and affirmations, while the control group followed a regular program without psychological techniques. Anxiety levels were measured before and after the intervention using the Spielberger scale, along with 100-meter sprint times for track and field athletes and serve accuracy rates for volleyball players. Data were analyzed in terms of relative changes. The results revealed significant advantages of the intervention. In the experimental subgroups, anxiety decreased by about 25% compared to no more than 6% in the controls, indicating a pronounced stress-protective effect. For track and field athletes, 100-meter sprint times were reduced from 12.52 to 12.04 seconds, corresponding to a 3.83% improvement, while the control group showed only a 0.72% improvement. For volleyball players, serve accuracy increased from 62% to 75% in the experimental group compared to 60% to 63% in the control group, equivalent to an improvement of 20.97% versus 5.00%, respectively. The discussion interprets these effects as the result of the combined influence of cognitive, emotional, and behavioral strategies on pre-performance states, attention, neuromuscular coordination, and the cognitive appraisal of stressors. The practical significance lies in the expediency of incorporating structured mental preparation programs into training cycles of athletes across different specializations for a duration of no less than eight weeks. Limitations concern the small sample size and quasi-experimental design; further research is needed to clarify the dosage of techniques, inter-sport differences, and the durability of effects over time. Blinding and randomization of procedure samples are also required.

Keywords

mental strategies, stress, sports psychology, concentration, visualization, athletic performance.

References

1. Kuleshov S.V. Psychological training of athletes in individual and team sports. M.: Soviet sport, 2016. 208 p.

2. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, assessment and coping. SPb.: Peter, 2000. 318 p.
3. Mironov D.S. The effectiveness of breathing techniques in the regulation of pre-start anxiety // Modern problems of science and education. 2020. № 2. pp. 1-5.
4. Najdiffer R. Psychological preparation of an athlete: key skills. // Theory and practice of physical culture. 2003. № 5. pp. 23-27.
5. Orlov A.V. Visualization and ideomotor training in sports practice // Psychology and sport. 2019. № 4. pp. 44-49.
6. Khanin Yu.L. Psychological mechanisms of regulation of competitive activity of an athlete. M.: Physical culture and sport, 1980. 192 p.
7. Hardy L., Jones G., Gould D. Understanding psychological preparation for sport: theory and practice of elite performers. NY: Wiley, 1996. 383 p.
8. Weinberg R., Gould D. Foundations of sport and exercise psychology. 7th ed. Champaign: Human Kinetics, 2018. 680 p.

Сетевое издание «Управление образованием: теория и практика»
Том 15 (2025). № 7-2
ISSN 2311-2174

Реестровая запись о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 73275 от 20.07.2018 г. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК и Российский индекс научного цитирования, список рекомендуемых журналов Московского государственного института международных отношений (МГИМО), Российского университета дружбы народов (РУДН), Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать. Авторы публикуемых материалов несут ответственность за их научную достоверность.

Адрес редакции: 216783, Россия, с. Понизовье, ул. К.Н. Чибисова, 26-10
e-mail: info@emreview.ru
т.: +7-995-907-64-01 (WhatsApp, Telegram)
веб-сайт: <https://emreview.ru>

Подписано к размещению 30.07.2025.

© Учредитель ИП Подколзин М.М., 2025

Online media «Education management review»
Volume 15 (2025). Issue 7-2
ISSN 2311-2174

Registry record of registration ЭЛ №ФС 77 – 73275 dated 20.07.2018. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission and the Russian Science Citation Index, the list of recommended journals of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), and the Moscow Financial-Industrial University "Synergy".

Manuscripts are exposed to editorial processing. The points of view of authors and an editorial board can not coincide. Authors of the published materials bear responsibility for their scientific reliability.

Address of the editorial office: 216783, Russia, Ponizovye, Chibisova St., 26-10
e-mail: info@emreview.ru
ph.: +7-995-907-64-01 (WhatsApp, Telegram)
web: <https://emreview.ru>

Signed to placement 30.07.2025.

© Founder Mikhail M. Podkolzin EP, 2025